

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

ПАИСИЕВИ ЧЕТЕНИЯ

ЧУЖДОЕЗИКОВА
ЛИНГВИСТИКА
СЪПОСТАВИТЕЛНА
ЛИНГВИСТИКА
ПРЕВОДОЗНАНИЕ

*Пловдив
2024 г.*

НАУЧНИ ТРУДОВЕ

том 62, кн. 1, сб. Б, 2024

Филология

**PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS – LANGUAGES AND LITERATURE
VOL. 62, BOOK 1, PART B, 2024**

ОТГОВОРЕН РЕДАКТОР

доц. д-р Юлиана Чакърова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

НАУЧНИ СЕКРЕТАРИ

гл. ас. д-р Ана Маринова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Боряна Тенчева

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Райна Танчева

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

РЕДАКЦИОННА КОЛЕГИЯ

проф. д.ф.н. Борис Норман

Беларуски държавен университет, Минск, Беларус

проф. д.ф.н. Галин Тиханов

Лондонски университет „Куин Мери“, Великобритания

проф. д.ф.н. Диана Иванова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

проф. д.ф.н. Кирил Чекалов

Институт за световна литература „А. М. Горки“ към РАН, Москва, Русия

проф. д.ф.н. Красимира Алексова

Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България

проф. д.ф.н. Сергей Николаев

РАН, Москва, Русия

проф. д.ф.н. Фьодор Поляков

Виенски университет, Австрия

проф. д.ф.н. Христина Тончева

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

проф. д-р Богуслав Желински

Познански университет „Адам Мицкевич“, Полша

проф. д-р Жизел Валанси

Университет в Каен – Нормандия, Франция

проф. д-р Леони Ормънд

Кингс Колидж – Лондон, Великобритания

проф. д-р Малгожата Коритковска

Институт по славистика към ПАН, Варшава, Полша

проф. д-р Михаела Солейман-пур-Хашеми

Масариков университет, Бърно, Чешка република

проф. д-р Надежда Сталянова

Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България

проф. д-р Николина Бурнева

Великотърновски университет „Св. св. Кирил и Методий“, България

проф. д-р Петя Осенова

Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България

проф. д-р Родолф Боден

Сорбона, Париж, Франция

проф. д-р Саша Шмуля

Университет в Баня Лука, Босна и Херцеговина

проф. д-р Светла Коева

Институт за български език, БАН, София, България

доц. д-р Борян Янев

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Дияна Николова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Владислав Миланов

Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България

доц. д-р Елена Крейчова

Масариков университет, Бърно, Чехия

доц. д-р Жан-Пол Рог

Университет в Каен – Нормандия, Франция

доц. д-р Златороса Неделчева-Белафанте

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Красимира Чакърова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Марияна Биелич

Университет в Загреб, Хърватия

доц. д-р Марцел Черни

Институт по славистика към ЧАН, Прага, Чехия

доц. д-р Мийрям Салим-Ахмед

Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“, България

доц. д-р Павел Крейчи

Масариков университет, Бърно, Чехия

доц. д-р Раджни Сингх

Университет в Данбад, Индия

доц. д-р Соня Александрова-Колева

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Стефка Кожухарова

УНСС – София, България

доц. д-р Христо Боев

Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“, България

доц. д-р Христо Салджиев

Тракийски университет – Стара Загора, България

доц. д-р Яна Роуланд

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Ана Маринова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Борислав Борисов

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Боряна Тенчева

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Елица Миланова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Райна Танчева

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Юлия Митева

Великотърновски университет „Св. св. Кирил и Методий“, България

ас. Дарка Хербез

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

ТЕХНИЧЕСКИ СЪТРУДНИК

ас. Владислава Иванова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

докт. Анастасия Кехайова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

КОРЕКТОРИ

ас. Гергана Иванова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

ас. Вадим Банев, ас. Здравко Генов (английски език)

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

СЪДЪРЖАНИЕ

ЧУЖДОЕЗИКОВА СЛАВИСТИКА СЪПОСТАВИТЕЛНА СЛАВИСТИКА ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЯ МЕТОДИКА

РЕЧЕВЫЕ СБОИ В РУССКОЙ РЕЧИ БОЛГАРСКИХ СТУДЕНТОВ Татяна Алексиева.....	11
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА РУССКИХ РАЗГОВОРНЫХ ОБРАЩЕНИЙ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК Силвия Петкова.....	23
ВЪЗПРИЯТИЕ И УПОТРЕБА НА ПРЕЦЕДЕНТНИТЕ ЕДИНИЦИ В АУДИТОРИЯ НА ИЗУЧАВАЩИТЕ РУСКИ ЕЗИК КАТО ЧУЖД Боряна Тенчева, Елица Миланова	40
ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЧЕН ПРОФИЛ НА СИВИЯ ЦВЯТ В БЪЛГАРСКИЯ И ЧЕШКИЯ ЕЗИК Катерина Томова	55
АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМА У УЧБЕНИЦИМА СРПСКОГ КАО СТРАНОГ ЈЕЗИКА Дарка Хербез.....	67
SPOTKANIE Z POLSKIM JĘZYKIEM I KULTURĄ. O NAUCZANIU CHŃCZYKÓW JĘZYKA POLSKIEGO - UWAGI PRAKTYCZNE Lilianna Jaworska-Mondry	81

ДОКТОРАНТИ

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЯВЛЕНИЯ НЕЗИТАЦИИ Виктория Недялкова	93
КЪМ ВЪПРОСА ЗА КЛАСИФИКАЦИИТЕ НА КРЕОЛИЗИРАНИТЕ ТЕКСТОВЕ КАТО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НА КУЛТУРНАТА ПАМЕТ (ВЪРХУ МАТЕРИАЛИ ОТ РУСКИ И БЪЛГАРСКИ ЕЗИК) Кристиана Колева	102

ЧУЖДОЕЗИКОВА ЛИНГВИСТИКА
СЪПОСТАВИТЕЛНА ЛИНГВИСТИКА
КУЛТУРНОИСТОРИЧЕСКА ЛИНГВИСТИКА
ЛИНГВИСТИЧНИ ПРОБЛЕМИ НА ПРЕВОДА

КРЕСТИЛЪНЬИ ИМЕНА В КАТОЛИЧЕСКИХ ПРИХОДАХ
ВИЛЬНЮСА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Михал Мордань..... 121

EXPLORING THE SUFFIX POTENTIAL OF THE ELEMENTS
-(A)THON, -PRENEUR, -TAINMENT AND -ZILLA
IN PRESENT-DAY ENGLISH

Maria Kolarova..... 138

SOME ADDITIONAL TYPES OF SEMANTIC RELATIONSHIPS
BETWEEN THE CONSTITUENTS OF ENGLISH AND
BULGARIAN ALTERNATIVE INTERROGATIVE STRUCTURES

Velichka Spasova 152

TEMPORAL CATEGORIES AS A MEANS OF DISTINGUISHING
EVENTUALITY TYPES IN BULGARIAN AND ENGLISH

Svetla Koeva, Iliyana Krapova..... 165

PREFIJOS NEGATIVOS EN ESPAÑOL Y EN BÚLGARO

Rayna Tancheva..... 180

LOS MUDÉJARES DE HUESCA ENTRE EL ÁRABE
Y EL ROMANCE ARAGONÉS-I

Yuliya Miteva 193

ФУТБОЛКА С ХАРАКТЕРОМ: КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕМЕЦКИХ НАДПИСЕЙ
НА ОДЕЖДЕ

Боряна Тенчева 209

ЗА СИТУАТИВНИТЕ ИЗРАЗИ В ТУРСКИЯ ЕЗИК
И ТЕХНИЯ ПРЕВОД НА БЪЛГАРСКИ

Харун Бекир..... 221

ДОКТОРАНТИ

THE ADVERB *STILL* AS A 'LOW' ADVERB
IN ENGLISH AND BULGARIAN

Simona Mateva..... 239

WHERE STRUCTURE AND MEANING CLASH: THE PROBLEMS
OF CATEGORIZING DETACHED -ING CLAUSES

Nikoleta Georgieva 255

RENDERING EMOTIONS: BULGARIAN WELL-WISHING INTO
ENGLISH

Debora Nikolova 272

КЪМ ВЪПРОСА ЗА Т. НАР. УСИЛЕНО
ПРЕИЗКАЗНИ/ДУБИТАТИВНИ ФОРМИ В СЪВРЕМЕННИЯ
БЪЛГАРСКИ ЕЗИК И ФУНКЦИОНАЛНО-СЕМАНТИЧНИТЕ ИМ
ЕКВИВАЛЕНТИ В ИТАЛИАНСКИЯ ЕЗИК

Божидар Бояджиев 285

ЧУЖДОЕЗИКОВА СЛАВИСТИКА
СЪПОСТАВИТЕЛНА
СЛАВИСТИКА
ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЯ
МЕТОДИКА

РЕЧЕВЫЕ СБОИ В РУССКОЙ РЕЧИ БОЛГАРСКИХ СТУДЕНТОВ

Татяна Алексиева

Софийский университет им. Св. Климента Охридского

DISFLUENCIES IN THE RUSSIAN SPEECH OF BULGARIAN STUDENTS

Tatyana Aleksieva

St. Kliment Ohridski University of Sofia

taleksieva@slav.uni-sofia.bg

Spontaneous speech contains a large number of disfluencies, including filled and unfilled pauses, repairs, repetitions, and false starts. The current study investigates self-initiated self-repairs in the monologues of Bulgarian speakers of Russian. Ten advanced Bulgarian students have read and retold the Russian version of Aesop's fable 'The North Wind and the Sun'. The audio recordings were acoustically analyzed and manually annotated in PRAAT using the ToRI tool. The study identifies the causes of self-repairs in second language speech production, the structural range of corrections, and the strategies employed by students in response to disfluencies.

Key words: spontaneous speech, monologues, disfluencies, self-repairs, second language, Bulgarian speakers

Нарушение плавного развертывания речевого континуума, потеря гладкости в изложении, неупорядоченность при структурировании наблюдается в непринужденной устной речи каждого человека, но особенно ярко проявляются у говорящих на иностранном языке. Это связано с тем, что система родного языка оказывает интерферирующее влияние на общие трудности речепорождения. Ярким отличием в процессе речепроизводства между родным и изучаемым языками является степень автоматизированности и осознаваемости речепорождающих процедур (Галактионова 2008). Повторы отдельных слов, самоперебивы, переключение и смешение языковых кодов помогают лучше по-

нять когнитивные механизмы спонтанного порождения речи, особенно в проблемных для коммуниканта точках развертывания сообщения.

В рамках конверсационного анализа речевые сбои рассматриваются исследователями как часть поисково-корректировочного процесса, как «досадная помеха, замутнение исходного языкового материала» (Подлесская, Кибрик 2007: 1), и как речевая недостаточность, связанная с нарушением механизма контроля за выполнением речевой программы (Русакова 2013).

Речь протекает линейно во времени, и в процессе коммуникации говорящий должен одновременно решать несколько когнитивно-моторных задач: спланировать высказывание, выбрать единицы кодирования, манифестировать содержание лексико-грамматическими средствами и приступить к артикуляционному развертыванию. Кроме того, говорящему необходимо постоянно осуществлять мониторинг и контроль за реализацией программы высказывания на различных стадиях, а также поддерживать когерентность сообщения.

Появление сбоев в речевом континууме может быть обусловлено факторами *внешнего воздействия* (условиями коммуникации, вмешательством локутора) или *внутренними проблемами планирования*, то есть невозможностью детально продумать стратегию речевого акта: поиском точной номинации (Эйслер 1968); сложностью концептуализации на значимых границах дискурса (Чейф 1980).

Согласно мнению ряда исследователей, изучающих лингвистические характеристики речевых сбоев, существует два типа психолингвистических феноменов, связанных с возникновением колебаний во время кодирования: феномен «нащупывания» и феномен контроля за дискурсом (Танненбаум, Вилльямс, Хиллиер 1965: 139). В первом случае речь идет о планировании последующей речевой программы: говорящий сталкивается с моментом, когда он затрудняется в кодировании следующего речевого шага, не может немедленно подобрать «правильное» слово и его речь прерывается. Эта остановка, известная как *хезитация*, может проявляться в виде пауз, молчания, парафонов (например, *аканья*, *мэканья*), нефонемной пролонгации ряда конечных звуков лексических единиц, десемантизированных лексических элементов (таких как «ну», «это») и вокальных жестов (например, «ой», «уф»). Во втором случае речь идет о ретроспективной коррекции, то есть исправлении «пробных уже материализованных ошибочных речевых шагов, которые являются неудачной попыткой реализации уже созревшего речевого замысла» (Яковлева 2016: 26). Говорящий, осознав, что произносит то, чего, возможно, не собирался сказать, прерывает свое сообщение и

предлагает альтернативную реализацию речевого плана. Этот тип поведения связан с появлением ложных начал (апосиопезы) или повторов и регулирует качество подаваемой информации (смысловой план высказывания) и восстанавливает качество речи (план выражения).

Объектом настоящего исследования является русская монологическая речь носителей болгарского языка с простым содержанием и структурой. Мы сосредоточились на одном из видов речевых сбоев – феномене *самокоррекции*.

В эксперименте участвовало 10 информантов – болгарских студентов старших курсов Софийского университета в возрасте от 23 до 30 лет с уровнем владения русским языком не ниже В2+. Задачей информантов было прочитать и пересказать басню Эзопа (в переводе К. Ушинского) «Ветер и солнце». Аудиозаписи были сделаны во время различных сессий. Собранный корпус речевых образцов был обработан с использованием скриптов PRAAT (Boersma & Weenink 2014) и ручной разметки.

Неподготовленный по форме монолог-пересказ сюжетного текста (в отличие, например, от описания зрительного ряда или рассказа на заданную тему) можно отнести к квазиспонтанной речи (см. Златоуста 1997). Пересказ обладает высокой степенью мотивированности, почти нулевой степенью спонтанности и определенной долей подготовленности, так как полностью (тематически, лексически и синтаксически) задается исходным текстом (Богданова 2001: 15) и лишен всякой импровизации.

В ходе анализа были выявлены количественные показатели сегментных и просодических средств, используемых информантами для преодоления «травматических» участков в выстраиваемой ими локальной структуры дискурса. На диаграмме (Диаграмма 1) представлено соотношение различных типов явлений, свидетельствующих о возникших затруднениях. Как видно, в монологе-пересказе доминируют физические паузы (52%). Заполненные паузы (16%) и растяжки (15%) представлены более менее паритетно. Нерелевантные повторы слогов и частей слова занимают четвертое место (8%).

Процесс самокоррекции представляет собой побочную секвенцию, основанную на феномене рефлексивности речи. Когда в определенной точке развертывания сообщения говорящий осознает, что порожденный им фрагмент не отвечает изначально планируемой программе, он приступает к перестройке/ удалению/ замене несоответствия. Решения о правильности высказывания (точности выбранной лексики и ее формы) у говорящего основывается как на интуитивном уровне – то есть на «чутье» к языку, сформировавшемуся в процессе

естественного его использования, так и на основе усвоенных эксплицитных знаний, приобретенных в ходе формального обучения.

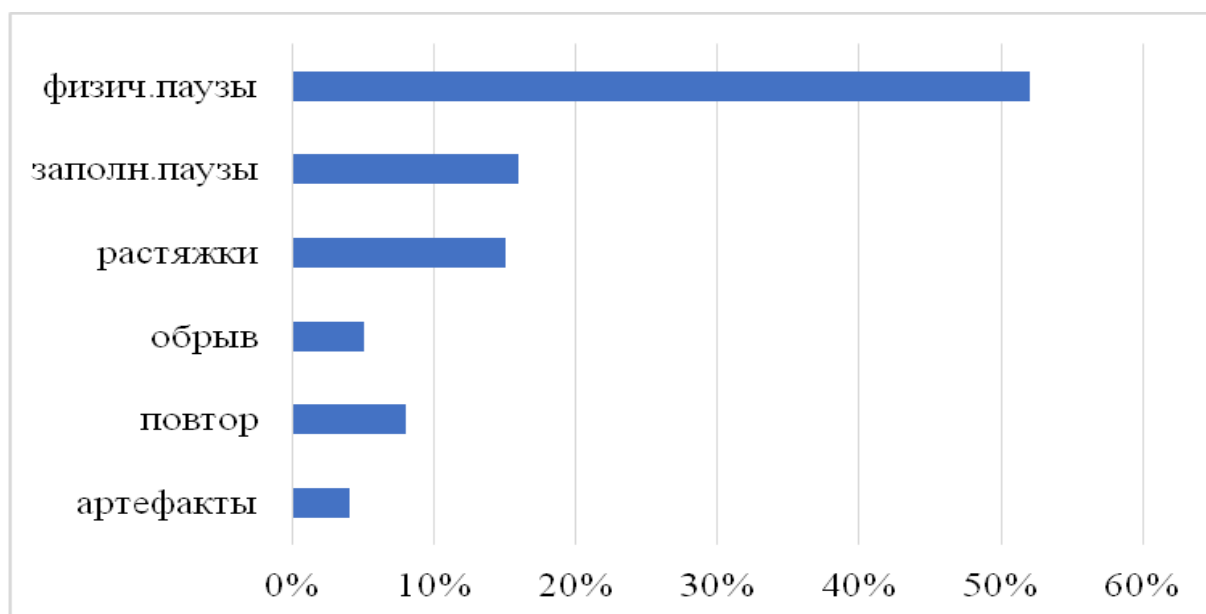

Диаграмма 1. Дистрибуция явлений хезитации в монологе-пересказе

В рамках внешнего мониторинга говорящие используют следующие стратегии: 1) прерывание высказывания и исправление замеченной ошибки; 2) продолжение вербализации без устранения ошибки (такие случаи составляют около 30%). Вероятно, недостаточный уровень владения языком не всегда позволяет говорящему адекватно оценить степень «серьезности» допущенной ошибки.

Исследователи различают два вида самокоррекций: 1) собственно коррекцию, осуществляемую в режиме он-лайн, когда говорящий незамедлительно реагирует на обнаруженную проблему (неудачно начатый пробный шаг), блокируя артикуляцию, что нарушает когерентность высказывания; 2) ретроспективную коррекцию, проводимую в режиме оф-лайн, когда говорящий прибегает к редактированию, сохраняя при этом целостность текущего речевого отрезка (см. Подлесская, Кибрик 2007: 3).

В наших материалах информанты использовали первый вид самоисправлений – контактную микрокоррекцию:

(1) и вот *сб*=|| северный ветер и солнце решили что-о-о *м-м* (0.23)¹
 (0.22) *м-м* (0.28) *кт*=|| (0.56) *тот* (0.15) из них (0.24) *а-а* (0.28) кто заста-

¹ В скобках указывается длительность пролонгированного сегмента (напр. *а-а*(0.28) и время абсолютной паузы в секундах. Сочетание знаков «=||» указывает на обрыв слова.

вит (0.25) путника снять свой (0.28) плащ (0.56) **а-ам** (0.78) первым (0.45) тот **и-и** (0.23) сильнее. (Д 10).

(2) но-о чем сильней **оъ=||** (0.24) он дул тем **а-а** (0.24) тем сильнее (0.36) путник кутался **ва-а ь** (0.07) плащ (0.63) а-а (0.31) в конце концов северный ветер отказался (0.13) **та=||** (0.13) задачи. (Д 8)

Согласно Шриберг, контактная микрокоррекция воплощается в следующей структуре (Shriberg 1999: 619):

1. *репарандум* – неудачный речевой фрагмент, который говорящий намерен перестроить или заменить. Конец этого участка соответствует *точке прерывания*, или месту, в котором происходит отклонение от плавности речевого потока;

2. *редактирующая фаза*, состоящая из отрезка от точки прерывания до начала самоисправления (здесь возможны паузы молчания или заполненные паузы («м-м», «а-а»), а также долексические сигналы сбоя («вот», «это самое», «так сказать» и др.);

3. *репаранс* – отредактированный коррелят, который соотносится с материалом репарандума и отражает возобновление плавности.

Хезитационные цепочки с различным заполнением часто свидетельствуют о трудностях речепорождения текста (Рис. 1). Парафонические включения помогают говорящему обдумывать следующий речевой шаг (выбрать более точную единицу кодирования) и преодолевать затруднения при выражении мыслей на неродном языке.

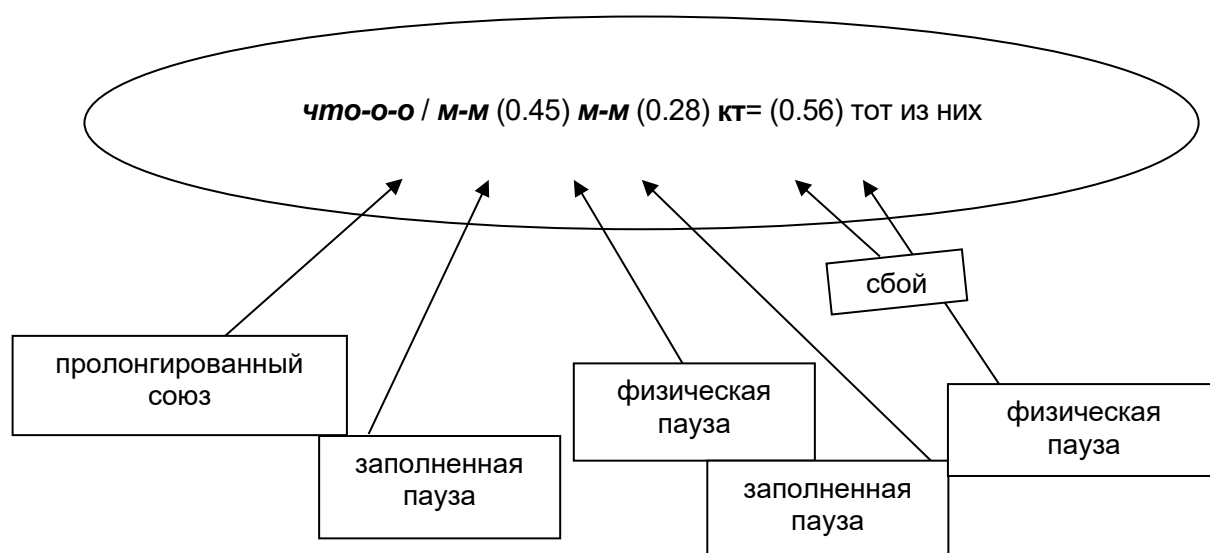

Рис. 1. Пример самокоррекции (Диктор 10)

В процессе аннотирования монологов в наших записях было выявлено 106 случаев самокоррекций различного уровня, которые мы классифицировали в следующие группы:

1) *C-repairs* – исправления, связанные со сложностью концептуализации (содержательной стороной высказывания: лексической несогласованностью, прагматической уместностью, перефразированием) (см. Кормос 2000: 150);

2) *F-repairs* – исправления, касающиеся формального плана выражения.

Соотношение самоисправлений различного уровня в монологическом пересказе представлено ниже на диаграмме (Диаграмма 2).

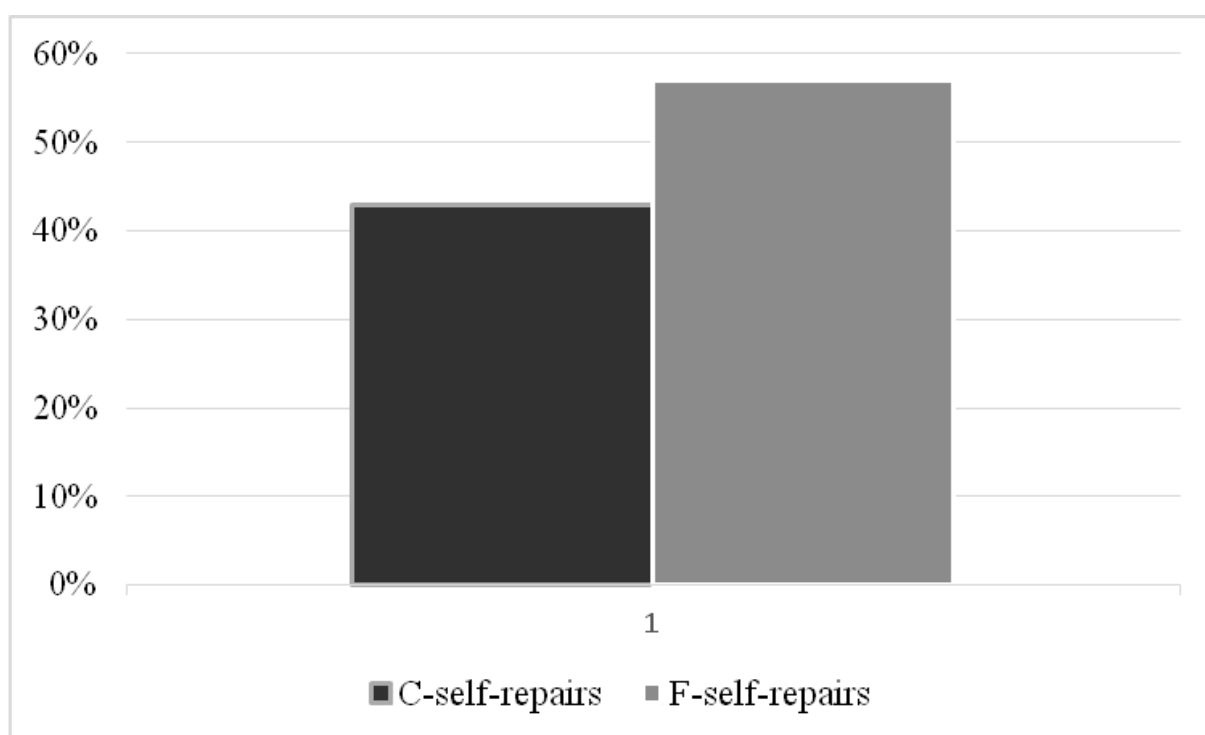

Диаграмма 2. Дистрибуция основных видов самокоррекций

Для перестройки фразы или выбора другой лексемы говорящие прибегали к С-коррекциям. F-коррекции прежде всего были связаны с заменой грамматической формы в тождественной лексеме, с нарушением акцентологической нормы, а также с совпадением или близостью начального слога в ритмической единице.

C-repairs	Лексические различия (изменение одного слова)	1. ...кто заставит путника <u>сви</u> = (0.21) снять свой плащ. (Д 4) 2. Тогда (0.25) они <u>у</u> = (0.16) заметили (1.02) одетый (0.20) <u>ф-ф</u> (0.14) плащ (0.47) путника ² . (Д 6)
	Прагматическая уместность	Северный ветер <u>отка</u> = (0.33) признал что-о солнце сильнее его. (Д 8)
F-repairs	Фонетические коррекции	1. ...потом солнце засияло (0.07) <u>и-и</u> (0.19) (0.19) <u>пътник</u> а-а (0.19) путник снял свой плащ. (Д 7) 2. тогда (0.44) Северный ветер <u>вовну</u> = (0.48) вынужден был признать <u>с-с</u> = что солнце (0.13) сильнее (0.08) его. (Д 6)
	Грамматические коррекции	1. ...человек (0.10) который шел по <u>дорогу</u> (0.31) дороге . (Д 4) 2. <u>Солнышку</u> начало (1.21) солнышко начало греть. (Д 4) 3. и (1.43) человек <u>который</u> = (0.06) у которого был дом... (Д 9)
	Синтаксические коррекции	И в то время (0.09) <u>кака</u> = когда-а они спорили (0.14) на их (0.11) <u>па</u> = они встретили (0.24) путника... (Д 10)

Важным средством обеспечения когерентности дискурса при онлайн коррекции является изоморфизм формы и содержания между забракованным фрагментом и его субститутотом. В зависимости от этого признака выделяются три класса самоисправлений: 1) повтор (*repetition*), 2) замена, которая может быть полной или частичной, либо модификацией (*repair*) (Подлесская, Кибрик 2007), 3) отмена (*restart*) или перестройка репарандума (см. Шриберг 1994).

Рассмотрим несколько примеров дикторских реализаций:

(3) ...так а-а (0.24) солнце оказало=|| (0.12) **оказалось** (0.52) победителем в состяза= (0.20) **состязании**. (Д 7)

(4) но путнику стънь=|| **становился** все холодней холодней и-и плащ он= **они-и-и** (0.71) (0.46) хотел снимать. (Д 10)

(5) Так что через некоторое время (0.39) всё (1.14) ъ-м (0.66) **вся** эта (0.60) однообразная жизнь начала (1.43) надоедать человеку. (Д 9)

² В приведенных примерах сохранена реализация говорящих.

(6) Северный ветер вовну=|| **вынужен** был признать с-с=|| что солнце (0.13) сильнее его. (Д 6)

(7) Но потом солнце (0.34) на=|| (0.80) **начала** (0.17) сви=|| (0.57) **греть**... (Д 4)

Так, в контексте (3) представлена контактная коррекция: между оборванными фрагментами и их отредактированными субститутами реализуются короткие паузы молчания (длительностью 0.12 сек. и 0.20 сек.). Микроповтор свидетельствует о том, что говорящий, выбирая единицы кодирования, как бы «нащупывает» возможность произнесения именно этих слов.

В контексте (4) мы наблюдаем нарушение согласованности в синтаксической конструкции и незамедлительную реакцию говорящего на речевой сбой, но попытка найти правильную грамматическую форму не увенчалась успехом.

Контексты (5) и (6) отражают другой тип самокоррекций – *модификацию*. Пример (5) демонстрирует рассогласованность определения и определяемого слова в роде. Говорящий не имеет ясного представления о референте и его родовой принадлежности. Репарандум «*все*» и репаранс «*вся*» функционально и структурно изоморфны, это разные грамматические формы одной и той же лексемы. В (6) представлены два маркера сбоя: фонетическая оговорка, связанная с поверхностным уровнем речепорождения, и импловзивный свист, который является своеобразной реакцией говорящего на преодоление речевого затруднения.

В контексте (7) проиллюстрирована *отмена* – операция, при которой говорящий отказывается от первоначально транслированного слова «*сви*» (очевидно, «*светить*»), которое не соответствует референтной ситуации, и заменяет его более приемлемым и ситуативно уместным вариантом *греть*.

Для маскировки речевого сбоя коммуникант может использовать лексические маркеры хезитации (например, «*ну*») и вокальные жесты (типа «*хм*», «*ой*», «*уф*»). Ниже на Рис. 4 представлена контактная микрокоррекция, где между репарандумом и репарансом отмечены две абсолютные паузы (длительностью 2.09 сек. и 0.93 сек.) и лексический маркер «*ну*» в хезитационно-поисковой функции.

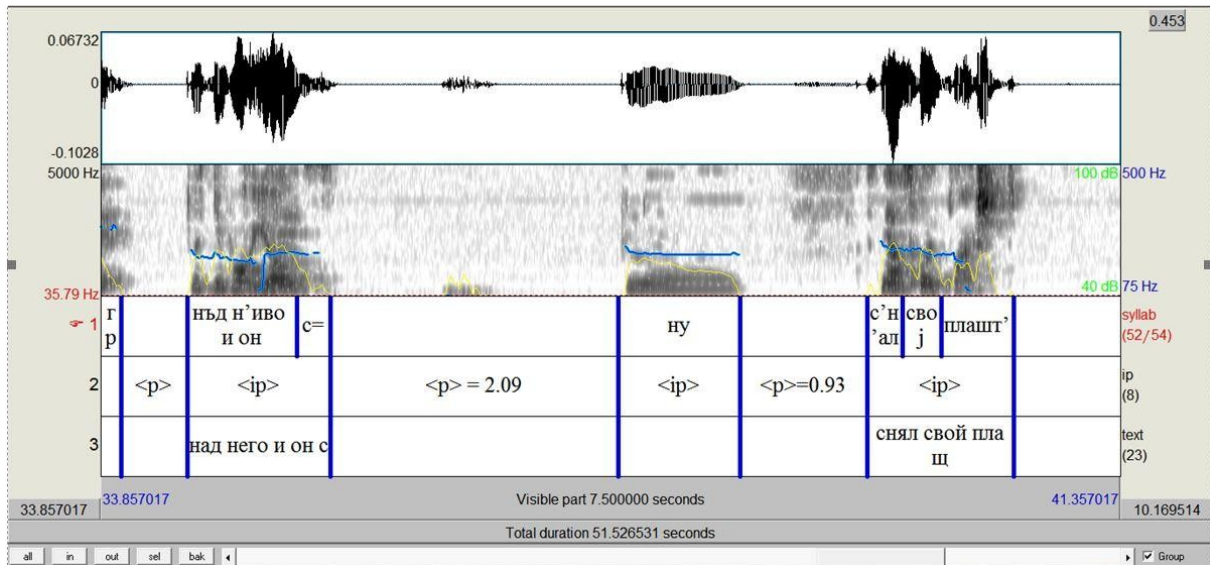

Рис. 2. Спектрограмма и интонограмма синтагмы
над него и он с=... ну... снял свой плащ

Помимо обрыва дискурсивной единицы, имеют место случаи ее разрыва. Начав артикуляцию, говорящий может сомневаться в адекватности употребления данной лексики. В такой ситуации он оказывается перед выбором: либо воспроизвести прерванный фрагмент, либо продолжить вербализацию с момента прерывания. Как видно, между частями ритмической единицы реализуется пауза продолжительностью 0.16 секунды.

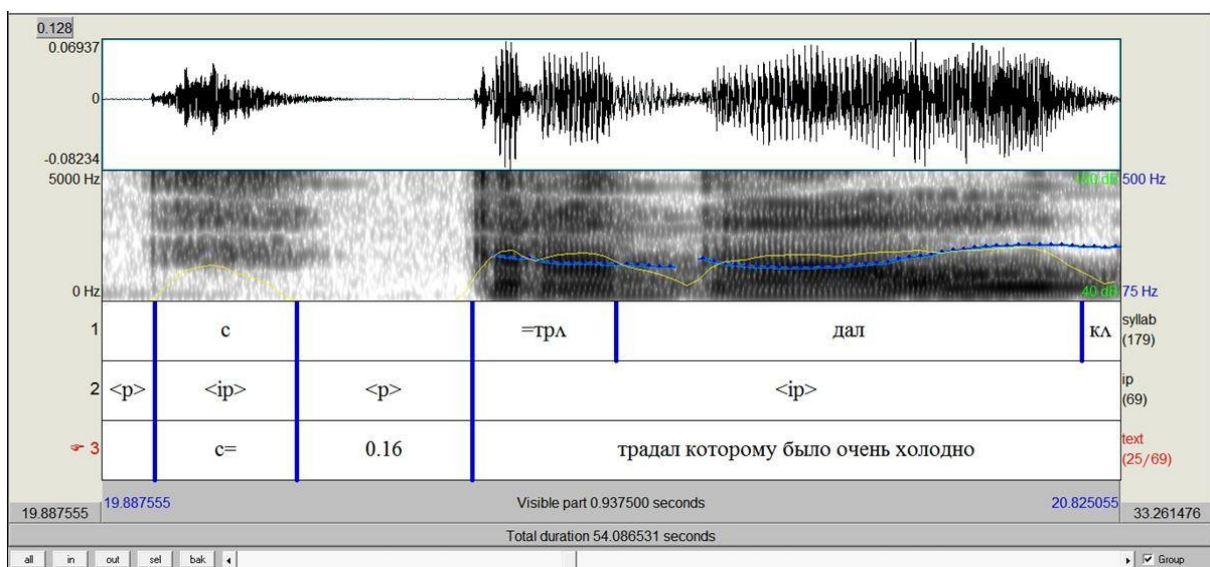

Рис. 3. Спектрограмма и интонограмма с обрывом дискурсивной единицы в синтагме *с= "традал которому было очень холодно"*

В заключение отметим, что явление мониторинга собственной речи – это неотъемлемая часть спонтанного речепроизводства, непосредственно связанная со способами выхода говорящего из «точки сбоя». Анализ материала позволяет в определенной степени проследить функционирование механизма речепорождения и отношение коммуникантов к собственной речи («контроль качества»). Количественный и качественный анализ коррекций продемонстрировал следующие ключевые моменты:

1. При речевых сбоях в подавляющем большинстве случаев коррекции затрагивают медиальную часть высказывания. Это можно объяснить стремлением говорящего сохранить его начало и избежать возможной перестройки синтаксической структуры. Такой тип самоисправлений не требует от коммуниканта значительных когнитивных усилий.

2. Коррекции касаются только текущего речевого фрагмента. Поддержка когерентности дискурса обеспечивается полным или частичным изоморфизмом между репарандумом и репарансом, что проявляется в замене лексемы синонимом в той же грамматической форме или изменением грамматической формы в идентичной лексеме. В процессе контактной микрокоррекции репаранс отделяется от «забракованной» единицы паузой молчания или заполненной паузой, реже – лексическим маркером.

3. В нашем исследовательском материале преобладают коррекции, основанные на формальных признаках, то есть исправления, связанные с произносительными, грамматическими и синтаксическими ошибками (57%), в меньшей степени – с содержательной стороной высказывания (43%). Это может свидетельствовать о не столь высоком уровне владения языком и определенной неуверенности говорящих в использовании языковых форм, которые несут содержательную нагрузку.

4. Пересказ богат паузами, проявляющимися в акустическом нуле и заполненными формами невербального поиска, а также пролонгацией (растяжками) ударных и безударных слогов в речевых единицах. Все это указывает на то, что устная речь на неродном языке порождается медленно и состоит из минимальных единиц (квантов). Это, во-первых, обусловлено невозможностью предварительного обдумывания, а во-вторых, недостаточным владением неродным языком. Полученные результаты исследования требуют дальнейшей более детальной проверки с использованием расширенной базы данных. Выявлен-

ные в ходе эксперимента особенности могут свидетельствовать об индивидуальной речевой вариативности говорящих.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова 2001:** Богданова, Н. В. *Живые фонетические процессы русской речи: Учебно-методическое пособие*. [Bogdanova, N. V. Zhivye foneticheskie protsessy russkoj rechi. Uchebno-metodicheskoe posobie.] Санкт-Петербург: Филол. факультет СПбГУ, 2001.
- Галактионова 2008:** Галактионова, О. С. *Аспекты порождения устного текста на родном и неродном языках: на м-ле русского и английского языков: дис.... канд. филол. наук*. [Galaktionova, O. S. Aspekty porozhdeniya ustnogo teksta na rodnom i nerodnom yazykah: na m-le russkogo i anglijskogo yazykov: PhD.] Орел, 2008.
- Златоустова 1997:** Златоустова, Л. В. *Просодические характеристики спонтанной и квазиспонтанной речи*. [Zlatoustova, L. V. Prosodicheskie harakteristiki spontannoј i kvazispontannoј rechi.] // *Когнитивная лингвистика XX века*. Материалы междунар. науч. конференции 7 – 9 октября 1997 г. в трех частях. Ч. 1. Минск, 1997, 115 – 117.
- Кормос 2000:** Kormos, J. The timing of self-repairs in second language speech production. // *Studies in Second Language Acquisition* 22. Cambridge University Press 2000, 145 – 167.
- Подлеская, Кибрик 2007:** Подлеская, В. И., Кибрик, А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи. [Podlesskaya, V. I., Kibrik, A. A. Samoispravleniya govoryashhego i drugie tipy rechevyh sbоеv kak ob''ekt annotirovaniya v korpusah ustnoj rechi.] // *Научно-техническая информация*. Сер. 2: Информационные процессы и системы, № 2, 2007, 2 – 23.
- Русакова 2013:** Русакова, М. В. *Элементы антропоцентрической грамматики русского языка*. [Rusakova, M. V. Elementy antropotsentricheskoј grammatiki russkogo yazyka.] Москва: Языки славянских культур, 2013.
- Кормос 2000:** Kormos, J. The timing of self-repairs in second language speech production. // *Studies in Second Language Acquisition* 22. Cambridge University Press, 2008, 145 – 167.
- Танненбаум, Вилльямс, Хиллиер 1965:** Tannenbaum, P., Williams, F. & Hillier, C. Word predictability in the environments of hesitations. //

- Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. Vol. 4(2), 1965, 134 – 140.
- Чейф 1980:** Chafe, W. L. (ed.). *The pear stories: cognitive, cultural and linguistic aspects of narrative production*. Norwood (Mass.): Ablex Publishing Corp, 1980.
- Шриберг 1994:** Shriberg, E. *Preliminaries to a Theory of Speech Disfluencies*. University of California, Berkeley, 1994.
- Шриберг 1999:** Shriberg, E. Phonetic consequences of speech disfluency // *Proceedings of the International Congress of Phonetic Sciences*. Vol. 1, 1999, 619 – 622.
- Эйслер 1968:** Eisler, F. G. *Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech*. London: Academic Press, 1968.
- Яковлева 2016:** Яковлева, Э. Б. *Речевые хезитации: формальный и функциональный аспекты: Аналит. обзор*. [Yakovleva, E. B. *Rechevye hezitatsii: formal'nyj i funktsional'nyj aspekty: Analit. obzor.*]. Москва: РАН. ИНИОН, 2016.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА РУССКИХ РАЗГОВОРНЫХ ОБРАЩЕНИЙ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Силвия Петкова

Софийский университет им. св. Климента Охридского

ON THE ISSUE OF TRANSLATION OF RUSSIAN COLLOQUIAL FORMS OF ADDRESS INTO BULGARIAN

Silvia Petkova

St. Kliment Ohridski University of Sofia

silvia_petkova@slav.uni-sofia.bg

The paper discusses the problem of transferring the meaning of language-specific conversational forms of address to women in the process of translation. Based on the analysis of Russian literary texts and their translations into Bulgarian, a wide range of equivalents of informal vocative terms is established. The solutions suggested by the translators are examined taking into consideration the relevant information about the speaker and addressee: age and gender, degree of acquaintance, type of interpersonal relations. Special attention is given to the issue of preservation of the speech mode in accordance with the speaker's intentions and with respect to the target language common usage.

Key words: Russian, Bulgarian, forms of address, translation strategies, dynamic equivalence

В разговорном диалоге обращение является важным средством регуляции процесса речевого взаимодействия. Его определяют как «прагматическую вставку в высказывание», в котором «выбор номинации непосредственно обусловлен ситуацией общения» (Арутюнова 1999: 115).

Трудности, с которыми мы сталкиваемся при переводе обращений (вокативов), вытекают из необходимости передать прагматические компоненты значения, которые более изменчивы, чем семантические

компоненты. Адекватность выбранного средства передачи исходного вокатива на языке перевода зависит в первую очередь от коммуникативной интенции, которой руководствуется говорящий при его употреблении. Следовательно, понимание интенционального значения вокативного микроакта является главной задачей переводчика, и в этом он опирается на релевантные параметры речевой ситуации: возраст, гендер, статус коммуникантов, степень их знакомства, сложившиеся отношения между ними. В художественном тексте такая информация извлекается из широкого контекста, в котором содержится множество «подсказок»: иллюкуция базового высказывания, а также предшествующей и последующей реплики собеседника; наличие прагматических маркеров, оценочных слов, других обращений; авторские ремарки, указывающие на эмоциональное состояние коммуникантов.

В качестве объекта исследования были выбраны русские разговорные обращения к лицам женского пола, которые семантически мотивированы двумя тривиальными признаками: возрастно-гендерной характеристикой и родственными отношениями. Анализируемая группа включает:

- *детка, деточка* – при адресации взрослой женщины (не ребенка);
- *старушка* – при адресации нестарой женщины;
- *мать, мамочка, мамаша* – при адресации женщины, не являющейся матерью говорящего.

Объединяющей чертой этих языковых единиц является их способность употребляться в переносном значении – по отношению к лицам, которым не присущ обозначаемый семантический признак. Отсюда вытекает их принадлежность к классу обращений-регулятивов, определяемых как «выражающие представления субъектов речи о распределении социальных ролей в конкретных ситуациях общения и побуждающие адресатов к общению в определенной тональности» (Гольдин 2009: 93). Посредством обращений этого типа говорящий заявляет о своем желании вести разговор в соответствии с определенным фреймом, утвержденным в данном лингвокультурном сообществе.

Вокативные единицы и их переводческие соответствия следует анализировать во всем разнообразии контекстных условий их употребления, поэтому для целей настоящего исследования был составлен языковой корпус, включающий примеры из произведений русских писателей и их переводов на болгарский язык. Большинство

примеров обнаружено нами в результате целенаправленного поиска в текстах 10 современных романов, а остальные взяты из параллельного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Начнем обсуждение результатов проведенного анализа с частотного обращения *детка* и его деривата *деточка*.

Обработка текстового материала показала, что вокатив *детка* функционирует в трех небуквальных (вторичных) значениях: 1) как ласково-фамильярное обращение к женщине, которая значительно моложе говорящего; 2) как нежное обращение к любимой женщине; 3) как обращение к незнакомой/малознакомой женщине при реализации фрейма «флирт».

Что касается обращения с двойной диминутивизацией *деточка*, то ему присуще лишь первое из указанных значений.

Когда *детка* и *деточка* служат для адресации взрослой женщины в ситуации возрастной асимметрии, они несут эмоциональную окраску, связанную с проявлением теплоты и заботы. Возможным способом их перевода является использование семантического эквивалента: *дете* или *детето ми*. В приведенных ниже примерах эквиваленты позволяют передать симпатию умудренной опытом женщины к молодой собеседнице.

(1) – *Вы пишете письмо Саше?*

– Да, **детка**, Саше. Надо завтра же отправить, боюсь, не дойдет до распутицы (А. Рыбаков, Дети Арбата).

– *Письмо на Саша ли пишете?*

– Да, **детето ми**, на Саша. Трябва да го пратя още утре, страх ме е, че няма да стигне преди развалянето на пътя (перевод: З. Петрова – НКРЯ).

(2) *И снова Ольга долго набиралась храбрости поговорить об этом с Томашкевич.*

В ответ услышала:

– Ну что ты говоришь, **деточка**! Он прав, я действительно сбилась и ошиблась (А. Маринина, Ангелы на льду не выживают).

Олга дълго събира смелост да поговори за това с Томашкевич.

В отговор чу:

– Ама какво говориш, **дете**! Той е прав, аз наистина сбърках тогава (перевод: З. Петрова).

С точки зрения грамматической специфики интерес представляет артиклевая форма *детето ми* в (1). На способность артиклевых форм существительных, прилагательных и притяжательных местоимений служить средством адресации впервые обратил внимание Св.

Иванчев (Иванчев 1978: 109). Как будет показано далее, наряду с *детето ми*, в состав переводческих соответствий рассматриваемых русских обращений входят и другие формы с артиклем – сочетания притяжательного местоимения и существительного (*моето момиче*) и прилагательного (*малката*).

Особо надо отметить добавление краткого притяжательного местоимения *ми* к лексическому эквиваленту *дете*. Таким образом осуществляется включение адресата в личную сферу говорящего, создается атмосфера доверительности.

К семантическому эквиваленту *дете* возможно также добавить знаменательное слово – прилагательное *мило*, что обогащает эмотивный потенциал вокатива. Такая трансформация произведена в переводе обращения мужчины среднего возраста к молодой секретарше:

(3) – *Детка*, – сказал он секретарше, – *меня понесло по клиентам. Оставайтесь командовать гарнизоном, удерживайте, как говорится, крепость, а я Вам принесу шоколадку.*

Секретарша расцвела. Нунап послал ей воздушный поцелуй и покатился по коридорам института (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Пикник на обочине).

– *Мило дете* – каза той на секретарката.– *Запрашвам към клиентите. Вие оставате да командувате гарнизона, задържайте, както се казва, крепостта, а аз ще ви донеса шоколадче.*

Секретарката разцъфтя. Нънан ѝ изпрати въздушна целувка и се понесе по коридорите на института (перевод: М. Асадуров – НКРЯ).

Статусно-ролевая характеристика говорящего – старшего по возрасту и стоящего выше в служебной иерархии – обуславливает использование шутливо-покровительственного *детка*. Судя по реакции адресата, эта стратегия оказалась эффективной. Семантический эквивалент *дете* в сочетании с прилагательным *мило* звучит более пафосно, чем исходная единица, но созвучен с нарочито приподнятой тональностью всего речевого хода (см. военные метафоры *командовать гарнизоном* и *удерживать крепость*). Посредством двухсловного вокатива переводчик сумел подчеркнуть игровой характер коммуникации (о котором свидетельствуют упоминание шоколадки и воздушный поцелуй).

При переводе рассматриваемых двух обращений часто используется функциональный аналог *моето момиче*.

Типичный пример представлен в (4). Будущая медсестра Валя, проходящая практику в больнице, просит пожилую кладовщицу отдать ей вещи пациентки, которая выписывается.

(4) – *Да вы сидите, я сама найду, можно? И потом расписку напишу, – краснея, предложила Валя.*

– *А, ну ладно, иди, **деточка**, посмотри сама* (П. Дашкова, Кровь нерожденных).

– *Няма нужда, аз ще ги потърся, нали може? И ще оставя разписката – изчерви се Валя.*

– *Добре, **моето момиче**, иди виж* (перевод: С. Бранц).

Обращение *деточка* выражает доброжелательное отношение пожилой женщины к молодой собеседнице, которую знает с детства (из контекста известно, что кладовщица дружила с бабушкой Вали). С учетом сложившихся межличностных отношений выбор соответствия *моето момиче* весьма удачен. Здесь снова наблюдается эффект включения адресата в личную сферу говорящего, возникающий благодаря притяжательному местоимению.

Аналог *моето момиче* оказывается уместным и при выражении иронически-снисходительного отношения к молодой собеседнице. Обращение «звучит» во внутренней речи главного героя, удивленного странным рассказом своей новой знакомой.

(5) – *Какой еще ангел?*

– *Ко мне приходит. Ну то есть, пока только один раз приходил. <...> С золотыми волосами, сияющий.*

Э-э, пригляделся к ней Ника, да ты, ***деточка***, кажется, с придурью (Б. Акунин, Ф. М.).

– *Какъв ангел?*

– *Явява ми се. Тоест засега веднъж ми се яви – тя се усмихна и замечтано погледна нанякъде. <...> Със златна коса, сияен.*

*Ехе, вгледа се в нея Ника, ти, **моето момиче**, май си малко тралала* (перевод: С. Бранц).

Оценивая по достоинству адекватность этого варианта перевода, отметим, что здесь возможно также использовать аналог *малката*, который выражает известную дистанцированность от адресата.

Одним из самых распространенных средств перевода обращения *детка* является диминутивная форма прилагательного *миличка*. Проиллюстрируем это на примере диалога молодой женщины и близкого друга ее отца:

(6) – *Я понимаю, вы бы не хотели, чтобы об этом знали.... А я вас подвела, – продолжала говорить Карина. – Простите меня, если можете.*

– *Ничего, Кариша, – мягко ответил Сотников. – Ничего страшного. Все равно рано или поздно пришлось бы рассказать. Не ты – так кто-нибудь другой посвятил бы полицию в эту историю. Ничего, детка, не кори себя, все нормально* (А. Маринина, Последний рассвет).

– *Разбирам, вие не бихте искали това да се знае.... А аз излъгах очакванията ви – продължи да говори Карина. – Простете ми, ако можете.*

– *Няма нищо, Карина – меко отговори Сотников, – не е страшно. Рано или късно щеше да се наложи да разкажем всичко. Ако не ти, някой друг щеше да посвети полицията в тази история. Нищо, миличка, не се кори, всичко е наред* (перевод: З. Петрова).

Употребление обращения *детка* объясняется возрастной асимметрией в общении, а также интенцией говорящего успокоить мучимую виной собеседницу, к которой испытывает самые теплые чувства (см. ласковый антропонимический вокатив *Кариша*). Аналог *миличка* полностью соответствует узусу болгарской речи в подобных коммуникативных ситуациях.

Эмпирические данные показывают, что перевод посредством семантического эквивалента (*дете, детето ми*) не применяется, если актуализируются другие два значения обращения *детка*.

При реализации второго значения вокатив *детка* используется в речи мужчины, обращенной к любимой женщине, а в качестве его регулярных переводческих соответствий выступают прилагательные среднего рода *миличко* и *мило*, характерные для болгарской разговорной речи

Например, вокатив *миличко* использован в переводе реплики тридцатитрехлетнего мужчины, адресованной девушке, с которой у него только что завязались романтические отношения.

(7) – *Детка, а ведь я даже не знаю твоей фамилии, – неожиданно сказал Виктор, когда они уже ехали в машине* (А. Маринина, Незапертая дверь).

– *Миличко, ами аз дори не ти знам фамилното име – неочаквано каза Виктор, когато вече бяха в колата* (перевод: З. Петрова).

Примечательно, что вариант *мило* появляется в переводе диалога тех же персонажей на более позднем этапе развития их отношений.

(8) – *Не спорю. Я обязательно выйду замуж и буду рожать детей. Я только не понимаю, почему моим мужем должен стать ты. У тебя есть какие-то невероятные достоинства, которые дают тебе преимущества перед другими?*

– *Детка, ты права, вряд ли у меня есть большие преимущества перед другими мужчинами. Давай рассмотрим мою кандидатуру внимательно. Мне тридцать три года. Я старше твоих придурков-ровесников на целых двенадцать лет* (А. Маринина, Незапертая дверь).

– *Не споря. Аз непременно ще се омъжа и ще родя деца. Само не разбирам защо мой съпруг трябва да станеш ти. Имаш ли някакви невероятни достойнства, които ти дават предимство пред другите мъже?*

– *Права си, мило, едва ли имам големи предимства пред другите мъже. Хайде да разгледаме внимателно моята кандидатура. Аз съм на трийсет и три години. По-възрастен съм от твоите глупави връстници с цели дванайсет години* (перевод: З. Петрова).

Это переводческое решение полностью соответствует современному болгарскому узусу. Обращение *мило* было введено в речевой обиход в начале 21-го века благодаря популярному телесериалу «Она и он» (болг. «Тя и той»)¹ и в наши дни широко употребляется при адресации партнера в уже сложившейся любовной паре.

В разговоре тех же персонажей в другом эпизоде романа у обращения *детка* появляется третий вариант перевода – артиклевая форма прилагательного *малката*:

(9) – *Извини, – примирительно буркнул он, торопливо орудуя ножом и вилкой. – Не сердись, детка, у меня сегодня что-то настроение паршивое. Кофе будешь?* (А. Маринина, Незапертая дверь).

– *Извинявай – примирительно смотолевил той, бързо боравейки с ножа и вилицата. – Не се сърди, малката, нещо съм в отвратително настроение. Ще пиеш ли кафе?* (перевод: З. Петрова).

В речевом ходе мужчины вокатив *детка* реализует стратегию разговора «с высоты жизненного опыта». Болгарское обращение *малката*, подчеркивающее разницу в возрасте, является подходящим переводческим соответствием. Функциональная специфика вокатива *малката* обусловлена категориальной характеристикой болгарских обращений, имеющих форму прилагательного с артиклем: они «обо-

¹ В телевизионном интервью, посвященном 20-летию сериала, об этом рассказали актеры, сыгравшие главные роли.

значают какой-нибудь постоянный или же ситуативный признак номинированного адресата» (Стойкова 2021: 37).

Любопытно отметить, что внешне доброжелательное *детка* может употребляться и в конфликтных репликах. Например, в споре авторитарного мужчины с любовницей вокатив *детка* обслуживает стратегию сарказма:

- (10) – *Такие, как я? – растерялась Олеся. – Какие это – такие?*
– *А вот такие, – он хищно улыбнулся. – Циничные. <...> Если хочешь – безнравственные. Мы с тобой совершенно одинаковые, детка, мы с тобой одной крови* (А. Маринина, Пружина для мышеловки).
– *Такива катомен ли? – слиса се Олеся. – Какви „такива“?*
– *Ами такива... – Той хищно се усмихна. – Цинични. <...> Ако щеш, безнравствени. Ние с теб сме абсолютно еднакви, пиленце, ние сме от една порода* (перевод: З. Петрова).

Выбранный переводчицей аналог – зоонимический вокатив *пиленце* – имеет словарное толкование: «*Перен. Ласк.* Для выражения нежного отношения (обычно при обращении) к ребенку, любимой, другу и т.п.»² (РБЕ 2002–2015). В контексте диалога (10), однако, ласковое отношение, демонстрируемое вокативом *пиленце*, превращается в издевательство над собеседницей.

Обращению *детка* в третьем значении, реализуемом в ситуации флирта, также может соответствовать аналог *пиленце*, который в таком употреблении придает речи шутливо-ласковую тональность. Показательный пример представлен в разговоре молодого мужчины с незнакомой девушкой, которая, будучи за рулем, столкнулась с его машиной.

- (11) – *Тачка застрахована?*
– *Что? Нет, то есть... я не уверена.*
– *Детка, это твоя машина? – улыбка все еще держалась на его губах, но интонация стала насмешливой.*
– *Какая разница? – сурово нахмурилась я, потому что не выносила насмешек* (Т. Полякова, Миллионерша желает познакомиться).
– *Колата ти застрахована ли е?*
– *Какво? Не, тоест... не съм сигурна.*
– *Пиленце, тази кола твоя ли е? – Усмивката все още играеше по устните на младежа, но интонацията му стана насмешлива.*
– *Какво значение има? – свъсих се строго аз, понеже не можех да понасям насмешките* (перевод: И. Митева – НКРЯ).

² Перевод словарных толкований и РБЕ (2002 – 2015) мой – С.П.

Функциональный аналог *пиленце* удачно передает интенцию говорящего сократить дистанцию с незнакомкой и начать флирт, применяя стратегию фамильярного подшучивания. Важно учесть, что обращение *детка* со стороны незнакомца нравится далеко не всем женщинам. Многие видят в нем намек на незрелость, недостаточное уважение. Отнюдь не случайно героиня реагирует с раздражением на речевое поведение собеседника, видя в нем угрозу личному достоинству. В этом плане рус. *детка* и болг. *пиленце* обнаруживают близкое сходство.

Обратимся к другому вокативу с возрастнo-гендерной семантикой – *старушка*. Согласно лексикографическим данным, он имеет значение: «прост. Обращ. мужа к жене (в пожилом возрасте)» (Балакай 2006: 526). Однако в разговорном диалоге это значение претерпевает модификацию: *старушка* используется как ласково-шутливое обращение супруга к супруге (безотносительно к возрасту).

Самое распространенное средство передачи этого обращения – функциональный аналог *мила*. Так, в (12) вокатив *старушка*, как знак заботливого отношения к жене, употреблен дважды, и, соответственно, дважды переводится на болгарский язык как *мила*.

В ответ на предложение мужа принести ей кофе, Настя, которую мучит депрессия, объясняет, что хочет только лежать и ни с кем не разговаривать.

(12) – *Отдыхай, старушка, – мирно произнес Чистяков и вышел из спальни.*

<...> *Скрипнула дверь, Алексей осторожно заглянул в комнату.*

– *Спишь? – шепотом спросил он, чтобы не разбудить, если она действительно спит.*

– *Нет, – глухо ответила Настя, продолжая бессмысленно глядеть в стену. <...>*

– *Тогда вставай, я в магазин сбегал, продукты принес, будем завтракать.*

– *Не хочу.*

– *Надо, старушка, надо, – сказал он уже обычным голосом. – Я понимаю, ты устала, последние дни были сложными. Поешь – и снова ляжешь (А. Маринина, Безупречная репутация).*

– *Почивай си, мила, – тихо каза Чистяков и излезе от спалнята.*

<...> *Вратата на спалнята проскърца, Алексей внимателно надникна.*

– *Спиш ли? – попита шепнешком, за да не я буди, ако е заспала.*

– *Не – глухо отвърна Настя, като все така безсмислено се взираше в стената. <...>*

– Тогава ставай. Ходих до магазина, купих това-онова, ще закусваме.

– Не искам.

– Трябва, *мила*, трябва – каза той с нормалния си глас. – Разбирам, че си уморена, последните дни бяха объркани. Ще си хапнеш и пак ще си легнеш (перевод: Н. Христова).

Подобный подход к переводу обращения *старушка*, адресованного жене, был обнаружен и в других текстах. В переводе повести братьев Стругацких ласковое отношение к адресату, содержащееся в исходном вокативе, передано посредством аналога *миличка*.

Нунан заходит в гости к своему другу Рэдрику, но не застаёт его дома. Гута, жена Редрика, наливает гостю стакан «Кровавой Мэри». Незадолго после этого Редрик появляется.

(13) – *Эге! Да вы тут, я вижу, весело время проводите! Гута, старушка, сделай мне порцию, надо догонять...*

– Да мы еще и не начали, – сказал Нунан. – Мы только собирались (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине).

– Охо! Ама вие тука, гледам, весело си живееете! Гута, *миличка*, направи ми и на мене една порция, трябва да ви настигам...

– Та ние още не сме почнали – каза Нънан. – Тъкмо се канехме (перевод: М. Асадуров – НКРЯ).

Обращение *старушка* произнесено в шутливом ключе (о такой речевой тональности свидетельствует и предшествующая реплика: *Эге! Да вы тут, я вижу, весело время проводите!*). В постпозиции к антропонимическому вокативу оно смягчает настойчивость речевого акта побуждения. Ср. вариант без второго обращения – *Гута, сделай мне порцию, надо догонять*, который звучал бы как приказ. Функциональный аналог *миличка* полностью соответствует прагматической установке оригинала.

Был зарегистрирован и перевод обращения *старушка* эквивалентом *бабче*. Такое переводческое решение обусловлено особыми контекстуально-ситуативными условиями.

Каменская в депрессии, у нее пропало всякое желание к действию. Муж в заботливо-шутливом тоне призывает ее встать с постели. В рамках стратегии подшучивания над любимой женой соответствие *бабче* приобретает функцию доброжелательно-иронического вокатива.

(14) – *А силы?*

– *На плюс одну десятую.*

– Одной десятой вполне достаточно, чтобы почистить зубы и умыться. На подвиги, конечно, не хватит, но до ванной доползешь. Давай, *старушка*, жду тебя на кухне, будем разбираться с твоими обнуленными желаниями (А. Маринина, Безупречная репутация).

– А силите?

– Те са на ниво една десета.

– Една десета е напълно достатъчно човек да стане и да се измие. Разбира се, не стига за извършване на геройство, но ще допълзиш до банята. Хайде, *бабче*, чакам те в кухнята и там ще се разправим с твоите зануленни желания (перевод: Н. Христова).

В контексте нет четких указаний, как следует интерпретировать коммуникативную тактику, реализуемую вокативом *старушка*. Его можно понимать двояко: либо как нежное обращение к жене (см. пример (13), где выбран аналог *миличка*), либо как доброжелательно-насмешливое обращение, имплицитирующее, что нужно взять себя в руки и преодолеть подавленность, вызванную тревожными мыслями о приближении старости. Переводчица остановила свой выбор на втором варианте интерпретации.

Псевдородственные обращения *мать*, *мамочка* и *мамаша*, характерные для русского просторечия, служат для адресации женщины, которая не обязательно старше адресата. Несмотря на идентичную первичную семантику, эти вокативные единицы обнаруживают разнородность в условиях употребления и степени социальной маркированности.

По нашим наблюдениям, в определенных ситуациях *мать* и *мамочка* могут употребляться в повседневном общении коммуникантами, не являющимися носителями просторечия.

В следующем диалоге вокатив *мать* придает речи шутливую тональность. Его употребляет Юрий Коротков, друг и начальник Насти Каменской, который старше нее на несколько лет.

(15) – *Аська, кофеем выручишь?* – *послышался голос Короткова у нее за спиной.*

– *Так и быть, – обрадовалась она, – но не безвозмездно. Цена договорная. На вот тебе тряпочку, ее надо намочить под краном. Вот из этого графинчика надо вылить воду и налить свежую, а вот эти две чашечки надо помыть. В цене сойдемся?*

Коротков в изумлении развел руками.

– *Ну, мать, ты даешь! Тебе что, даже такую малость лень сделать? Для родного-то начальника?* (А. Маринина, Когда боги смеются).

– Аска, ще ме спасиш ли с едно кафе? – чу се гласът на Коротков зад гърба ѝ.

– Готово – зарадва се тя, – но не безвъзмездно. Цена по договаряне. Ето ти един парцал, трябва да го намокриш. От тази кана трябва да излееш водата и да налееш прясна, а тези две чаши трябва да се измият. Разбираме ли се за цената?

Коротков изумено разпери ръце.

– Охо, **драга**, много искаш бе! Какво, дори за такава дреболия ли те мързи? И то за собствения ти началник! (перевод: З. Петрова).

Обращение инкорпорировано в идиоматическую речевую формулу *Ну ты даешь!*, передающую удивление и возмущение, Ироническим обращением **драга** переводчица удачно транслирует тональность исходного вокативного микроакта.

Интерес представляет замена обращения *мать* в диалоге тех же персонажей (но в другом романе) на иное псевдородственное обращение – *сестро*.

(16) *К концу рабочего дня в кабинет к Насте ввалился сияющий Коротков.*

– Ну все, **мать**, поздравляй меня!

– С чем? – не поняла Настя (А. Маринина, Незапертая дверь).

Към края на работния ден в кабинета на Настя нахълта грейнал Коротков.

– Е, край, **сестро**, можеш да ми честитиш!

– Какво да ти честитя? – не разбра Настя (перевод: З. Петрова).

Использование смежного термина родства следует оценить как адекватное решение на фоне отсутствия болгарского эквивалента с тождественной оригиналу прагматической функцией. Обращение *сестро* имеет возвышенно-поэтическую окраску, но в разговоре друзей оно актуализирует прагматическое значение: ‘обращение, подчеркивающее духовную близость с собеседницей на основе общих интересов, жизненного опыта и др.’. Ср. толкование переносного значения болгарского существительного *сестра*: «Женщина, которая близка по убеждениям, национальности, положению и др.» (РБЕ 2002–2015).

При передаче лингвоспецифического обращения возможно его опущение в тексте перевода. Использование этого приема оправдано, если вокативная единица сильно десемантизирована и служит лишь маркером диалогичности.

Такой пример был зафиксирован в переводе одного из диалогов Насти Каменской и ее мужа. Алексей сообщает жене, не любящей

присутствовать на официальных событиях, что ей придется пойти с ним на важное мероприятие.

(17) – Прием в посольстве Индии, светила науки с супругами. Протокол, сама понимаешь.

– И ты не будешь в отъезде в этот момент? – с надеждой спросила она.

– Не буду. Уеду как раз на следующий день. Терпи, **мать**, не надо было за ученого замуж выходить (А. Маринина, Безупречная репутация).

– На приема в индийското посолство. Там ще бъдат основните научни светила със съпругите си. Нали разбираш, протокол.

– Няма ли да си в чужбина по това време? – попита тя с надежда.

– Не. Заминавам на следващия ден. Ще търпиш, щом си се омъжила за учен (перевод: Н. Христова).

Обращение *мать* выступает здесь как прагматическое средство, подчеркивающее шутливо-дружескую тональность речи персонажа. Переводчица приняла решение опустить его, и отсутствие соответствия в тексте перевода не привело к потере существенной информации.

Хотя и реже, диминутив *мамочка* также может использоваться как обращение к супруге. В (18) он употреблен пожилым мужчиной при адресации жены. Обе реплики диалогического единства мотивированы интенциями выражения нежных чувств, чему способствуют «зеркальные» вокативы *мамочка* и *папочка*. Передача эмотивного смысла обеспечена аналогами *миличка* и *миличък*.

(18) – Спасибо, **мамочка**, – поблагодарил тот и поднял бокал с вином. – Давай выпьем с тобой за Новый год, пусть он будет таким же хорошим, как и предыдущий. Мы с тобой уже старенькие, многого от жизни не хотим, дал бы Бог здоровья да тихих радостей. Верно?

– Верно, **папочка**, – согласилась Тамара Сергеевна. – Давай – за Новый год и за нас с тобой (А. Маринина, Украденный сон).

– Благодаря ти, **миличка** – каза той и вдигна чашата с вино. – Хайде да си пийнем с тебе за Новата година, нека е хубава като предишната. Вече поостаряхме, не искаме много от живота, Господ да ни дава здраве и кротки радости. Нали така?

– Така е, **миличък** – съгласи се Тамара Сергеевна. – Наздраве – за Новата година и за нас двамата (перевод: З. Петрова).

Если обращения *мать* и *мамочка* могут быть адресованы близкому человеку, то обращение *мамаши* специализировано в адресации

незнакомой женщины и «характеризует говорящего как носителя вульгарного просторечия» (Добровольский 2012: 144).

Анализ показывает, что при переводе этого культурно-специфического обращения часто допускается буквализм.

Например, трудно признать удачным использование эквивалента *мамче* в переводе грубоватой реплики таксиста, призывающего клиентку не задавать лишних вопросов:

(19) – *Что за дебил? – вдруг начал орать на каждого встречного мой шофер. <...> – Куда прешь? Дороги не разбираешь?*

– *А что такое? – вежливо спросила я. <...>*

– *Вы, мамаша, сидите спокойно. Каждый должен свою работу* (Т. Веденская, Брачный марафон).

– *Какъв е тоя дебил, бе? – изведнъж започна да крещи на всеки срещнат моят шофьор. <...> Къде се тикаш? Улиците ти пречат, а?*

– *Какво става? – учтиво попитах.*

– *Вие, мамче, си седете спокойно. Всеки да си знае работата* (перевод: Т. Ангова).

Тот факт, что в данной коммуникативной ситуации сниженное обращение *мамаша* является средством адресации незнакомой молодой женщины, дополнительно осложняет задачу передачи его значения. Как нам представляется, с учетом *Вы*-формы общения здесь уместно использовать перевод посредством аналога *госпожа* (*Вие, госпожа, си седете спокойно*). Безусловно, обращение *госпожо* принадлежит к более официальному регистру, но, если не употребляется в звательной форме, оно приобретает просторечную окраску. В языковой заметке, посвященной болгарским обращениям к лицам, указано: «В самостоятельном употреблении вежливые обращения обязательно должны быть в звательной форме – *господине, госпожо, госпожице*, напр.: *<...> Госпожо, не пипайте доматите!* (но не **Госпожа, не пипайте доматите!*)» (Димитрова 2016: 102 – 103). При переводе реплики водителя можно воспользоваться этой бытующей в повседневном общении формой, выдающей низкую культуру речи.

Мы зафиксировали также перевод обращения *мамаша* посредством другого семантического эквивалента – вокатива *майчице*.

Участковый разговаривает с матерью студента, обнаружившего в квартире торт, оставленный неизвестно кем. Он относится к рассказу встревоженной заявительницы скептически (см. авторскую ремарку *с досадой махнул рукой*), чем и мотивировано употребление снисходительного обращения *мамаша*:

(20) – Да разыграл он вас! – с досадой махнул рукой участковый.
<...>

– Но зачем же ему врать? – недоумевала женщина. – Зачем все это придумывать? Для чего?

– Да кто ж ее поймет, молодежь эту, у них одна дурь в головах. Идите, **мамаша**, домой, не тратьте мое и свое время (А. Маринина, Другая правда).

– Абе той се е пошегувал с вас – с досада махнал с ръка участковият. <...>

– Но защо да ме лъже? – недоумявала жената. – Защо да измисля всичко това? С каква цел?

– Че кой може да ги разбере тези наши младежи, само глупости им се въртят в главата. Вървете си, **майчице**, не губете моето и своето време (перевод: З. Петрова).

С учетом узуса болгарского языка обращение *майчице* звучит неестественно в устах участкового. Пренебрежительная тональность его реплик не предполагает употребления такого нежного, уважительного обращения. Это переводческое решение следует рассматривать как буквализм, допущенный в стремлении тесно придерживаться формы оригинала. В соответствии с служебным статусом говорящего и фактора времени (эпизод происходит в 80-е годы 20-го века) более уместным было бы употребление этикетного обращения *другарко* или *гражданко*.

Перевод обращения *мамаша* посредством этикетного обращения, характерного для эпохи повествования, был зафиксирован при передаче реплики продавщицы, адресованной клиентке – женщине среднего возраста:

(21) Когда дверь открывалась, она просила продавщицу пустить ее. Продавщица – у нее было толстое, красное обмороженное лицо – грубым голосом твердила:

– **Мамаша**, отойдите, **мамаша**, не мешайте!

– Будьте добры, я очень прошу вас (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Когато вратата се отваряше, тя молеше продавачката да я пусне. Продавачката – с месесто, червено, увредено от измръзване лице – повтаряше с груб глас:

– **Другарке**, дръпнете се, **другарке**, не пречете тука!

– Бъдете така добра, много ви моля (перевод: З. Петрова – НКРЯ).

Заметим, что в целях соблюдения стилистической адекватности перевода вместо правильной звательной формы *другарко* использует-

ся неграмотный, нарушающий литературную норму вариант *другарке*. Оставляя в стороне языковую неправильность, сигнализирующую о низком уровне культуры речи персонажа, выбранное соответствие следует определить как реализацию приема генерализации: ограниченное по сфере употребления обращение *мамаша* заменяется на почти универсальное (для соответствующего периода) обращение.

Итак, результаты анализа показывают, что самый востребованный способ перевода разговорных обращений к женщинам – использование функционального аналога. Устанавливаемое при переводе неполное соответствие обусловлено межъязыковыми различиями прагмастилистического характера, которые касаются категории речевой тональности: буквальная передача семантики исходной единицы привела бы к неестественному звучанию текста перевода и/или к искажению его интенционального смысла. Отсутствие эквивалентности при переводе обращений объясняется несовпадением эмотивно-экспрессивных оттенков значений коррелирующих единиц в двух языках, а также различиями в условиях их функционирования.

В ряде случаев исходное разговорное обращение переводится посредством семантического эквивалента. В некоторых из них дословный перевод применен с полным основанием, но в других он оказывается неудачным. Например, было установлено, что под влиянием «гипноза оригинала» при передаче вокатива *мамаша* нередко допускается буквализм, не учитывающий специфику употребления обращений в языке перевода.

Согласно полученным данным, достаточно распространенным приемом перевода обращений *детка* и *деточка* является добавление к эквиваленту/аналогу прилагательного (*мило дете*) или притяжательного местоимения (*моето момиче, детето ми*). Использование таких «обогащенных» переводческих соответствий мотивировано стремлением к коммуникативно равноценной передаче эмотивной составляющей речи персонажей литературного произведения.

Опущение разговорного обращения применяется редко – в проанализированном текстовом материале был обнаружен лишь один случай использования данного приема. В нем исходный вокатив является одновременно труднопереводимым (в силу культурной специфики) и имеющим несущественный вклад в смысл высказывания.

При переводе разговорных обращений необходимо следовать модели динамической эквивалентности. Выбор подходящего соответствия зависит не только от адекватного понимания интенций говорящего, но и от учета особенностей функционирования обращений в

рамках разных фреймов и коммуникативных стратегий. Важным фактором при принятии переводческого решения является степень употребительности варианта перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1999:** Арутюнова, Н. Д. *Язык и мир человека*. [Arutyunova, N. D. *Yazyk i mir cheloveka*.] Москва: Языки славянской культуры, 1999.
- Балакай 2007:** Балакай, А. Г. *Словарь русского речевого этикета*. [Balakaj, A. G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa*.] Москва: АСТ, 2007.
- Добровольский 2012:** Добровольский, Д. О. Русские разговорные обращения: к динамике узуса. [Dobrovol'skij, D. O. *Russkie razgovornye obrashheniya: k dinamike uzusa*.] // *Русский язык сегодня*. Вып. 5: *Проблемы речевого общения*. Москва: Флинта-Наука, 2012, 138 – 147.
- Гольдин 2009:** Гольдин, В. Е. Обращение. Теоретические проблемы. [Gol'din, V. E. *Obrashhenie. Teoreticheskie problemy*.] Москва: Либроком, 2009.
- Димитрова 2016:** Димитрова, Цв. За звателната форма при обръщения към лица. [Dimitrova, Tsv. *Za zvatelnata forma pri obashteniya kam litsa*.] // *Български език*, кн. 4, София: ИК ЕМАС, 2016, 102 – 104.
- Иванчев 1978:** Иванчев, Св. *Приноси в българското и славянското езикознание*. [Ivanchev, Sv. *Prinosi v balgarskoto i slavyanskoto ezikoznanie*.] София: Наука и изкуство, 1978.
- РБЕ 2002 – 2015:** *Речник на българския език*, т. 1 – 15. [Rechnik na balgarskiya ezik, t. 1 – 15.] София: АИ „Проф. Марин Дринов“, 2002 – 2015. <<https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>> (5.10.2024).
- НКРЯ:** *Национальный корпус русского языка*. [Natsional'nyj korpus russkogo yazyka.] <<https://ruscorpora.ru>> (12.10.2024).
- Стойкова 2016:** Стойкова, Н. *Семантико-синтаксические и прагматические характеристики обращений в русском и болгарском языках*. [Stojkova, N. *Semantiko-sintaksicheskie i pragmaticheskie harakteristiki obrashhenij v russkom i bolgarskom yazykah*.] Шумен: УИ „Епископ Константин Преславски“, 2016.

**ВЪЗПРИЯТИЕ И УПОТРЕБА НА ПРЕЦЕДЕНТНИТЕ
ЕДИНИЦИ В АУДИТОРИЯ НА ИЗУЧАВАЩИТЕ РУСКИ
ЕЗИК КАТО ЧУЖД¹**

Боряна Тенчева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

Елица Миланова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

**PRECEDENT PHENOMENA: PRACTICAL USE
AND PERCEPTION IN AUDIENCES LEARNING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE**

Boryana Tencheva
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

btencheva@uni-plovdiv.bg

Elitsa Milanova
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

elimilanova@uni-plovdiv.bg

This paper analyzes the practical use and perception of precedent phenomena from Russian linguaculture (national specific units and universal units) among learners from Bulgaria, Serbia, Poland and Italy. It compares the results from two surveys – among native speakers and among learners – and analyzes the level of recognition of universal and ethno-specific precedent

¹ Проучването е извършено с финансовата подкрепа на фонд „Научни изследвания“ по програмата за двустранно сътрудничество – България – Русия, проект „Вербализация на културната памет. Изследване на тезауруса на младите хора в България и Русия“ (КП-06-Русия 31, 2020 – 2023).

phenomena. Based on the results of the survey, this paper provides a new methodology of teaching precedent phenomena.

Key words: Precedent Phenomena, Russian Linguaculture, Foreign Language Teaching

Независимо дали се осъзнават от носителите на езика като такива, или не, *прецедентните единици*² са неделима част от лингвокултурата на всеки народ. Те са своеобразни „културни емблеми“, част от *културната памет*³, чрез употребата на които *езиковата личност*⁴ се асоциира с езиковата общност не само по речеви признак, но и на базата на фонові знания. Прецедентните единици, наричани от различни автори също *прецедентни феномени* (вж. Гудков 2003, Чернева 2013, Тенчева 2024, Миланова 2024 и др.) или *логоепистеми* (вж. Бурвикова, Костомаров 1999, 2007), са устойчиви единици, които навлизат в речта на човек чрез интеракцията му с културата.

Терминът *прецедентен текст* е въведен от Ю. Н. Караулов в края на XX в. (1986, срв. 2010) и служи за отправна точка в теоретичните изследвания на Д. Б. Гудков (2003), В. В. Красних (2012), В. А. Ефремов, В. Д. Черняк (2022), Н. Чернева (2013, 2022) и др. Споделяме мнението на Н. Чернева, че прецедентните феномени най-често намират вербален израз, въпреки че по своята същност са културни емблеми (Чернева 2013: 42). Като езикови знаци или конструкции те са базирани на общоизвестни в дадената култура събития, реални или фиктивни личности, текстове (с първоизточник художествената литература, песенното творчество и кинематографията), цитати или символи. Това са „текстове, (1) значими за една или друга личност в познавателно и емоционално отношение, (2) притежаващи свръхличностен характер, т.е. добре известни на широкото обкръжение на дадената личност, включвайки нейните предшественици и съвременници, и накрая, такива, (3) чисто използване се възобновява нееднократно в дискурса⁵ на дадената езикова личност“ (Караулов 2010: 216). Според Д. Б. Гудков *прецедентните феномени* са „особена група вербални и вербализируеми феномени, отнасящи се към националното ниво прецедентно“ (Гудков 2003: 106).

² За целите на настоящото изследване понятията *прецедентни феномени* и *прецедентни единици* се използват като синоними.

³ Понятието *културна памет* е по Ефремов, В. Д. Черняк, Н. Чернева (2022).

⁴ Понятието *езикова личност* е по Ю. Н. Караулов (2010).

⁵ Срв. *интертекстуалност* vs. *интердискурсивност* по Чернева, Тенчева (2021).

Прецедентните единици са ключови за межкултурната комуникация и езиковата компетентност на изучаващите чужд език, тъй като в контекста на обучението с изключителна важност за успешната социална и културна интеграция на обучаемите се отличават разбирането и правилното им използване. В езиковата прецедентика влизат „различни „културни предмети“, зад които стои сложен образ/представа, известен/на в достатъчна степен на широк кръг носители на дадения език и култура“⁶ (Чернева 2013: 42).

Разпознаването и използването на прецедентни феномени в езика могат да послужат за индикатор и параметър на *културната грамотност* на конкретната езикова личност. Според Д. Б. Гудков всяка езикова личност може да се разкрие в речева дейност чрез „свкупността от производими и използвани от нея текстове“ (Гудков 2003: 49). „Културната грамотност може да се разглежда като отделен, самостоятелен аспект на изследването на културната памет на едно или друго общество в различни аспекти: от дескриптивен (каталогизиране на базови единици на колективната памет) до прескриптивен (необходим набор от културни знания за всеки образован индивид)“ (Ефремов, Черняк, Чернева 2022: 72 – 73). Прецедентните феномени в руския език заемат съществено място при формирането и развитието на културната идентичност и социалната комуникация. Те предоставят на говорещите набор от изразни средства, които обогатяват и улесняват общуването. Според класификацията на Д. Б. Гудков прецедентните единици могат да бъдат систематизирани според първоизточника в следните подкатегории *автопрецедентни*, *социумнопрецедентни*, *националнопрецедентни*, *универсалнопрецедентни* (Гудков 2003: 103).

Историческите прецедентни феномени често формират основата на националната идентичност и културните нагласи на едно общество. Те служат като ориентири при интерпретацията културните ценности в съвремието и са ключов елемент в колективната памет.

Един от основните проблеми при определянето на културната грамотност на обучаемите, изучаващи руски език като чужд, е липсата на усет за културния контекст на прецедентните единици, изразяващ се във формирането на културни асоциации под формата на конотативно усложнен семантичен план и разпознаването на стилистичната натовареност при възприемането им в потока на речта.

За изучаващите даден език като чужд е от огромно значение овладяването на прецедентиката в двете ѝ разновидности – универсална и национална.

⁶ Преводът на всички цитати на български език е наш – Б. Т., Е. М.

Познаването и/или разпознаването на универсалните прецедентни единици свидетелства за базова *културна грамотност*, получена още в рамките на собствената лингвокултура. Обемът от овладени прецедентни единици с национален характер създава усещане за интеграция и усвояване на чуждата културна среда, за емоционална свързаност с нея. Той е индикатор за успешното формиране на втора езикова личност и трябва да бъде приоритет в обучението по чужд език. Изучаването им по естествен път вплита културологичния елемент, необходим за придобиване на лингвокултурна компетентност. Това повишава нивото на фонові знания, на усещането за езика в цялото му стилово и функционално разнообразие и не на последно място – подобрява качеството на общуването. Ако комуникантът не разпознава емблемите на културната памет, на подсъзнателно ниво се нарушава общото доверие в рамките на комуникативния акт. У носителя на езика остава впечатление, че разговаря с „чужд“, а у изучаващия езика – усещането, че някаква част от посланието е останала скрита за него.

Процесът на овладяване на двата вида прецедентни единици се различава. Докато при универсалните става въпрос най-вече за натрупване на лексикален запас и осмисляне на вече усвоено знание през призмата на новия език, то националните предполагат запознаване с формата, употребата и първичния източник. При това овладяването им трябва да стане по начин, максимално близък до естественото навлизане на прецедентната единица в тезауруса на носителите на езика – чрез „среща“ с единицата при употребата ѝ в дискурса или чрез запознаване с оригиналния източник, от който да бъдат изведени и обяснени прецедентните единици.

Основните източници на прецедентика са художествената литература, песенното творчество, кинематографията и медиите. Те генерират, транслират и акумулират прецедентни имена и прецедентни изрази, вербализиращи прецедентните текстове и ситуации. Ю. Н. Караулов нарича тези текстове „христоматийни“ (вж. Караулов 2010: 216).

Настоящото изследване използва описателен, статистически и сравнителен метод за анализ на получените резултати, включващ етапи на събиране на емпиричен материал, обобщения и изводи.

Изследването има за цел да сравни до каква степен изучаващите руски език като чужд разпознават и употребяват:

1. универсални прецедентни единици на руски език;
2. базови национални прецедентни единици, вербализиращи руската културна памет.

Като специфична задача на изследването си поставяме изграждането на концепция за последователност и формат на включване на прецедентните единици в процеса на обучение, вземащ предвид компетентностния подход. Усвояването им подпомага изграждането на лингвокултурна, езикова и комуникативна компетенция. Те предлагат различни начини за изразяване на едно и също семантично съдържание в зависимост от адресата и комуникативната интенция.

Емпиричната част на изследването представлява анализ на проведено анкетно проучване сред две групи респонденти – носители на руски език (304 души) и изучаващи руски език като чужд (281 души). На участниците в проучването е предложена анкета, включваща универсални и национални единици, традиционно възприемани като част от тезауруса на руското културно пространство. Разпознаваемостта на единиците се тества чрез два типа задачи. Първият тип предлага прецедентна единица (израз или име), към която са дадени възможни източници (автори). Респондентът трябва да посочи правилния.

Пример 1: Определете авторство произведений/высказываний/персонажей:

Тварь я дрожащая или право имею?

а) А. Барто	б) Б. Окуджава
в) В. Высоцкий	г) В. Шекспир
д) Г. Х. Андерсен	е) Дж. Роулинг
ж) И. Ильф и Е. Петров	з) Н. А. Некрасов
и) К. Чуковский	й) Р. Киплинг
к) С. Маршак	л) Ф. М. Достоевский
м) Ш. Перро	н) не помню

Пример 2: Определете авторство произведений/высказываний/персонажей:

Гарри Поттер

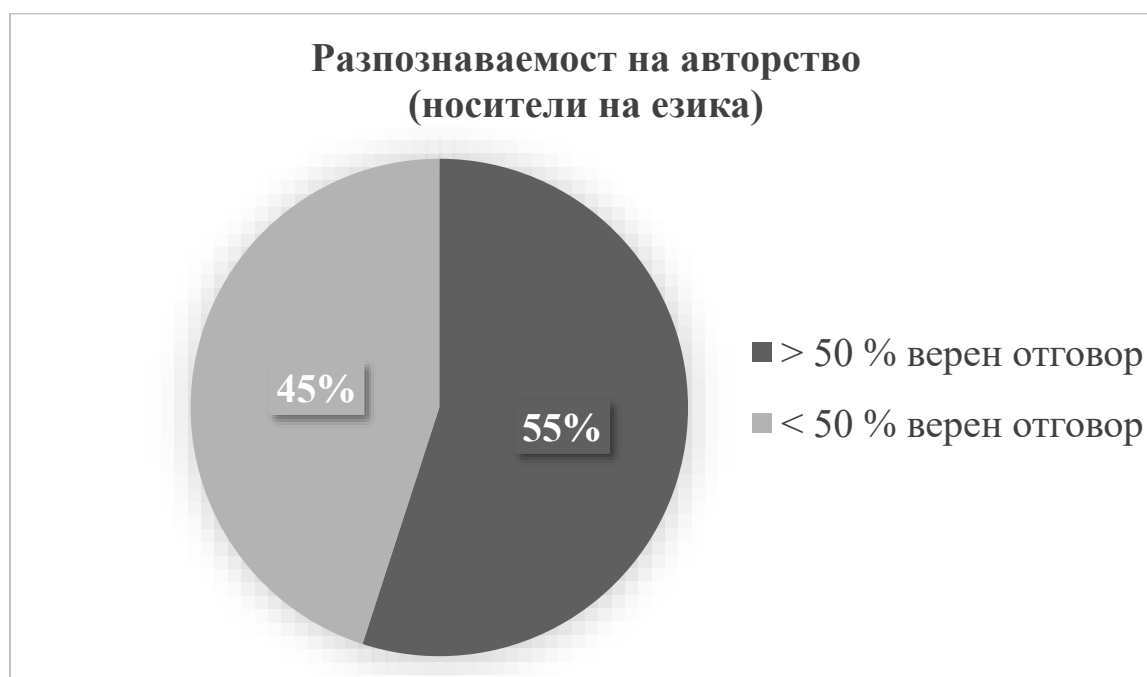
а) А. Барто	б) Б. Окуджава
в) В. Высоцкий	г) В. Шекспир
д) Г. Х. Андерсен	е) Дж. Роулинг
ж) И. Ильф и Е. Петров	з) Н. А. Некрасов
и) К. Чуковский	й) Р. Киплинг
к) С. Маршак	л) Ф. М. Достоевский
м) Ш. Перро	н) не помню

Вторият тип задачи съдържа незавършени прецедентни изрази, които респондентите трябва да завършат в свободен формат.

**Пример 3: Продолжете высказывание:
Красота спасет...**

Резултатите, получени от носителите на езика, показват актуалното състояние на прецедентиката в речта на младото поколение рускоговорещи. Чрез тях се сверява чисто теоретичната информация за състава на тезауруса, ексцерпирана от академични издания, като научни статии, монографии и речници, с реалната разпознаваемост. Тези резултати дават и отправна точка за формулиране на минимален учебен тезаурус с прецедентни единици, необходими за успешното протичане на комуникативен акт. За целите на изследването приемаме, че в подобен тезаурус трябва да бъдат включени всички единици, получили над 50% разпознаваемост сред носителите на езика. Единиците с резултат под 50% разпознаваемост попадат в периферията на лингвокултурата. За съвременните носители на езика те имат по-скоро специализиран, понякога елитарен характер. Неразпознаването им не разграничава комуниканта от лингвокултурата като цяло, а само от определена нейна сфера или субкултура.

Анкетите са подложени на количествен (статистически) и качествен (лингвокултурен) анализ (вж. Фигура 1 и Фигура 2).

Фигура 1. Анализ на разпознаваемостта на прецедентните единици сред носителите на езика на базата на разпознаваемостта на авторството

Фигура 2. Анализ на разпознаваемостта на прецедентните единици сред носителите на езика на базата на разпознаваемостта на оригиналната фраза в завършен вид

- Повече от 50% от общия брой анкетирани разпознават прецедентната единица и могат вярно да определят авторството на фразите/имената: *Кому на Руси жить хорошо?*; *Однажды в студеную зимнюю пору...*; *Князь Мышкин*; *Униженные и оскорбленные*; *Тварь я дрожащая или право имею?*; *Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так*; *Где твои 17 лет? На Большом Каретном. Где твой черный пистолет?*; *Я не люблю, когда мне лезут в душу, особенно когда в нее плюют*; *Быть или не быть – вот в чем вопрос*; *Молилась ли ты на ночь, Дездемона?*; *Весь мир театр*; *Наша Таня громко плачет*; *Добрый доктор Айболит*; *Маугли*; *Гарри Поттер*; *Русалочка*; *Золушка*;
- По-малко от 50% от общия брой анкетирани разпознават прецедентната единица и могат вярно да определят авторството на фразите/имената: *До свидания, мальчики!*; *Ах, Арбат, мой Арбат*; *Надежды маленький оркестрик*; *На фоне Пушкина снимается семейство*; *Дедушка Мазай и зайцы*; *Вы и убили-с*; *Жираф большой, ему видней*; *Подгнило что-то в Датском королевстве*; *Дом, который построил Джек*; *Вдруг из маминой из*

спальни; Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения; Хамите, парниша; Заграница нам поможет;

● **Повече от 50% от общия брой анкетирани разпознават прецедентната единица и могат вярно да завършат фразата:** *Только он не вернулся...; Красота спасет...; Не везет мне в смерти – ...; Поэтом можешь ты не быть, ...; Спокойствие, ...;*

● **По-малко от 50% от общия брой анкетирани разпознават прецедентната единица и могат вярно да завършат фразата:** *Ой, Вань, гляди, ...; Ко всему человек-подлец...; До свидания, малышки!...; Киса и Ося...; Ключ от квартиры, ...; Мороз-воевода дозором...; Чума на оба...; Тень отца...; Ищут пожарные, ищет...*

От предложените 45 прецедентни единици осем са универсални (препратки към произведения на Х. К. Андерсен, Ш. Перо, У. Шекспир, Дж. К. Роулинг), а три – препратки към произведения на Ф. М. Достоевски, които, макар да са национално специфични, могат да претендират за статут на универсалност, тъй като са част от световната културна памет, изучавани и разпознаваеми и сред хора без познания по руски език. Универсалните имат изключително висока разпознаваемост – 100% при прецедентните изрази от произведения на У. Шекспир⁷ и прецедентното име *Гарри Поттер*; над 90% разпознаваемост на прецедентните имена *Маугли*, *Русалочка* и *Золушка*. Прецедентните изрази и имена от произведения на Ф. М. Достоевски също получават над 50%. Останалите единици с висока разпознаваемост (над 50%) са предимно от музикални творби и задължителна учебна литература.

Резултатите от анкетата, проведена сред респонденти, изучаващи руски език като чужд от България, Сърбия, Полша и Италия също, са подложени на количествен и качествен анализ (вж. Фигура 3 и Фигура 4).

● **> 50% от общия брой анкетирани разпознават прецедентната единица и могат вярно да определят авторството на фразите/имената:** *Ах, Арбат, мой Арбат; Кому на Руси жить хорошо?; Униженные и оскорбленные; Князь Мышкин; Молилась ли ты на ночь, Дездемона?; Подгнило что-то в Датском королевстве; Весь мир театр; Быть или не быть – вот в чем вопрос (100%); Гарри Поттер (100%), Русалочка (100%) и Золушка (над 90%);*

⁷ Изключение с по-нисък процент на разпознаваемост (35%) е цитатът *Подгнило что-то в Датском королевстве*.

Фигура 3. Анализ на разпознаваемостта на прецедентните единици сред изучаващите руски език на база разпознаваемост на авторството

Фигура 4. Анализ на разпознаваемостта на прецедентните единици сред изучаващите руски език като чужд на база разпознаваемост на оригиналната фраза в завършен вид

- По-малко от 50% от общия брой анкетирувани разпознават прецедентната единица и могат вярно да определят авторството на фразите/имената: *До свидания, мальчишки!; Надежды маленький оркестрик; На фоне Пушкина снимается семейство; Дедушка Мазай и зайцы; Однажды в студеную зимнюю пору...; Тварь я дрожащая или право имею?; Вы и убили-с; Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так; Жираф большой, ему видней; Где твои 17 лет? На Большом Каретном. Где твой черный пистолет? Я не люблю, когда мне лезут в душу, особенно когда в нее плюют; Дом, который построил Джек; Наша Таня громко плачет; Добрый доктор Айболит; Вдруг из мамыной из спальни; Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения; Хамите, парнишки; Заграница нам поможет;*
- Повече от 50% от общия брой анкетирувани разпознават прецедентната единица и могат вярно да завършат фразата: *Красота спасет...; Не везет мне в смерти – ...;*
- Около 30% от общия брой анкетирувани разпознават прецедентната единица и могат вярно да завършат фразата: *Только он не вернулся...; Спокойствие, ...;*
- Около 15% от общия брой анкетирувани разпознават прецедентната единица и могат вярно да завършат фразата: *Ой, Вань, гляди, ...; Ко всему человек-подлец...; Поэтом можешь ты не быть, ...; Чума на оба...; Ищут пожарные, ищет...;*
- По-малко от 1% от общия брой анкетирувани разпознават прецедентната единица и могат вярно да завършат фразата: *Киса и Ося...; Ключ от квартиры, ...; Мороз-воевода дозором...; Тень отца...;*
- 0% от общия брой анкетирувани разпознават прецедентната единица и могат вярно да завършат фразата: *До свидания, мальчишки!...*

Анализът на анкетите дава информация по три критерия:

1. Какъв е процентът на разпознаваемост на универсалните прецедентни феномени (между 90 и 100%);
2. Какъв е процентът на разпознаваемост на националните прецедентни феномени, получили над 50% разпознаваемост от носителите на руски език като роден (в повечето случаи – под 50%);

3. Какъв е процентът на разпознаваемост на националните прецедентни феномени, получили **под** 50% разпознаваемост от носителите на руски език като роден (под 50%).

Резултатите отчитат висок процент на разпознаваемост на универсалните прецедентни феномени и нисък процент на разпознаваемост на националните дори и сред голяма част от носителите на езика.

От трите критерия най-важни за изпълнението на специфичната задача на изследването са данните за процента на разпознаваемост на националните прецедентни феномени, получили **над** 50% разпознаваемост от носителите на руски език. При съпоставка на отговорите от двете групи се вижда, че при чужденците, изучаващи руски език, разпознаваемостта надвишава 50% само при прецедентните изрази *Ах, Арбат, мой Арбат; Кому на Руси жить хорошо?* и прецедентните единици, актуализиращи произведения на Ф. М. Достоевски, за когото уточнихме, че има основание да претендира за универсалност.

Това потвърждава нуждата от по-задълбочено изучаване на прецедентиката в рамките на занятията по руски език като чужд. Чисто академичният подход, използван в обучението по лексика, при който се дава единицата с нейното значение и произход, не осигурява трайни резултати. Както беше споменато по-горе, прецедентните единици трябва да бъдат въвеждани „естествено“, като част от процеса на общуване с културата. Формата на представяне трябва да бъде атрактивна и достъпна, съобразена с нивото на владеење на езика и езиковите компетенции на обучаемите.

В началния етап на обучението (A1 – A2) прецедентните феномени могат да се въвеждат чрез анимационни филми (напр. „Ну, погоди!“, „Маша и медведь“, „Эралаш“, „Трое из Простоквашино“ и др.) или детски песнички (напр. „Голубой вагон“, „Песня крокодила Гены“, „Улыбка“ и др.). В тях обикновено се използват кратки, запомнящи се фрази, малко текст на достъпен език, богата визуализация и лесно за възприемане смислово съдържание. По същността си те са предвидени за деца и предполагат повтораемост на езика и семантична прозрачност на формата.

В етапа на обучение за средно напреднали (B1 – B2) подходяща форма за въвеждане на прецедентни феномени са песни (напр. фолклорни песни, филмова музика, авторски песни от творчеството на Вл. Висоцки, Б. Окуджава, В. Цой и др.); кратки видеоклипове; филми и сериали (например най-известните филми на Мосфилм, съвременни класики и екранизации на литературни произведения). Чрез тях може да се

набави необходимият набор от прецедентни феномени с източник музика, кинематография, художествена литература, медии и социални мрежи. Идеята да се изучават прецедентните феномени от художествената литература през киното, а не чрез четене на оригиналното произведение, е продиктувана от характера на руската литература. Обикновено оригиналните произведения са обемни, написани на архаичен език и наситени със стари граматични структури, с трудна стилистика, а често и с „тромав“ сюжет.

В етапа на обучение за напреднали (C1 – C2) прецедентните феномени могат да се въвеждат чрез четене на оригинални литературни произведения и социални медии, гледане на съвременно кино, анализ на *травестирани единици*⁸ в рекламния и публицистичния дискурс, в социалните медии, в масовата култура, в мемовете⁹ и анекдотите.

Докато през първите два етапа (от A1 до B2) основно се трупат фонд от прецедентни единици, то в последния етап от обучението (C1 – C2) към попълването на фонда се включва и преосмисляне на вече наученото чрез работа с травестираните единици.

Резултатите от проведеното изследване показват някои общи тенденции и водят до конкретни изводи за формирането на тезаурус на прецедентните единици, вербализиращи руската културна памет:

1. Обща тенденция за носителите на езика и за изучаващите го като чужд е да разпознават преди всичко универсални прецедентни единици и такива, включени в задължителната учебна програма (напр. от произведенията на Ф. М. Достоевски);
2. Лексикографски описаният прецедентен фонд значително надвишава реално използвания от младото поколение носители на руски език;
3. Разпознаването на универсалните прецедентни феномени и работата с тях са възможни още в ранния етап на изучаване на езика поради съществуване на инвариантна форма на прецедентната единица в когнитивната база на обучаемите. За усвояването им са

⁸ Вследствие на промените във формален и/или семантичен план се създават нови прецедентни единици, които различните изследователи именуват *квазицитати* (Земская 1996: 29), *травестирани* (пак там: 24), *квазифразеологизми* (Шерстнева 2008: 264), *трансформирани*, *оказионални* (Каюмова 2012: 15; Христова 2014: 340 – 344; Тенчева 2024: 60 – 92) и *изкривени* (Кронгауз 2007: 98; Каюмова 2012: 17).

⁹ За полифункционалността на мемовете в чуждоезиковото обучение вж. Андрияшевич и др. 2024.

необходимими езикови, а не лингвокултурологични умения и компетенции. Необходимите фонове знания са придобити през по-ранен етап от развитието на езиковата личност;

4. Разпознаваемостта на националните прецедентни единици сред изучаващите руски език като чужд е ниска, а за целите на правилното протичане на комуникацията с носителите на езика е необходимо процентът на разпознаваемост да бъде повишен чрез преосмисляне на поднасянето им в процеса на обучение.

Предложената в рамките на изследването концепция за поетапно интегриране на прецедентните феномени в учебния процес чрез различни източници в зависимост от езиковото ниво има за цел да преодолее установения проблем и да повиши езиковата, лингвокултурната и комуникативната компетентност на обучаемите.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрияшевич и др. 2024:** Андрияшевич, И., Миланова, Е., Коларевич, С. Полифункциональность мемов в иноязычном обучении. [Andriyashevich, I., Milanova, E., Kolarevich, S. Polifunksional'nost' memov v inoyazychnom obuchenii.] // *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации*. Колективна монография, Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2024, 213 – 233.
- Брагина 2007:** Брагина, Н. Г. *Память в языке и культуре*. [Bragina, N. G. Pamyat' v yazyke i kul'ture.] Москва: Языки славянской культуры, 2007.
- Бурвикова, Костомаров 1999:** Бурвикова, Н. Д., Костомаров, В. Г. Пространство современного русского дискурса и единицы его описания. [Burvikova, N. D., Kostomarov, V. G. Prostranstvo sovremennogo russkogo diskursa i edinitsy ego opisaniya.] // *Русский язык в центре Европы*, 1. Банска Бистрица: 1999, 65 – 75.
- Бурвикова, Костомаров 2007:** Бурвикова, Н. Д., Костомаров, В. Г. Логоепистемическая составляющая современного языкового вкуса. [Burvikova, N. D., Kostomarov, V. G. Logoepistemicheskaya sostavlyayushhaya sovremennogo yazykovogo vkusa.] // *XI конгресс МАПРЯЛ. Т. IV*. С., 2007.
- Гудков 2003:** Гудков, Д. Б. *Теория и практика межкультурной коммуникации*. [Gudkov, D. B. Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikatsii.] Москва: Гнозис, 2003.
- Ефремов, Черняк, Чернева 2022:** Ефремов, В. А., Черняк, В. Д., Чернева, Н. Культурная память и прецедентные феномены. [Efremov,

- V. A., Chernyak, V. D., Cherneva, N. Kul'turnaya pamyat' i pretsedentnye fenomeny.] // *Чуждоезиково обучение (Foreign Language Teaching)*, Volume 49, Number 1, 2022, 67 – 77.
- Земская 1996:** Земская, Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества. [Zemskaya, E. A. Klishe novoyaza i tsitatsiya v yazyke postsovetskogo obshhestva.] // *Вопросы языкознания*, № 3, 1996, 23 – 31.
- Караулов 1986:** Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре функционирования языковой личности. [Karaulov, Yu. N. Rol' pretsedentnyh tekstov v strukture funktsionirovaniy yazykovoy lichnosti.] // *Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклад на VI конгрессе МАПРЯЛ*. Москва: Русский язык, 1986, 105 – 126.
- Караулов 2010:** Караулов, Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. [Karaulov, Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'.] Москва: Издательство ЛКИ, 2010.
- Каюмова 2012:** Каюмова, А. Р. Английские фразеологические единицы и их русские контекстуальные соответствия (тренинговый алгоритм перевода). [Kayumova, A. R. Angliyskie frazeologicheskie edinitsey i ih russkie kontekstual'nye sootvetstviya (treningovyy algoritm perevoda).] // *Филология и культура*, № 3 (29), 2012, 15 – 18.
- Кронгауз 2007:** Кронгауз, М. *Русский язык на грани нервного срыва*. [Krongauz, M. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva.] Москва: Знак, Языки славянских культур, 2007.
- Миланова 2024:** Миланова, Е. Прецедентика 21 в.: Миллениалы vs. зумеры. [Milanova, E. Pretsedentika 21 v.: Millenialy vs. zumery.] // *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации*. Коллективна монография, Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2024, 127 – 153.
- Тенчева 2024:** Тенчева, Б. Някои същностни характеристики на прецедентните феномени и трансформационни модели при употребата им в СМИ. [Tencheva, B. Nyakoi sashtnostni harakteristiki na pretsedentnite fenomeny i tranformatsionni modeli pri upotrebatata im v SMI.] // *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации*. Коллективна монография, Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2024, 60 – 92.
- Христова 2014:** Христова, Н. Лексические неологизмы и фразеологические окказионализмы в современном русском и болгарском языках – проблема перевода. [Hristova, N. Leksicheskie neologizmy i frazeologicheskie okkazionalizmy v sovremennom russkom i

bolgarskom yazykah – problema perevoda.] // *МАПРЯЛ 2014. Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание*. Велико Търново: Ивис, 2014, 340 – 344.

Чернева 2013: Чернева, Н. *Прецедентные феномены русского лингвокультурного дискурса*. [Cherneva, N. Pretsedentnye fenomeny russkogo lingvokul'turnogo diskursa.] Пловдив: Арена-принт, 2013.

Чернева, Тенчева 2021: Чернева, Н., Тенчева, Б. Рекламный телетекст в зеркале интертекстуальности и интердискурсивности (на материале болгарской и русской телевизионной рекламы). [Cherneva, N., Tencheva, B. Reklamnyj teletekst v zerkale intertekstual'nosti i interdiskursivnosti (na materiale bolgarskoj i ruskoj televizionnoj reklamy).] // *Чуждоезиково обучение*. 2021, т. 48, № 4, 339 – 351.

Шерстнева 2016: Шерстнева, Е. С. Кто сказал „хой“? (специфика летовского интертекста). [Sherstneva, E. S. Kto skazal „hoj“? (spetsifika letovskogo interteksta).] // *Scientific Journals of Ural State Pedagogical University*. 10 January 2008. <<http://journals.uspu.ru/attachments/article/883/29.pdf>> (19.09.2023).

ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЧЕН ПРОФИЛ НА СИВИЯ ЦВЯТ В БЪЛГАРСКИЯ И ЧЕШКИЯ ЕЗИК

Катерина Томова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

LINGUOCULTURAL PROFILE OF THE COLOUR GREY IN THE BULGARIAN AND CZECH LANGUAGES

Katerina Tomova
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

katerinatomova@uni-plovdiv.bg

The text is an attempt at a linguocultural analysis of the colour grey in two related languages. Our goal is, by tracing the processes of categorization and conceptualization in the human consciousness, to outline the profile of grey as part of the linguistic colour space. Since this space is segmented in a way that is different for each individual language and conditioned socioculturally, the focus of our research is on the ethnic specificity.

Key words: name of colour grey, linguoculturology, ethnolinguistics, Bulgarian, Czech

Настоящото изследване има за цел да изведе в съпоставителен план лингвокултурологичния профил на един от най-„младите“ цветове според хипотезата на Берлин и Кей – *сивия*. Понятието *профил* използваме в светлината на Люблинската когнитивна етнолингвистична школа. Фокусът ни е върху културната информация (културна семантика и значимост) на представата за сиво у съвременните носители на двата славянски езика, експлицирана чрез названията за цвят. Т.е. идеята е да очертаям и съпоставим „езиково-културния портрет¹, характерен за типичния представител на дадена култура“ (Бартмински 2016: 93).

¹ На сивия цвят – К.Т.

Теоретичната рамка на проучването ни е зададена освен от постановките на споменатата Люблинска школа, така и от идеите на А. Вежбицка и когнитивно-културните лингвистични търсения на И. Ванкова. В процесите на категоризация и концептуализация съществена роля изпълняват „непосредственият човешки опит, свързан с тялото и сетивата, с пространството, както и метафорично-метонимичният характер на мисленето“ (Бартмински 2016: 140²). С оглед на това приемаме, че „нито понятието *цвят*, нито названията за конкретни цветове са езикова универсалия“ (Вежбицка 2014: 312 – 312). Всички виждаме относително еднакво реалността около себе си, но говорим по различен начин за онова, което виждаме. Представата за цвят е само една от възможните (но не и задължителни за всички езици) проекции на концептуалното поле *зрение*. Идеята за *цвят* – *нецвят* (*цветно* – *безцветно*) се превръща в отправна точка „за концептуализацията на други явления, най-вече на емоциите и изобщо на човешкото възприемане на света. [...] Семантичният анализ на цветовата лексика може да разкрие ценна информация за моделите на нашето мислене, за начина на концептуализация (и семиотизация) на някои явления и процеси, свързани с човешката перцепция и рефлексия, както и какви езикови и културни конотации привличат към себе си цветовете в различните видове контекст“ (Ванкова 2005: 195 – 196).

Материалът за изследване (прилагателни имена – названия на сив цвят) е събиран основно от лексикографски източници – етимологични, тълковни и фразеологични речници. В тълковните речници на двата езика анализираме не само *сив/šedý*, но и всяка единица, чието тълкуване включва посочените хипероними. Напр. *бозав*, *пенеляв/sivý*, *popelavý*, *šerý* и др. По отношение на фразеологията се придържахме към широкото схващане за обема ѝ и проучваме фразеологизми, в чийто състав присъства названието *сиво*. Ресурсите на националните езикови електронни корпуси са използвани като основен източник на свободни колокации, чийто анализ предоставя лингвопрагматичен ракурс към коментираната проблематика.

Сивият цвят е последен в еволюционната скала на Берлин и Кей. В славянски контекст понятието за сиво получава лексикалната си реализация чрез прасл. **sivъ*, старобл. *сивъ*, което отговаря на лит. *šyvas* ‘светлосив’ от индоевр. **kei-* ‘тъмен, сив’ (Рейзек 2001: 574). Доказателство, че *сив/sivý* в исторически план първоначално означава по-светли оттенъци на сивото, откриваме в някои от диалектите и на двата езика. В Моравия например изразът *sivé oči* се използва за светли, сиво-сини, сини очи

² Превод от чешки и руски език – К. Т.

(<https://www.ptejteseknihovny.cz/dotazy/vyznam-slova-sivy>), сходно значение фиксира и РБЕ онлайн: 11. *Диал.* Който е рус, със сини очи. *Отвъд Етрополе, мама, / бели помакини има, / бели помакини, хей, / сиви бош-накини.* Нар. пес., СБНУ III, 133. <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/%D1%81%D0%B8%D0%B2/>. Подобно семантично преплитане на *сив* и *син* е налице и в българската топонимия. „Анализите на ексцерпирания топонимен материал дават основание да се смята, че единствено терминът *сив* присъства с две свои значения – ‘сив’ и ‘син’, в различни географски названия“ (Влахова-Ангелова 2018: 141). В съвременния български и чешки език обаче хиперонимните названия на сивия цвят се различават. В чешкия език лексемата *sivý* е маркирана като книжна и архаична и мястото ѝ се заема от *šedý*, която също е с общославянски произход. За целите на нашето изследване е важно да обърнем внимание на етимологичната близост с *šerý* ‘полутъмен, сив, тъмносив’ (Рейзек 2001: 626 – 627), което допуска хипотезата, че чешкият стереотип за сиво е по-„тъмен“ от българския. (Подобно твърдение естествено предполага мащабно анкетно проучване и сериозен анализ на получените резултати.)

Традиционно речниковото тълкуване на названията на цветове се структурира около три модела. Първият е характерен за основните названия на т.нар. основни цветове³ и е изграден на базата на сравнение с реален обект – „с цвят на ...“. Вторият обяснява лексикалното значение на названия на цветови нюанси чрез основните названия на основните цветове⁴. Третият, комбинация от двата модела, се използва най-често при тълкуване на названията на основните хибридни цветове – *кафяв, лилав, оранжев, розов и сив*. При анализа на речниковите статии към лексемите *сив/šedý* ясно се откроява разликата в предпочитанията. Чешките лексикографи тълкуват денотативното значение на *šedý* само чрез прототип, докато в българските тълковни речници последователно е използван третият модел.

Šedý – 1. Mající neurčitou, nevýraznou barvu popela (SSJČ);

Šedý – 1. Mající barvu popela, sloní kůže ap (ASSČ);

Сив – 1. Който има цвят на пепел от дърва, среден между черно и бяло с различни отсенки (БТР 73);

Сив – 1. Който е с цвят на пепел, между черно и бяло (БТР ВР).

Изборът на лексикографско описание на хибриден цвят като нехибриден, въпреки че „информацията за „смесения“ характер на сивото⁵ е

³ Бяло, черно, червено, синьо, жълто, зелено – (Берлин, Кей 1969: www).

⁴ Например *ален – ясночервен; розов – бледочервен със слабо жълт оцвет* (БТР 73).

⁵ И розовото (както е в оригиналния текст на Вежбицка).

по-скоро на повърхността на езиковото ни подсъзнание“ (Вежбицка 2014: 351), е пример за динамиката в цветовото пространство на езика. Едва ли става дума само за лексикографска мода. Вероятно носителите на съвременния чешки език възприемат сивия цвят като основен, при това евентуално хомогенен, фокусирайки се върху сравнението с обекти, предмети от реалността, определяни за сиви.

В чешкия език към момента за хипероним на сивия цвят се конкурират две лексеми – *šedý* и *šedivý*, като втората е производна от първата, назовава нюанс на сивото и се отнася главно до цвят на коса, която губи естествения си пигмент.

Šedivá barva – Maličko z běla do černa se uchylugicj (JSČN);

Šedivý – 1. Mající neurčitou, nevýraznou barvu popela; šedý 1; (o vlasech ap.) mající takovou barvu; (o člověku) mající takové vlasy (SSJČ).

Постепенно *šedivý* разширява колокабилните си възможности, а в резултат на това – и лексикалносемантичните, и с все по-малко изключения започва да се появява на мястото на *šedý*. Въпреки твърденията на една част от чешките лингвисти, че между двете лексеми продължава да е налице фина семантична разлика (Ванкова 2015: www), тя очевидно е дотолкова размита, че в теоретичните си изследвания те самите използват като основно название на сивото и двете единици – *šedá/šedivá*. Академичният речник на съвременния чешки език дори ги представя в обща речникова статия (всъщност като дублети, а не като формални и лексикални синоними) <https://www.slovníkcestiny.cz/heslo/%C5%A1ediv%C3%BD/0/16894>. От гледна точка на теорията на Берлин и Кей обаче лексемата *šedivý* не отговаря на критериите за основно название на основен цвят не само заради словообразователната прозрачност. Макар и на подсъзнателно ниво заради първоначалното си значение, свързано с външния вид на човека (главно *коса, брада, мустаци*), тя продължава да се асоциира със светлите нюанси на сивото. Това обяснява факта, че колокации като *světle šedivá* се срещат значително по-рядко⁶.

Преносните значения на хиперонимните названия на сивия цвят са сходни в българския и чешкия език. От психологическа гледна точка цве-

⁶ Например при дословно търсене в Гугъл на *světle šedá* и *světle šedivá* съотношението на резултатите е приблизително 30 : 1. <<https://www.google.com/search>>, 16.12.2024 г.

В syn2015 резултатите са дори 60 : 1, а общият брой употреби на *světle šedivá* е 0,1%. https://www.korpus.cz/kontext/view?viewmode=kwic&pagesize=40&attrs=word&attr_vmode=visible-kwic&base_viewattr=word&refs=%3Ddoc.title&ref_max_width=40&q=~RGM4OAwwuM0G&cutoff=0, 3.01.2025 г.

тът се определя не като фигура, а като фон (Вежбицка 2014: 314), за който най-характерно е липсата на достатъчно (ярка) светлина. Обектът остава полускрит, неясно изразен, а затруднената му перцепция може да предизвика у възприемащия субект негативни емоции. Идеята за сивото като ахроматичен хибриден цвят разгръща метафоричния си потенциал, оформяйки три основни семантични групи:

А) „Неизразителен, безличен, скучен“ – *сив пейзаж*⁷, *сиво ежедневие*, *сива мишка*, *сив поток*, *сива маса* и др./*šedá realita*, *šedivý život*, *šedivé dni*, *šedá myš* aj.

Б) „Скрит, полулегален“ – *сив сектор*, *сив бизнес*, *сиви практики*, *сива зона*, *сив кардинал* и др./*šedá ekonomika*, *šedý export*, *šedá zóna*, *šedá eminence* aj.

В) „Мрачен, тъжен“ – *сиви мисли*, *сиво настроение* и др./*šedivá nálada*.

Съпоставителният анализ на свободните колокации с лексемите *сив/šedý*, *šedivý* в преносно значение, както и на устойчивите словосъчетания, регистрира само няколко прояви на лексикално-семантична асиметрия. *Šedá zóna* например е ново словосъчетание, което освен значението, което има и в българския език, се използва за назоваване на „мнозинството от народа, което в периода на нормализацията⁸ стои настрана и не изразява политическите си възгледи“ (Шмидтова, Шмидтова 2006: 297). В българския език не откриваме и метафорична употреба на *сив* със значение „отминал, далечен“, докато изразите *šedé doby*, *šedé věky*, *šedá dávnověkost* (макар и маркирани като архаизми) в част от речниците се тълкуват като далечни, отдавна минали, непознати времена (SSJČ, PSJČ). *Šedivé úterý* пък наричат втория ден от Страстната седмица, когато според чешката и словашката фолклорна традиция домът се почиства, а цветът на праха и паяжините мотивира названието на този ден.

„Сивият спектър“ на лексиката и фразеологията често се представя като първообразен – „безцветен“ естествен природен фон, разположен на широката скала между черното и бялото с множество нюанси (Калита 2017: 5), чиито названия би следвало също да носят определена лингвокултурологична информация. „Представата за цвета, формирана на базата на сравнение с предмети от действителността, изгражда ядрото на лингвоцветовия концепт, а периферията се формира благодарение

⁷ Примерите на български са от РБЕ онлайн, а на чешки – от ASSČ.

⁸ Нормализация – период от чехословашката история от момента на потушаването на Пражката пролет през 1968 г. от силите на Варшавския договор до избухването на Нежната революция през ноември 1989 г. (К. Т.)

ние на асоциации, традиции, политически и исторически събития, особености на художественото възприемане на цвета и др.“ (Охрицкая 2012: 9). Фокусът ни е върху изградените чрез основния механизъм на създаване на названия на оттенъци – сравнението с обекти от реалността. В този случай обаче менталният процес на сравнение и семантичното преосмисляне имат една главна особеност, която различава проучваните единици от други устойчиви или свободни сравнения. Образът на сравнението пренася почти монолитно цялата информация относно цветовото възприятие върху признака за цвят. Както е известно, според системата на Алберт Мюнсел⁹ зрителната перцепция разграничава цветовете не само по нюанс (*червен, син, жълт* и пр.), но и по яркост (*светъл X тъмен*) и интензивност (*наситен X блед*). И при прилагателните с преносно значение за цвят, и при образуваните от тях композити се активират всички характеристики на назовавания цвят. Трябва да се подчертае също, че употребата на подобни единици почти винаги има и втори план с пряко отношение към асоциативното възприятие на реалния денотат, т.е. „става дума не толкова за назоваване на цвят, а за емоционално впечатление“ (Шмидтова 2006: www).

В природата съществуват множество обекти, които хората виждат като сиви. За да се уточни конкретен сив нюанс обаче, се използват названията само на онези, които са значими по някаква причина (обикновено икономическа) за човешкия бит или които се наблюдават често в ежедневието. В Таблица 1 представяме названията на реални обекти и участието им в три групи единици, назоваващи различни оттенъци на сивото – прилагателни имена с преносно значение за цвят, композити/словосъчетания за цвят и названия за цвят от РАЛ¹⁰ системата. Разнообразният в много отношения емпиричен материал налага оформянето му в групи, които до голяма степен пък съответстват и на източниците за ексцерпция. Приемаме за актуални (т.е. познати, разбираеми, без да е нужна предварителна подготовка, и донякъде общо споделяни от съвременните носители на езика, с висок потенциал за употреба в ежедневието) онези единици, които имат поне две съответствия по отношение на сравнението с конкретния реален обект.

⁹ По-подробно вж. <http://munsell.com/>

¹⁰ РАЛ система – една от най-старите и най-използвани и днес в областта на рекламата, архитектурата, строителството, промишлеността и др. международни номенклатури за цветове. В изследването си използваме класическия вариант с названия на 213 цвята, който нагледно представя обогатяването и интернационализацията на колоративната лексика в повечето национални езици, вкл. българския и чешкия.

Таблица 1

Название на реален обект	Преносно значение за цвят	Композит/словосъчетание за цвят	Название от РАЛ система
СИВО			
Антрацит	+	+	+
Ахат	—	—	+
Бисер/перла	—/—	+/+	—/—
Гълъб	+	+	—
Земя	+	+	—
Камък	—	+	—
Мишка	+	—	+
Мляко	—	+	—
Облак	+	+	—
Олово	+	+	—
Пепел	+	+	—
Платина	+	+	+
Прах	—	+	+
Пясък	—	+	—
Скала	—	—	+
Сняг	—	+	—
Сребро	+	+	+
Шиста	—	+	+
ŠEDÁ			
Antracit	+	+	+
Achát	+	+	+
Břidlice	+	+	+
Holub	+	+	—
Mák	+	+	—
Mléko	—	+	—
Mrak	—	+	—
Myš	+	+	+
Oliva	+	+	+
Olovo	+	+	—
Perla	—	+	—
Písek	+	+	—
Plíseň	+	—	—
Platina	+	+	+
Popel	+	+	—
Prach	—	+	+
Skála	—	+	+
Sníh	—	+	—
Stříbro	+	+	+
Vrabec	+	+	—
Země	+	+	—

Таблично представеният материал ясно свидетелства не само за приблизително еднаквото количество на названията на сивите нюанси в двата езика, образувани по този начин, но и за сходния избор на обект от физическата действителност. Като проява на междуезикова асиметрия в това отношение приемаме *oliva*, *vrabec*, *mák*. В българското езиково пространство маслината се асоциира най-често с лъскав черен цвят¹¹ (евентуално зелен, но не и сив), макът¹² – само с червено, а врабецът изобщо липсва като компаратум по цвят.

В чешкия език не откриваме и пълен лексикалносемантичен и стилистичен аналог на етимологично непрозрачната за повечето съвременни носители на българския език лексема *бозав/бозов*. Проследяването на лексикографското представяне на единицата очертава тенденция към лека семантична промяна. Заемка от турски език *boz* 'сив', в речниците до края на миналия век лексемата се представя със същата семантика, като се отнася основно към цвета на козината на овце и кози, на добиваната от тях вълна и на коса, брада, мустаци, загубили естествения си цвят.

Бозав прил. Сив, пепелявосив (БТР 73/БТР 94).

Постепенно прилагателното име започва да се тълкува като нюанс на кафявото:

Бозов, -а, -о, мн. -и, прил. Който има светлокафяв цвят с пепелява отсянка; сивобежов (РБЕ онлайн).

Бозов прил. Светлокафяв с пепеляв оттенък (БТР ВР).

Бозав 'сиво-кафяв', **бозуч**, -ва, -ву 'светлокафяв, цвят на естествена вълна' (Кортен, Твърдица, Слив.), **бозинев** също (СрР), **боза** 'сива (за коза, овца), такъв цвят вълна' (Корово, Велгр.) от тур. *boz* 'сив'; **сур** 'светлосив, бозав' > първобългарска заемка с широко разпространение (Александрова 2007: www).

Смятаме, че една от причините за подобно семантично „колебание“ между сивото и кафявото едва ли е само резултат от различните оттенъци на естествената вълна при отделните породи овце и кози. По-вероятно става дума за аргумент в полза на хипотезата на А. Вежбицка

¹¹ Вж. в българския фолклор сравненията – *очи-маслини*, *очи-черни маслини*.

¹² Сравнението по цвят с растението *Papaver somniferum*, на което Чешката република от 2006 г. е сред най-големите производители в света (<https://ceskymodrymak.cz/cs/mak/obesne-informace>), е и според цвета на семената му, които традиционно се използват в чешката кухня.

Вж. **m-á barva šedomodrá n. rudá**; m. šátek, m-é oči barvy (*semen*) máku, šedomodré (SSJČ).

за подчертано хетерогенния характер на кафявото спрямо останалите основни хибридни цветове (Вежбицка 2014: 352). Категоризацията и концептуализацията на кафявия цвят в славянски контекст са много по-късни в исторически план процеси, за което свидетелстват и различните хиперонимни названия в редица от тях (*кафјав* – *hnědý* – *коричневый* – *brązowy*).

Съвременните носители на езици с развита колоративна лексика възприемат сивия цвят като смесен от черно и бяло, при това единият понятиен компонент (черното) е значително по-ясно изразен от другия (Вежбицка 2014: 351). Идеята, че сивото е вид черно, се потвърждава и от сравнението с реалните обекти, които човек вижда като сиви. По-голямата част от тях се асоциират и с други прототипно тъмни цветове – главно **черно** (антрацитеночно, *olivově černý*) и **кафяво** (*olivově hnědý*, землистокафјав, пясъчнокафјав). Обекти, чиято перцепция се свързва със светли тонове (сняг, мляко, сребро, платина), уточняват допълнителни цветови характеристики на конкретния сив оттенък, като блясък, непрозрачност, наситеност и пр.

Стремейки се да очертаем лингвокултурологичния профил на сивото, няма как да не отбележим тезата на И. Ванкова, според която прототип на безцветното е именно сивият цвят, по-рядко черно-бялото или черното. Макар че авторката се фокусира предимно върху конотативните значения и асоциативните смисли на колоративните названия в чешкия език и култура, изследванията ѝ доказват превеса на черното в чешката представа за прототипно сиво именно чрез изведената негативна аксиологична маркираност на единиците (Ванкова 2005: 200).

Комбинация от двата абсолютни цветови антипода, сивото във функционален план, както вече отбелязахме, се възприема като фон (покритото с облаци небе, или онази част от денонощието, когато вече не е ден, но и още не е нощ), който „крие“ или поне затруднява перцепцията на обектите. Възможно е именно психологическата представа за сивото като стабилен, статичен и донякъде предвидим фон между черното и бялото да обяснява липсата на устойчиви сравнения за сив цвят и в двата езика, въпреки че всъщност цветът е широко разпространен в природата¹³. Другите регистрирани фразеологични единици с компонент *сив/šedý, šedivý* са основно безглаголни – *сива мишка*, *сив кардинал/malé šedé buňky, šedá myš* и др. В българския език не е налице ана-

¹³ В ботаниката и зоологията има множество термини с компонент *сив* – *сива гъска*, *сива врана*, *сива водна змия*, *сив сокол*, *сив брегобегач*, *сив брашнен молец*, *сив пачи крак/muchomůrka šedá, vrána šedá, lejsek šedý, ťuhýk šedý* и др.

лог на словосъчетанията *šedý mráz* 'слана, скреж', *šedý zákal* 'ката-ракта, перде', *šedá vlna* 'струпване на пенсионери в магазините, превозните средства на градския транспорт и др. обикновено преди обед'. Най-редки по вид са изреченските фразеологизми – *Брада сива, глава дива. Вятър ме вее на сива кобила*.

Опитахме се да посочим и съпоставим основните концептуални характеристики на конкретен периметър от чешкото и българското цветово езиково пространство. Най-същественото различие, което констатираме, е в таксонимично-номинационен план. Експанзията на лексема, производна от хиперонимното название *šedá*, и почти пълната лексикално-семантична дублетност между двете позволяват да определим съвременната чешка представа за сиво като по-динамична в структурно отношение в сравнение с българската. Междуетиковите еквиваленти обаче съвсем очаквано са повече не само защото изначално когнитивните процеси при назоваването на цветовете са сходни, но и защото съпоставяме два родствени езика, част от общата европейска култура.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова 2007:** Александрова, С. Названия за цветове в българските говори. [Aleksandrova, S. Nazvaniya za tsvetove v balgarskite govori.] // *LiterNet*, 20.10.2007, № 10 (95). <https://litenet.bg/publish20/s_aleksandrova/nazvaniia.htm> (19.12.2024 г.).
- Андрейчин и кол. 1973:** Андрейчин, Л., и кол. *Български тълковен речник*. [Andreychin, L., i kol. Balgarski talkoven rechnik.] София: Наука и изкуство, 1973.
- Бартмински 2016:** Bartmiński, J. *Język w kontekstu kultury. Dvanáct statí z Lublinské kognitivní etnolingvistiky*. Praha: Karolinum, 2016.
- Берлин, Кей 1969:** Berlin, B., P. Kay. *Basic Color Terms. Their Universality and Evolution*. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Ванкова 2005:** Vaňková, I. a kol. *Co na srdci, to na jazyku*. Praha: Karolinum, 2005.
- Ванкова 2015:** Vaňková, I. *Posudek k bakalářské práci Šedá/šedivá barva a její reflexe v češtině a českých slovnících*. 2015, <https://dspace.cuni.cz/bitstream/handle/20.500.11956/69751/BPPV_2013_2_11210_0_424174_0_150665.pdf?sequence=5&isAllowed=y> (15.11.2024 г.).
- Влахова-Ангелова 2018:** Влахова-Ангелова, М. Цветовите в българската топонимия (върху материал от Западна България). [Vlahova-Angelova, M. Tsvetovete v balgarskata toponimiya (varhu material ot

- Zapadna Balgariya).] // *Известия на института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*, книга XXVII, София: БАН, 2018, стр. 130 – 160, <<https://ibl.bas.bg/izvestiya/wp-content/uploads/2018/06/IZVESTIA-IBE-XXVII-130-160-Vlahova-Angelova.pdf>> (10.11.2024 г.).
- ИБЕ БАН 1977 – 2015:** Институт за български език – БАН. *Речник на българския език*. [Institut za balgarski ezik – BAN. Rechnik na balgarskiya ezik.] София: АИ „Проф. Марин Дринов“, 1977 – 2015. <<https://ibl.bas.bg/rbe/>> (5.01.2025 г.).
- Калита 2017:** Калита, И. *Очерки по компаративной фразеологии II. Цветная палитра в национальных картинах мира русских, беларусов, украинцев и чехов*. [Kalita, I. Ocherki po komparativnoj frazeologii II. Tsvetnaya palitra v natsional'nyh kartinah mira russkih, belarusov, ukraintsev i chehov.] Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017.
- Охрицкая 2012:** Охрицкая, Н. *Лингвокультурологический аспект многозначности цветоименований. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук* [Ohritskaya, N. Lingvokulturolo-gicheskiy aspekt mnogoznachnosti tsvetonaimenovanij. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk.] Челябинск: ЧГУ, 2012.
- Попов 1994:** Попов, Д., и кол. *Български тълковен речник*. [Popov, D., i kol. Balgarski talkoven rechnik.] София: Наука и изкуство, 1994.
- Радева 2012:** Радева, В. *Български тълковен речник*. [Radeva, V. Balgarski talkoven rechnik.] София: Изток – Запад, 2012.
- Рейзек 2001:** Rejzek, J. *Český etymologický slovník*. Voznice: Leda, 2001.
- Рейзек и кол. 2023:** Rejzek, J., Křivan, J., Lišková, M., Šemelík, M. *Akademický slovník současné češtiny* [online] (2017 – 2023). P., Ústav pro jazyk český AV ČR, <https://slovníkcestiny.cz/o_slovníku.php> (5.01.2025 г.).
- Хавранек и кол. 1971:** Havránek, B. a kol. *Slovník spisovného jazyka českého*. Praha: Academia, 1960 – 1971.
- Хуйер и кол. 1957:** Hujer, O. a kol. *Příruční slovník jazyka českého*. Praha: ČAV, 1935 – 1957.
- Шмидтова, Шмидтова 2006:** Schmiedtová, V. a B. Schmiedtová, *Určení jazykové základovosti barev v Českém národním korpusu*. // Čermák, Fr. a kol. *Korpusová lingvistika: stav a modelové přístupy*. Praha: NLN, 2006, s. 285 – 358.
- Шмидтова 2006:** Schmiedtová, V. *Volná a vázaná spojitelnost/ kolokabilita názvů barev a jejich odsínů v češtině na základě ČNK*. <<https://www.researchgate.net/publication/>

302395963_Volna_a_vazana_spojitelnost/kolokabilita_nazvu_barev_a_jejich_odstinu_v_cestine_analyza_na_zaklade_CNK> (20.11.2024 г.).

Юнгман 1838: Jungmann, J. *Slovník česko-německý, díl IV, S–U*, Praha, 1838. <<https://vokabular.ujc.cas.cz/moduly/slovniky/digitalni-kopie-detail/JgSlov04/strana-443>> (18.11.2024 г.).

ИЗПОЛЗВАНИ СЪКРАЩЕНИЯ

БТР 73 Андрейчин, Л., и кол. *Български тълковен речник*. [Andreychin, L., i kol. Balgarski talkoven rechnik.] София: Наука и изкуство, 1973.

БТР 94 Попов, Д., и кол. *Български тълковен речник*. [Popov, D., i kol. Balgarski talkoven rechnik.] София: Наука и изкуство, 1994.

БТР ВР Радева, В. *Български тълковен речник*. [Radeva, V. Balgarski talkoven rechnik.] София: Изток – Запад, 2012.

РБЕ онлайн Институт за български език – БАН. *Речник на българския език*. София: Проф. Марин Дринов, 1977 – 2015. <<https://ibl.bas.bg/rbe/>> (5.01.2025 г.).

ASSČ Rejzek, J., Křivan, J., Lišková, M., Šemelík, M. *Akademický slovník současné češtiny* [online] (2017 – 2023). P., Ústav pro jazyk český AV ČR, <https://slovníkcestiny.cz/o_slovníku.php> (5.01.2025 г.).

JSČN Jungmann, J. *Slovník česko-německý, díl IV, S–U*, Praha, 1838. <<https://vokabular.ujc.cas.cz/moduly/slovniky/digitalni-kopie-detail/JgSlov04/strana-443>> (18.11.2024 г.).

PSJČ Hujer, O. a kol. *Průruční slovník jazyka českého*. P. ČAV, 1935 – 1957.

SSJČ Havránek, B. a kol. *Slovník spisovného jazyka českého*. P., Academia, 1960 – 1971.

АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗАМА У УЧБЕНИЦИМА СРПСКОГ КАО СТРАНОГ ЈЕЗИКА

Дарка Хербез
Пловдивски универзитет „Пајсије Хиландарски“

ANALYSIS OF PHRASEOLOGISMS IN TEXTBOOKS OF SERBIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Darka Herbez
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

darka@uni-plovdiv.bg

This paper explores various approaches to incorporating idioms into the teaching of Serbian as a Foreign Language. We examine the acquisition of these linguistic elements through an analysis of Serbian language textbooks for foreigners and the utilization of audiovisual didactic materials. Given the pervasive nature of idioms in every day communication, their acquisition is crucial for effective foreign language learning.

Key words: idioms, Serbian as Foreign Language

1. Уводне напомене

У овом раду анализираћемо заступљеност фразеологизама у учбеницима српског као страног језика, тачније учбеницима *Аз буки 3* аутора Наташе Милићевић Добромиров, Биљане Новковић Ацаип, Милице Кричковић и Сање Секач (Добромиров, Ацаип, Кричковић, Секач 2020: 4 – 208) и *Супер српски* аутора Наташе Милићевић Добромиров и Биљане Новковић Ацаип (Добромиров, Ацаип 2011: 4 – 151). С обзиром на то да су фразеологизми врло распрострањени у свакодневној комуникацији, њихово усвајање представља незаобилазан елемент приликом усвајања страног језика. Одавно је препозната важност културе у настави страних језика. Многа истраживања пажњу посвећују и културолошкој оријентацији, што потврђује важност лингвокултуро-

лошког приступа. Како наводи Рајна Драгићевић, према Масловој, „задатак лингвокултурологије је да одговори на неколико важних питања: 1) како култура учествује у образовању језичких концепата; 2) у којој се значењској вези језичког знака чувају културни наноси; 3) да ли говорник и саговорник уносе те културне наносе у своју комуникацију и како то утиче на комуникациону стратегију; 4) постоји ли културно-језичка компетенција говорника“ (Драгићевић 2010а: 11). С обзиром на то да између језика и културе постоји чврста веза и стална интеракција, неминовно је укључити културолошке елементе у наставу српског као страног језика. Међутим, често културолошки садржаји остају маргинализовани у уџбеницима српског као страног језика. Иако се у новијим издањима уџбеника српског језика за странце може примијетити напредак у заступљености ових садржаја, још увијек се тај задатак углавном препушта предавачима страног језика, који би требало да пронађу адекватан начин да инкорпорирају ове садржаје у наставни процес. Један од циљева глотодидактике страних језика јесте и развијање интеркултурне комуникативне компетенције. У културолошке садржаје уџбеника српског као страног језика требало би уврстити фразеологизме као носиоце културних образаца. Изучавати језик без културе било би немогуће, а изучавање фразеолошког фонда спада у не-изоставан дио лингвокултуролошке компетенције. Неопходно је да студенти српског као страног језика упознају са значењем најфреквентнијих фразеологизама, као и да науче у којим ситуацијама се дати фразеологизми користе. Драгана Мршевић-Радевић истиче да је фразеологија један од најважнијих извора реконструкције језичке слике свијета, а фразеолошке јединице понашају се као спремишта за најразличитије културне садржаје (Мршевић-Радевић 2008: 6 – 7).

„Ако се жели странцу приближити на шта мисли изворни говорник српског језика док употребљава лексеме свог матерњег језика, највише се може постићи ако му се истовремено предочи више језичких складишта српске културе, као што су, рецимо, фразеологизми, пословице и вербалне асоцијације“ (Драгићевић 2012: 199).

1.1. Корпус, циљ и методе истраживања

Основни циљ овог истраживања јесте увид у заступљеност фразеологизама у уџбеницима српског као страног језика, покушај приједлога за њихову имплементацију у наставни процес, увид у разумијевање датих јединица, те утврђивање њиховог значаја за развој интеркултурне комуникативне компетенције ученика. Поставља се питање да ли су

фразеологизми довољно заступљени у уџбеницима српског језика за странце, на којем нивоу и у ком обиму их треба подучавати, као и на који начин странац који учи српски језик може лакше да усвоји ове јединице, постоји ли фразеолошки минимум при учењу српског као страног језика, које фразеологизме би требало уврстити у обраду и на основу којих критеријума. Мотивација за овај рад била је побољшавање комуникативне компетенције странаца који уче српски језик. Такође, анализираћемо утицај међујезичке интерференције приликом усвајања фразеологизама страног језика, односно покушаћемо доказати како се јединице које имају потпуну еквиваленцију у матерњем језику студената лакше усвајају од оних који имају дјелимичну или нулту еквиваленцију. С тим у вези, намеће нам се и хипотеза да је усвајање страног језика лакше уколико постоји позитиван језички трансфер. На крају, покушаћемо доказати да упознавање са фразеологизмима итекако доприноси богаћењу лексичког фонда странаца који уче српски језик, односно побољшава комуникативну компетенцију. Интеркултурно учење постало је неизоставни дио наставе страног језика. Основни циљ овладавања језиком јесте остваривање језичке комуникативне компетенције, а она се даље разлаже на функционално-прагматичку, лингвистичку и интеркултурну компетенцију (Меденица 2024: 79).

Корпус нашег истраживања биће уџбеници српског као страног језика за више нивое, тачније уџбеници *Аз буки 3* (ниво Б1/Б2) аутора Наташе Милићевић Добромиров, Биљане Новковић Аџаип, Милице Кричковић и Сање Секач (Добромиров, Аџаип, Кричковић, Секач 2020: 4 - 208) и *Супер српски* (Ц1/Ц2) аутора Наташе Милићевић Добромиров и Биљане Новковић Аџаип (Добромиров, Аџаип 2011: 4 – 151). Уџбенике *Учимо српски 1* (Добромиров, Аџаип 2013: 10 – 255) и *Учимо српски 2* (Добромиров, Аџаип, Кричковић, Секач 2022: 8 – 208) нисмо уврстили у анализу из разлога што ове језичке јединице у њима или нису заступљене или су заступљене у занемарљивом броју. Анализу ћемо допунити и приједлозима за додатне материјале, а показати ћемо и како се фразеологизми могу приближити студентима на основу аутентичних текстова, тј. кроз књижевне текстове, музичке текстове, инсерте из српских филмова, новинске чланке итд. Истраживање је спроведено са бугарским студентима српског језика на Пловдивском универзитету „Пајсије Хиландарски“, тачније са студентима треће, четврте и пете године. У раду се нећемо бавити посебним предметима на студијама који укључују фразеологију. Наш рад показује како предавач српског као страног језика може приступити овим језичким јединицама у оквиру практичних вјежби.

Што се тиче методологије истраживања користићемо методу анализе садржаја, гдје ћемо се користити дескриптивно-аналитичким поступком. Јединице анализе биће само фразеологизми у наведеним уџбеницима. Приликом обраде ових језичких јединица користићемо различите методе. „У организованој настави нематерњих језика хронолошки су се јављале следеће методе:

- традиционална,
- директна метода,
- аудио-орална или лингвална метода,
- аудио-визуелна глобално-структурална метода,
- комуникативна или когнитивна метода“ (Точанац-Миливојев 1997: 8).

Међутим, често предавач прибјегава комбинацији различитих метода јер, како каже Наум Димитријевић, „најбољег метода, једног, јединог, магичног, који био најбољи за све услове наставе – нема“ (Димитријевић 1984: 22).

Путем контрастивне анализе, уочићемо оне језичке јединице за које се могу наћи еквиваленти у бугарском језику. Тиме ћемо доказати како позитиван или негативан језички трансфер утиче на учење другог језика. Због обима овог рада, нећемо бити могућности да дамо примјере обраде свих фразеологизама, али ћемо на основу наших примјера показати неколико начина на које предавач може приступити обради ових језичких јединица у оквиру практичне наставе српског као страног језика.

1.2. Појам фразеологизма и фразеодидактика

На самом почетку укратко ћемо се осврнути на значење појма *фразеологизам*. Устаљени скуп од двије или више ријечи назива се *фразеологизам*. Рајна Драгићевић истиче да “фразеологизми (идиоми, фразеолошки обрти, фраземи, устаљене конструкције) јесу устаљене језичке јединице које се састоје од најмање две речи и имају устаљено језичко значење“ (Драгићевић 2010а: 24). Јосип Матешаић фраземе дефинише као „јединице језика значењскога карактера који се као цјелина репродуцирају у говорном акту, располажући при томе најмање двјема пунозначним (аутосемантичким) ријечима од којих барем једна упућује на семантичку претворбу, јединице које, због способности уклапања у контекст, попут сваке друге ријечи, могу вршити

синтаксичку функцију у реченици“ (Матешић 1982: 2). Важно је напоменути да постоје различита схватања о дефинисању предмета фразеологије. „Одсуство јединственог теоријског погледа и налажења решења основних питања везаних за фразеологију огледају се у различитом схватању појма „фразеологија“ и његовог обима, одакле проистиче разлика у дефинисању предмета истраживања ове дисциплине. Резултат нејединственог погледа види се у пару терминолошких појмова: фразеологија у ширем и фразеологија у ужем смислу. Фразеологија у ширем смислу укључује у аналитичка истраживања разне врсте устаљених вишелексемних спојева, који се као целине репродукују у језику (тј. говору), где осим фразеологизама спадају и пословице, изреке, изрази, колокације, узречице, крилатице, заклетве, клетве и сл. форме. Фразеологија у ужем смислу бави се само фразеолошким јединицама као језичким јединицама са специфичним језичким својствима која их одвајају од нефразеологизама, као што су: целовито значење, конотативност, експресивност“ (Вуловић 2015: 14). Дакле, издваја се неколико особина које разликују фразеологизме од осталих вишелексемних спојева, а то су:

1. репродуковање
2. устаљеност (релативна стабилност)
3. цјеловитост значења и идиоматичност
4. секундарна, индиректна номинација
5. конотативност
6. експресивност (и емоционалност) (Вуловић 2015: 25).

Најчешћа подјела фразеологизама обухвата фразеологизме исказане приједлошко-падежном конструкцијом, синтагмом и реченицом.

Због обима овог рада само смо се укратко осврнули на дефинисање ових појмова. С обзиром на неуједначеност мишљења у називима ових језичких јединица, ми ћемо у даљем тексту користити термин *фразеологизам*.

Говорећи о фразеодидактици, можемо примијетити да је у домаћој литератури то подручје слабо изражено. Најчешће се у фразеододактичким истраживањима ослања на радове Петера Кина, односно на његов дидактички поступак *фразеолошки трокорак*. Први корак подразумијева идентификацију фразеологизама, други корак разумијевање, а трећи употребу фразеологизама у одговарајућем контексту (Кин 1992: 177, наве-

дено у Чабрић 2014: 221). На основу анализе уџбеника добићемо увид да ли је испоштован фразеолошки трокорак, а на основу приједлога за обраду ових јединица покушаћемо установити на који начин студенти српског као страног језика најлакше усвајају фразеологизме.

2. Фразеологизми у уџбеницима српског као страног језика

Као што смо већ споменули, у нашем раду осврнућемо се на фразеологизме који су заступљени у уџбеницима српског језика за странце, тачније у Азбуковим уџбеницима *Аз буки 3* (ниво Б1/Б2) аутора Наташе Милићевић Добромиров, Биљане Новковић Аџаип, Милице Кричковић и Сање Секач (Добромиров, Аџаип, Кричковић, Секач 2020: 4 – 208) и *Супер српски* (Ц1/Ц2) аутора Наташе Милићевић Добромиров и Биљане Новковић Аџаип (Добромиров, Аџаип 2011: 4 – 151). Иако су у савременој настави све више присутне и друге врсте дидактичких средстава, не можемо порећи да уџбеник представља основно наставно средство. Састављачи наведених уџбеника препознали су важност укључивања ових језичких јединица, а на задатку предавача остаје да ту грађу предочи и прошири. У нашој анализи покушаћемо указати на предности и недостатке ових садржаја, те дати приједлоге на који начин би се ове језичке јединице могле уврстити у већем обиму.

С обзиром на то да су фразеологизми углавном заступљени у уџбеницима за више нивое, почећемо од уџбеника *Аз буки 3* (Добромиров, Аџаип 2011: 4 – 151). Овај уџбеник предвиђен је за Б1/Б2 ниво. У датом уџбенику наилазимо на фразеологизме скоро у свакој лекцији у суженом обиму, али само у три лекције постоје задаци у којима су заступљени. Вјежбанка садржи два задатка, а оба су дата у облику распо­ређивања фразеологизама у правилан контекст.

У првој лекцији *Моја породица* заступљене су три пословице и један фразеологизам (*глава породице*). Фразеологизам није објашњен и претпоставља се да је тај задатак остављен предавачу.

У склопу лекције *То сам што сам* заступљено је шест поредбених фразеологизама (*љут као рис, вредан као мрав, лењ као трут, добар као хлеб, луд као струја и паметан као пчелица*). Фразеологизми нису објашњени, а нису регистровани ни задаци у вези са њима.

У лекцијама *Сам свој газда*, *У ком си филму*, *Три-четири сад* и *Луда кућа* заступљено је 10 фразеологизама (*одрасли под стакленим звоном, младост-лудост, прекид филма, пући филм, стати неке на пут, бити на добром путу, показати неке на пут, стати на пола пута, трновит пут, пут под ноге*), а неки од њих представљени су и кроз

насловне лекција. Нису заступљени посебни задаци у вези са датим фразеологизмима и сви су наведени изван текстова у лекцијама.

У истом уџбенику у склопу лекције *Модни временлов* представљено је неколико фразеологизама (*стоји ти као саливено, ставити главу у торбу, заврнути рукаве, остати кратких рукава*). Фразеологизми нису објашњени и нема засебних задатака. Након семантизације путем објашњења, овдје предлажемо увођење и нових фразеологизама путем аутентичних материјала, што ће бити обрађено у даљем тексту овог рада.

Остале лекције (*Чаробни свет, Од Адо Ш, Коџка је бачена, Сви за једног и један за све и Пет до 12*) садрже 15 фразеологизма и неколико пословица, али нису идентификовани засебни задаци. Неколико фразеологизама идентификовано је у насловима лекција. Највећи број фразеологизама регистрован је у лекцијама *Лова до крова (кошта као кајгана Светог Петра, чувати за црне дане, стезати каиш, састављати крај с крајем, лежати на парама, одрати некога, убијати се од пара, бити на просјачком штапу, живјети од данас до сутра)* и *Тајни језик (ићи као мува без главе, ићи главом кроз зид, попети се некоме на главу, држати некога на оку, склонити се сочију некоме, упасту у очи, ићи од руке, држати конце у својим рукама, вући некога за нос, бити пред носом)*, гдје су дати у склопу задатака повезивања и уклапања у одговарајући контекст. Ово су и једине лекције у уџбенику које садрже задатке у вези са фразеологизмима. Дакле, готово у свим лекцијама заступљени су фразеологизми, али на предавачу остаје да студентима скрене пажњу на њих. У те сврхе можемо направити задатке вишеструког избора, задатке повезивања, задатке откривања значења на основу контекста или пак задатке са еквивалентима из матерњег језика, чему ће више пажње бити посвећено у наставку рада.

Скоро идентичан број фразеологизама идентификован је у уџбенику *Супер српски* (Добромиров, Аџаип 2011: 4–151), предвиђен за ниво Ц1/Ц2. Похвално је што овај уџбеник садржи аутентичне текстове, али ипак оскудјева у аутентичним текстовима са фразеологизмима. Већи број фразеологизама пронашли смо у одломку из романа *Кад су цветале тикве* Драгослава Михаиловића (Добромиров, Аџаип 2011: 100–101). Текст представља погодан примјерак за упознавање са различитим фразеологизмима, који су фреквентни у српском језику, те је његово укључивање у уџбеник итекако корисно. Књижевни текстови су ризница културолошких садржаја, а њиховом употребом у настави побољшавамо и практично знање студената. Читање текста може послужити као увертира у наставну јединицу, а након

тога студентима се обраћа пажња на фразеологизме у датом тексту. Наиме, овај текст обилује примјерима као што су *ићи од руке, правити рачуницу, бити тврд на пару, бити по старом*, што нам даје простора да студенте упознамо и са њиховим значењима. У самом уџбенику заступљени су и задаци који се базирају на фразеологизмима из текста. Ово је једини примјер у уџбенику гдје се фразеологизми могу наћи у склопу аутентичних текстова. Остали фразеологизми у уџбенику дати су у склопу посебних задатака, који се углавном представљени у форми повезивања фразеологизама и дефиниције или у виду распоређивања одговарајућег фразеологизма у контекст. Осим у лекцији *Прича без речи*, гдје су представљени фразеологизми са компонентом језик (*имати дуг језик, наћи заједнички језик, држати језик за зубима, језик му се завезао, повући (кога) за језик, бити наврх језика, бити оштар на језику, ујести се за језик, скратити (коме) језик*), други фразеологизми са соматском компонентом нису детектовани у уџбенику.

У овом уџбенику заступљени су и фразеологизми са лексемом *ријеч*: *дати коме ријеч, добити ријеч, одржати ријеч, држати кога за ријеч, повући ријеч, трошити ријечи, празне ријечи, мјерити ријечи*, који су представљени кроз задатке повезивања са дефиницијом.

У лекцији *Као код куће* фразеологизам је идентификован у самом наслову, а регистровани су и други фразеологизми у склопу два задатка. Један се односи на споменути одломак из романа *Кад су цветале тикве*, а у другом се очекује да студенти определијеле на шта се односи значење датих фразеологизама (карактерни или физички опис). Највећи број фразеологизама регистрован је у лекцији *Имати и немати*, који су усклађени са тематским садржајем лекције и представљени у виду задатака. Похвално је што су сви фразеологизми у овом уџбенику представљени кроз различите задатке, што омогућава усвајање датих фразеологизама.

Анализом садржаја уџбеника *Аз буки 3* (Добромиров, Аџаип, Кричковић, Секач 2020: 4 – 208) идентификовано је 58 фразеологизама. Фразеолошки материјал је наведен ван текстова и само у двије лекције заступљени су задаци у вези са њима. У уџбенику *Супер српски* (Добромиров, Аџаип 2011: 4 – 151), идентификован је готово исти број фразеологизама у оквиру лекција, тачније 51. Предност овог уџбеника огледа се у заступљености задатака са фразеологизмима, као и присуство аутентичних текстова. Похвално је што су састављачи ових уџбеника препознали важност укључивања фразеологизама у наставу, али сматрамо да би требало да буду заступљени у већем обиму. Као недостатак уџбеника *Аз буки 3* Добромиров, Аџаип, Кричковић, Секач 2020:

4 – 208) могло би се навести одсуство задатака са датим фразеологизмима, те тиме није испоштован фразеолошки трокорак.

3. Приједлози за додатне материјале за обраду фразеологизама и примјери вјежбања

С обзиром на то да је у првој лекцији уџбеника *Аз буки 3* заступљен само један фразеологизам, предлажемо да се додају и други фразеологизми са лексемама у вези са породичним односима. Овдје смо се одлучили за примјену аутентичних текстова, што потврђује став већине лингвиста да је фразеологизме најбоље проучавати путем аутентичних текстова. Андријевић М. наводи најуопштенију подјелу аутентичних текстова на текстуалне, визуелне и текстуално-визуелне (Андријевић 2016: 198). Дакле, аутентични текстови подразумијевају књижевне текстове, новинске текстове, филмове, музику итд. Како би фразеологизми били тематски усклађени са лекцијом, изабрали смо наслове новинских чланака у којима су били заступљени фреквентни фразеологизми.

*Ни по бабу ни по стричевима – вечити дерби из стручног угла
Као од мајке рођен у кади пуној леда*

Пљунути отац: Наташа Беквалац показала на кога личи!

Пијан као мајка возио се на бициклу

Од зла оца и од горе мајке или још мало о потенцијалним купцима Телекома

На овај начин студентима се уводе фразеологизми *као од мајке рођен*, *пљунути отац/мајка*, *ни по бабу ни по стричевима*, *од зла оца и горе мајке*, *пијан као мајка*. Сматрамо да су новински наслови веома погодни за усвајање фразеологизама јер сажето и јасно изражавају главну поруку садржаја чланка. Циљ је да студенти на основу контекста чланака дођу до значења фразеологизама. Наше искуство показало је да је откривање на основу контекста веома ефикасна метода за усвајање фразеологизама. Након објашњења датих фразеологизама, може се од студената тражити да исте користе у реченицама или да повежу одређени фразеологизам са његовим значењем. Такође, можемо студентима задати да пронађу еквиваленте у матерњем језику. Као што смо већ навели, понекад се колективна експресија подудара и значење израза ће бити сасвим јасно странцима. Међутим, уколико се еквиваленти у два језика не поклапају, може доћи до неразумијевања поруке. На примјер, Бугари ће лако разумјети значење *пије као смук*, али ће им бити нејасно зашто се каже *пијан као мајка*. Фразеологизам *пије као*

смук (*пие като смок*) присутан је у оба језика, што олакшава усвајање датог фразеологизма. Драгана Мршевић-Радовић објашњава мотивацију поређења способношћу змије (*смука*) да одузме млијеко свим кравама једног домаћина (Мршевић-Радовић 2008: 159). Међутим, значење израза *пијан као мајка* студентима неће бити јасан, те је пожељно објаснити поријекло овог израза. Милан Шипка наводи два могућа објашњења. Наиме, једно стајалиште гласи да израз потиче из времена када су се труднице порађале код куће, гдје су им бабице давале алкохол да би им ублажиле болове. Међутим, имамо и теорију да овај израз значи *бити пијан као мајка земља* у значењу *натопљен, напит* (Шипка 1998: 46). Након објашњења, могу се навести и други фразеологизми као што су *пијан као земља, пијан као дуга, пијан као летва* итд.

У трећој лекцији идентификовано је 6 фразеологизама, који су наведени у претходном одјелку овог рада. С обзиром на то да је избор фразеологизама тематски усклађен са лекцијом, ту предлажемо да се додају и други фреквентни фразеологизми који изражавају психичке и физичке карактеристике човјека. У те сврхе можемо студентима дати задатак у облику допуњавања одговарајућим компаратумом. Критеријум за избор фразеологизама била би потпуна еквиваленција са фразеологизмима у бугарском језику, што доприноси лакшем усвајању. Овај тип задатка показује утицај међујезичке интерференције на усвајање страног језика, односно усвајање српског језика код бугарских студената:

миран као; бијесан као; слободан као; спор као; вјеран као; лукав као; јак као; витак као; дебео као; тврдоглав као; глуп као; брз као.

Очекивани одговори би били *миран као буба/јагње, бијесан као рис/пас, слободан као птица, спор као пуж, вјеран као пас, лукав као лисица, јак као бик, витак као срна, дебео као свиња/бумбар/ормар, тврдоглав као магаре, глуп као гуска/магаре, брз као зец*. На основу датих вјежбања установљено је да су студенти лакше усвајају фразеологизме који имају потпуну еквиваленцију у бугарском језику (*кротък като агне/ буболечка, зъл като рис, брз като заек, свободен като птица, бавен като охлюв, верен като куче, хитър като лисица, здрав като бик, стройна като срна, дебел като свиня, глупав като магаре/гъска*). Такође, фразеологизми би се могли презентовати и путем инсерата из филма *Лајање на звезде*, који садржи фразеологизме *добар као хлеб* и *глуп као ноћ*.

У лекцији *Модни временлов* предлажемо увођење и нових фразеологизама путем аутентичних материјала, тачније наслова новинских

чланака и њиховог садржаја. У циљу лакшег усвајања, бирани су они фразеологизми који имају потпуну еквиваленцију у бугарском језику.

Нећу дозволити да се Приштини даје све „шаком и капом“

Вучић „бацио рукавицу“ Живковићу

Емпатија или „бити у туђим ципелама“

Србија „скида капу“ Новаку

Циљ је да студенти на основу наслова и садржаја чланка препознају и закључе значење фразеологизама. Све наведене фразеологизме одликује потпуна еквиваленција са фразеологизмима у бугарском језику, те је уочен је позитиван језички трансфер приликом усвајања датих фразеологизама (*свалям шапка, да влезеш в чужди обуки, хвѣрлям рѣкавицаата, слагам главата в торбата*).

С обзиром на то да су у лекцији *Тајни језик* фразеологизми груписани према лексичкој породици (дијелови тијела), наш задатак био би укључивање и других фразеологизама са соматском компонентом. Овдје бисмо као дидактичко средство могли користити музичке текстове и инсерте из филмова и серија. Наиме, у пјесми *Нова ја* наилазимо на фразеологизме *вртјети око прста и оборити с ногу*. Пјесма служи као увертира за представљање фразеологизама, а затим студенти препознају фразеологизме. Након тога може се кроз задатак повезивања са дефиницијом провјерити разумијевање фразеологизама. Трећи корак био би да дате фразеологизме употребе у контексту. С обзиром на то да се углавном ради о млађој студентској популацији, извођаче смо бирали искључиво према њиховом музичком укусу и жељама. У 27. епизоди серије *Истине и лажи* регистровали смо фразеологизме *зујати као мува без главе, бити испред носа, зенице мојих очију*. Може се дати читава епизода са повременим заустављањима, али за потребе часа могу се дати и само инсерти како би се скренула пажња на ове језичке јединице. Сцене се могу погледати два пута. Циљ је на основу контекста доћи до значења израза, а касније се могу утврдити и кроз различите задатке. Након гледања могле би да се креирају различите комуникативне ситуације у којима ће студенти реаговати одговарајућим изразом. Рајна Драгићевић истиче да „руски лингвисти сматрају да се утицај културе на језик најизразитије огледа у вербалним асоцијацијама, фразеологизмима, народним пословицама и изрекама, прецедентним текстовима, али и садржајима из савремене културе, као што су рекламе, филмови, популарне песме, па би се увођењем оваквих садржаја у наставу српског језика као страног могле превазићи посебности српског језика изазване неким специфичностима националне културе“ (Драгићевић 2012: 194). С обзиром на то да српска кинемато-

графија и музика обилују фразеологизмима, нисмо случајно изабрали ово дидактичко средство. Такође, увођење овог дидактичког средства повећава мотивацију, упознаје студенте са културом народа чији језик уче и омогућава ефикасније усвајање садржаја.

С обзиром на трајање часа, корисним су се показале и популарне реплике из српских филмова, које трају кратко и доступне су на интернету. Веома кратак инсерт из популарног филма *Тесна кожа* и реченица: „Јеси ћурка!“, може да покаже да се *ћурка* користи за означавање глупе особе. „Врло је важно предочити странцима колективну експресију у вези са зоонимима и фитонимима, јер се она у неким сегментима разликује од језика до језика и може довести до проблема у комуникацији“ (Драгићевић 2010: 101). Осим тога, путем филмова можемо студенте упознати и са култним репликама које, такође, доприносе развоју културолошке свијести.

У неким лекцијама фразеологизми су потпуно изостављени, па је пожељно да предавачи допуне исте својим материјалима. С обзиром на то да обим овог рада не дозвољава да представимо све могуће приступе, дали смо неколико различитих примјера како се ове језичке јединице могу укључити у практичну наставу, ослањајући се на неколико критеријума и поштујући *фразеолошки трокорак*. Наведени примјери би могли бити смјерница како да предавач направи сопствене материјале приликом обраде ових језичких јединица.

4. Закључак

У овом раду разматрали смо колико су фразеологизми заступљени у анализираним уџбеницима, треба ли фразеологизме поучавати у српском као страном језику и на којим нивоима, који су критеријуми за избор фразеологизама и како их странци могу најлакше усвојити. Корпус нашег истраживања били су уџбеници српског као страног језика за више нивое, тачније уџбеници *Аз буки 3* (ниво Б1/Б2) аутора Наташе Милићевић Добромиров, Биљане Новковић Аџаип, Милице Кричковић и Сање Секач (Добромиров, Аџаип, Кричковић, Секач 2020: 4 – 208) и *Супер српски* (Ц1/Ц2) аутора Наташе Милићевић Добромиров и Биљане Новковић Аџаип (Добромиров, Аџаип 2011: 4 – 151). Увид у заступљеност фразеологизама у наведеним уџбеницима извршили смо методом анализе садржаја, гдје смо идентификовали 109 фразеологизама. Приликом анализе долазимо до закључка да је уџбеник *Аз буки 3* (Добромиров, Аџаип, Кричковић, Секач 2020: 4 – 208) посједује фразеологизме у скоро свакој лекцији, што је добра полазна

основа за предавача. Као недостатак овог уџбеника могао би се навести оскудан број задатака. Уџбеник *Супер српски* (Добромиров, Аџаип 2011: 4 – 151) садржи готово идентичан број фразеологизама, а фразеологизми су присутни и у аутентичним текстовима. Сматрамо да су уџбеници садрже културолошке садржаје, што омогућава развој интеркултурне компетенције. Ипак, број ових језичких јединица требало би да буде већи. Такође, сматрамо да би ове језичке јединице постепено требало укључивати још на почетним нивоима, водећи рачуна о усклађености са језичким нивоом којим владају студенти. Наше искуство показало је да странци најбоље усвајају оне језичке јединице које одликује потпуна еквиваленција у матерњем језику, што би могао бити један од критеријума избора фразеологизама. Други критеријум би био усклађеност фразеологизама са тематским садржајем лекције и језички ниво којим владају студенти. Уколико се ради о јединицама непознатог значења, најбоље усвајање показало се путем објашњавања на основу контекста. Такође, у овом раду показали смо да употреба аутентичних материјала повећава мотивацију студената и доводи до ефикасније наставе. Можемо закључити да би фразеолошке јединице требало уврстити у уџбенике српског као страног језика у већем обиму, те тако допринијети стицању комуникативне компетенције студената.

ЛИТЕРАТУРА

- Андријевић 2016:** Андријевић, М. *Примена аутентичних материјала у настави Л2 за стицање и развој интеркултурне компетенције*. [Andrijević, M. *Primena autentičnih materijala u nastavi L2 za sticanje i razvoj interkulturene kompetencije*] Београд: Филолошки факултет (докторска дисертација), 2016.
- Вуловић 2015:** Вуловић, Н. *Српска фразеологија и религија*. [Vulović, N. *Srpska frazeologija i religija*.] Београд: Институт за српски језик САНУ, 2015.
- Димитријевић 1984:** Dimitrijević, N. *Zablude u nastavi stranih jezika*. Sarajevo: Svjetlost, OOUR Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1984.
- Драгићевић 2010а:** Драгићевић, Р. *Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу*. [Dragićević, R. *Verbalne asocijacije kroz srpski jezik i kulturu*.] Београд: Друштво за српски језик и књижевност, 2010.
- Драгићевић 2012:** Драгићевић, Р. *Лексикологија и граматика у школи*. [Dragićević, R. *Leksikologija i gramatika u školi*.] Београд: Учитељски факултет Универзитет у Београду, 2012.

- Драгићевић 2010б:** Драгићевић, Р. *Лексикологија српског језика*. [Dragićević, R. Leksikologija srpskog jezika.] Београд: Завод за уџбенике, 2010.
- Меденица 2024:** Меденица, Л. *Методи у настави и учењу страних језика у контексту руског језика као страног*. [Medenica, L. Metodi u nastavi i učenju stranih jezika.] Београд: Славистичко друштво Србије, 2024.
- Матешић 1082:** Матешић, Ј. *Фразеолошки рјечник хрватског или српског језика*. Zagreb: IRO „Školska knjiga“, 1982.
- Милићевић-Добромиров, Новковић-Аџаип, Кричковић 2020:** Милићевић-Добромиров, Н., Новковић-Аџаип, Б., Кричковић, М. *Азбуки 3*. [Milićević-Dobromirov, N., Novković-Adžair, B., Kričković, M., Az buki 3.] Нови Сад: Азбукум, 2020.
- Милићевић-Добромиров, Новковић-Аџаип 2011:** Милићевић-Добромиров, Н., Новковић-Аџаип, Б. *Супер српски*. [Milićević-Dobromirov, N., Novković-Adžair, B. Super srpski.] Нови Сад: Азбукум, 2016.
- Мршевић-Радовић 2008:** Мршевић-Радовић, Д. *Фразеологија и национална култура*. [Mršević-Radović, D. Frazeologija i nacionalna kultura.] Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2008.
- Точанац-Миливојев 1997:** Точанац-Миливојев, Д. *Методе у настави и учењу страног језика*. [Točanac-Milivojev, D. Metode u nastavi i učenju stranog jezika.] Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1997.
- Шипка 1998:** Шипка, М. *Зашто се каже*. [Šipka, M. Zašto se kaže.] Нови Сад: ИК Прометеј, 1998.

**SPOTKANIE Z POLSKIM JĘZYKIEM I KULTURĄ.
O NAUCZANIU CHIŃCZYKÓW JĘZYKA POLSKIEGO –
UWAGI PRAKTYCZNE**

Lilianna Jaworska-Mondry
Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu

**MEETING WITH POLISH LANGUAGE AND CULTURE.
ABOUT TEACHING POLISH TO CHINESE –
PRACTICAL NOTES**

Lilianna Jaworska-Mondry
Adam Mickiewicz University in Poznań

liljaw@amu.edu.pl

The Chinese idea of One Belt, One Road from around ten years ago gives reason to develop cooperation between China and Poland. It leads not only to economic partnership but also gives impulse to academic exchange and bigger interest in learning Polish language among Chinese students. The rising number of Chinese students learning Polish provides an opportunity for an interesting meeting between East and West, between different languages and cultures. This meeting is also a significant challenge for both students and teachers. The article gives a brief overview of the most important elements of teaching Polish language in Chinese groups of students, including cultural and linguistic aspects.

Key words: Polish language, culture, partnership, academic exchange, challenge, East and West

WPROWADZENIE

Obserwowany od kilku lat wzrost zainteresowania nauką języka polskiego wśród Chińczyków ma zapewne szereg przyczyn. Jedną z nich jest niewątpliwie przyjęta i rozwijana przez chiński rząd idea *One Belt, One Road*, niekiedy nazywana Nowym Jedwabnym Szlakiem przyjęta w 2014 roku.

Zaowocowała ona szeregiem inicjatyw mających na celu rozwój i zacieśnienie współpracy z krajami, które na tym nowym szlaku miałyby się znaleźć. W kręgu tych krajów znalazła się między innymi Polska. To zainteresowanie współpracą z Polską zaowocowało w Chinach m.in. otwieraniem nowych ośrodków polonistycznych, a w Polsce znacznym wzrostem ilości przybywających z Chin studentów, chcących uczyć się języka polskiego. To spotkanie tak odległych kultur i języków jest zarówno dla studentów z Chin, jak i polskich lektorów fascynującą przygodą, która jednak obfituje w wyzwania, którym nie zawsze obie strony potrafią sprostać. Nauczenie języka polskiego osoby z tak odległego kręgu kulturowego wymaga od lektorów bardzo uważnego kreowania i prowadzenia procesu kształcenia. Wynika to z faktu, że proces ten nie obejmuje jedynie rozwijania kompetencji językowych, ale także rozumienia, z jak odmiennego kręgu kulturowego pochodzą uczący się i jakie są tego konsekwencje. Nie ulega wątpliwości, że obie strony muszą wychodzić poza własne przyzwyczajenia, schematy myślenia, metody uczenia i uczenia się czy kulturowe wzorce. W niniejszym artykule przedstawiono wynik kilkuletniej pracy dydaktycznej w Chinach i w Polsce, wnioski wypływające z obserwacji różnych grup chińskich studentów. Będzie to nie tyle rozbudowana językoznawcza analiza co glottodydaktyczna, kulturowa refleksja i punkt wyjścia do dalszych badań nad chińskimi grupami uczącymi się języka polskiego, ponieważ stan badań jest wciąż niewystarczający. Podstawowym wnioskiem i punktem wyjścia do dalszych, zaplanowanych przeze mnie badań empirycznych jest fakt, że precyzyjne zdefiniowanie potrzeb grupy i rozpoznanie specyfiki grup uczących się pochodzących z Chin to podstawowe wytyczne w szukaniu najbardziej efektywnych metod nauczania i klucz do osiągnięcia założonych rezultatów.

SPECYFIKA GRUPY- KWESTIE KULTUROWE

Mówiąc o studentach z Chin i specyfice nauczania tej grupy,, należałoby zacząć od samej koncepcji edukacji, w jakiej studenci ci wzrastają i jaka kształtuje ich spojrzenie na naukę oraz rolę ucznia i nauczyciela. Upraszczając i generalizując nieco tę kwestię, można powiedzieć, że europejski model edukacji opiera się w dużej mierze na starożytnej tradycji sokratejskiej, natomiast model chiński oparty jest na dziedzictwie myśli Konfucjusza. W zamieszczonej poniżej tabeli, opracowanej przez P. Boskiego, przedstawiono główne założenia obu modeli, które chciałabym krótko skomentować.

MODEL SOKRATEJSKI	MODEL KONFUCJAŃSKI
Uczenie się to dochodzenie do prawdy przez racjonalne rozumowanie	Uczenie się to przyswajanie praktycznych umiejętności
Wiem, że nic nie wiem – sceptycyzm epistemologiczny	Autorytet wiedzy i mądrości sprawdzonej, solidne podstawy wiedzy
Myślenie krytyczne jako ideał autonomii i dojrzałości intelektualnej	Myślenie krytyczne prowadzi do chaosu i podważenia istniejącego ładu
Kwestionowanie założeń przyjmowanych bezrefleksyjnie lub na zasadzie wiary	Przyjmowanie wiedzy z szacunkiem dla niej samej oraz dla źródeł i osób przekazujących
Dochodzenie do prawdy jest czynnością dającą przyjemność i satysfakcję	Uczenie się wymaga dyscypliny i wysiłku w pocie czoła, pamięciowe przyswajanie jako szkoła charakteru
Wiedza i mądrość są celami same w sobie	Wiedza jest służebna wobec dobra wspólnego, jakie stanowi harmonijnie sterowane życie społeczne
Wiedza tkwi w uczniu, chodzi o to, aby pomóc w jej zdobyciu i oświeceniu jej	Uczeń jest początkowo pozbawionym kultury tworem natury, wymaga zewnętrznych interwencji nauczania
Nauczyciel jest pomocnikiem i towarzyszem w drodze do wiedzy	Nauczyciel jest (wielkim) mistrzem, któremu okazuje się cześć i niesłabnący szacunek jako ojcu ucłowieczenia
Racjonalizm etyczny: moralność jest pochodną poznania	Cnoty społeczne i samodoskonalenie w ich zakresie są pierwotne względem poznania

(źródło: Boski 2010: 365)

Porównując te modele można odnieść wrażenie, że ze względu na dzielące je różnice jest bardzo trudne zarówno dostosowanie się chińskich studentów do europejskiego modelu, jak i przeformułowanie swojego sposobu pracy przez nauczyciela. Jest to przypuszczenie słuszne, jednak nie

tak jednoznaczne, jak mogłoby się wydawać. Okazuje się bowiem, że niektóre tradycyjne, konfucjańskie założenia bardzo mocno determinują studentów z Chin, jednak w niektórych kwestiach mają oni już bliższe europejskiemu modelowi oczekiwania. Wpływ przedstawionych modeli na zachowania i oczekiwania studentów z Państwa Środka badała na przykład Adriana Prizel-Kania (Prizel-Kania, 2022). Przeprowadzone przez nią ankiety pokazały, że „oczekiwania i preferencje chińskich studentów nie wpisują się do końca w żaden z przedstawionych modeli” (Prizel-Kania, 2022: 69). Wśród najważniejszych wniosków wynikających z ankiet warto zwrócić szczególną uwagę, na to, że nauczyciel nie jest dla uczących się niepodważalnym autorytetem i mistrzem, któremu okazuje się cześć, nadal jednak pozostaje autorytetem w kwestii języka i jest odpowiedzialny za rozwój kompetencji, wiedzy, umiejętności uczniów. Podobnie jest z odpowiedzialnością za organizację programu i wybór zagadnień. Można zadać sobie pytanie, skąd wspomniana niejednoznaczność w wyborze preferowanego modelu. Wydaje się, że czynniki mogą być różne, z pewnością jednak, co może wydać się oczywiste, większa otwartość na europejski model kształcenia wynika z osobowości konkretnej osoby, jej ambicji, otwartości, ciekawości świata i większych zdolności adaptacyjnych. Doświadczenie pokazuje, że prawie zawsze w grupie studentów znajduje się przynajmniej jedna lub kilka takich osób. Kolejnym czynnikiem może być charakter, jaki mają zajęcia z języka polskiego. Oczywiste wydaje się, że większe zaangażowanie w naukę języka przejawiają osoby studiujące w Chinach polonistykę lub kierunki zbliżone do tej specjalności niż osoby, dla których jest to po prostu jeden z obowiązkowych przedmiotów. Studenci przyjeżdżający na semestr czy cały rok akademicki w ramach wymiany między polonistykami lub z zamiarem odbycia intensywnego kursu językowego, starają się zazwyczaj jak najlepiej wykorzystać ten czas na naukę języka poprzez uczestnictwo w zajęciach prowadzonych w języku polskim, zanurzenie w polskim języku i kulturze, zawieranie znajomości z rodzimymi użytkownikami języka. Na ten temat badania prowadziła m.in. Zhang Huiling (Huiling 2022: 13). Z ankiet przeprowadzonych przez nią wśród grupy studentów z Chin wyłania się obraz ich potrzeb i podejścia do nauki języka. Na pierwszy plan wysuwa się chęć indukcyjnego wprowadzania gramatyki, stosowanie „map pamięci” w nauce leksyki, zajęcia poświęcone pisaniu chcieliby zaczynać od zapoznania się ze słownictwem, natomiast redagowanie tekstów, chcieliby takie próby podejmować przed zajęciami, mieć wsparcie ze strony nauczyciela, jeśli chodzi o wyjaśnienia kompozycji, a następnie samodzielnie po zajęciach skorygować tekst, wprowadzić poznane na zajęciach zasady i sugestie.

Zatem jak pokazują wspomniane ankiety i co potwierdza praktyka, w podejściu do procesu edukacyjnego wiodącą rolę przeważa model konfucjański, choć nie musi on być determinujący postawy studentów. Jak jednak ukształtowanie uczących się przez wspomniany model przekłada się na praktykę znajduje odzwierciedlenie w praktyce i wpływa na konkretne kwestie związane z prowadzeniem zajęć. Otóż nauczyciel jest wciąż w oczach większości studentów z Chin postrzegany jako autorytet i osoba, której pracy nie wypada komentować czy tym bardziej krytykować. Dominuje zazwyczaj założenie, że to nauczyciel wie najlepiej jak poprowadzić zajęcia i wykonuje swoją pracę dobrze. Zatem, jeżeli lektor zadaje na forum pytanie o to, czy grupa rozumie jakieś słownictwo bądź zagadnienie gramatyczne, najczęściej nie otrzyma odpowiedzi, reakcją będzie cisza lub co najwyżej nieśmiała odpowiedź. Dla osoby, która nie ma doświadczenia w pracy z Chińczykami i nie ma wiedzy, jak funkcjonuje chiński system edukacji, jest to frustrujące i często powoduje konsternację. Trudno bowiem w takiej sytuacji ustalić, czy studenci nie rozumieją i wstydzą się do tego przyznać, czy rozumieją i pytanie lektora jest dla nich pytaniem o rzeczy oczywiste, czy może w ogóle nie rozumieją, o co lektor ich pyta. Szukając odpowiedzi na to pytanie należy uświadomić sobie nie tylko specyfikę pozycji ucznia i nauczyciela w Chińskim systemie edukacji, ale także przynależność do kultur kolektywnych i wysokiego kontekstu. Dominuje zatem skupienie się na byciu w grupie, stawianie grupy ponad indywidualność oraz wysoki kontekst, a więc unikanie mówienia wprost i bezpośredniego wyrażania swojego zdania. Jeszcze innym czynnikiem jest strach przed utratą twarzy własnej, w przypadku niezrozumienia materiału, czy też pozbawienie twarzy nauczyciela. (Studenci mają niekiedy obawę, że jeżeli przyznają się, że czegoś nie zrozumieli, nauczyciel może to odebrać jako krytykę i stwierdzenie, że to on źle wykonał swoją pracę.) Ponadto, podczas rozmów studenci niejednokrotnie stwierdzali, że nie są przyzwyczajeni do dawania nauczycielowi tego rodzaju informacji zwrotnej ani do zadawania tego rodzaju pytań przez nauczyciela. Tutaj należałoby zauważyć niezwykle istotną kwestię. Sytuacja taka ma miejsce na forum, kiedy pytanie skierowane jest do całej grupy. Z mojego doświadczenia i obserwacji wynika natomiast, że w sytuacji rozmowy w cztery oczy, np. po egzaminie ustnym, kiedy proszę o jakąś opinię na temat lektoratu z języka polskiego, studenci są o wiele bardziej skłonni do niekiedy (choć rzadko) bardzo szczerych wypowiedzi i sugestii dotyczących metod prowadzenia zajęć. Należy to interpretować jako egzemplifikację postaw wynikających z kultury kolektywnej i wysokiego kontekstu.

Kolejną kwestią, na pozór banalną, jednak mającą niebagatelny wpływ na praktykę prowadzenia zajęć, jest ich organizacja w ciągu dnia. Chińscy studenci przyzwyczajeni są do tego, że w południe mają przerwę na obiad i regeneracyjną drzemkę. W zależności od regionu czy uniwersytetu godziny takiej przerwy mogą się nieco różnić, jednak okołopołudniowa przerwa jest czymś naturalnym dla studentów z Chin, a jej brak w polskim systemie edukacji bywa niezwykle uciążliwy. (Trudno się temu dziwić, skoro ich organizm przyzwyczajony od czasów przedszkola do ciepłego posiłku i dłuższego czasu na odpoczynek w południe musi się przystosować do zupełnie innych warunków.) Prowadząc zatem zajęcia ze studentami z Chin należy być przygotowanym na to, że w godzinach okołopołudniowych, może nastąpić znaczny spadek koncentracji, zwłaszcza jeśli zajęcia trwają od rana. Poza aspektem czysto fizjologicznym trzeba pamiętać, że jedzenie dla Chińczyków jest niezwykle ważne kulturowo, niektórzy z nich żartują nawet, że ma rangę niemal religii. Dlatego kwestii posiłków nie można bagatelizować w praktyce dydaktycznej pracy ze studentami z Chin.

Nie sposób pominąć jeszcze jednej interesującej i ważnej kwestii. Prowadząc zajęcia z jednorodną grupą studentów z Chin należy mieć na uwadze, że w istocie, grupa ta może być bardzo zróżnicowana. Nierzadko zdarza się, że studenci pochodzą z różnych prowincji, czasem bardzo mocno zróżnicowanych kulturowo oraz językowo. Promowany i będący oficjalnym językiem dialekt mandaryński na południu Chin funkcjonuje często obok kantońskiego, będącego dla wielu mieszkańców bardziej naturalnym językiem używanym w codziennym życiu. Poza językiem prowincje, a niekiedy nawet regiony i miasta w ich obrębie, mogą się różnić zwyczajami, kuchnią, sposobem obchodzenia świąt itp. Mając to na uwadze należy wystrzegać się generalizowania i uogólniania, można natomiast wykorzystać tę różnorodność podczas zajęć, dając studentom możliwość prezentacji swojego regionu, kuchni, zwyczajów. Stanowi to czynnik urozmaicający zajęcia, ale także motywujący i integrujący grupę.

SPECYFIKA GRUPY – KWESTIE JĘZYKOWE

Jak natomiast wyglądają kwestie związane już ściśle z językiem polskim i jego nauczaniem. Podstawową trudność w uczeniu się języka polskiego stanowi dla Chińczyków fakt, że język chiński jest kompletnie innym systemem językowym niż język polski. Język polski jest językiem fleksyjnym, bardzo bogatym morfologicznie. To dystrybucja końcówek służy do precyzyjnego wyrażenia myśli i określa funkcję poszczególnych elementów w zdaniu. W języku chińskim nie ma ani kategorii przypadku,

podobnie mniej skomplikowane jest wyrażanie czasu i kategoria czasownika. Potwierdzają to ankiety i badania przeprowadzane w różnych ośrodkach. Na przykład z ankiet i badań przeprowadzonych przez Beate Terkę wynika, że największe problemy w kwestii deklinacji sprawia studentom celownik, choć analiza prac pisemnych pokazuje większe problemy z dopełniaczem. Jeśli chodzi natomiast o czasownik, sami studenci wskazują, że największe problemy sprawia im aspekt czasownika, choć to zagadnienie nastrocza przecież trudności większości cudzoziemców. (Terka 2022). Bardzo dużym wyzwaniem jest dla chińskich studentów szyk zdania, a właściwie jego elastyczność w języku polskim. Język chiński jest językiem pozycyjnym, bardzo mocno określone jest miejsce poszczególnych części zdania, to ich kolejność jest wyznacznikiem funkcji, znaczenia, nie zaś morfemy, jak ma to miejsce w języku polskim. Przyzwyczajeni do odczytywania znaczenia treści na podstawie pozycji danego leksemu w zdaniu, chińscy studenci mają problem z uchwyceniem prawidłowego znaczenia z kontekstu, jeśli w szyku polskiego zdania następuje zmiana (Terka 2022: 129). Ponadto należy pamiętać, że w języku chińskim kluczowe znaczenie ma ton nadawany danej sylabie. Cztery główne tony mogą zupełnie zmienić znaczenie wypowiedzanego słowa. Jest to zatem ogromna różnica jeśli chodzi o czynniki wpływające na rozumienie komunikatu.

Jak zatem wspomniane wyżej spostrzeżenia przekładają się na prowadzenie zajęć ze studentami z Chin. Przede wszystkim, lektor musi być przygotowany na to, że studenci będą bardziej preferowali zadania utrwalające, automatyzujące to samo zagadnienie. Dlatego też w grupach chińskojęzycznych lepiej sprawdzają się podręczniki, w których tego typu zadań automatyzujących jest dużo. Świetnym przykładem takiej pozycji jest podręcznik *Polski jest cool* (Piotrowska-Rola, Porębska 2023) od lat dobrze sprawdzający się jako kursowy podręcznik języka polskiego dla grup chińskich na Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Studenci bowiem oczekują raczej metod indukcyjnych, tłumaczenia znaczenia i funkcji nowego materiału, sporej ilości ćwiczeń automatyzujących, utrwalających poznane zagadnienia. Metody dedukcyjne, zadaniowe nie są przyjmowane szczególnie entuzjastycznie, szczególnie w grupach początkujących. Nie oznacza to, że w grupach z Chin nie sprawdzi się metoda projektu, metody dedukcyjne, czy inne, należy je jednak wprowadzać stopniowo i na wyższych poziomach. Biorąc zatem pod uwagę te uwarunkowania, trzeba starać się uświadamiać studentom, że wyćwiczenie, opanowanie samej gramatyki nie może być głównym celem, a ma służyć sprawniejszemu wykonywaniu zadań komunikacyjnych.

Innymi słowy, dobrze sprawdzi się strategia rozpoczynania lekcji od prezentowania nowego materiału, przeznaczenie następnie sporej części zajęć na jego wyćwiczenie w zadaniach automatyzujących (dużo większe niż w grupach mieszanych czy innych narodowościowo), a dopiero potem zachęcanie do samodzielnej produkcji komunikatów językowych takich jak odpowiedzi na pytania, tworzenie dialogów czy innych wypowiedzi. Trzeba więc stopniowo, ale bardzo konsekwentnie tłumaczyć specyficzne funkcje syntaktyczne obecne w języku polskim i pomagać zrozumieć system języka polskiego oraz podkreślać rolę poprawności gramatycznej w tworzeniu komunikatów językowych.

Warto również zwracać uwagę i pokazywać szyk zdania w języku polskim jako coś, co pomaga w różny sposób wyrażać myśli, niemniej precyzyjnie niż w bardzo pozycyjnym języku chińskim. Na koniec chciałabym podzielić się pewnym porównaniem pracy z chińskimi studentami w Chinach i w Polsce. Największym atutem takiego podwójnego doświadczenia jest zanurzenie się w chińskiej rzeczywistości, obserwacja systemu, w jakim ci młodzi ludzie funkcjonują od dziecka. Pomaga to wyciągać wnioski, rozumieć studentów i szukać rozwiązań będących swoistym kompromisem między systemem edukacji, w jakim wyrosli, a sposobem nauczania języka polskiego, który w naszym europejskim odczuciu jest bardziej efektywny. Z drugiej strony, dla studentów przyjeżdżających do Polski kontakt z lektorem, który pracował w Chinach otwiera już na początku dobrą przestrzeń współpracy, nawiązuje się nić porozumienia. Szybciej nabierają oni zaufania, czują się nieco mniej obco i bardziej przyjęci, zrozumiani, wiedząc, że oto po drugiej stronie biurka stoi osoba, która nieco poznała ich świat. Niejako podświadomie spodziewają się większego zrozumienia i mniejszego dystansu kulturowego. To porozumienie, co zawsze podkreślam, bardzo ułatwia pracę.

WNIOSKI KOŃCOWE

Podsumowując, chciałabym jeszcze raz podkreślić, że choć nauczanie języka polskiego studentów z Chin jest dużym wyzwaniem, spotkaniem dwóch bardzo różnych światów, to jednak przy dobrej woli obu stron, przy cierpliwym i pełnym zrozumienia szukaniu kompromisów i rozwiązań spełniających oczekiwania obu stron, to swoiste spotkanie może przynosić i przynosi dobre owoce. Na podstawie obserwacji różnych grup studentów z Chin należy stwierdzić, że dobre rozpoznanie grupy, uważna obserwacja i dopasowywanie metod jest kluczem do osiągnięcia zamierzonych efektów. W tym celu lektor powinien postawić sobie kilka zadań. Należy po pierwsze

dobrze zbadać cel i motywację grupy. Po drugie, zawsze mieć na uwadze system edukacji i kulturę, z której pochodzą uczący się, jednak, co niezmiennie ważne, należy uważnie obserwować, czy i na ile uczący się są skłonni wychodzić poza dotychczasowe schematy. W zależności od tego należy dopasowywać charakter oraz styl prowadzenia zajęć. Determinuje to również dobór metod i materiałów. Z obserwacji i doświadczenia wynika zatem, że najlepszym i najbardziej efektywnym podejściem jest branie pod uwagę wszystkich uwarunkowań i trudności uczących się i wybór optymalnych, adekwatnych metod nauczania, przy jednoczesnym stawianiu adekwatnych wyzwań i pomaganie w wychodzeniu poza swoistą strefę komfortu oraz osiąganiu coraz lepszych rezultatów.

BIBLIOGRAFIA

- Birecka, Taczyńska 2010:** Birecka K., Taczyńska K. red., *Nowe perspektywy w nauczaniu języka polskiego jako obcego*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe, 2010.
- Boski 2010:** Boski P., *Kulturowe ramy zachowań społecznych. Podręcznik psychologii międzykulturowej*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010.
- Filipowicz-Tokarska, Chojnowski 2012:** Filipowicz-Tokarska K., Chojnowski P. *Bariery i/jako wyzwania w nauczaniu języka polskiego jako obcego*. Słubice: Collegium Polonicum w Słubicach, 2012.
- Hall 1984:** Hall E. T. *Poza kulturą*. tłum. E. Goździak, przedm. i red. nauk.J. Burszta. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1984.
- Hofstede 2000:** Hofstede G. *Kultury i organizacje. Zaprogramowanie umysłu*, tłum. M. Durska. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2000.
- Huiling 2022:** Huiling Z. Potrzeby chińskojęzycznych studentów uczących się języka polskiego jako obcego. // *Biblioteka LingVariów Glottodydaktyka t. 23*, red. Czerkies T., Prizel-Kania A., *Między wschodem a Zachodem. O wyzwaniach dydaktycznych podczas pracy z grupami chińskimi*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2022, 13 – 30.
- Janowska 2010:** Janowska I. Podejście zadaniowe do nauczania i uczenia się języków obcych. Na przykładzie języka polskiego jako obcego. // *Metodyka Nauczania Języka Polskiego jako Obcego*, t. 11, Kraków: Universitas, 2010.
- Miodunka 2004:** Miodunka W. T. red. *Kultura w nauczaniu języka polskiego jako obcego*. // *Programy nauczania t.1*, red. Miodunka W.T. Kraków: Universitas, 2004.

- Piotrowska-Rola, Porębska 2023:** Piotrowska-Rola, E., Porębska, M. *Polski jest cool*. Lublin: Studio tEMAt, 2023.
- Prizel-Kania 2022:** Prizel-Kania, A. Wymiary kultur oraz ich wpływ na proces uczenia się oraz komunikację w języku polskim jako obcym. // *Biblioteka LingVariów Glottodydaktyka t. 23*, red. Czerkies T., Prizel-Kania A., *Między wschodem a Zachodem. O wyzwaniach dydaktycznych podczas pracy z grupami chińskimi*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2022, 59 – 73.
- Seretny, Lipińska 2005:** Seretny, A., Lipińska, E. ABC metodyki nauczania języka polskiego jako obcego. // *Metodyka Nauczania Języka Polskiego jako Obcego*, t. 3. Kraków: Universitas, 2005.
- Seretny, Lipińska 2006:** Seretny, A., Lipińska, E. Z zagadnień dydaktyki nauczania języka polskiego jako obcego. // *Metodyka Nauczania Języka Polskiego jako Obcego*, t. 4, Kraków: Universitas, 2006.
- Terka 2022:** Terka B. I Chińczykom gramatyka problemy sprawia, czyli o wyzwaniach składniowych (i nie tylko) chińskojęzycznych uczących się języka polskiego jako obcego. // *Biblioteka LingVariów Glottodydaktyka t. 23*, red. Czerkies T., Prizel-Kania A., *Między wschodem a Zachodem. O wyzwaniach dydaktycznych podczas pracy z grupami chińskimi*, Kraków: Księgarnia Akademicka, 2022, 113 – 132.
- Zarzycka 2018:** Zarzycka G., Indukcyjne nauczanie języków obcych. Krytyczny przegląd koncepcji. // *Polonistyka na początku XXI wieku*, t. V red. Achtełik A., Graboń K., *W kręgu (glotto)dydaktyki*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018, 95 – 111.

Докторанти

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЯВЛЕНИЯ ХЕЗИТАЦИИ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Виктория Недялкова

Софийский университет имени св. Климента Охридского

ON THE QUESTION OF DEFINITION OF HESITATION PHENOMENA IN SPONTANEOUS SPEECH

Viktoria Nedyalkova

St. Kliment Ohridski University of Sofia

v_nedyalkova@slav.uni-sofia.bg

This article aims to explore the phenomena of hesitation – a complex and interesting topic in modern linguistics. The goal is to provide a comprehensive review of existing concepts and analyze relevant sources. Various schools and authors present different definitions and classifications of this phenomenon. We will examine the ideas of the most notable authors, which will help establish a theoretical foundation for studying and analyzing hesitation phenomena. Additionally, it is important to explore the functions and reasons for their occurrence in spontaneous speech.

Key words: hesitation phenomenon, spontaneous speech, hesitation pauses

Спонтанная речь каждого человека, независимо от того, говорит он на родном или иностранном языке, никогда не бывает идеально гладкой. Планирование следующего речевого хода приводит к перерывам в звучании, паузам, речевым сбоям, самоисправлениям – различным видам хезитации. Исследованию явлений хезитации посвящен ряд работ, выполненных на материале различных языков. Хезитация – это транслитерация английского термина ‘hesitation’, что в переводе означает ‘колебание’, ‘сомнение’.

Данная работа ставит перед собой цель обосновать языковой статус явлений хезитации и определить их речевой потенциал. Объектом

исследования является спонтанная русская устная речь носителей болгарского языка, предметом исследования – явления хезитации как неотъемлемый компонент спонтанной речи. Поставленная цель определила необходимость решения следующих задач: сделать обзор научной литературы по данному вопросу, рассмотреть существующие подходы к изучению явлений хезитации, проанализировать классификации хезитационных явлений и проследить функции хезитации в спонтанной устной речи.

Понятия письменная и устная речь имеют прямое отношение к явлению хезитации. При построении письменного текста пишущий сам контролирует свою речь, может что-то добавить или изменить написанное, не имея непосредственной реакции адресата (Алексиева 2017: 21). Письменная речь всегда четко структурирована. Ее порождение не сопряжено с синхронностью планирования и продуцирования сообщения. Одно из основных отличий устной речи от письменной – необратимость, а также нелинейность смысла изложения и спонтанность. Признаками устной формы речи являются неравномерность темпа, различного рода паузы, доминирование хезитационного членения высказывания над синтаксическим (Бондарко, Вербицкая, Гейльман 1988: 5 – 7; Иванова-Лукьянова 1989: 115).

Спонтанная речь, в свою очередь, может быть как сознательно подготовленной, предварительно обдуманной, так и необдуманной. Замедление темпа, смущения и проявление различных затруднений и неточностей при построении высказывания отражают моментность речепроизводства. Отличительными признаками спонтанной речи является «необработанность, непоследовательность, отсутствие упорядоченности при структурировании» (Алексиева 2004: 39). Степень спонтанности устной речи вместе с определенными экстралингвистическими факторами (личностные характеристики говорящего, ситуация общения и др.) в большой степени предопределяют наличие/отсутствие и количество разнородных явлений, получивших в научной литературе названия «хезитационные явления».

В первую очередь остановимся на обзоре изучения хезитации в русскоязычной и зарубежной научной литературе. Первые исследователи этого феномена в англоязычной литературе в 50-е – 60-е годы прошлого века – это психолингвисты Ф. Лоунсбери, Х. Маклей, Ч. Осгуд, Ф. Голдман-Эйслер, Д. Блэнкеншип, Дж. Маль, в 70-е – 80-е годы А. Хике, Д. Рагсдейл и Д. Систерхен.

В русскоязычной научной литературе изучение феномена хезитации началось гораздо позже. Хорошо известны имена таких ученых,

как: Т. М. Николаева, Б. Я. Ладыженская, В. И. Подлесская, А. А. Кибрик, Н. В. Богданова-Бегларян, Э. Б. Яковлева, О. А. Александрова, Т. И. Алексиева и др.

Следует отметить, что в классификациях разных авторов прослеживаются, с одной стороны, различные понимания одних и тех же явлений, а с другой – объединение в один класс разнородных понятий. Вышеупомянутые исследователи используют разные наименования для обозначения одних и тех же явлений. Так, Лоунсбери оперирует термином «*hesitation phenomena*», Ладыженская выделяет «вставные элементы», а Богданова-Бегларян называет их «хезитативы». Именно Лоунсбери первым рассматривал хезитации как объект лингвистического исследования (Лоунсбери 1954).

Остановимся на некоторых классификациях хезитационных явлений, которые могут дать нам более полное представление об их сути и значимости. Существуют два подхода к изучению речевых колебаний: формальный и функциональный. Первые классификации, предложенные Д. Трейгером в 1958 г., Х. Маклеем, Ч. Осгудом в 1959 г. и более расширенная классификация Д. Блэнкеншип и К. Кэй в 1964 г., включают большинство экспонентов хезитации, исследуемых в последние годы, например, повторы и ложные начала. Однако в последней классификации отсутствуют незаполненные хезитационные паузы. При анализе этих классификаций можно обнаружить неточности, смешение понятий и непоследовательность. Основной недостаток данных классификаций заключается в том, что они отражают лишь формальную, внешнюю сторону хезитационных явлений, не учитывая их функциональные характеристики (Яковлева 2016: 26).

Попытки обозначить функциональную сторону явлений хезитации наблюдаются в работах Ф. Голдман-Эйслер (Голдман-Эйслер 1961; 1968), П. Танненбаума, Ф. Вильямса, К. Хильяр (Танненбаум, Вильямс, Хильяр 1965), Л. Бондаренко (Бондаренко 1978), однако они также содержат некоторые противоречия и элементы, которые не проявляются в спонтанной неподготовленной речи (например, преднамеренная хезитация).

Подходы к изучению явления хезитации постоянно дополнялись и расширялись новыми исследованиями. В русистике впервые проблема была поставлена в обзорной статье Т. Николаевой «*Новое направление в изучении спонтанной речи (О так называемых речевых колебаниях)*» (Николаева 1970). Это стало началом нового этапа в анализе устного речевого дискурса в русской лингвистике – были поставлены новые, ранее не исследованные проблемы «на русской почве» –

«изучение дистрибуции речевых колебаний, определение тех заполнений, которыми в разных языках создаются заполненные паузы колебания» (Николаева 1970: 123).

По мнению одних лингвистов, хезитатив – это речевое явление, которое проявляется в заминке говорящего, что может выражаться как на лексическом уровне (использование в речи семантически ненагруженных слов), так и на просодическом уровне (использование в речевом потоке словоподобных звуков) (Николаева 1970: 119). Однако другие исследователи, такие как М. В. Казак и А. Е. Кибрик, придерживаются изначального психологического трактования явления хезитации в речи и рассматривают его как форму речевой ошибки, дефекта и искажения. Экспоненты хезитации, изученные О. Б. Сиротининой и Е. А. Земской, представляют собой «лишние» и «пустые» слова, которые можно опустить без изменения смысла высказывания. В. С. Елистратов наделяет их метафорическим названием – слова-«тунеядцы».

Сегодня хезитация не рассматривается в науке как отрицательный феномен; наоборот, она считается важным и коммуникативно значимым явлением (Яковлева 2008: 289). Вслед за Николаевой такие ученые, как Б. Ладыженская, О. Александрова и другие, исследуют речевые колебания с функциональной (формально-функциональной) точки зрения.

Ладыженская выделяет следующие функции (Ладыженская 1985: 22 – 23):

- ритмообразующую, способствующую структурному и временному выравниванию слоговой последовательности в высказывании и перераспределению фразовых акцентов;
- мелодическую, компенсирующую те изменения в тональном оформлении синтагмы, которые говорящий упустил при произнесении релевантной части высказывания;
- экспрессивно-оценочную, эксплицирующую оценку происходящего;
- фатическую, обеспечивающую непрерывный канал связи с адресатом.

О. А. Александрова, говоря о паузах хезитации, характеризует различные виды пауз хезитации с позиции их качественного состава и выделяет вербальные и невербальные экспоненты пауз колебания (Александрова, Иваницкий 2003: 96 – 97; Александрова 2004: 9 – 10).

А. А. Белицкая считает, что паузы в спонтанной речи следует разделить на незаполненные и заполненные. В своей работе, предлагая классификацию экспонентов хезитации, она относит к заполненным

паузам такие явления, как: вокализации, затяжки звуков, «пустые» вводные слова и выражения, местоимения, наречия, вставные слова или фразы говорящего, непреднамеренные повторы, невербальные паузы колебания, незаконченные высказывания (Белицкая 2014).

При изучении функций хезитативных явлений Э. Б. Яковлева выделяет следующие проблемы, находящиеся в центре внимания лингвистов (Яковлева 2016: 6 – 7):

- появление хезитаций в ходе решения говорящим определенной лингвистической задачи;
- различную функциональную нагрузку синтаксической и хезитационной паузы;
- фоностилистическую функцию «звучащих» и «незвучащих» пауз;
- фатическую функцию хезитации;
- влияние хезитационных пауз на временную организацию речи;
- специфику восприятия несинтаксических пауз;
- организующую роль хезитационных пауз в спонтанной речи;
- возникновение хезитационных пауз как критерий различной сформированности автоматизмов речи на иностранном языке;
- вопросы классификации явлений хезитации.

Несмотря на эти различные трактования хезитационных явлений, исследователи давно пришли к единому мнению: оно не носит патологического характера и его нельзя рассматривать только как нарушение норм литературного языка, когда речь идет о спонтанной устной речи.

Выделение экспонентов хезитации и анализ причин их появления позволяет проследить не только функциональную нагрузку хезитационных элементов, но также и их коммуникативную значимость и информативность. Отмечается рост как базы данных, так и методов записи и анализа устной речи, что предоставляет исследователям возможность составить более полное описание хезитационных явлений.

В последние годы возрастает число экспериментальных исследований речевых колебаний как в родном, так и в иностранном языках. Многие вопросы, связанные с речью, порождаемой на неродном языке спонтанно, требуют своего решения. Реализация изучаемого языка может быть затруднена, поскольку к общим проблемам речепроизводства добавляется необходимость использовать ресурсы иностранного языка (Обухова 2021: 36). В исследованиях хезитационных явлений в родном и неродном языках выявляются как типичные паузы хезитации, так и

специфические хезитации, обусловленные влиянием родной речи (Чэн Чень 2017: 30 – 31).

Выявление экспонентов хезитации в спонтанной устной речи, а также определение их функций и причин возникновения является одной из ключевых задач для исследователей.

Основываясь на принятой терминологии (родной и изучаемый язык принимаются за L1 и L2) и учитывая степень спонтанности звучащего текста, родственность болгарского и русского языков, а также опираясь на существующие подходы, классификации и исследования просодических характеристик звучащей речи, мы считаем целесообразным в дальнейших исследованиях спонтанной устной речи студентов-болгар, изучающих русский язык, придерживаться следующей классификации экспонентов хезитации:

- Паузы хезитации – заполненные (без перерыва в фонации) и незаполненные (физическая пауза, отсутствие всякой фонации) – являются одним из важнейших средств делимитации спонтанной устной речи. Незаполненная пауза может быть обязательной (физиологической, дыхательной) или необязательной (зависит от говорящего) и выполнять функции как планирования перспективной речевой программы, так и другие функции (Яковлева 2016: 192; Яковлева 2021: 95). Заполненные паузы бывают вербальными и невербальными (например, покашливание, смех, вздох и т.д.). В качестве вербальных заполнителей пауз могут выступать: звуки нефонемного характера (парафоны или их сочетания); частицы, союзы, местоимения, вводные слова и словосочетания; растяжки гласных и согласных звуков в финале синтагмы; метатекстовые комментарии – вставные фразы говорящего; непреднамеренные повторы; стереотипы, штампы;

- Речевые сбои, фальстарты, автокоррекции;
- Информационный спам.

Важно отметить, что хезитация является внешним отражением когнитивных процессов, связанных с решением множества задач при построении высказывания. Основные этапы порождения высказывания включают синхронность обдумывания и продуцирования речи. Таким образом, затруднения и колебания связаны как со смысловым планом, так и с планом его выражения.

Многие исследователи рассматривают базовую функцию хезитации как удержание речевой инициативы (Алексиева 2017: 74 – 75). Кроме того, с помощью экспонентов хезитации говорящий структури-

рует свое высказывание. Эти экспоненты дают время для поиска и отбора лексических единиц, необходимых для дальнейшего построения высказывания, а также указывают на стремление правильно организовать свою речь, исправить ошибки или замаскировать затруднение.

Мы согласны с мнением Э. Яковлевой о том, что «хезитации в устной спонтанной речи следует рассматривать как нормальный положительный феномен, помогающий говорящему и слушающему при кодировании и декодировании мысли, а также как проявление индивидуальности коммуникантов, нетривиальности их мыслительной деятельности. Хезитационные явления, будучи причиной речевых шероховатостей, не являются тем не менее отступлениями от речевой нормы» (Яковлева 2008: 289). Подтверждается позиция Т. Алексиевой о том, что «хезитации представляют собой многогранный речевой феномен, который в основе своей имеет психолингвистическую природу. С полным правом можно говорить об их коммуникативной значимости в спонтанной структуре дискурса» (Алексиева 2017: 203).

Подводя итоги, можно утверждать, что на появление хезитации влияют многие экстралингвистические факторы, такие как эмоциональное состояние, ситуация общения и другие. Уровень владения языком, особенно в контексте изучаемого языка (L2), играет значительную роль и определяет отличия причин возникновения хезитаций по сравнению с родным языком (например, трудности произнесения слов, грамматические проблемы и т.д.). На данном этапе исследования можно заключить, что к изучению хезитаций применяется междисциплинарный подход, и важно исследовать причины их появления в речи, функции и способы проявления.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова 2004:** Александрова, О. А. *Речекоммуникативный статус паузы колебания*. [Aleksandrova, O. A. *Rechekommunikativnyj status pauzy kolebaniya*.] Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Великий Новгород, 2004.
- Александрова, Иваницкий 2003:** Александрова, О. А., Иваницкий В. В. Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации. [Aleksandrova, O. A., Ivanitskij, V. V. *Pauza kolebaniya – kompleksnyj fenomen sovremennoj kommunikatsii*.] // *Вестник Новгородского государственного университета*. Великий Новгород, 2003, № 25, 95 – 101.

- Алексиева 2004:** Алексиева, Т. И. *Структура и просодические характеристики фонетического слова в русской и болгарской подготовленной и спонтанной речи.* [Aleksieva, T. I. Struktura i prosodicheskie harakteristiki foneticheskogo slova v russkoj i bolgarskoj podgotovlennoj i spontannoј rechi.] София: Херон Прес, 2004.
- Алексиева 2017:** Алексиева, Т. И. *Явления хезитации в русском спонтанном дискурсе.* [Aleksieva, T. I. Yavleniya hezitatsii v russkom spontannom diskurse.] София: Парадигма, 2017.
- Белицкая 2014:** Белицкая, А. А. О роли хезитационных пауз в спонтанной речи. [Belitskaya, A. A. O roli hezitatsionnyh pazv v spontannoј rechi.] // *Филология и литературоведение.* 2014, № 2. <<https://philology.snauka.ru/2014/02/697>> (10.01.2024).
- Бондаренко 1978:** Бондаренко, Л. П. *Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотносительность с синтаксическим членением.* [Bondarenko, L. P. Chlenenie spontannoј rechi pazvami kolebaniya i ego sootnesennost' s sintaksicheskim chleneniem.] Диссертация кандидата филологических наук. Ленинград, 1978.
- Бондарко, Вербицкая, Гейльман 1988:** Бондарко, Л. В., Вербицкая, Л. А., Гейльман, Н. И. и др. *Фонетика спонтанной речи.* [Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., Gejl'man, N. I. i dr., Fonetika spontannoј rechi.] Под. ред. Н. Д. Светозаровой. Ленинград, 1988.
- Голдман-Эйслер 1961:** Goldman-Eisler, F. *Hesitation and information in speech.* – The IV London Symposium on Information Theory. Vol. 4, 1961, 171 – 174.
- Голдман-Эйслер 1968:** Goldman-Eisler, F. *Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech.* New York: Academic Press, 1968.
- Иванова-Лукьянова 1989:** Иванова-Лукьянова, Г. Н. Функциональный подход к изучению суперсегментной фонетики. [Ivanova-Luk'yanova, G. N. Funktsional'nyj podhod k izucheniyu supersegmentnoj fonetiki.] // *Сборник Проблемы структурной лингвистики 1985 – 1987.* Москва: Наука, 1989, 103 – 120.
- Ладыженская 1985:** Ладыженская, Б. Я. *Особенности организации устной спонтанной речи.* [Ladyzhenskaya, B. Y. Osobennosti organizatsii ustnoј spontannoј rechi.] Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1985.
- Лоунсбери 1954:** Lounsbury, F. G. Pausal, juncture and hesitation phenomena. // *Psycholinguistics*, Baltimore. 1954, 96 – 101.
- Николаева 1970:** Николаева, Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи (О так называемых речевых колебаниях).

- [Nikolaeva, T. M. Novoe napravlenie v izuchenii spontannoј rechi (O tak nazyvaemyh rechevyh kolebaniyah).] // *Вопросы языкознания*, 1970, № 3, 117 – 123.
- Обухова 2021:** Обухова, И. А. Хезитационные явления при порождении текста на родном и иностранном языках. [Obuhova, I. A. Hezitatsionnye yavleniya pri porozhdenii teksta na rodnom i inostrannom yazykah.] // *Научный журнал „Социо- и психологические исследования“*, вып. 9, 2021, 35 – 44.
- Танненбаум, Вильямс, Хильяр 1965:** Tannenbaum, P., Williams, F., Hillier, C. Word predictability in the environments of hesitations. // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. Vol. 4, N 2, 1965, 134 – 140.
- Чэн Чень 2017:** ЧЭН ЧЭНЬ. *Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка*. [Chen Chen'. Hezitatsii v russkoј ustnoј rechi nositelej kitayskogo yazyka.] Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2021.
- Яковлева 2008:** Яковлева, Э. Б. Хезитации – положительный или отрицательный феномен? [Yakovleva, E. B. Hezitatsii – polozhitel'nyj ili otritsatel'nyj fenomen?] // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Выпуск 556. Серия Лингвистика. Москва: Рема, 2008, 283 – 290.
- Яковлева 2016:** Яковлева, Э. Б. *Речевые хезитации: формальный и функциональный аспекты: Аналит. обзор*. [Yakovleva, E. B. Rechevye hezitatsii: formal'nyj i funktsional'nyj aspekty: Analit. obzor.] Москва: ИНИОН РАН, 2016.
- Яковлева 2021:** Яковлева, Э. Б. *Феномен речевых хезитаций*. [Yakovleva, E. B. Fenomen rechevyh hezitatsij.] Москва: ИНИОН РАН, 2021.

**КЪМ ВЪПРОСА ЗА КЛАСИФИКАЦИИТЕ
НА КРЕОЛИЗИРАНИТЕ ТЕКСТОВЕ
КАТО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НА КУЛТУРНАТА ПАМЕТ
(ВЪРХУ МАТЕРИАЛИ ОТ РУСКИ И БЪЛГАРСКИ ЕЗИК)**

Кристиана Колева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

**TO THE QUESTION OF THE CLASSIFICATION
OF CREOLIZED TEXTS AS VERBALIZATION
OF CULTURAL MEMORY (BASED ON MATERIALS
FROM RUSSIAN AND BULGARIAN)**

Kristiana Koleva
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

kristianadk2000@gmail.com

The article explores the growing significance of creolized texts in contemporary society, emphasizing their integration of verbal and non-verbal components to create a cohesive, pragmatic impact. The research is dedicated to one of the key issues related to creolized texts – their classification. It aims to present the fundamental classifications of creolized texts, analyzing the relationship between image and text and their role in conveying information. The study highlights various approaches to categorizing these hybrid texts, including the extent of creolization, the interaction of verbal and non-verbal elements, and their cultural context.

Key words: classification, creolized texts, verbalization, cultural memory, verbal and non-verbal elements

В съвременния глобален свят предвид скоростното развитие на технологиите използването на креолизирани текстове набира все по-голяма популярност в различни сфери на обществото и културата. При-

мери за такива текстове на руски и български език могат да бъдат открити навсякъде: в СМИ, научни и технически текстове, реклами, комикси, плакати, видеа, карикатури, песни, мемета, етикети, табелки, пътеводители, хороскопи и др. В поредица от предходни изследвания разгледахме обстойно съществуващата терминология в руската и българската научна литература, посветена на креолизираните текстове: памет, културна памет, символика, квазисимволи, текст, дискурс, интертекстуалност, интердискурсивност, клипово мислене, карнавализация на езика, креолски език, креолизация, креолизиран текст, поликодов текст и видеовербален текст (вж. Колева 2024а, Колева 2024б, Колева 2024в). Обект на настоящата разработка е теоретичният обзор на научните изследвания, фокусирани върху класификацията на креолизираните текстове.

Целта на статията ни в допълнение към предходните публикации (вж. Колева 2024а, Колева 2024б, Колева 2024в) е да се фокусираме както върху някои от съществуващите класификации, посветени на креолизираните текстове, с оглед на тяхното прецизиране, така и върху класификациите, които ще използваме в нашето по-голямо изследване „Вербализация на културната памет (върху материали от руски и български език)“. В изпълнение на тази задача ще анализираме различни примери през фокуса както на съществуващи класификации, така и на предложени от нас критерии за систематизиране на разглеждания илюстративен материал. Към момента на написването на настоящата работа са ексцерпирани на случаен принцип над 500 примера илюстративен материал от интернет източници, като продължава обогатяването на корпуса.

Всеизвестно е, че терминът **креолизиран текст** за пръв път се използва от руските лингвисти Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов, според които това е текст, който съчетава вербални и невербални компоненти. Тези компоненти на текста представляват едно структурно, семантично цяло, което осигурява прагматично въздействие върху адресата (Сорокин, Тарасов 1990: 180)¹. Според учените основната задача на креолизираните текстове е да осигурят на реципиента възможно най-благоприятни условия за разбиране на текста по интересен начин.

Важно е да се заяви още в самото начало, че очаквано не съществува единна класификация на креолизираните текстове. Множество изследователи използват различни критерии, за да ги типологизират. В зависимост от естеството на връзките, формирани между вербалния и

¹ Преводът от руски език в изследването е на авторката – К. К.

невербалния елемент, се разграничават експлицитно изразени, при които връзката между изображението и текста е ясна, и експлицитно неизразени, при които тази връзка е косвена и имплицитна (Пойманова 1997: 73).

Базисната класификация на креолизираните текстове принадлежи на Е. Е. Анисимова. Според нея това е „особен лингвовизуален феномен, текст, в който вербалните и изобразителните компоненти образуват едно визуално, структурно, смислово и функционално цяло, което осигурява неговото комплексно практическо въздействие върху адресата“ (Анисимова 2003: 17). Въз основа на връзката между текст и изображение Е. Е. Анисимова типологизира креолизираните текстове в зависимост от степента на креолизацията:

- **Текст с нулева креолизация.** В текстовете с нулева креолизация изображението липсва и не влияе за тяхната организация.

- **Текст с частична креолизация.** В текстове с частична креолизация вербалната част е относително автономна, не зависи от изображението, между вербалните и невербалните компоненти се създават автосемантичени отношения. Изобразителният (невербалният) компонент в този случай съпровожда вербалната част и не е задължителен елемент в организацията на текста (тоест може да липсва, без да се променя или нарушава значението на креолизирания текст).

- **Текст с пълна креолизация.** В текстовете с пълна креолизация вербалната част не може да съществува самостоятелно, тоест без изображението. Вербалната част в този случай е фокусирана върху изображението или се отнася към него, а изображението действа като облигаторен елемент на текста. (Двата компоненти са еднакво важни, за да се разбере смисълът.) (Анисимова 2003: 15).

О. В. Пойманова (според терминологията на автора – видеовербален текст²) предлага следната класификация:

1. Според хетерогенността:

- нулева степен (чисто вербален или чисто иконилен текст);
- ненулева степен (съчетание между вербален и изобразителен компонент);

2. Според икониленния компонент:

- статичен (например реклама в списание, плакат);
- двуизмерен (видеовербален текст в книга, кино и др.);
- триизмерен (видеовербален текст в театрална пиеса);

² Вж. по-подробно Колева 2024а.

3. Според вербалния компонент:

- устен, който включва: а) жива реч и б) запис на тази реч с помощта на специални технически средства;
- писмен, който е представен: а) ръкописно и б) в печатен вариант, който пък от своя страна може да бъде статичен или динамичен, например движещ се текст в реклама;
- включващ знаци на един естествен език;
- включващ знаци на няколко естествени езика;

4. Според съотношението на обема информация, предавана от различните знаци, и според ролята на изображението:

- репетиционни (изображението основно повтаря вербалния текст, не може да има пълно повторение поради спецификата на знаците на една или друга знакова система);
- адитивни (изображението носи значителна допълнителна информация);
- извеждащи (изображението „подчертава“ някакъв аспект на вербалната информация, която по своя обем значително надвишава иконичната);
- опозитивни (съдържанието, предадено от/с картинката, противоречи на вербалната информация, вследствие на това често възниква комичен ефект);
- интегративни (изображението е вмъкнато във вербалния текст или вербалният текст допълва изображението в интерес на съвместното предаване на информацията);
- изобразително-центрични (с водеща роля на изображението, вербалната част само го пояснява и конкретизира);

5. Според характера на връзките, обединяващи вербалната информация и изобразителния компонент:

- експлицитно изразени;
- експлицитно неизразени (имплицитни връзки) (Пойманова 1997: 19).

М. Ворошилова предлага следното описание на отношенията между компонентите на креолизирания текст:

- „паралелна корелация – семантиката и прагматичният потенциал на вербалния и невербалния компонент практически напълно съвпадат (най-разпространеният пример са учебните креолизирани текстове);

- кръстосана корелация – семантиката и прагматичният потенциал на вербалния и невербалния компонент частично се прекриват (това е най-често използваната от авторите на креолизирани текстове разновидност);
- опозитивна корелация – съдържанието, предадено с невербални средства, влиза в противоречие с вербалната информация, в резултат на което често възниква комичен ефект (най-често в рекламните текстове);
- интерпретативна корелация – връзката между съдържанието на вербалния и невербалния компонент не е пряка, а на асоциативна основа (това е характерно преди всичко за художествените текстове);
- поддържаща корелация – един от компонентите допълва, подкрепя семантиката на втория за съвместно предаване на информацията, като поставя определен важен акцент. Тази функция може да се изпълнява както от вербалния компонент, така и от невербалния, затова предлагаме да се разграничава:
 - вербално поддържаща корелация;
 - невербално поддържаща корелация“ (Ворошилова 2011: 135).

Според Л. В. Дубовицкая класификацията на креолизираните текстове е следната:

1. Въз основа на наличието на хиперкодове в тях:
 - Текстове, включващи хиперкод. Тези текстове позволяват препратка към друг, свързан с първоначалния текст, чрез прочитане на QR код или чрез следване на връзката.
 - Текстове без хиперкод. В подобни текстове връзката с други текстове липсва.
2. Въз основа на социокултурната ориентираност:
 - Интеркултурно ориентирани текстове³ – текстове, които се използват в рамките на тяхната родна култура.
 - Транскултурно ориентирани текстове – текстове, които са предназначени за използване в няколко култури или носят признаци на чужда култура.
 - На вербално ниво – текстове, в които се използват чужди думи, графични средства на чужд език, които са пряка индикация за чужда култура.

³ Според нас би било по-правилно да се определят като „интракултурно ориентирани текстове“, тъй като „интра“ означава „във, вътре, вътрешен“.

- На визуално ниво – използване на изображения и реалии на чужда страна.
- И на двете нива едновременно – както вербални, така и визуални средства, които посочват чуждата култура.

3. Въз основа на степента на въвлеченост на читателя:

- С минимална въвлеченост на читателя – текстове с информативен характер, които не предполагат реакция или каквито и да било действия от страна на получателя (например статия във вестник, разказ с картинки). Читателят просто получава определена информация: авторите на текста не се притесняват от това какво ще/няма да прави с нея читателят.
- Със средна въвлеченост на читателя – текстове, които имат за цел да повлияят на читателя и да го подтикнат към някакво действие. Те имат апелативен или манипулативен характер. Пример за такъв тип текстове са рекламите, които не само информират адресата за даден продукт/услуга, но и призовават към закупуване на този продукт/услуга.
- Със съществена въвлеченост на читателя – текстове с интерактивен характер, които изискват прякото участие на читателя в процеса на тяхното „прочитане“. Това са креолизирани текстове с хиперкод. Читателят получава информация не само на вербално, но и на визуално ниво, която се съдържа в QR кодове. Прочитането/непрочитането на кодираната информация зависи изцяло от волята на читателя.

4. Въз основа на типа комуникация:

- Устна комуникация – вербалният компонент е представен под формата на реч или запис на речта чрез диктофон;
- Писмена комуникация – вербалният компонент е представен ръкописно или печатно;
- Смесен тип – съчетава и двата вида (пример за това могат да бъдат новините, при които устната информация се дублира писмено за хора с увреждания) (Дубовицкая 2013: 10).

И. В. Вашунина и А. А. Нистратов класифицират креолизираните текстове в зависимост от изображението на:

- реалистични и нереалистични;
- цветни и черно-бели (Вашунина, Нистратов 2020: 28).

Въпреки че съществуват множество класификации на креолизираните текстове, избираме да използваме при анализ на илюстративния материал (в това число и в работата си върху посочения по-горе дисертационен труд) базисната класификация на Е. Е. Анисимова, както и

тази на И. В. Вашунина и А. А. Нистратов. Частично ще следваме О. В. Пойманова в частта на класификацията ѝ според вербалния компонент в зависимост от това дали текстът е ръкописен, или печатен и дали връзката между вербалния и невербалния компонент е експлицитно изразена, или неизразена.

Анализът на ексцерпираните примери затвърждава работната ни хипотеза за необходимост от създаване на собствена класификация на креолизираните текстове, която да съответства на целите и задачите както на настоящото изследване, така и на дисертационното, а именно – креолизираният текст е кристализирана културна памет. Ще си позволим тук да представим коментари на примери с признак на класификация *източник на произход*. Класификацията ни по този признак е в процес на конкретизиране, но в най-суров вид изглежда така:

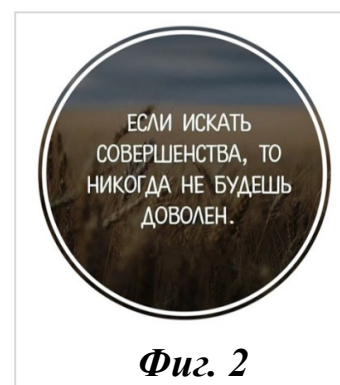
А) Групата е еkleктична и подлежи на жанрово подразделение. Литературни цитати:

– Цитати на руски език: „Если искать совершенства, то никогда не будешь доволен“. Нека разгледаме Фиг. 1 – цитатът тук е придружен от изображение на Лев Николаевич Толстой, автор на романа „Ана Каренина“, откъдето е цитатът. Посочените години на раждане и на кончина подсказват времето, през което е творил авторът.

Фиг. 1

Въпреки това същият цитат (Фиг. 2) рядко се среща в различен контекст – без изображение на автора и без конкретно споменаване на Л. Н. Толстой. В подобни случаи само познавачите на руската класическа литература, и по-конкретно – на творчеството на Л. Н. Толстой, биха могли да направят връзката между цитата и автора на произведението.

Фиг. 2

– Цитати на български език: „За сърцата, що се любят, и смъртта не е раздяла“. На Фиг. 3 цитатът е придружен от изображение на Пенчо Славейков, автор на баладата „Неразделни“, което ясно свързва текста

с неговия създател. Разбира се, предполага се, че ползвателят на креолизирания текст ще познае автора, без да е необходимо изричното изписване на името му.

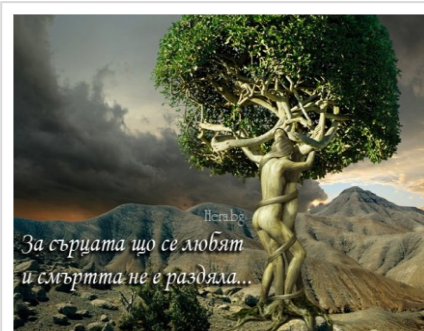
На Фиг. 4 обаче същият цитат е представен без снимка на автора, като е заменен от изображение на две дървета – символ на любовта между Явор и Калина. Отново, както на Фиг. 2, този текст е насочен към изкушените от литературната класика. Това ни позволява да класифицираме този креолизиран текст и като експлицитно изразен, тъй като изображението не само допълва текста, но и е в пряка тематична връзка с него. В нарочен анализ следва да бъдат коментирани грамотността и коректността при цитиране на литературен текст, както и истинността му: тук конкретно е наложително отбелязване на некоректната пунктуация. Последното пък е маркер за грамотността на автора на креолизирания текст – в бъдещите ни изследвания следва да се обобщят и гледните точки за авторството.

Подобни примери ни позволяват да разпределим в подкласификация цитатите на такива със снимка на автора (Фиг. 1) или с рисунка на автора (Фиг. 3), цитат без име, но с лице (Фиг. 3) или изцяло без автор (Фиг. 2, Фиг. 4). Примерите, които разгледахме, са не само прецедентни текстове, защото ни насочват към епохата и жанра, в които творят авторите на литературните произведения, откъдето са цитатите, но и са аргумент на тезата ни за културната памет, съдържаща се в креолизирания текст.

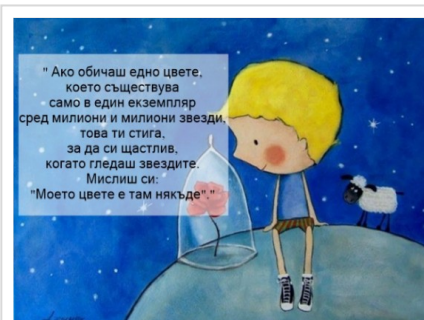
На Фиг. 5 изображението метафорично подсказва, че цитатът е от романа на Антоан дьо Сент-Екзюпери „Малкият принц“ – момче, планета и роза. И отново за изкушените от литературата. Няма да е излишно отново да обговорим необходимостта от условия за разбиране от ползвателя на креолизирания текст: знания, немалки и сериозни, в

Фиг. 3

Фиг. 4

Фиг. 5

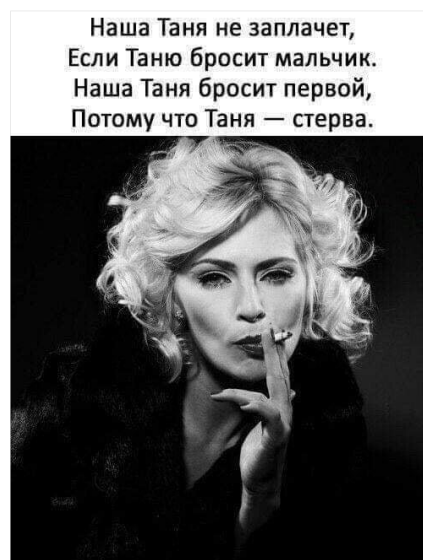
дадената област, в случая – световна художествена литература.

– Цитати от стихотворения (Фиг. 6, Фиг. 7).

Фиг. 6 представлява креолизиран текст, съдържащ детското стихотворение „Мячик“ на А. Барто (посочена година на написването му – 1936 г.). Социокултурни и времеви фактори с обективен и субективен характер го превръщат от много известното и любимо на поколения рускоговорещи стихотворение в карикатурно-саркастична трансформация с поучително-шеговит тон и нецензурна лексика (Фиг. 7):

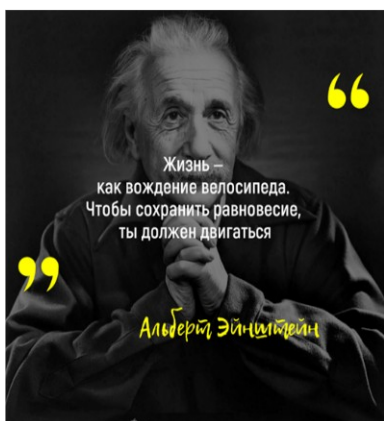
Фиг. 6

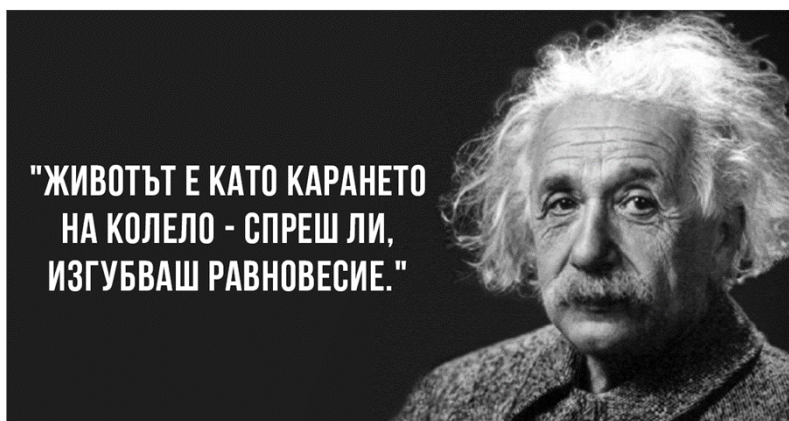
Фиг. 7

Б) Прецедентни феномени (изказвания) от областта на науката: философски (Фиг. 8, Фиг. 9) и психологически (Фиг. 10, Фиг. 11), като всяка от тези категории допълнително се подразделя на руски (например „Жизнь – как вождение велосипеда. Чтобы сохранить равновесие, ты должен двигаться“ и „Прежде чем диагностировать у себя депрессию и заниженную самооценку – убедитесь, что вы не окружены идиотами“) и на български език („Животът е като карането на колело – спреш ли, изгубваш равновесие“ и „Преди да диагностицирате у себе си депресия и занижена самооценка, уверете се, че не сте заобиколен от идиоти“). На отделен и задължителен анализ следва да се подложи истинността/достоверността както на авторството, така и изобщо на съществуването на подобна мисъл, използвана като цитат в креолизирания текст. И съответно отговорите на тези въпроси съмнения (нерядко – основателни) биха изместили класификационните хоризонтални и вертикални на бъдещото ни изследване, споменато в началото на настоящата работа.

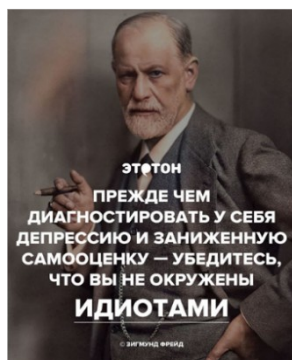
Тук се отбелязва и наличието на цитати с кавички (Фиг. 9), и на цитати без кавички (Фиг. 8, Фиг. 10, Фиг. 11). Наблюдават се отново цитати с изображение на автора (реалистични) (Фиг. 8, Фиг. 9, Фиг. 10), с изписано негово име (Фиг. 8, Фиг. 10), както и такива без обозначение на автора (Фиг. 9, Фиг. 11). Новият елемент в креолизираните текстове по тази класификация е използването на карикатура (Фиг. 11) – нереалистично изображение, което внася допълнителен пласт към възприемането на текста.

Фиг. 8

Фиг. 9

Фиг. 10

Преди да диагностицирате у себе си депресия и занижена самооценка, уверете се, че не сте заобиколен от идиоти.

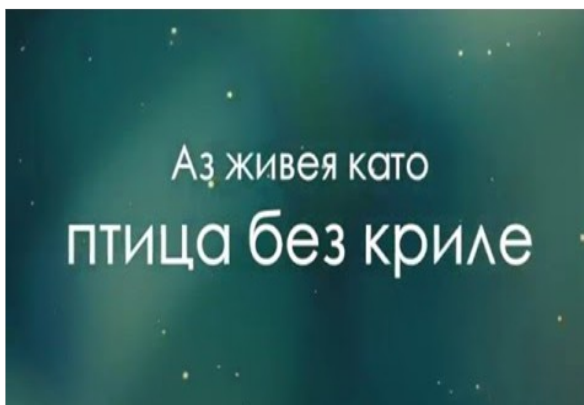
Фиг. 11

Цитатите следва да бъдат класифицирани в категории още като:

В) Изказвания на известни в световната култура личности от различни епохи (Фиг. 12);

Фиг. 12

Фиг. 13

Г) Текстове от песни – съвременни, прецедентни и др. (Фиг. 13)

Например цитат от песента „Елмаз и стъкло“ на БТР – „Аз живея като птица без криле“ (Фиг. 13), би бил разпознат само от тези, които са я слушали, тъй като няма явни индикации за произхода му. Този креолизиран текст може да бъде класифициран и като текст с частична креолизация, защото текстът сам по себе си не зависи от изображението.

Д) Фразеологизми⁴ – канонични и трансформирани

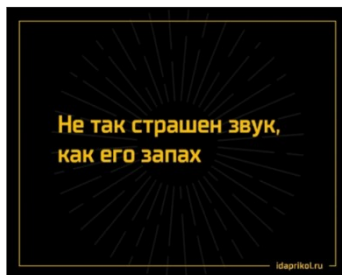
На Фиг. 14 е представен креолизиран текст, съдържащ оригинален фразеологизъм, със съответстващ илюстративен фон. На следващите две изображения фразеологизмът е видоизменен: „Не так страшен звук, как его запах“ (Фиг. 15) и „Не так страшен торт, как количество свечек“ (Фиг. 16). Нашите наблюдения, макар и начални, ни позволяват да прогнозираме нееднократно видоизменение на оригиналния фразеологизъм – с различни тематични цели и на различен фон. Предстоящите задълбочени наблюдения целят обобщаване и на този творчески процес от злободневното ни настояще и за двата езика.

⁴ Общозвестен е фактът, че съществуват множество определения на понятието **фразеологизъм**, но за целите на настоящото изследване приемаме универсалните според нас определения за фразеологизъм:

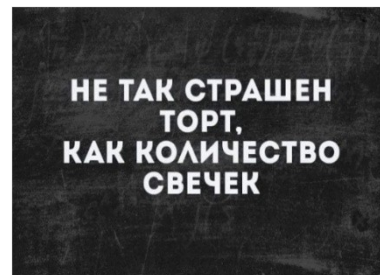
- С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова: „Фразеологизъм – в езикознанието: устойчив израз със самостоятелно значение, близко до идиоматичното“ (Ожегов, Шведова 1992: 846).
- Български тълковен онлайн речник: „Устойчива фраза, обикн. с преносно значение, употребявана като готова единица в речта“ (<https://talkoven.onlinerechnik.com/duma/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D1%8A%D0>).

Фиг. 14

Фиг. 15

Фиг. 16

Е) Вицовете са друг източник на създаване на креолизирани текстове (Фиг. 17). На Фиг. 18 е използван текст с пълна креолизация, защото, ако изображението липсва, няма да може да се постигне смисълът на вербалния елемент. Разбирането на смисъла тук е съвкупност от речева компетентност и литературни познания. Именно този пример е типичен за креолизиран текст с пълна креолизация – съчетание на вербален елемент (текст) и невербален (илюстрация).

Фиг. 17

Фиг. 18

Ж) Следващата група са креолизирани текстове от областта на кинематографията. Разделяме ги на черно-бели (Фиг. 19) и цветни (Фиг. 20, Фиг. 21). Тази група, както и всички други групи, подлежи на конкретизиране и обогатяване.

Фиг. 19

Фиг. 20

Фиг. 21

3) Сред примерите ни са креолизирани текстове върху табелки (Фиг. 22, Фиг. 23, Фиг. 24). Тези текстове също биват иконични и трансформирани: иконичните – XX – началото на XXI век, трансформирани – злободневни.

Фиг. 22

Фиг. 23

Фиг. 24

Последните два креолизирани текста, които ще разгледаме в настоящата разработка, са Фиг. 25 и Фиг. 26. Те са прецедентни, като комуникативното послание на креолизирания текст на Фиг. 26 е подчертано символно завоалирано и метафорично: *сало, соленые огурчики и бородинский хлеб – лучшая закуска к водке*. Целевата група ползватели са само познавачите на руската култура.

Креолизираният текст на Фиг. 25 е с много задачи закачки: кой е Дмитрий Менделеев, какво значи датата 31 януари, защо му се благодари и какво е направил, за да е весело? Текстът е по-скоро риторичен въпрос с всеизвестен за познавачите и любители на руската култура отговор, още повече че „пищовите“ са на масата: Дмитрий Иванович Менделеев на 31 януари 1894 г. е защитил своята докторска дисертация на тема „За химическото съединение на спирта с вода“ – датата се отбелязва като рождения ден на руската водка, именно затова е написано „День Рождения Русской Водки 31 января – Спасибо Дмитрию

Ивановичу за то, что нам так весело!“. Текстът е придружен с руска „народна мъдрост“: Водки много не бывает.

Фиг. 25

Фиг. 26

В заключение – богатият разностилен и многожанров илюстративен материал засилва увереността в работната ни хипотеза за креолизирания текст като съвременна и предпочитана форма за съхраняване и експликация на културната памет.

В настоящото изложение разгледахме фундаменталната част от съществуващите класификации, посветени на креолизираните текстове, и анализирахме част от ексцерпирания до момента от нас илюстративен материал на руски и на български език. Предложихме в работен вид собствена класификация, като илюстрирахме груповото разпределение по един от критериите – произхода. Задълбочаването и разширяването на обекта на нашето изследване неминуемо ни отвежда в нови креолизирани текстови пространства, което от своя страна предполага разклоняване на групи креолизирани текстове по все по-различни класификационни показатели – за някои от тях загатнахме в настоящото изложение. Представените класификации разкриват разнообразието и многофункционалността на креолизираните текстове, както и тяхната роля в процеса на предаване на информация. Всички посочени примери илюстрират неизменното присъствие на културната памет и нейното влияние върху възприемането на текстовете.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова 2003:** Анисимова, Е. Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизированных текстов)*. [Anisimova, E. E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannyh tekstov)*.] Москва: Издательский центр Академия, 2003.
- Вашунина, Нистратов 2020:** Вашунина, И. В., Нистратов, А. А. Креолизированный текст: обзор экспериментальных исследований. [Vashunina, I. V., Nistratov, A. A. *Kreolizovannyj tekst: obzor eksperimental'nyh issledovanij*.] // *Вопросы психолингвистики*. 2020, № 2, 28 – 39. <<https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyj-tekst-obzor-eksperimentalnyh-issledovanij>> (30.10.2024).
- Ворошилова 2011:** Ворошилова, М. Б. Креолизираният текст и аспекти на неговото изследване. [Voroshilova, M. B. *Kreoliziraniyat tekst i aspektite na negovoto izsledvane*.] // *Проглас*. Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2011, 125 – 139.
- Дубовицкая 2013:** Дубовицкая, Л. В. *Феномен креолизированного текста (на материале креолизированных текстов письменной коммуникации)*. [Dubovitskaya, L. V. *Fenomen kreolizirovannogo teksta (na materiale kreolizovannyh tekstov pis'mennoj kommunikatsii)*.] Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2013.
- Колева 2024а:** Колева, К. Към въпроса за креолизирания текст. [Koleva, K. *Kam vaprosa za kreoliziraniya tekst*.] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2024.
- Колева 2024б:** Колева, К. Към въпроса за понятията памет и текст (в научната литература на руски и български език). [Koleva, K. *Kam vaprosa za ponyatiyata pamet i tekst (v nauchnata literatura na ruski i balgarski ezik)*.] // *Verba iuvenium (Словото на младите)*. Годишник на Националната научна конференция за студенти и докторанти. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2024.
- Колева 2024в:** Колева, К. Към въпроса за креолизираната символика (в съвременната научна литература на руски език). [Koleva, K. *Kam vaprosa za kreoliziranata simvolika (v savremennata nauchna literatura na ruski ezik)*.] София: АИ „За буквите – о писменехъ“ (под печат).
- Ожегов, Шведова 1992:** Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. [Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*.] Москва: Азъ, 1992.
- Пойманова 1997:** Пойманова, О. В. *Семантическое пространство видеовербального текста*. [Poymanova, O. V. *Semanticheskoe*

prostranstvo videoverbal'nogo teksta.] Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1997.

Сорокин, Тарасов 1990: Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. [Sorokin, YU. A., Tarasov, E. F. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaya funktsiya.] // *Оптимизация речевого воздействия. Высшая школа.* Москва: Наука, 1990, 180 – 186.

ЕЛЕКТРОННИ ЕКСЦЕРПИРАНИ ИЗТОЧНИЦИ

Афоризмы Цитаты Высказывания [фейсбук група]. Available from: <https://www.facebook.com/groups/1598906627039677?locale=bg_BG>

Бодил нуждник [фейсбук страница]. Available from: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100049129035613&locale=bg_BG>

Българки [фейсбук страница]. Available from: <https://www.facebook.com/novini.bulgarki?locale=bg_BG>

Без граници [фейсбук страница]. Available from: <https://www.facebook.com/BezGranici?locale=bg_BG>

Женские заморочки [фейсбук страница]. Available from: <https://www.facebook.com/zhenzam?locale=bg_BG>

Мудрые мысли | Цитаты великих [фейсбук група]. Available from: <https://www.facebook.com/groups/476284613453535?locale=bg_BG>

Светът е за двама [фейсбук група]. Available from: <https://www.facebook.com/groups/1432854970223070?locale=bg_BG>

Статусы со смыслом [фейсбук страница]. Available from: <https://www.facebook.com/v.statuse?locale=bg_BG>

Страничката на Алис [фейсбук страница]. Available from: <https://www.facebook.com/profile.php?id=61565023971130&locale=bg_BG>

Хихиатра Вызывали? [фейсбук страница]. Available from: <https://www.facebook.com/medway4you2?locale=bg_BG>

Цвета Тодорова [фейсбук страница]. Available from: <https://www.facebook.com/cvettatodorova?locale=bg_BG>

Цитатите за живота [фейсбук група]. Available from: <https://www.facebook.com/groups/370436861081918?locale=bg_BG>

Цитатите на душата [фейсбук група]. Available from: <https://www.facebook.com/groups/660983304299504?locale=bg_BG>

Юрист [фейсбук страница]. Available from: <https://www.facebook.com/lawyer.turan.mammadzadeh.1?locale=bg_BG>

ЧУЖДООЕЗИКОВА ЛИНГВИСТИКА
СЪПОСТАВИТЕЛНА
ЛИНГВИСТИКА
КУЛТУРНОИСТОРИЧЕСКА
ЛИНГВИСТИКА
ЛИНГВИСТИЧНИ ПРОБЛЕМИ
НА ПРЕВОДА

КРЕСТИЛЬНЫЕ ИМЕНА В КАТОЛИЧЕСКИХ ПРИХОДАХ ВИЛЬНЮСА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Михал Мордань
Университет в Белостоке, Польша

BAPTISMAL NAMES IN ROMAN CATHOLIC PARISHES OF VILNIUS IN THE LATE 19TH CENTURY

Michał Mordan
University of Białystok, Poland

m.mordan@uwb.edu.pl

The article presents baptismal names given in the Roman Catholic parish registers of Vilnius in the years 1891 – 1900. The aim of the paper is to present the resource of names used with regard to their frequency, to characterize the popularity of groups of names, including their linguistic origin and religious and cultural motivation, and to determine the prevalence of names and their combinations in the field of the multiple naming tradition. The background for the analysis of baptismal names is the administrative affiliation of Vilnius in the examined period and the polycultural character of the city.

Key words: linguistics, onomastics, anthroponymy, baptismal names, Vilnius

Первое достоверное упоминание о Вильнюсе¹ датируется 1323 годом и связано с письмом, направленным князем литовским Гедимином римскому папе. В это время князь перенес сюда из Троков столицу Литвы. В 1387 г. Вильнюс получил городские права, основанные на магдебургской правовой системе. Это происшествие совпало по времени с окончательной христианизацией Литвы, предпринятой князем

¹ До 1918 г. употреблялось название *Вильна*, в 1919 – 1939 гг. – *Вильно*.

Ягайло². В XIV веке город насчитывал 30 тыс. жителей. Численность населения постепенно увеличивалась, достигая в период правления Сигизмунда Августа 120 тыс. человек. После третьего раздела Речи Посполитой бывший на протяжении нескольких столетий столицей Великого княжества Литовского город оказался, как и вся территория современной Литвы, в пределах Российской империи. Количество жителей со времен правления последнего короля династии Ягеллонов до половины XIX столетия то возрастало, то уменьшалось. Основными причинами убывания числа горожан в отдельные периоды следует считать войны, пожары и эпидемии. Во II пол. XIX века численность населения снова стала расти (Словник 1893: 492 – 533). Согласно цитируемому источнику, в 1890 г. на территории города проживало 109 808 человек. Насчитывалось 63 698 евреев, 33 628 католиков, 13 787 православных, 1820 лютеран, 746 старообрядцев, 142 кальвинистов, 127 караимов, 360 магометан (Словник 1893: 494)³. По данным переписи населения 1897 г. в Вильнюсе проживало 154 532 человека (включая 4684 временно пребывающих лиц), из них: иудеи – 63 841 (41,3%), католики – 56 964 (36,9%), православные – 28 690 (18,6%), лютеране – 2545 (1,6%), старообрядцы – 1318 (0,9%), магометане – 853 (0,6%), караимы – 155 (0,1%), реформаты (кальвинисты) – 131 (0,08%), остальные – 35 (0,02%) (Перепись 1904: 4 – 5; 54 – 55).

В 1890 г. в состав Вильнюсского (городского) римско-католического деканата (т. е. благочиния) Вильнюсской епархии, которое охватывало город и его ближайшие окрестности, входили: 1 кафедральный собор, 2 монастыря, 16 приходских костелов, 10 филиальных храмов и 6 часовен. При этом в пределах самого города существовало 8 приходов, 18 костелов (хотя перечислено 17) и 5 часовен (Словник 1893: 497, 529).

Объектом изучения в настоящей статье выступают крестильные имена вильнюсских католиков в последнее десятилетие XIX века. Аналитический материал был почерпнут из метрических книг, хранящихся в Литовском государственном историческом архиве (Lietuvos valstybės

² Подтверждены и более ранние следы христианского присутствия на литовских землях. К ним относятся, например, миссия Бруно Кверфуртского в начале XI века, а также период правления князя Миндовга и его крещение в 1251 г. Помимо этого, до момента крещения Ягайло известно распространение восточного христианства (см. Словник 1893: 500; Эйдинтас и др. 2013: 27 – 34; Алишаускас, ред. 2014: 21 – 36).

³ В области приведенных подсчетов наблюдается серьезное несоответствие, т. к. в ходе объединения численности представителей отдельных вероисповеданий получается 117 308 человек, т. е. на 7500 больше указанного выше общего числа.

istorijos archyvas). Исследовательский корпус содержит имена окрещенных в шести, разных по величине, храмах: св. Иоанна, св. Духа, св. Франциска (Бернардинский или Побернардинский), св. Анны, св. Терезы (Остробрамский) и Всех Святых. Целью очерка является: 1) представление репертуара использованных в крещении личных имен, учитывающего продуктивность отдельных онимических единиц; 2) характеристика популярности групп имен с точки зрения их языкового происхождения и культурно-религиозной мотивировки; 3) выявление популярности онимов и их сочетаний в рамках многоименных моделей именования крещенных лиц.

На основе архивных документов можно узнать, что в годы 1891 – 1900 в исследуемых храмах г. Вильнюса крещение приняли 17 996 человек: 9204 лица мужского пола и 8792 лица женского пола. Общая сумма употребленных священниками личных имен – 18 508 (9405 мужских и 9103 женских), количество неповторяющихся антропонимов – 337 (177 мужских и 160 женских).

В описании статистического аспекта функционирования личных имен на определенной территории в определенное время используются разные методы, разработанные учеными-ономастами, начиная с самых простейших подходов, предусматривающих перечисление списка частотности имен и заканчивая весьма продвинутыми и – иногда – инновационными способами, в ходе которых используются довольно сложные алгоритмы, математические узоры и т. п. (см., напр., Новик 1998: 57 – 71; Сковронек 2001; Сковронек 2013: 95 – 127; Свобода 2013: 19 – 69; Свобода 2015: 21 – 37; Свобода 2019; Хринкевич-Адамских 2018: 183 – 202; там же подробная литература предмета). Однако несмотря на наличие работ, в которых применяются новаторские методы счета имен, востребованностью пользуются исследования, учитывающие более «традиционные» подходы, рассматривающие личные имена в русле социолингвистики и акцентирующие статистический аспект в изучении этой категории собственных наименований (см., напр., Гайда 1973: 267 – 296; Абрамович 1993). Подтверждением этому является обзор новейших трудов, где цитируются в основном авторы, прибегающие в своих исследованиях именно к этим способам подачи ономастического материала. В настоящей статье мы опираемся на классификацию, предложенную Зофией Абрамович, которая выделяет в собранном материале три заметных класса: имена наиболее, средне- и наименее популярные, одновременно подчеркивая, что основу рассматриваемого ей антропонимикона

составляют две первые – хотя относительно немногочисленные – группы (Абрамович 1993: 371; ср. Свобода 2019: 48).

Итак, среди мужских крестильных имен в католических храмах г. Вильнюса самыми популярными (с частотностью свыше 2%) оказались следующие: *Иванъ* 814 / *Янъ* 129 / *Joаннъ* 43 / *Ioаннъ* 11 / *Janъ* 6 / *Joанъ* 5 / *Иoаннъ* 1 (=1009)⁴, *Ioсифъ* 488 / *Joсифъ* 261 / *Осипъ* 126 / *Ioсифъ* 55 / *Юзефъ* 5 / *Joзефъ* 4 / *Ioзефъ* 1 (=940), *Станиславъ* (910), *Владиславъ* 521 / *Владыславъ* 67 (=558), *Антонъ* 497 / *Антоній* 51 / *Антони* 12 / *Антоніи* 1 (=561), *Казиміръ* 238 / *Казимиръ* 161 (=399), *Петръ* 357 / *Піотръ* 2 (=359), *Михаиль* 345 / *Михаль* 3 (=348), *Францъ* 237 / *Францискъ* 48 / *Францишекъ* 38 / *Францишкъ* 1 (=324), *Александръ* 278 / *Александръ* 1 (=279), *Болеславъ* (261), *Брониславъ* (254), *Викентій* 210 / *Винценцы* 11 / *Викентіи* 2 (=223), *Вацлавъ* 216 / *Венцеславъ* 2 (=218).

Группу среднепопулярных имен (частотность 0,5 – 2%) составили: *Витольдъ* (159), *Стефанъ* 89 / *Степанъ* 46 / *Щепанъ* 2 (=137), *Эдуардъ* 119 / *Эдвардъ* 7 / *Едвардъ* 1 / *Едуардъ* 1 / *Евардъ* 1 (=129), *Адамъ* (126), *Феликсъ* (112), *Константинъ* 95 / *Константы* 6 (=101), *Павель* 99 / **Povilas*⁵ 1 (=100), *Юльянъ* 48 / *Юліанъ* 39 / *Юліанъ* 3 / *Юльіанъ* 1 / *Юлянъ* 1 (=92), *Викторъ* (92), *Адольфъ* (87), *Сигизмундъ* 74 / *Зигмундъ* 4 / *Зыгмунтъ* 3 / *Зыгмундъ* 2 / *Зигмунтъ* 1 / *Сигисмундъ* 1 / *Сыгизмундъ* 1 (=86), *Игнатій* 75 / *Игнацы* 3 / *Игнатіи* 1 (=79), *Леонъ* 75 / *Ліонъ* 1 (=76), *Мечиславъ* 68 / *Мѣчиславъ* 2 (=70), *Генрихъ* 58 / *Генрикъ* 3 (=61), *Карль* 57 / *Кароль* 4 (=61), *Людвикъ* 48 / *Людвигъ* 7 / *Людовикъ* 5 (=60), *Ромуальдъ* (58), *Андрей* 44 / *Андрѣй* 3 (=47), *Леонардъ* (47), *Николай* 44 / *Миколай* 3 (=47), *Доминикъ* (46).

Как уже было отмечено, самую большую группу составляют антропонимы низкой частотности употребления (ниже 0,5%). Наименее популярными оказались: *Гипполитъ* 12 / *Ипполитъ* 11 / *Иполитъ* 7 / *Гиполитъ* 6 (=36), *Чеславъ* (36), *Маріянь* 26 / *Марьянь* 4 / *Маріанъ* 2 (=32), *Яковъ* 23 / *Якубъ* 3 / *Іаковъ* 2 / *Яковъ* 1 (=29), *Альфонсъ* 27 / Аль-

⁴ Число в скобках указывает количество употреблений. Как можно заметить, многие имена вносились в метрические книги в разных формах. В таких случаях при подаче материала количество применений указано отдельно для каждой формы, затем в скобках дана общая (для всех вариантов имени) сумма. Вариативность крестильных имен представляет собой вопрос, заслуживающий более пристального рассмотрения и отдельного описания в другом месте.

⁵ В акте о крещении наблюдается повреждение метрической книги. Указанная форма зарегистрирована в алфавитном указателе, составленном в более поздний период.

фонъ 1 (=28), Бенедиктъ 18 / Венедиктъ 7 (=25), Рышардъ 11 / Ришардъ 6 / Рихардъ 3 / Ричардъ 3 (=23), Тадеушъ 16 / Өаддъй 5 / Өаддей 2 (=23), Юрій 12 / Георгій 8 / Ежи 1 / Юріі 1 (=22), Зенонъ (22), Томашъ 11 / Өома 11 (=22), Мартинъ 19 / Марцинъ 2 (=21), Каетанъ 14 / Каѣтанъ 4 / Каэтанъ 1 (=19), Маѣй 13 / Маѣей 4 (=17), Альбинъ (15), Вильгельмъ (15), Бернардъ (13), Матвей 4 / Матвѣй 3 / Матеушъ 2 / Матѣей 2 / Матѣй 2 (=13), Оттонъ 11 / Одонъ 1 / Отонъ 1 (=13), Фабіанъ (13), Валеріанъ 11 / Валерьянъ 1 (=12), Леопольдъ 10 / Леополдъ 2 (=12), Изидоръ 5 / Исидоръ 4 / Изыдоръ 2 (=11), Сильвестръ 8 / Сельвестеръ 1 / Сельвестръ 1 / Сильвестеръ 1 (=11), Теодоръ 10 / Өедоръ 1 (=11), Никодимъ (10), Теофилъ 9 / Феофилъ 1 (=10), Гавріилъ 7 / Габріель 2 (=9), Геронимъ 8 / Гіеронимъ 1 (=9), Григорій 8 / Гржегожъ 1 (=9), Рафаиль (9), Богданъ (8), Евгений (8), Онуфрій 7 / Онуфры 1 (=8), Августинъ (7), Эдмундъ 6 / Едмундъ 1 (=7), Клеменсъ 4 / Клементій 3 (=7), Наполеонъ (7), Фелиціанъ 6 / Фелиціанъ 1 (=7), Юстинъ 5 / Юстынь 2 (=7), Ярославъ (7), Альфредъ (6), Валенты 5 / Валентинъ 1 (=6), Донатъ (6), Ципріанъ 3 / Кипріанъ 2 / Цыпріанъ 1 (=6), Ксаверій 5 / Ксаверіи 1 (=6), Робертъ (6), Бонифацій 3 / Бонифацы 2 (=5), Виталисъ (5), Гилярій 4 / Гиляры 1 (=5), Луціанъ 3 / Люціанъ 2 (=5), Мамертъ (5), Ольгердъ 4 / Ольгертъ 1 (=5), Симонъ 4 / Симонъ 1 (=5), Алоизій 2 / Алоизи 1 / Алойзы 1 (=4), Аполинарій (4), Брунонь (4), Діонизій 1 / Діонисій 1 / Дыонизій 1 / Дыонисій 1 (=4), Конрадъ (4), Лавренцій (4), Левъ (4), Ліонгинъ 2 / Ленгинъ 1 / Лонгинъ 1 (=4), Людгардъ (4), Маврикій 2 / Маврицы 1 / Маурицы 1 (=4), Семень (4), Флоріанъ 3 / Фліоріанъ 1 (=4), Цезарій 2 / Цезары 2 (=4), Агатонъ (3), Амброжы 1 / Амброзій 1 / Амвросій 1 (=3), Артуръ 2 / Арторъ 1 (=3), Валентій (3), Войтъхъ 1 / Войцехъ 1 / Войцъхъ 1 (=3), Густавъ (3), Эльяшъ 2 / Илья 1 (=3), Медардъ (3), Юліушъ 2 / Юлій 1 (=3), Жоахимъ 1 / Иоахимъ 1 (=2), Аркадій (2), Богуславъ (2), Гасперъ 1 / Касперъ 1 (=2), Герардъ (2), Германъ (2), Евстафій (2), Емильянъ 1 / Эмилианъ 1 (=2), Ильдефонсъ (2), Каликстъ (2), Максимиліанъ 1 / Максимиліанъ 1 (=2), Марекъ (2), Нарцизій 1 / Нарцизъ 1 (=2), Норбертъ (2), Романъ (2), Рохъ (2), Рудольфъ (2), Северинъ (2), Телесфоръ (2), Фердинандъ (2), Фліорентинъ 1 / Флорентинъ 1 (=2). Также к этой группе отнесем 44 имени, представленные единичными случаями употребления: Абдонъ, Алексѣй, Альбертъ, Анатолій, Анзельмъ, Базыль, Валерій, Витъ, Вольдемаръ, Гвидонъ, Геліодоръ, Гervasій, Даніилъ, Еверистъ, Здзиславъ, Иосифатъ, Иреней, Кандыдъ, Кейстутъ, Клеофасъ, Костко, Любоміръ, Марцели, Марцелинъ, Мирославъ, Октавіанъ, Освальдъ, Панталеонъ,

*Паулинушь, Пельянь, Раймундъ, Ремигіюшь, Сабинъ, Себастьянь, Се-
рафинъ, Симфоріянъ, Сьльвинъ, Тавринъ, Тимотеушь, Титусъ, Фау-
стинъ, Фульгенты, Хризогор, Хризостомъ.*

Таб. 1. Классификация мужских имен с точки зрения происхождения
(язык-источник)

Имена	К-во имен	К-во употреблений имен
еврейские	18 (10,2%)	2541 (27,0%)
арамейские	1 (0,6%)	22 (0,2%)
персидские	1 (0,6%)	2 (0,02%)
греческие	39 (22,0%)	1142 (12,1%)
латинские	58 (32,8%)	1998 (21,2%)
греческие/латинские	3 (1,7%)	7 (0,07%)
германские (в т. ч. англ. и норд.)	35 (19,8%)	752 (8,0%)
кельтские	1 (0,6%)	3 (0,03%)
баскские	1 (0,6%)	6 (0,06%)
славянские	15 (8,5%)	2759 (29,3%)
литовские	3 (1,7%)	165 (1,8%)
французские	1 (0,6%)	7 (0,07%)
другие	1 (0,6%)	1 (0,01%)
Итого	177 (100%)	9405 (100%)

Таблица № 1 демонстрирует распределение мужских имен с точки зрения их происхождения⁶, подразумевающего язык, на базе которого они сформировались. Имеется классификация, учитывающая количество отдельных личных имен как ономастических единиц, а также типология, принимающая во внимание количество употреблений имен. Как показывают статистические данные, среди мужских имен, считая все случаи использования, самой большей продуктивностью отличались имена славянского происхождения (29,3%, напр. *Станиславъ, Владиславъ, Казиміръ, Болеславъ*) и еврейские имена (27,0%, напр. *Иванъ, Іосифъ, Михаилъ, Адамъ*). Относительно высокая частотность присуща и именам, имеющим свои языковые корни в латыни (21,2%, напр. *Антонъ*⁷, *Викентій, Феликсъ*). Имена, почерпнутые

⁶ Происхождение имен определяется на основе следующих источников: Малец 1994; Фрос, Сова 1997 – 2007; Суперанская 1998; Календарь 1997; Энциклопедия 2000 –.

⁷ Обычно определяется как латинское, хотя не без сомнений (Малец 1994: 186; Суперанская 1998: 117).

из других языков, менее распространены в исходном материале. Антропонимы греческого происхождения употреблялись почти в два раза реже, чем латинского (12,1%, напр. *Петръ, Александръ, Стефанъ*). Имена германской этимологии (*Адольфъ, Сигизмундъ, Вильгельмъ* и др.) в вильнюсском материале составляют 8-процентный набор. Обращает внимание группа литовских имен. Они представлены небольшим процентом (1,8%: *Витольдъ, Ольгердъ, Кейстутъ*) от всего набора мужских имен, но их присутствие показывает участие местного – в культурном, но прежде всего в географическом смысле – компонента.

Следует отметить, что в некоторых случаях на количественное (и процентное) распределение отдельных групп онимов в предложенной классификации могла повлиять популярность всего нескольких или даже одно крестильного имени. Так, к примеру, количество еврейских и славянских имен – 18 (10,2%) и 15 (8,5%) соответственно, но учет всех случаев их употребления показывает, что они составляют почти 30-процентные группы. Противоположная ситуация касается, между прочим, германских имен, которых насчитывается 35 (19,8%, т. е. больше, чем еврейских и славянских вместе), но сумма их всех употреблений составляет всего 8%. Одной из причин такого положения вещей является большая популярность ряда еврейских (*Иванъ, Иосифъ* и др.) и славянских имен (*Станиславъ, Владиславъ, Казимиръ* и т. д.).

Таб. 2. Классификация мужских имен с точки зрения происхождения
(культурно-религиозная этимология)

Имена	К-во имен	К-во употреблений имен
библейские ВЗ	13 (7,3%)	1474 (15,7%)
библейские НЗ	18 (10,2%)	1765 (18,8%)
библейские – связанные с традицией	1 (0,6%)	2 (0,02%)
святых древнехрист. периода (до V в.)	80 (45,2%)	2049 (21,2%)
святых эпохи средневековья	48 (27,1%)	3327 (35,4%)
святых нового времени	2 (1,1%)	4 (0,04%)
«дискуссионных» ⁸ святых	2 (1,1%)	165 (1,8%)
без христианской мотивировки	13 (7,3%)	619 (6,6%)
Итого	177 (100%)	9405 (100%)

⁸ Имеются в виду персонажи (лица), чьи имена подтверждены в житиях святых в недостаточной степени. В нашем случае к таким относятся *Витольдъ* и *Альфредъ*.

Понятие *происхождение имен* подразумевает также их источник в контексте культурно-религиозного генезиса. В этом плане, как показано в Таблице № 2, в крещении чаще всего были востребованы имена, восходящие к святым эпохи средневековья (35,4% – считая все случаи употребления), имен святых древнехристианского периода насчитывается меньше (21,2%). Только на следующих местах оказались имена, почерпнутые из Библии: мотивированные новозаветными персонажами (18,8%) и ветхозаветными (15,7%). Имена без христианской мотивировки (6,6%) – это, в основном, славянские имена (некоторые относящиеся к именам польских правителей) и литовские.

Стоит рассмотреть, к примеру, имена святых древнехристианского периода и библейские новозаветные имена. Количество всех употреблений первых и вторых приблизительно (около 21,2% и 18,8% соответственно), однако разница в числе самих имен (как отдельных единиц) заметно ощутима: 80 (45,2%) к 18 (10,2%) в пользу древнехристианских святых. Подобное расхождение наблюдается по отношению к двум иным группам: имен (неповторяющихся), восходящих в святым средневековья почти в два раза меньше по сравнению с именами святых древнехристианского периода (48, т. е. 27,1% к 80, т. е. 45,2%), но подсчет каждого случая их употребления приведет к выводу о значительном превалировании антропонимов, имеющих свои истоки в средних веках (3327, т. е. 35% к 2049, т. е. 21%).

Группу женских имен наибольшей частотности (свыше 2%) образуют следующие онимы: *Елена* 470 / *Гелена* 379 / *Геленна* 4 (=853), *Марія* 755 / *Марья* 93 (=848), *Ядвига* (692), *Анна* (577), *Софія* 375 / *Зофія* 81 / *Софья* 10 / **Sofija*⁹ 1 (=467), *Маріянна* 283 / *Марьянна* 143 / *Маріанна* 28 / *Маріяна* 4 / *Марьяна* 1 / *Марянна* 1 (=460), *Станислава* (398), *Стефанія* 391 / *Стефания* 1 (=392), *Юзефа* 134 / *Юзефа* 117 / *Јозефа* 61 / *Јазефа* 1 / *Люзефа* 1 / *Јосифа* 1 / *Јюзефа* 1 (=316), *Бронислава* (273), *Антонина* (209), *Вероника* (202), *Казимира* 92 / *Казиміра* 92 (=184).

Среднепопулярными именами (0,5 – 2%) в рассматриваемый период оказались: *Викторія* (177), *Михалина* (157), *Францишка* 139 / *Франциска* 17 (=156), *Екатерина* 96 / *Катерина* 25 / *Катажина* 6 / *Катаржина* 5 / *Катерына* 4 / *Екатеринына* 3 / *Катарына* 1 / *Экатеринына* 1 (=141), *Аполонія* 103 / *Аполіонія* 13 / *Аполлонія* 7 / *Апполонія* 6 / *Аполенія* 1 / *Аполёнія* 1 / *Апполіонія* 1 (=132), *Емилія* 88 / *Эмилія* 29 / *Емилья* 1

⁹ В акте о крещении наблюдается повреждение метрической книги. Указанная форма зарегистрирована в алфавитном указателе, составленном в более поздний период.

(=118), Янина 113 / Янина 1 (=114), Александра (113), Павлина 82 / Паулина 31 (=113), Текля 88 / Оекла 16 / Телля 1 (=105), Юлія 88 / Юлья 17 (=105), Ванда (98), Владислава 91 / Владыслава 4 (=95), Анеля 48 / Англя 42 (=90), Констанція 82 / Канстанція 1 / Констація 1 (=84), Тереса 26 / Терезія 22 / Тересса 16 / Тересія 1 (=65), Мальвина (64), Петронеля 52 / Петрунеля 10 / Петронелія 1 (=63), Ева 50 / Евва 6 / Эвва 1 (=57), Людвика 55 / Людвиг 1 (=56), Розалія (55), Фелиція (52), Теофиля 44 / Теофилия 7 (=51), Елисавета 22 / Ельжбета 11 / Елизавета 4 / Елисавѣта 4 / Ельжбѣта 2 / Елизавѣта 1 / Елисабета 1 / Элизавета 1 / Эльжбета 1 (=47), Анастазія 44 / Анастасія 2 (=46), Иоанна 15 / Јоганна 12 / Јоанна 10 / Јоганна 8 (=45).

Набор малопопулярных антропонимов (ниже 0,5%) составили имена: Доминика (42), Аделя 37 / Аделія 4 (=41), Каролина (41), Елеонора 34 / Элеонора 5 (=39), Геновефа 36 / Геневефа 1 / Геноефа 1 (=38), Леокадія (34), Евгения 19 / Еугенія 6 / Евгений (!) 1 / Эугенія 1 (=27), Винцента 21 / Викентія 3 (=24), Моника (23), Саломея 21 / Саломѣя 1 / Соломѣя 1 (=23), Валерія 17 / Валерьѣя 2 (=19), Варвара 10 / Барбара 7 (=17), Изабеля 7 / Изабелла 4 / Изабелля 4 / Изабелія 2 (=17), Уриуля (17), Ирена (16), Магдалена 13 / Магдалина 2 (=15), Пелягія 10 / Пелагія 3 / Пелагея 2 (=15), Юстина 9 / Юстына 4 / Устина 2 (=15), Схолястика 7 / Схолястыка 7 (=14), Юліянна 9 / Юльянна 4 / Юльяна 1 (=14), Камилія 6 / Камиллія 2 / Камилля 2 / Камилла 1 / Камиля 1 (=12), Меланія 9 / Мелянія 3 (=12), Фелиціанна 8 / Фелиціанна 3 / Фелиціяна 1 (=12), Бенедикта 10 / Венедикта 1 (=11), Генрика 5 / Генриха 3 / Генріета 3 (=11), Кристина 6 / Крыстына 4 / Крестына 1 (=11), Амелія 9 / Амалія 1 (=10), Луція 7 / Люція 3 (=10), Марта (10), Марціянна 8 / Марціанна 1 / Марціяна 1 (=10), Агата 6 / Агавія 3 (=9), Регина (9), Олимпія (8), Филомена 7 / Филёмена 1 (=8), Альбина (7), Вацлава (7), Сусанна 4 / Сузанна 3 (=7), Вильгельмина (6), Наталія (6), Сабина (6), Аурелія 3 / Аврелія 1 / Ауреля 1 (=5), Болеслава (5), Бригида 4 / Бригита 1 (=5), Габріеля (5), Евелина (5), Кляра (5), Маргарита 2 / Малгожата 1 / Малгоржата 1 / Маргаритта 1 (=5), Бенигна (4), Галина (4), Домицеля (4), Клементина 3 / Клементына 1 (=4), Леонора (4), Цецылія (4), Чеслава (4), Агнешка 2 / Агнѣшка 1 (=3), Аделаида 2 / Аделяида 1 (=3), Анатолія (3), Валентина 2 / Валентына 1 (=3), Дорота (3), Матильда 2 / Матильда 1 (=3), Рахеля 2 / Рахелія 1 (=3), Ружа 2 / Роза 1 (=3), Феликса (3), Алоиза 1 / Алоизія 1 (=2), Богумила (2), Гелеодора 1 / Геліодора 1 (=2), Гертруда (2), Гонората (2), Деониза 1 / Дионисія 1 (=2), Кунегунда (2), Леонарда (2), Леонтина 1 / Леонтына 1 (=2), Люцина 1 / Люцына 1 (=2), Теодора (2), Фабіяна 1 / Фабіянна 1 (=2) и 46

имен с единичным употреблением: *Аделинда, Адольфа, Алиція, Альберта, Альбертина, Альдона, Аницента, Антонія, Беатриса, Бирута, Вильгельма, Виргинія, Витольда, Герменегильда, Гигина, Густава, Дэзи, Елеонарда, Еразмена, Зеновія, Каликста, Клотильда, Лаврентія, Леонія, Леонтія, Лина, Лонгина, Луиза, Максимилія, Мартина, Марцеля, Миронія, Модеста, Норберта, Октафія (!), Отилія, Пракседа, Рафалина, Рафаэля, Романа, Фаустина, Флорентина, Фридриха, Целина, Центулія, Эмильянна.*

Таб. 3. Классификация женских имен с точки зрения происхождения
(язык-источник)

Имена ¹⁰	К-во имен	К-во употреблений имен
еврейские	14 (8,8%)	2201 (24,2%)
арамейские	1 (0,6%)	10 (0,1%)
греческие	36 (22,5%)	2760 (30,3%)
латинские	56 (35,0%)	1878 (20,6%)
греческие/латинские	6 (3,8%)	127 (1,4%)
германские (в т. ч. англ. и норд.)	26 (16,3%)	947 (10,4%)
кельтские	1 (0,6%)	5 (0,05%)
славянские	8 (5,0%)	968 (10,6%)
литовские	3 (1,9%)	3 (0,03%)
лит./польск./герм.	1 (0,6%)	98 (1,1%)
франц./араб./греч./евр.	1 (0,6%)	39 (0,4%)
исп./евр.	1 (0,6%)	17 (0,2%)
кельт./герм.	1 (0,6%)	5 (0,05%)
романск./кельт./герм.	1 (0,6%)	38 (0,4%)
другие	4 (2,5%)	7 (0,08%)
Итого	160 (100%)	9103 (100%)

В наборе женских крестильных имен (Таблица № 3), рассматривая все случаи их употребления, превалируют, в свою очередь, антропонимы, имеющие свои корни в греческом языке (30,3%, напр. *Елена, Софія, Екатерина, Текля*), вторую по величине группу составляют имена еврейского происхождения (24,2%, напр. *Марія, Ева, Елисавета*), третью – онимы, сформированные на почве латыни (20,6%, м. пр. *Емилиа, Юлія*). В этом месте обратим внимание, что в приведенной выше классификации (похоже, как и в мужском наборе) имеется

¹⁰ Учитываются также женские имена, образованные от мужских.

некоторое количество имен, признанных как греко-латинские (*Анеля, Моника, Кристина*), поскольку в доступных источниках нет однозначного решения вопроса об их происхождении. Славянские имена, которые преобладали в группе мужских антропонимов, в женском наборе занимают только четвертое место (10,6%, напр. *Станислава, Казимира*), почти столько же насчитывается имен германской этимологии (10,4%, напр. *Ядвига, Мальвина*). Участие литовских женских имен минимально (0,03%: *Альдона, Бирута, Витольда*). Немногочисленны и остальные классы, включающие имена, например, арамейского (*Марта*) и кельтского (*Бригида*) происхождения, а также другие лингвистически смешанные наборы, выделенные из-за отсутствия возможности однозначно установить этимологию входящих в них имен (*Ванда, Елеонора, Изабеля* и др.).

Заслуживают рассмотрения, несомненно, группы латинских и греческих имен. Их численность составляет соответственно 56 (35%) и 36 (22,5%), но, учитывая количество всех употреблений, наблюдается противоположная обстановка: превалируют греческие имена – 2760 (т. е. 30,3%; для сравнения, латинские имена – 1878, т. е. 20,6%). Данная ситуация вызвана большой продуктивностью некоторых онимов греческого происхождения, в частности имен *Елена* и *София*, а также – косвенно – большой популярностью отдельных семитских (*Мария, Анна*), германских (*Ядвига*) и славянских (*Станислава*) имен. Также отметим отклонение в области еврейских и славянских имен в сопоставлении их количества как именословных единиц с суммой употреблений. Так, например, еврейских имен всего 14 (8,8%), но они применялись настолько часто, что их набор образует едва ли не четвертую часть (24,2%) всех крещений в рассматриваемый период.

Учитывая религиозно-культурную мотивировку (Таблица № 4), замечается – независимо от метода счета – доминанция имен, относящихся к святым древнехристианского периода (39% – к-во употреблений / 41,9% – к-во имен). Вторую группу (хотя она почти в два раза меньше предыдущей) составляют имена святых эпохи средневековья (22,3% / 20%). Доля библейских имен – ново- и ветхозаветных относительно невелика. Они составляют соответственно 10,9% / 3,8% и 7,1% / 2,5% от общего набора.

Последняя группа, представленная в Таблице № 4, это онимы с т. н. косвенной мотивировкой. Этот набор включает крестильные имена, не имеющие «своих» святых женского пола, но восходящие к мужским персонажам с соответствующими именами (напр. *Казимира*

относится к св. Казимиру, *Вильгельма* – к св. Вильгельму и т. д.). Антропонимы этого типа составляют 16,5% / 24,4% от всего женского репертуара, причем тут преобладают имена средневековых святых (8,3% / 11,3%). Одновременно стоит заметить, что подгруппа женских имен, мотивированных именами мужских святых древнехристианского периода, в принципе самая маленькая (не считая одного имени *Витольда*, причисленного к субгруппе «другие») – 30 употреблений, т. е. 0,3% (по количеству имен их 12, т. е. 7,5%), в то время как в «основной» классификации она оказалась самой многочисленной.

Таб. 4. Классификация женских имен с точки зрения происхождения
(культурно-религиозная этимология)

Имена		К-во имен		К-во употреблений имен	
библейские ВЗ		4 (2,5%)		644 (7,1%)	
библейские НЗ		6 (3,8%)		988 (10,9%)	
библейские – связанные с легендой		1 (0,6%)		202 (2,2%)	
святых древнехрист. периода (до V в.)		67 (41,9%)		3547 (39,0%)	
святых эпохи средневековья		32 (20,0%)		2033 (22,3%)	
другие		4 (2,5%)		20 (0,2%)	
без христианской мотивировки		7 (4,4%)		171 (1,9%)	
женские, восходящие к мужским персонажам, в т. ч.:	библ. ВЗ	39 (24,4%)	5 (3,1%)	1498 (16,5%)	480 (5,3%)
	библ. НЗ		3 (1,9%)		228 (2,5%)
	свят. др.-христ.		12 (7,5%)		30 (0,3%)
	свят. средневек.		18 (11,3%)		759 (8,3%)
	другим		1 (0,6%)		1 (0,01%)
Итого		160 (100%)		9103 (100%)	

Многоименность, хотя типична для верующих западной Церкви, не была популярным явлением среди вильнюсских католиков в этот период. В анализируемых метрических записях больше чем одно имя было присвоено 511 окрещенным (212 мальчикам и 299 девочкам), что составляет 2,8% от всех крещений, причем распространенность этой практики варьируется в зависимости от прихода: в костеле Св. Духа (предпоследнем, среди исследуемых, по количеству крещений)

она достигает 8,3%. На противоположном месте оказался всесвятский приход – самый большой – многоименность составила тут всего 1,3% от всех крещений в этом храме.

Сопоставляя антропонимы, входящие в состав двухименных наименований, с общим рейтингом, наблюдаются некоторые сходства. Итак, в мужском антропонимиконе десять самых частотных имен, присвоенных в качестве первого имени, относится к числу наиболее популярных (*Владыславъ / Владыславъ* – 15 раз на первом месте, *Иосифъ / Јосифъ / Іосифъ / Осипъ* – 11, *Јоаннь / Янь / Иванъ* – 10, *Казимиръ / Казиміръ* – 10, *Станиславъ* – 10, *Александръ* – 7, *Михаиль* – 6) или среднепопулярных (*Витольдъ* – 12, *Степанъ / Стефанъ* – 9, *Генрихъ* – 6; два первых в самом начале этой подгруппы) также в суммарной классификации. На 1. и 2. месте оказались имена *Владислав* и *Витольд*, которые в общем списке занимают 4. и 15. места соответственно. С другой стороны, имя *Викентий*, например, принадлежащее к группе наиболее продуктивных, в качестве первого имени в двухименной модели было присвоено всего один раз. Похожая ситуация наблюдается в наборе женских имен. В качестве первого имени чаще всего присваивались: *Марія / Марья* – 56 раз, *Ядвига* – 21, *Гелена / Геленна / Елена* – 17, *Зофія / Софія / Софья* – 14, *Јозефа / Јозефа / Юзефа* – 9, *Анна* – 15, *Станислава* – 8 – из группы самых популярных, а также *Ванда* – 23, *Јанина* – 21 и *Франциска / Францишка* – 6, принадлежащие к среднепопулярным (хотя тут *Ванда* и *Јанина* заняли 2. и 3. место).

Мужские вторые имена наибольшей частотности совпадают с самыми популярными именами, зафиксированными в общем списке (хотя в немножко другом порядке): *Јоаннь / Иванъ / Иоаннь / Ян* – 15 раз на втором месте, *Јосифъ / Іосифъ / Осипъ* – 15, *Антоніи / Антоній / Антонъ* – 9, *Станиславъ* – 9, *Петръ* – 7, *Францискъ / Францъ* – 7, *Александръ / Александръ* – 6, *Владиславъ* – 6. Исключением являются: *Витольдъ* – 7 – из группы умеренно популярных и *Маріанъ / Марьянъ* – 8 – из состава низкочастотных. Также большинство наиболее популярных вторых женских имен принадлежит к аналогичной группе в общем списке: *Марія / Марья* – 31 раз, *Софія / Софья / Зофія* – 18, *Ядвига* – 16, *Јозефа / Јозефа / Юзефа / Юзефа* – 13, *Анна* – 12, *Гелена / Елена* – 11, *Станислава* – 9. Два имени относятся к группе среднепродуктивных: *Ванда* – 13, *Јанина / Јанина* – 9 и одно – *Магдалена / Магдалина* – 8 – к группе маловостребованных, причем в качестве второго последнее выступает исключительно в сочетании с *Марией*.

Не будет лишним отметить, что в нескольких метрических записях на втором месте в двухименной модели появились ониимы, которые

встречаются всего один раз во всем собранном материале: *Абдонъ, Ан-зельмъ, Гervasій, Еверистъ, Костко*¹¹, *Октавіанъ, Себастьянъ, Хризогор, Хризостомъ, Алиція, Альбертина, Альдона, Беатриса, Бирута, Виргинія, Гигина, Елеонарда, Еразмена, Лонгина, Миронія, Отилія, Целина* (их 22, в т. ч. 9 мужских и 13 женских; для сравнения: в качестве первого имени в данной системе именования имен единичного употребления было всего 7, в т. ч. 4 мужских – *Витъ, Здзиславъ, Иреней, Освальдъ*, и 3 женских – *Луиза, Октафія, Фридриха*).

Трехименность встречается в рассмотренных метриках всего 20 раз (16 раз среди девочек, напр. *Елена – Вероника – Марія, Ядвига – Констанція – Антонина, Марія – Кристина – Изабеля, Генрика – Марія – Алоиза* и 4 раза среди мальчиков: *Витольдъ – Ольгердъ – Зыгмундъ, Јосифъ – Францискъ – Евгений, Чеславъ – Карль – Михаилъ, Михаилъ – Чеславъ – Бернардъ*). Небольшое количество примеров, представляющих эту модель, не дает возможности уловить какие-либо заметные тенденции. В двух свидетельствах о крещении по два имени принадлежат к числу единичных: *Аделинда – Марія – Антонія* (1-е и 3-е) и *Эмилиа – Альбертина – Дэзи* (2-е и 3-е).

В мужском именослове в группе двойных имен четырежды отмечены сочетания имен *Иванъ* и *Станиславъ* (*Иванъ – Станиславъ* 2 раза, *Станиславъ – Иванъ* 2 раза), 3 раза – *Стефанъ / Степанъ* и *Витольдъ* (всегда в указанном порядке), *Александръ* и *Витольдъ* (*Александръ – Витольдъ* 1 раз, *Витольдъ – Александръ* 2 раза), по 2 раза – в той же последовательности: *Витольдъ – Маріанъ / Марьянъ, Владиславъ – Иванъ / Иоаннъ, Иванъ – Казимиръ / Казиміръ, Казимиръ / Казиміръ – Станиславъ, Петръ – Павелъ, Јоаннъ / Иванъ – Антоніи / Антонъ*, и, в неординаковой расстановке: *Андрей – Јосифъ / Осипъ, Валеріанъ – Витольдъ, Вацлавъ – Стефанъ, Владиславъ – Генрихъ, Маріанъ – Павелъ, Рихардъ – Јосифъ*. Кроме того, те же самые имена обнаруживаются в примерах, содержащих 2 или 3 имени: *Чеславъ – Карль* и *Чеславъ – Карль – Михаилъ, Јосифъ – Францъ* и *Јосифъ – Францискъ – Евгений*, а также *Витольдъ – Сигизмундъ* и *Витольдъ – Ольгердъ – Зыгмундъ*.

В области женских имен доминирует пара *Ванда* и *Мария* (9 раз: *Ванда – Марія* 4 раза, *Марія – Ванда* 5 раз). На втором месте – 8 раз – встречается сочетание имен *Ядвига* и *Мария* (*Ядвига – Марія* 7 раз, *Марія – Ядвига* 1 раз), а также наиболее специфичное, на наш взгляд,

¹¹ Появляется в сочетании *Станиславъ – Костко*. Употреблено в качестве второго крестильного имени, хотя по сути дела является фамилией св. Станислава Костки (польск. *Stanisław Kostka*; см. Фрос, Сова: 2005: V, 298 – 300).

совмещение онимов *Марія* – *Магдалена* / *Магдалина* (всегда в том же порядке). Помимо этого, 8-кратно в многоименной модели появляется сочетание имен *Анна* и *Мария*, причем *Анна* – *Марія* 2 раза, *Марія* – *Анна* 4 раза и по 2 раза как первое и третье имя: *Марія* – *Аполонія* – *Анна*, *Анна* – *Амалія* – *Марія*. По 7 раз засвидетельствовано использование имен *Марія* / *Марья* и *Юзефа* / *Иосифа* / *Иозефа* (*Юзефа* – *Марія* 1 раз, *Марія* / *Марья* – *Иозефа* / *Юзефа* 5 раз, в сочетании *Фелиція* – *Марія* – *Юзефа* 1 раз), а также *Марія* / *Марья* и *Софія* (*Марія* / *Марья* – *Софія* 4 раза, *Софія* – *Марія* 2 раза и 1 раз в качестве двух первых имен: *Софія* – *Марія* – *Антонина*). Сочетание онимов *Марія* и *Янина* наличествует в материале 5-кратно (*Марія* – *Янина* 1 раз, *Янина* – *Марія* 3 раза и 1 раз в структуре *Янина* – *Варвара* – *Марія*), 4 раза присвоены одновременно имена *Иозефа* / *Юзефа* и *Ядвига* (*Иозефа* – *Ядвига* 1 раз, *Ядвига* – *Юзефа* 3 раза). Столько же было совместного употребления антропонимов *Софія* и *Янина*, причем: *Софія* – *Янина* 1 раз, *Янина* – *Софія* 2 раза и однократно в составе трехименной модели: *Ева* – *Софія* – *Янина*. По 3 раза встречается применение пар: *Марія* и *Станислава* – всегда в том же порядке, а также – в разной последовательности – *Йоанна* / *Юанна* / *Йоганна* – *Марія* / *Марья*, *Ванда* – *Елена* / *Гелена*, *Ванда* – *Ядвига*, *Казиміра* / *Казимира* – *Станислава*, *Софія* / *Зофія* – *Ядвига*. Пары имен *Марія* / *Марья* – *Елена* и *Янина* – *Ядвига* встречаются по 2 раза в метриках с двумя именами и по одному разу в структуре трехименной формулы (*Елена* – *Вероника* – *Марія*, *Ядвига* – *Янина* – *Валентина*). Именами с двукратным совместным употреблением являются: *Юзефа* – *Софія*, *Ванда* – *Вероника*, *Марія* – *Петронеля*, *Марія* – *Розалія*, *Марія* – *Терезія* / *Тересса*, *Станислава* – *Людвика*, *Франциска* / *Францишка* – *Ядвига* (в указанном порядке) и *Йоганна* – *Янина*, *Александра* – *Софія*, *Анна* – *Янина* / *Янина*, *Анна* – *Софія* / *Софья*, *Ванда* – *Юлія*, *Евгенія* / *Еугенія* – *Емилія*, *Софія* – *Гелена* / *Елена*, *Терезія* / *Тереса* – *Ядвига* (в разной последовательности).

В заключение отметим, что намеченные выше аспекты, главным образом статистического характера, не исчерпывают, разумеется, все вопросы, связанные с существованием крестильных имен, извлеченных из метрических книг католических храмов г. Вильнюса в рассматриваемый период. Целесообразно было бы подвергнуть анализу влияние религиозных факторов (дат поминовения святых) и семейной традиции на выбор имени, а также проследить зависимость между крестильными именами младенцев и социальным сословием их родите-

лей. Кроме того, предстоит работа по сравнению крестильных имен последнего десятилетия XIX века с другими, более ранними периодами, а также с крестильными именами жителей Вильнюса того времени, принадлежавших к другим христианским вероисповеданиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович 1993:** Abramowicz, Z. *Imiona chrzestne białostoczan w aspekcie socjolingwistycznym (lata 1885 – 1985)*. Białystok: Filia UW w Białymstoku, 1993.
- Алишаускас, ред. 2014:** Ališauskas, V. (red.). *Dzieje chrześcijaństwa na Litwie*. Przekł. K. Korzeniewska. Warszawa: PIW, 2014.
- Гайда 1973:** Gajda, S. Socjologia imion na przykładzie Opola i okolic. // *Studia Śląskie. Seria nowa*, 1973, № XXIII, 267 – 296.
- Календарь 1997:** *Православный церковный календарь 1998*. [Pravoslavnyj tserkovnyj kalendar' 1998.] Москва: Московская Патриархия, 1997.
- Малец 1994:** Malec, M. *Imiona chrześcijańskie w średniowiecznej Polsce*. Kraków: IJP PAN, 1994.
- Новик 1998:** Nowik, K. Zmiany frekwencyjne w zasobie imion w Polsce powojennej. // *Najnowsze przemiany nazewnicze*. Red. E. Jakus-Borkowa, K. Nowik. Opole: Energeia, 1998. 57 – 71.
- Перепись 1904:** Тройницкій, Н. А. (ред.). *Первая всеобщая перепись населения Российской имперіи 1897 г. IV. Виленская губернія. Тетрадь III*. [Troynickij, N. A. (red.). *Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossiyskoj imperii 1897 g. IV. Vilenskaya guberniya. Tetrad' III*.] Санкт-Петербург: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел: 1904. <<https://www.prilib.ru/item/436611>> (14.12.2024).
- Свобода 2013:** Swoboda, P. Imiona częste w Polsce w latach 1995 – 2010 oraz ich zróżnicowanie w czasie i przestrzeni. // *Onomastica*, 2013, № LVII, 19 – 69.
- Свобода 2015:** Swoboda, P. Regionalne zróżnicowanie ilościowe imiennictwa w Polsce. // *Socjolingwistyka*, 2015, № 29, 21 – 37.
- Свобода 2019:** Swoboda, P. *Imiona w Polsce w XX w. i na początku XXI w. w ujęciu statystycznym i socjolingwistycznym (niepublikowana rozprawa doktorska)*. Kraków: IJP PAN, 2019. <https://www.researchgate.net/profile/Pawel-Swoboda/publication/336409229_Imiona_w_Polsce_w_XX_w_i_na_poczatku_XXI_w_w_ujeciu_statystycznym_i_socjolingwistycznym/links/5eb17c1c299bf18b9595f111/Imiona-w-Polsce-w-XX-w-i-na-

- poczatku-XXI-w-w-ujeciu-statystycznym-i-socjolingwistycznym.pdf> (10.12.2024).
- Сковронек 2001:** Skowronek, K. *Współczesne nazwisko polskie. Studium statystyczno-kognitywne*. Kraków: DWN, 2001.
- Сковронек 2013:** Skowronek, K. Imiona „wielkomiejskie” w latach 1995 – 2010 w perspektywie statystyczno-onomastycznej i społeczno-kulturowej. // *Onomastica*, 2013, № LVII, 95 – 127.
- Словник 1893:** Sulimierski, F., Chlebowski, B., Walewski, W. (red.). *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Warszawa: Kasa im. Józefa Mianowskiego, 1893. T. XIII.
- Суперанская 1998:** Суперанская, А. В. *Словарь русских личных имен*. [Superanskaya, A. V. Slovar' russkix lichnykh imen.] Москва: АСТ, 1998.
- Фрос, Сова 1997 – 2007:** Fros, H., Sowa, F. *Księga imion i świętych*. Kraków: WAM – Księża Jezuici, 1997 – 2007. T. 1 – 6.
- Хринкевич-Адамских 2018:** Hryniewicz-Adamskich, B. Zastosowanie ilościowo-jakościowej metody statystyki lingwistycznej w badaniach siedemnastowiecznego zasobu chrześcijańskich imion osobowych północnej Rosji. // *Onomastica*, 2018, № LXII, 183 – 202.
- Эйдинтас и др. 2013:** Эйдинтас, А., Бумблаускас, А., Кулакаускас, А., Тамошайтис, М. *История Литвы*. [Ejdintas, A., Bumblauskas, A., Kulakauskas, A., Tamoshajtis, M. Istoriya Litvy.] Вильнюс: Eugrimas, 2013.
- Энциклопедия 2000:** *Православная энциклопедия*. [Pravoslavnaia entsiklopediya.] Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000.

EXPLORING THE SUFFIX POTENTIAL OF THE ELEMENTS -(A)THON, -PRENEUR, -TAINMENT AND -ZILLA IN PRESENT-DAY ENGLISH

Maria Kolarova
St. Kliment Ohridski University of Sofia

m.kolarova@uni-sofia.bg

The paper studies the morphological status of the elements *-(a)thon*, *-preneur*, *-tainment* and *-zilla* in present-day English. The elements in question behave very much like suffixes, frequently appearing in creative and often playful neologisms. By analysing their behaviour, with a focus on their origin, the types of morphs they combine with and the meanings they convey, this study aims to assess how closely *-(a)thon*, *-preneur*, *-tainment* and *-zilla* align with fully-fledged suffixes in present-day English word-formation.

Key words: suffix, combining form, splinter, English word-formation

I. Introduction

Change is an inherent feature of language and, as pointed out by Aitchison (2001: 4), “[i]n a world where humans grow old, tadpoles change into frogs, and milk turns into cheese, it would be strange if language alone remained unaltered”. Change that affects the structure of words is known as morphological change (Trips 2017: 1) and one specific type of morphological change is what Trips (2017: 13) refers to as “the development of new word-formation patterns on semantic grounds”, as shown by the emergence of the formatives *-burger* and *-gate*. These word-formative elements arose as a result of the reanalysis of morphological complexes, i.e. *-burger* developed from *Hamburger* denoting ‘a person from Hamburg’ and *-gate* from *Watergate* related to Nixon’s Watergate scandal (Trips 2017: 12–13). The English language provides particularly favourable conditions for similar processes to occur frequently due to its dynamic nature and distinctive ability to integrate new concepts through creative word-formation.

This study investigates the morphological status of the elements *-(a)thon*, *-preneur*, *-tainment* and *-zilla* in present-day English. These elements bear some resemblance to suffixes in that they exhibit increasing productivity in their ability to attach after another element, which results in the formation of creative and often playful neologisms. Their semantic density, however, is higher than that of standard suffixes and they are ambiguous between splinters and combining forms (CFs), which, as noted by Mattiello (2023: 187, 188, 204), constitute two distinct and heterogeneous categories.

By analyzing the behaviour of *-(a)thon*, *-preneur*, *-tainment* and *-zilla*, with a focus on their origin, the types of morphs they combine with and the meanings they convey, the study seeks to determine how closely the features of these four elements resemble the features of fully-fledged suffixes in present-day English. To achieve this primary objective, the study relies on a self-compiled database of items, drawn mainly from the *News on the Web* corpus (NOW), along with some online dictionaries, websites, and reference books. In addition, the adequate fulfillment of this objective requires a summarized, yet systematic review of the terms affix, affixoid, combining form and splinter, which is presented in the section that follows.

II. Distinguishing between affixes, affixoids, combining forms and splinters

In order to gain a more precise understanding of the morphological status of *-(a)thon*, *-preneur*, *-tainment* and *-zilla* in present-day English, it is important to clarify the nuances between the terms affix, affixoid, combining form and splinter. We shall do so by outlining the key features of these elements and providing relevant examples where necessary.

To begin with, some of the descriptions of affixes in the linguistic literature include the following: “bound morphs which do NOT realize unanalyzable lexemes” (Bauer 1983: 18) (original capitalization); bound morphemes made up of “one or more segments that typically appear before, after, or within a base morpheme” (Lieber 2009: 197); shorter morphemes that cannot occur alone but attach to a word or a main part of a word and usually have an abstract meaning (Haspelmath and Sims 2010: 19); bound morphemes that attach “to a root or stem to form a new lexeme (derived form) or an inflected form or stem of an existing lexeme” (Aronoff and Fudeman 2011: 258); recurrent pieces of phonological material, which are not roots and which have “a relatively consistent effect on the meaning of the word” in which they occur (Bauer 2014: 118). Thus, on the basis of these

definitions, we can describe affixes as bound morphemes that typically carry an abstract meaning and exert a generally consistent influence on the meaning of the word in which they appear.

As regards the term affixoid, also called semi-affix, some of its definitions in the literature are more restrictive than others (Bauer 2014: 121). In Booij (2005: 114), this term is used “to denote morphemes which look like parts of compounds, and do occur as lexemes, but have a specific and more restricted meaning when used as part of a compound”. Thus, elements such as *-like* (*childlike*), *-ware* (*tableware*) or *-worthy* (*newsworthy*) are classified by Booij (2005: 114) as suffixoids or semi-suffixes “since they are morphemes that function as suffixes and have corresponding lexemes”. The author also indicates that these morphemes resemble suffixes in that “the set of words ending in *like*, *worthy*, and *ware* can be extended” (ibid. 114).

The term combining form (CF) is typically applied to neoclassical elements of Greek or Latin origin, such as *bio-*, *geo-*, *-logy* or *-phile*, which are bound morphemes attaching to other elements either initially (*biorhythm*) or finally (*fashionology*) (Mattiello 2023: 1). In Bauer’s words (1983: 213), CFs “function as affixes in some places” but they “appear to be distinct from affixes in other facets of their behaviour”. The author illustrates that while Initial Combining Forms (ICFs) (*bio-*, *electro-*) can easily combine with Final Combining Forms (FCFs) (*-crat*, *-phile*) to form neoclassical compounds such as *biocrat* or *electrophile*, suffixes are not capable of combining with ICFs and prefixes are not capable of combining with FCFs (e.g. **electroness* or **bephile* are impossible words) (Bauer 1983: 213–215). However, the forms *hyper-ness* (“I went from a state of hyper-ness to tears”), *pseudo-ness* (“To be clear, pseudo-ness isn’t solely about ownership”) and *retro-ness* (“I love the retro-ness of these sunglasses”), taken from the NOW corpus, show that it is not entirely impossible for a suffix to combine with a neoclassical ICF. In this case, it is the suffix *-ness*, whose exceptionally high productivity in present-day English may partly account for the emergence of such unusual and creative formations.

In Bauer et al. (2013: 441), CFs are described as “formatives of potentially unclear status as base or affix”, neoclassical or non-native elements, many of which are obligatorily bound. The authors explicitly indicate that “the classical elements may sometimes also be used in English as free forms” (ibid. 441). Overall, CFs constitute a ‘fuzzy’ category (Bauer et al. 2019, as cited in Mattiello 2023: 2) and as Mattiello (2023: 9) puts it, they are “notoriously difficult to define and classify”.

Yet, Mattiello (2023) has conducted an extensive investigation where she has identified three distinct categories of CFs: a) neoclassical, defined as “allomorphic variants of classical Latin or Greek words” and considered to be “the closest to compound constituents” (*bio-* or *-logy*) (ibid. 2–3, 79); b) abbreviated, formed through deleting initial or final material while preserving “all the semantic content of their source lexemes” (*cyber-* or *-tainment*) (ibid. 15, 58, 106) and c) secreted, involving both abbreviation and semantic reinterpretation (*-gate* or *-zilla*) (ibid. 15, 58, 146). Regarding the origin of abbreviated and secreted CFs, the author notes that they can be obtained from either native or non-native English words (ibid. 64).

In addition, Mattiello (2023: 43) observes that “CFs are variously combinable with bound and free morphs” and “they even combine with one another”. She also points out that semantically, the various CFs exhibit substantial differences but “CFs bear higher semantic weight and lexical density than affixes, in that they involve reanalysis (e.g. the name of the Greek town *Marathon* is segmented as *mara* + *-thon*) and semantic reinterpretation (e.g. *-thon* ‘long and strenuous event’)” (ibid. 16). What could be added for the abbreviated CFs in which no semantic change occurs is that their higher lexical density is due to preserving the meaning of the original lexeme. In the case of neoclassical CFs this increased lexical density can be attributed to their origin as condensed, allomorphic variants of Latin or Greek words.

Another key observation by Mattiello (2023: 146) relevant to our research is that “[l]ike abbreviated CFs, secreted CFs are close to affixes because of their bound character and abstract meaning”. As to abbreviated CFs in particular, the author indicates that what makes them similar to affixes is their boundedness (ibid. 106).

Concerning the category of splinters, Bauer et al. (2013: 19, 525) define them as “originally (mostly) non-morphemic portions of a word that have been split off and used in the formation of new words with a specific new meaning” and indicate that splinters are “used recurrently on new bases (free or bound)”. The authors also add: “Given that splinters seem to be only moderately productive, it may even be the case that most of them are never firmly established as bound morphemes. But when they do become more productive, they may even start a life as a free form as in the case of *burger* ‘patty served on a bun’” (ibid. 525). The productivity potential of splinters is emphasized in a subsequent study where they are defined as “abbreviated elements that arise in blends and then have the potential to be used productively” (Bauer 2017, as cited in Mattiello 2023: 22). Another essential feature of these elements, indicated by Bauer et al. (2013: 19) is that they

“usually carry some of the semantic content of the original word from which they split (*-licious* from *delicious*, *-scape* from *landscape*, etc.), and therefore are more contentful than typical affixes”.

What emerges from the provided definitions of splinters and CFs is that the boundary between these two types of formatives is often blurred. This is in line with Mattiello’s (2023: 22) observation that “the borders between CFs and blends seem not to be clear”. She clarifies that for the categories of CFs, there may be more central and easily recognizable examples, as well as examples whose status is not easy to determine (ibid. 23). Regarding splinters, Mattiello (2023: 22) describes them as “transitional between word parts used in blends to proper CFs”.

Beliaeva (2019: 8–17), for her part, investigates the recurrent use of splinters in contemporary English, highlighting at the same time that “[i]t is not surprising that splinters can be one-off formations only existing in the blends they appeared in, given the complex interplay of factors involved in their forming to suit a particular environment” (ibid. 9). Accordingly, the distinction between splinters and CFs can be sought in terms of productivity, as Lehrer (1998: 4) suggests: “[t]he creation of a blend does not necessarily result in a new combining form. It depends on whether the SPLINTER, that is, the truncated word, becomes productive” (original small caps). In other words, only when a splinter is productively involved in the formation of novel words, can it be recognized as a combining form (Mattiello 2023: 187).

In our investigation the terms splinter and combining form will be used interchangeably (see Beliaeva 2019: 9) to refer to units that have arisen in blends, exhibit higher semantic density than typical affixes, and combine recurrently with other morphs, either free or bound. We shall not make use of the term affixoid so as to avoid terminological confusion.

III. Origin, meaning and behaviour of *-(a)thon*, *-preneur*, *-tainment* and *-zilla* in present-day English

The elements *-(a)thon*, *-preneur*, *-tainment* and *-zilla* differ in their origin, meaning, and combinability properties. Thus, while some of them seem to be more susceptible to a suffix interpretation, others are still quite far from the class of fully-fledged suffixes. What follows is an overview of the key features of these elements. Due to space limitations, however, the discussion will be kept concise and focused on the most relevant aspects.

► The element *-(a)thon* occurs in a large number of forms such as *appathon*, *Barack-athon*, *bikeathon*, *buildathon*, *cleanathon*, *climbathon*,

collectathon, cookathon, danceathon, datathon, designathon, dogathon, drumathon, funathon, get-it-on-athon, golfathon, greenathon, ideathon, knitathon, mapathon, metathon, pickathon, pinkathon, readathon, rockathon, runathon, shavathon, singathon, spendathon, swimathon, talkathon, techathon, telethon, thankathon, vaxathon, walkathon, webathon, yogathon, zumbathon, etc. As noted above, *-(a)thon* originates from the noun *marathon* ('a running race of about 26 miles') and has evolved to signify 'a long and typically strenuous event' (*bikeathon, swimathon, walkathon*), often organized for charitable purposes or fundraising (*rockathon, singathon, telethon*) (Mattiello 2023: 16). Thus, *-(a)thon* exemplifies a process of reinterpretation, i.e. secretion, which, in this particular case, involves a semantic widening of the source word (Mattiello 2023: 15–16). We could add that while *-(a)thon* has indeed widened its meaning from a running race to include a variety of long and strenuous events, it has also developed a more specialized nuance referring to events typically organized for charitable purposes or fundraising (cf. Mattiello 2023: 16). Thus, in the case of *-(a)thon* the process of semantic widening appears to have been followed by, or occurred alongside, a process of semantic specialization.

This element combines with a large number of free bases, which are mainly verbal (*knitathon, singathon*), or nominal (*golfathon, ideathon*), but adjectival bases are not impossible either (*greenathon, pinkathon*), as well as proper nouns (*Barack-athon*¹) and even complex bases (*get-it-on-athon*²). Within the purely nominal bases, *-(a)thon* seems to prefer inanimates (*bikeathon, drumathon, mapathon*), but animates are not entirely excluded (*dogathon*). Clippings can also occur as in *techathon* (*tech* < *technology*) or *vaxathon* (*vax* < *vaccination* or *vaccine*). In addition, *-(a)thon* is found in formations such as *metathon* and *telethon*, where it is combined with a non-native prefix / neoclassical ICF³. Our database, however, does not contain many examples of this type.

In the Oxford English Dictionary (OED) and Merriam-Webster *-(a)thon* is classified as a combining form, whereas Collins Dictionary and Cambridge Dictionary list it as a suffix and the Online Etymology

¹ *Barack-athon* denotes the activity of endlessly watching newsclips, TV shows and videos about Barack Obama (urbandictionary.com).

² *Get-it-on-athon* is used to refer to an ostentatious and prolonged display of affection, often occurring in a fairly public setting (urbandictionary.com).

³ In Bauer et al. (2013: 603–610), neoclassical elements such as *crypto-*, *hyper-*, *hypo-*, *inter-*, *intra-*, *mega-*, *meta-*, *mini-*, *multi-*, *retro-*, etc. are classified as non-native prefixes.

Dictionary simply labels it as a word-forming element. Baldi and Dawar (2000, as cited in Mattiello 2023: 18–19) recognize the suffix status of *-(a)thon*, citing it as an example of “unconventional suffixes (“folkmorphs”)” used “to create appealing names for certain types of jargon expressions”. Additionally, this element appears to have started to acquire some independence, as illustrated by the following citation, where it is used as a modifier to a noun: “After months of silence on Ghana’s attempt to set a “thon” record, 2nd July, 2024, seemed like the day destined for glory” (NOW). The insertion of inverted commas around *thon*, however, suggests that the writer perceives this usage as relatively novel or unusual.

► The element *-preneur*, obtained from the French borrowing *entrepreneur*, preserves the meaning of the source word: ‘an individual who manages the risks of a business or enterprise’. Thus, according to Mattiello’s (2023) model *-preneur* qualifies as an abbreviated CF. It is worth noting that in French *preneur* functions as an independent lexeme literally meaning ‘taker’, especially one who accepts an offer or takes a bet.

The element *-preneur* is frequently used in present-day English to form nouns that generally denote a person who actively undertakes an initiative, business or project within a certain field or industry. Our database includes examples such as: *agropreneur*, *artpreneur*, *beautypreneur*, *cinemapreneur*, *dealer-preneur*, *ecopreneur*, *edupreneur*, *electropreneur*, *fashionpreneur*, *foodpreneur*, *hairpreneur*, *homepreneur*, *hustler-preneur*, *info-preneur*, *intrapreneur*, *jack-of-all preneur*, *kidpreneur*, *maker-preneur*, *mediapreneur*, *migrant-preneur*, *mompreneur*, *multi-preneur*, *musicpreneur*, *parentpreneur*, *passionpreneur*, *salespreneur*, *smartpreneur*, *techpreneur*, *tenderpreneur*, *womanpreneur*, *youthpreneur*, among others.

As illustrated by the provided examples *-preneur* easily combines with free bases, which can be abstract nouns (*beautypreneur*, *musicpreneur*, *passionpreneur*), person-referring nouns (*kidpreneur*, *parentpreneur*, *migrant-preneur*), nouns denoting inanimate entities (*foodpreneur*, *hairpreneur*) or nouns specific to certain fields such as business, commerce, communication, cinema, etc. (*cinemapreneur*, *mediapreneur*, *salespreneur*, *tenderpreneur*). Additionally, there are examples where the left-hand constituent is an *-er* derivative, (*dealer-preneur*, *maker-preneur*) and, occasionally, even a phrase (*jack-of-all preneur*). An adjectival base in left-hand position is not impossible either (*smartpreneur*). The formative *-preneur* also enters into combination with non-native prefixes / neoclassical ICFs (*agropreneur*, *ecopreneur*, *intrapreneur*, *multi-preneur*), other splinters (*edupreneur*) or clippings (*info-preneur*, *techpreneur*).

In some formations, the left-hand constituent highlights the personal identity or role of the entrepreneur. For instance, a *parentpreneur* is an individual who balances the responsibilities of being a parent with running their own business and a *kidpreneur* is a child or teenager actively engaged in entrepreneurial ventures. In other formations, the left-hand element specifies a particular field, object or concept associated with the business enterprise. For example, a *salespreneur* is an entrepreneur working in sales, a *foodpreneur* is an entrepreneur involved in the food industry, and a *fashionpreneur* is one who manages ventures related to fashion. The form *passionpreneur* is somewhat different as it refers to an individual who transforms their personal passion into a viable business venture (Urban Dictionary).

Citations taken from the NOW corpus show that *(-)preneur* is not infrequently perceived and used as an independent lexeme: “In a rising economy, with the urge to go it alone, through a variety of start-up models, becoming the norm, we welcomed ‘mumpreneur’, ‘seniorpreneur’, ‘photopreneur’, and ‘hairpreneur’. In fact, any ‘preneur’ you care to mention was welcomed into the corporate fold” and “Since selling Method, the risk – the thrill! – was gone. I was an entrepreneur with no preneur”, where *preneur* is not surrounded by inverted commas. It should also be noted that the formative *-preneur* is not recorded in any of the dictionaries cited in reference to *-(a)thon*.

► The element *-tainment* is abbreviated from *entertainment* and is used to form “nouns denoting genres of broadcasting, journalism, etc., in which entertainment is combined with aspects of the genre indicated by the first element” (Mattiello 2023: 126; OED). Some of the examples in our database are *afrotainment*, *agritainment*, *anger-tainment*, *artainment*, *beautytainment*, *cricketainment*, *cruisertainment*, *digitainment*, *docutainment*, *eatertainment*, *eco-tainment*, *edutainment*, *exertainment*, *fashiontainment*, *foodtainment*, *garden-tainment*, *Hypertainment*, *infotainment*, *intertainment*, *irony-tainment*, *lawyer-tainment*, *mobitainment*, *newstainment*, *politainment*, *retro-tainment*, *shoppertainment*, *sportainment*, *supertainment*, *tentertainment*, etc.

The element *-tainment* retains the meaning of the original word *entertainment* and thus, as stated by Mattiello (2023: 58), qualifies as an abbreviated CF. This element has the ability to combine with free bases, which range from abstract or uncountable nouns (*anger-tainment*, *beautytainment*, *fashiontainment*, *newstainment*) to concrete inanimates

(*cruisertainment*, *garden-tainment*), person-referring nouns (*lawyertainment*) and occasionally adjectives (*high-tainment*⁴).

The element in question also occurs in different structural types of blends. In one type, which includes examples such as *edutainment*, *exertainment* or *politainment*, *-tainment* combines with another splinter, e.g. *edutainment* < *education* + *entertainment*. In another type, represented by formations such as *artainment*, *cricketainment* or *sportainment*, the left source word remains unaltered and its final consonant overlaps with the initial consonant of *-tainment* (see Bauer 1983: 236; Beliaeva 2019: 8), e.g. *cricketainment* < *cricket* + *entertainment*.

There are also blends, such as *eatertainment* or *shoppertainment*, which preserve a larger portion of the source word *entertainment*, e.g. *shoppertainment* < *shopping* + *entertainment* (The rise of “shoppertainment” – the fusion of shopping and entertainment – redefines how brands connect with audiences” (NOW)). Another example is *tentertainment*, where the overlap between the source words *tent* and *entertainment* allows both to be fully preserved in the resulting formation, e.g. *tentertainment* < *tent* + *entertainment*.

Bauer et al. (2013: 529) indicate that “a blend analysis is impossible in those cases where the splinter carries a meaning that is different from that of the original word”. Since *-tainment* retains the meaning of its source word, an interpretation in terms of blending seems to be readily applicable to *-tainment* formations that feature a phonological loss in the first component (Bauer et al. 2013: 528–529) or an overlap between the two components.

The element *-tainment* also has the ability to combine with non-native prefixes / neoclassical ICFs, as illustrated by *afrotainment*, *agritainment*, *eco-tainment*, *Hypertainment*, *retro-tainment* or *supertainment*. This combinability property suggests that *-tainment* cannot straightforwardly be assigned a suffix status, despite the above-mentioned observation that it is not absolutely impossible for a suffix to combine with a non-native prefix / neoclassical ICF, as in the case of *hyper-ness*. Such formations are unusual and do not reflect the typical behaviour of conventional suffixes in English. In addition, *(-)-tainment* has started to gain currency as a standalone lexeme, which can be seen in the following citations from the NOW corpus: “On the “tainment” side of things, there is now in-car gaming courtesy of

⁴ *High-tainment* denotes a type of entertainment experienced by someone who is “high”, i.e. under the influence of drugs (urbandictionary.com).

AirConsole, video streaming with YouTube, a TiVo app, BMW's Bundesliga app, and other apps" and "a little bit of info and an awful lot of tainment", where *tainment* is used without inverted commas.

That *(-)tainment* has arguably developed features of a free morph is also largely supported by the availability of the form *supertainment* and Bauer's (1983: 215) observation that "*super-* does not appear to be prefixed to FCFs at all", where *super-*⁵ is cited as a prefix synonymous with the ICF *hyper-*. While *-hyper* was originally a CF, it is now included in the class of non-native prefixes in English and "continues to be able to attach to other combining forms" (Bauer et al. 2013: 405, 605). Furthermore, like *super-*, *hyper-* is also found in combination with *(-)tainment*, as in *Hypertainment*, and Bauer et al.'s (2013: 405) remark that both prefixes *super-* and *hyper-* "now attach freely to words" seems to lend extra support to the likely word status of *(-)tainment*.

Another important point to note is that *-tainment* is listed as a combining form in the OED, but it does not appear in Merriam-Webster, Collins Dictionary, Cambridge Dictionary or the Online Etymology Dictionary.

► The element *-zilla* is obtained from *Godzilla*, the name of a fictional, gigantic, dinosaurian monster that emerged from Japanese pop culture, specifically from Ishirō Honda's 1954 film *Gojira* (see Mattiello 2023: 169). This element is used to form "humorous, usually temporary words which depict a person or thing as a particularly imposing, relentless, or overbearing example of its kind" (Mattiello 2023: 169; OED). Some of the *-zilla* formations we have collected include *Batzilla*, *Birdzilla*, *birthdayzilla*, *Bosszilla*, *Bridezilla*, *Catzilla*, *clientzilla*, *cowzilla*, *Dadzilla*, *Ecozilla*, *Fedzilla*, *filmzilla*, *fishzilla*, *Foodzilla*, *Fordzilla*, *Frogzilla*, *gamezilla*, *Gateszilla*, *Goldzilla*, *Govzilla*, *groomzilla*, *Megazilla*, *MetaZilla*, *melonzilla*, *Minizilla*, *momzilla*, *promzilla*, *sharkzilla*, *Snowzilla*, *Sportzilla*, *Steakzilla*, *TransZilla*, *Trumpzilla*, *WarmZilla*, *Webzilla*, *weddingzilla*, *wifezilla*, *wormzilla*, etc. Since *-zilla* involves both abbreviation and semantic reinterpretation – specifically metaphorization, as it links a person, animal or thing to the colossal and violent monster Godzilla due to their domineering behaviour or massive size – it qualifies as a secreted CF (Mattiello 2023: 21, 169).

Besides the meaning of imposing size or overbearing behaviour, *-zilla* has developed a more specific nuance, denoting a person intensely obsessed with what is indicated by the left-hand element of a *-zilla* formation. This

⁵ The original prefix status of *super-* in English is also specified in Bauer et al. (2013: 405).

can be seen in examples such as *birthdayzilla* ('a person excessively obsessed with planning and celebrating their birthday' (Urban Dictionary)), *gamezilla* ('a person obsessed with gaming' (Urban Dictionary)), *promzilla* ('an overly prom-obsessed adolescent' (NOW)) or *weddingzilla* ('a person obsessively focused on planning every detail of their wedding' (NOW)).

-Zilla is also commonly used in names of companies such as *CarZilla*, *Homezilla*, *PizzaZilla*, *Sportzilla*, *TechZilla*, *WarmZilla*, *WebZilla*, etc. Presumably, this usage suggests that the company is metaphorically a giant or force to be reckoned with in its field. The element *-zilla* adds a tone of exaggeration, often combined with humour, and creates attention-grabbing brand names because of its association with Godzilla. Mattiello (2023: 170), for her part, comments on the use of *-zilla* in advertising, where nonce words like *Burgerzilla* or *Steakzilla* are coined "to attract new customers by drawing their attention to the huge size of such food as hamburgers or steaks".

This element combines with free bases, which are mainly common nouns, human (*Bridezilla*, *Dadzilla*, *momzilla*, *wifezilla*), non-human animate (*Birdzilla*, *Catzilla*, *cowzilla*, *sharkzilla*) or inanimate (*filmzilla*, *melonzilla*, *Snowzilla*, *Steakzilla*) but proper nouns are also possible (*Gateszilla*, *Trumpzilla*) and occasionally adjectives (*WarmZilla*). It can combine with non-native prefixes / neoclassical ICFs (*Ecozilla*, *Megazilla*, *MetaZilla*, *Minizilla*, *TransZilla*) or clippings (*Fedzilla* < *federal* (*government*) + *Godzilla*, *Govzilla* < *government* + *Godzilla*).

In informal contexts, *(-)zilla* is also used as a free morph to describe a person or animal perceived as fearsome, tough or excessively assertive. For example: "Monster Bridesmaids: Why should the bride be the only Zilla – especially after she made her friends buy these horrible dresses?"⁶. Additionally, it can refer to any type of monster such as a dinosaur, King Kong, Godzilla, etc. ("Look, dad, what a zilla!") or function as a slang intensifier, indicating the greatness or intensity of something, as in "I got zilla cash" or "some zilla brain" (Urban Dictionary).

In the OED, *-zilla* is listed as a combining form and in the Wordplay Section of Merriam-Webster, it is defined as a suffix that "has come to indicate a particularly strong or large example of its variety" (<https://www.merriam-webster.com/wordplay/-zilla>). This element, however, is not recorded in Collins Dictionary, Cambridge Dictionary or the Online Etymology Dictionary.

The following section provides a summary of the findings from the analysis of *-(a)thon*, *-preneur*, *-tainment* and *-zilla* presented above. In

⁶ This citation has been taken from: <https://www.dictionary.com/browse/zilla>.

addition to summarizing the findings, it briefly highlights topics that merit further investigation.

IV. Summary of findings and other research avenues

The elements *-(a)thon*, *-preneur*, *-tainment* and *-zilla* have originated as truncations of content words and exhibit higher semantic density than traditional suffixes. A notable shared feature is that these elements can combine not only with free morphs (*bikeathon*, *kidpreneur*, *foodtainment*, *sharkzilla*) but also with non-native prefixes (*metathon*, *multi-preneur*, *retro-tainment*, *Megazilla*). Thus, their combinatory ability is generally less constrained than that of typical suffixes, although, as illustrated in section II, it is not impossible for a highly productive suffix such as *-ness* to attach to elements that fall in the class of non-native prefixes or neoclassical ICFs. The four elements, however, display varying degrees of suffix potential.

So, while *-(a)thon* and *-zilla* exemplify secretion, involving both abbreviation and semantic reinterpretation, *-preneur* and *-tainment* are based only on abbreviation, preserving the full semantic content of their source words (*-preneur* = *entrepreneur*, *-tainment* = *entertainment*). In addition, as shortened forms of *entrepreneur* and *entertainment*, respectively, the abbreviated CFs *-preneur* and *-tainment* are also susceptible to being used as free morphs, although this usage is still unusual and restricted to informal or creative contexts. Also, given their ability to combine with non-native prefixes / neoclassical ICFs (*multi-preneur* and *retro-tainment*) and other splinters (*edupreneur*, *edutainment*), it is fair to say that rather than adhering to the typical behaviour of fully-fledged suffixes, *(-)preneur* and *(-)tainment* seem to bear a considerable resemblance to clippings, and a clipping, as defined by Haspelmath and Sims (2010: 322), is “a shortened word that does not differ semantically from the longer version”.

Another essential point is that although all four elements exhibit higher semantic density than traditional suffixes, the secreted CFs *-(a)thon* and *-zilla* seem to be closer to the class of suffixes than the abbreviated CFs *-tainment* and *-preneur*, because they involve reinterpretation and their meanings are more abstract, similar to affixes.

Of the four discussed elements, *-(a)thon*, denoting a prolonged and typically strenuous event, frequently organized for fundraising or charity, appears to show the highest suffix potential. It has a systematic and productive use as a bound morph, although it may sporadically occur as a standalone lexeme. Like the other three elements, *-(a)thon* is also found in

combination with a non-native prefix / neoclassical ICF but our database contains very few items formed on this pattern.

The element *-zilla* behaves in a similar way. Its high productivity and abstract meaning associated with exaggeration, dominance or obsession are indicative of its significant suffix potential. Yet, in comparison with *-(a)thon*, *-zilla* appears to be less close to the class of fully-fledged suffixes as it exhibits greater freedom functioning not infrequently as an independent morph (*some zilla brain*) and combining with non-native prefixes / neoclassical ICFs (*Ecozilla*, *Megazilla*, *Minizilla*, *TransZilla*).

The proposed study provides a sound basis for delving deeper into the combinability properties of the *-ness* suffix in present-day English, the role of semantic reinterpretation in word-formation, or the boundaries between splinters, combining forms and affixes. These topics remain highly favourable for further investigation, given the dynamic nature of the English language.

REFERENCES

- Aitchison 2001:** Aitchison, J. *Language Change: Progress or Decay?* 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Aronoff, Fudeman 2011:** Aronoff, M., Fudeman, K. *What Is Morphology?* 2nd edition. Wiley-Blackwell, 2011.
- Bauer 1983:** Bauer, L. *English Word-formation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Bauer et al. 2013:** Bauer, L., Lieber, R., Plag, I. *The Oxford Reference Guide to English Morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Bauer 2014:** Bauer, L. Concatenative Derivation. // *The Oxford Handbook of Derivational Morphology*. Ed. by R. Lieber & P. Štekauer. Oxford: Oxford University Press, 2014, 118 – 135.
- Bauer 2017:** Bauer, L. *Compounds and Compounding*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Bauer et al. 2019:** Bauer, L., Beliaeva, N., Tarasova, E. Recalibrating Productivity: Factors Involved. // *Zeitschrift Für Wortbildung / Journal of Word Formation*, 3 (1), 2019, 44 – 81.
- Baldi, Dawar 2000:** Baldi, P., Dawar, C. Creative Processes. // *Morphologie-Morphology: An International Handbook of Inflection and Word-Formation*. Vol. 1. Ed. by G. Booij, C. Lehmann, J. Mugdan, W. Kesselheim, S. Skopeteas. Berlin: De Gruyter, 2000, 963 – 972.

- Beliaeva 2019:** Beliaeva, N. Blending Creativity and Productivity: On the Issue of Delimiting the Boundaries of Blends as a Type of Word Formation. // *Lexis*, 14, 2019, 1 – 22.
<<https://doi.org/10.4000/lexis.4004>> (10.11.2024).
- Booij 2005:** Booij, G. E. Compounding and Derivation: Evidence for Construction Morphology. // *Morphology and its Demarcations*. Ed. by W. U. Dressler, D. Kastovsky, O. E. Pfeiffer, F. Rainer. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005, 109 – 132.
- Haspelmath, Sims 2010:** Haspelmath, M., Sims, A. D. *Understanding Morphology*. 2nd ed. London: Hodder Education, an Hachette UK Company, 2010.
- Lehrer 1998:** Lehrer, A. Scapes, Holics, and Thons: The Semantics of Combining Forms // *American speech*, Vol. 73, No. 1. Durham, NC: Duke University Press, 1998, 3 – 28.
- Lieber 2009:** Lieber, R. *Introducing Morphology*. New York: Cambridge University Press, 2009.
- Mattiello 2023:** Mattiello, E. *Transitional Morphology: Combining Forms in Modern English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
- Trips 2017:** Trips, C. Morphological Change. // *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
<<https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.260>> (02.10.2024).

ONLINE DICTIONARIES AND SOURCES

- Cambridge Free Dictionary <<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/>> (06.10.2024).
- Collins Dictionary <<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>> (05.10.2024).
- Dictionary.com <<https://www.dictionary.com/>> (11.12.2024).
- Merriam-Webster <www.merriam-webster.com> (05.10.2024).
- News on the Web Corpus <<https://www.english-corpora.org/now/>> (30.09.2024).
- Online Etymology Dictionary <<https://www.etymonline.com>> (05.10.2024).
- Oxford English Dictionary <<https://www.oed.com/>> (05.10.2024).
- Urban Dictionary <<https://www.urbandictionary.com/>> (05.10.2024).

SOME ADDITIONAL TYPES OF SEMANTIC RELATIONSHIPS BETWEEN THE CONSTITUENTS OF ENGLISH AND BULGARIAN ALTERNATIVE INTERROGATIVE STRUCTURES

Velichka Spasova
Agricultural University, Plovdiv

velichka_spasova@yahoo.com

The article focuses on the semantic relationships between the constituents of some English and Bulgarian alternative interrogative structures (E&BAISs). The qualitative and quantitative research conducted on authentic examples from English and Bulgarian corpora has revealed that the constituents of some E&BAISs convey related meanings or stand in a relationship of synonymy or hyponymy. E&BAISs whose constituents impart related meanings denote persons and objects. In general, the meanings identified in the English corpora are different from those identified in the Bulgarian corpora.

Key words: alternative interrogative structure, constituents, related meanings, synonymous meanings, hyponymous relations

I. Introduction

The article presents some types of semantic relationships between the constituents of English and Bulgarian alternative interrogative structures (E&BAISs). They have been identified as a result of a research conducted on authentic examples of E&BAISs excerpted from eight corpora of written and spoken English and Bulgarian. The purpose of the following text is to outline the similarities and differences between E&BAISs in terms of the identified types of semantic relationships between their constituents and to provide statistical data on their occurrences in the corpora.

The examples of E&BAISs on which the qualitative and quantitative research has been carried out have been excerpted from the following corpora:

- English Fiction Corpus (EFC, 90 508 word forms) compiled by V. Spasova for the purposes of her PhD thesis.
- English Corpus of Fiction Monologue (ECFM, 50 370 word forms) compiled by V. Spasova for the purposes of her PhD thesis.
- Charlotte Face-to-Face Corpus of Spoken English (CFCSE, 90 630 word forms). It is part of a larger corpus of spoken English, the Charlotte Narrative and Conversation Collection (CNCC, 198 295 word forms), included in the Open American National Corpus (OANC). (The corpus was available at <http://www.anc.org/data/oanc> at the time the research was carried out.)
- Switchboard Telephone Corpus of Spoken English (STCSE, 50 476 word forms). It is part of a larger corpus of spoken English, the LDC Switchboard corpus (3 019 477 word forms), included in the Open American National Corpus (OANC). (The corpus was available at <http://www.anc.org/data/oanc> at the time the research was carried out.)
- Bulgarian Fiction Corpus (BFC, 90 326 word forms) compiled by V. Spasova for the purposes of her PhD thesis.
- Bulgarian Corpus of Fiction Monologue (BCFM, 50 508 word forms) collected by Tzvetomira Venkova (Faculty of Classical and Modern Philology at Sofia University “St. Kliment Ohridski”).
- Corpus of Spoken Bulgarian *Aleksova* (CSB–A, 89 959 word forms) collected by Krasimira Aleksova (Faculty of Slavic Studies at Sofia University “St. Kliment Ohridski”). (The corpus was available at <http://folk.uio.no/kjetilrh/bulg/Aleksova/> at the time the research was carried out.)
- Corpus of Spoken Bulgarian *Nikolova–Venkova* (CSB–NV, 50 000 word forms) collected by Tsvetanka Nikolova and Tzvetomira Venkova. (The corpus was available at <http://folk.uio.no/kjetilrh/bulg/Nikolova/> at the time the research was carried out.)

Let us explain what ground is covered by the term “alternative interrogative structure” (AIS). This is a coordinate structure whose constituents are joined in English by the coordinator *or*, and in Bulgarian by the coordinator *или* (*or*) or by such correlative pairs as *ли – или* (*li – ili*), *ли – ли* (*li – li*), *дали – или* (*dali – ili*). The structure is called “alternative” because its constituent units indicate two (sometimes more) mutually exclusive alternatives. It is called “interrogative” because it represents a coordination of phrases which (usually, though not necessarily) occurs in a full or elliptical closed interrogative independent or subordinate clause. It can also represent a coordination (usually) of closed interrogative independent or subordinate

clauses. In addition, it can form or make part of a sentence used as a question, usually closed (usually alternative, but sometimes polar, as well). The second reason why the structure is called “interrogative” in Bulgarian is that the correlative pairs joining the constituents contain interrogative words, *viz.* the interrogative particles *ли* (*li*) and *дали* (*dali*).

Corpora evidence reveals that the constituents of some E&BAISs impart related or synonymous meanings or stand in a relationship of hyponymy¹.

The English alternative interrogative structures (EAISs) are 32 altogether, i.e. 12.5 % of all 256 AISs in the corpora. There are 10 occurrences in EFC, 4 in ECFM, 10 in CFCSE, and 8 in STCSE.

The Bulgarian alternative interrogative structures (BAISs) are 24 totally, i.e. 9.92 % of all 242 AISs in the corpora. There are 7 occurrences in BFC, 4 in BCFM, 10 in CSB–A, and 3 in CSB–NV.

As statistics show, EAISs outnumber BAISs by 2.58 %.

In the examples henceforth the constituents of the AIS are put in round brackets, while the AIS is enclosed in square brackets and is marked with single underlining. The abbreviated name of the corpus from which the example has been excerpted follows the example and is put in round brackets.

II. Related meanings

AISs whose constituents convey related meanings can be divided into two subgroups:

- AISs whose constituents denote persons
- AISs whose constituents denote objects

1. Persons

The subgroup of AISs whose constituents denote persons is a small one. In both English and Bulgarian corpora these AISs are made up of two or three noun phrases (NPs) which usually coincide with the head nouns.

- **Prominent figures**

In the English corpora the heads (or sometimes the dependents in the NPs) can be realized by proper nouns naming particular persons, for instance prominent historical political and/or literary figures.

¹ As EAISs whose constituents convey opposite meanings and E&BAISs whose constituents exhibit approximative relations were discussed in other articles (cf. Spasova 2018, 2019, 2020), the focus here is only on E&BAISs whose constituents communicate related meanings or stand in a relationship of synonymy or hyponymy as these types of relationship remained outside the scope of the above-mentioned articles.

(1) *'You didn't make a speech of any sort before getting down to brass tacks? No mention of [(Burke) (or Shakespeare) (or the poet Burns)]?' (EFC)*

● **Occupations**

The English heads can also be expressed by common nouns that denote occupations. The nouns in the example below share the meaning of a person who acts in the name of the law.

(2) *He then moved on to basic questions about whether they had been victims of crime, had relatives in prison or were related to any [(police officers) (or prosecutors)]. (EFC)*

● **Kinship**

In the Bulgarian examples the heads can be realized by common nouns that indicate kinship.

(3) *Смешното бе там, че те двама нито можеха, нито щяха да узнаят дали това дете им е [(син), (или племенник), (или братовчед)], дори да подложеха Хризоте на едноседмични изтезания. (BFC)*

Smeshното be tam, che te dvama nito mozheha, nito shtyaha da uznayat dali tova dete im e [(sin), (ili plemennik), (ili bratovched)], dori da podlozheha Hrizote na ednosedmichni iztezaniya. (BFC)

*'The funny thing was that they both neither could nor would find out whether that child was their son or nephew or cousin even if they put Hrizote to one-week torture.'*²

2. Objects

The second subgroup includes AISs whose constituents denote objects. "Objects" is used here in the widest sense of the word and covers abstract entities, concrete entities, situations. In both English and Bulgarian corpora these AISs are usually made up of NPs which often coincide with the head nouns.

● **Public holidays**

In the English examples the heads can be realized by proper nouns naming public holidays.

(4) *That's true there's some rule that's like between Labor Day, uh, no, is it [(Labor Day) (or Memorial Day)], I'm not for sure. (STCSE)*

● **Sources of information**

The constituents of EAISs can also name sources of information.

² Single inverted commas indicate meaningful translation of the Bulgarian examples into English. Translation is mine.

(5) *I read a thing, I don't even remember if it was in [(the Dallas Site) (or the Inside one)], about, uh, companies allowing you and they said that TI was looking into it to purchase extra vacation days ...* (STCSE)

- **Educational institutions**

In both English and Bulgarian corpora the heads of the NPs (or sometimes the dependents in the NPs) can be realized by common nouns. In English, they refer to educational institutions.

(6) *Is there anything else you wanted to talk about? [(High school) (or college)]?* (CFCSE)

- **Language activities**

The English common nouns can also refer to language activities such as *reading* and *writing*.

(7) *The teacher in high school that started you with your journal, did she also, um, did she also activate in you a desire for [(any reading) (or other types of writing)], or did another teacher? ...* (CFCSE)

- **Tools**

In the Bulgarian examples the heads (respectively the NPs) can refer to tools.

(8) Г: *Виж какво си купих.*

Б: *[(Фазомер) (или отверка)]?* (CSB–A)

Г: *Vizh kakvo si kupih.*

Б: *[(Fazomer) (ili otverka)]?* (CSB–A)

Г: *‘Look at what I’ve bought.’*

Б: *‘A phase-meter or a screwdriver?’*

- **Clothes**

The Bulgarian common nouns can also refer to pieces of clothing.

(9) Е: *Добре, мисли, аз ще правя бодовете тука.*

М: *[(Жилетка) (или пуловер)]?* (CSB–A)

Е: *Dobre, misli, az shte pravya bodovete tuka.*

М: *[(Zhiletka) (ili pulover)]?* (CSB–A)

Е: *‘OK, think about it, I’m going to knit here.’*

М: *‘A cardigan or a pullover?’*

- **Situations**

The constituents of some other AISs denote similar situations. This meaning is more characteristic of the constituents of the AISs found in the English corpora.

For instance, the verb *miss* and the adjectives *sorry* and *unhappy* which make part of the constituents of the EAIS in ex. (10) convey the feeling of sadness. The noun *terror* and the adjective *suspenseful* (ex. 11) refer to negative feelings, as well – *terror* communicates “a feeling of extreme fear” (Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English 2006: 1528), while *suspenseful*, a derivative of *suspense*, conveys “a feeling of worry or excitement that you have when you feel that something is going to happen” (*ibid.* 2006: 1492). On their part, the constituents of the BAIS in ex. (12) share the meaning of *to no longer possess something* conveyed by the verb forms *подарих* (gave), *загубих* (lost), *дадох* (gave), and *изчезна* (disappeared).

(10) *He didn’t mention again [(how much he missed her), (or how sorry he was), (or how unhappy with Luisa he was)]*. (EFC)

(11) *Well, isn’t, isn’t Sleeping with the Enemy, isn’t that a, is, is it, [(is it a terror movie) (or is it just suspenseful)]?* (STCSE)

(12) *Той ми беше подарил една негова много хубава работа, аз [(я подарих на един доктор) (или я загубих ли), (или я дадох там), (или изчезна)], много хубава работа, една от най-хубавите му работи ...* (CSB–A)

Toj mi beshe podaril edna negova mnogo hubava rabota, az [(ya podarih na edin doktor) (ili ya zagubih li), (ili ya dadoh tam), (ili izchezna)], mnogo hubava rabota, edna ot naj-hubavite mu raboti ... (CSB–A)

‘He had given me a very good work of his, I gave it to a doctor, or did I lose it, or did I give it, or did it disappear, a very good work, one of his best works ...’

• Spatial location and change of spatial location

The constituent units of still other AISs indicate spatial location or change of spatial location. These meanings are more typical of the constituents of the AISs testified in the Bulgarian corpora.

Thus, the constituent units of the AIS in ex. (13) are two prepositional phrases (PPs) with the same head – the locative preposition *в* (*in*). The preposition takes an NP complement whose head is realized by a proper noun naming a housing quarter (*Бояна* and *Драгалевци* respectively). On its part, the AIS in ex. (14) is made up of two NPs headed by proper nouns referring to “geographical entities”³ („географски обекти“) (Nitsolova 2008: 49), *viz.* the Macedonian towns of *Stip* and *Veles*. This time the locative preposition *в* (*in*) has been dropped. The constituents of both AISs indicate spatial location.

³ Translation of terms used in books by Bulgarian authors is mine.

(13) ... *Та зор, не им е готов още апартаментът. Не знам [(в Бояна ли), (в Драгалевци)] на Ивана някаква приятелка във вилата ги прие.* (CSB–A)

... *Ta zor, ne im e gotov oshte apartamentat. Ne znam [(v Boyana li), (v Dragalevtsi)] na Ivana nyakakva priyatelka vav vilata gi prie.* (CSB–A)

‘... *They had a hard time, their flat is not ready yet. A friend of Ivana’s put them up in her villa, I don’t know if it was in Boyana or in Dragalevtsi.*’

(14) *Дядо ми е знаел девет езика и е завършил цариградския колеж, [(Штип ли), (Велес)], там, там, в тази Македония.* (CSB–A)

Dyado mi e znael devet ezika i e zavarshil tsarigradskiya kolezh, [(Shtip li), (Veles)], tam, tam, v тази Makedonia. (CSB–A)

‘*My grandfather knew nine languages and graduated from Robert College, was it in Stip or in Veles, there, there, in that Macedonia.*’

The constituents of the AISs in ex. (15 – 17) signal “change of location in space”, i.e. “motion from one place to another” (Huddleston & Pullum 2002: 680).

The AISs are made up of two PPs with the same head, viz. the prepositions *om* (from) (ex. 15), *do* (to) (ex. 16), and *to* (ex. 17). *Om* (from) marks “the source”, while *do* (to) and *to* mark “the goal” (*ibid.* 2002: 684). The prepositions take NP complements headed by proper nouns naming geographical entities, viz. the Macedonian towns of *Veles* and *Stip* (ex. 15), the Australian cities of *Melbourne* and *Sydney* (ex. 16), and the Japanese cities of *Yedo* and *Nagasaki* (ex. 17). As the meaning of the head preposition specifies the meaning of the PP itself, we can say that the constituents of the AIS in ex. (15) indicate source, while those of the AISs in ex. (16) and (17) denote goal.

(15) *Откъде е дядо Димитър беше? [(От Велес) (или от Штип)]?...* (CSB–A)

Otkade e dyado Dimitar beshe? [(Ot Veles) (ili ot Shtip)]? ... (CSB–A)

‘*Where is was grandfather Dimitar from? From Veles or from Stip? ...*’

(16) *А там ... те докъде казаха, че е? [(До Мелбърн ли), (до Сидней ли)], nekъде спира самолетът.* (CSB–A)

A tam ... te dokade kazaha, che e? [(Do Melbarn li), (do Sidnej li)], nekade spira samoletat. (CSB–A)

‘*And there ... where did they say it flies to? Does the plane fly to Melbourne or to Sydney?*’

(17) *One of our Christian spies in the Black Robes’ headquarters here whispered that the priest Tsukku-san secretly left Osaka five days ago, but we don’t know if he went [(to Yedo) (or to Nagasaki, where the Black Ship is expected)].* (EFC)

III. Synonymous meanings

Corpora data indicate that the constituents (or some of their components) of some other AISs stand in a relationship of synonymy. These AISs are made up of adjective phrases (APs), NPs, or verb phrases (VPs).

For instance, the adjectives *imaginary* and *fictional* in ex. (18) are synonyms (Oxford Learner's Thesaurus, A dictionary of synonyms 2008: 284–5; Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms 2014: 210). The same holds true for the abstract nouns *dream* and *vision* in ex. (19) (Oxford Learner's Thesaurus, A dictionary of synonyms 2008: 225–6; Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms 2014: 454).

(18) A: *Um, what do you remember any stories they told you, your parents told you?*

B: *You mean like [(imaginary), (or fictional)] stories?* (CFCSE)

(19) *Had this been [(a dream), (or a day-time vision)]?* (ECFM)

In the BAIS below the adjectives *тъмно* (*dark*) and *черно* (*black*) make part of the first and third constituent respectively and refer to the colour of a child's hair. They are synonyms according to Sinonimen rechnik s antonimi (2013: 357). As far as the adjective *светло* (*fair*), a component of the second constituent, is concerned, it is the lexical opposite of *тъмно* (*dark*) (*ibid.* 2013: 310).

(20) *Аз не знам детето му [(тъмно ли беше), (светло ли беше), (черно ли беше)].* (CSB–A)

Az ne znam deteto mu [(tamno li beshe), (svetlo li beshe), (cherno li beshe)]. (CSB–A)

'I don't know if his child was dark-haired or was fair-haired or was black-haired.'

IV. Hyponymous relations

Finally, in the corpora there are AISs whose constituents (or some of their components) stand in a relationship of hyponymy.

“Hyponymy” is defined as “the lexical relation corresponding to the inclusion of one class in another” (Cruse 1986: 88). The term covers relations between words that reflect for instance “the genus – kind relationship” („родово-видови отношения“) (Boyadzhiev 2011: 155). The word that names “the genus” is called “hypernym”, while the word that names “a kind” is referred to as “hyponym” (*ibid.* 2011: 156). In other words, the hyponym is “a word with a particular meaning that is included in the meaning of a more general word” (Oxford Advanced Learner's

Dictionary of Current English 2006: 735). The more general word is the hypernym. In English, a hypernym is also called a “superordinate” (Palmer 1981: 85; Cruse 1986: 89). The latter term reflects the hierarchy and the relationship of subordination between a hypernym and its hyponyms, i.e. hyponyms are subordinate to a hypernym. “The ‘upper’ term is the superordinate and the ‘lower’ term is the hyponym.” (Palmer 1981: 85) Words that belong to the same hyponymous class are “co-hyponyms” (Boyadzhiev 2011: 157; Palmer 1981: 85).

The AIS in ex. (21) is made up of two NPs. The common nouns *часа* (*hours*) and *минути* (*minutes*) are components of the first and second constituent respectively. On the one hand, they can be regarded as co-hyponyms, the hypernym being the noun *време* (*time*). On the other, *часа* (*hours*) can be treated as a hypernym of *минути* (*minutes*).

The two NPs indicate temporal extent (or duration). “Temporal extent” or “duration” (Huddleston & Pullum 2002: 702) refers to “the length of time that something lasts or continues” (Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English 2006: 457).

(21) *[(Още два часа ли) да върви до воденицата, (или двадесетина минути)]?* (BCFM)

[(Oshte dva chasa li) da varvi do vodenitsata, (ili dvadesetina minuti)]? (BCFM)

‘Should he walk to the watermill for another two hours or for twenty-odd minutes?’

In their turn, the constituents of the AIS in ex. (22) are two APs headed by the non-gradable adjectives *музикален* (*musical*) and *артистичен* (*artistic*). As music is one of the arts, we can say that *музикален* (*musical*) is a hyponym of *артистичен* (*artistic*). However, bearing in mind that in Bulgarian *артист* (*artiste*) is often used instead of *актьор* (*actor*), we can also analyse *музикален* and *артистичен* as co-hyponyms.

(22) *Знаеш ли, че ... аз защо не съм открит сега като [(музикален) (или артистичен)] талант?* (CSB–A)

Znaesh li, che ... az zashto ne sam otkrit sega kato [(muzikalen) (ili artistichen)] talant? (CSB–A)

‘Do you know that ... why I haven’t been spotted yet as a musical or artistic talent?’

Finally, the EAIS below is made up of a PP (*at Christmas*) and an NP (*holidays*). “A holiday” is defined as “a day when most people do not go to work or school, especially because of a religious or national celebration” (Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English 2006: 713).

Christmas is a holiday and on that account we can analyse the common noun *holidays* as the hypernym of *Christmas*.

(23) *OK. Did, um, was this at a particular time of the year, like did you say [(at Christmas) (or holidays)]?* (CFCSE)

V. Conclusions

Observations on examples of AISs excerpted from English and Bulgarian corpora result in the following conclusions:

1. The constituents of some E&BAISs convey related or synonymous meanings, or exhibit hyponymous relations.

The EAISs total 32, which makes 12.5 % of all EAISs found in the corpora. Their Bulgarian counterparts are 24, i.e. 9.92 % of all BAISs testified in the corpora. As is evident from the statistics, EAISs outnumber BAISs by 2.58 %.

2. E&BAISs whose constituents impart related meanings denote persons and objects. In general, the meanings identified in the English corpora are different from those identified in the Bulgarian corpora.

The constituents referring to persons name prominent figures and occupations (in the English examples) or signal kinship (in the Bulgarian examples).

The constituents referring to objects name public holidays, sources of information, educational institutions, and language activities (in the English examples) or designate tools and clothes (in the Bulgarian examples).

The constituents of some other AISs denote similar situations. This meaning has turned out to be more typical of the constituents of the AISs testified in the English corpora.

The constituents of still other AISs indicate spatial location or change of spatial location. These meanings have proved to be more characteristic of the constituents of the AISs found in the Bulgarian corpora.

It is necessary to point out here, however, that although some related meanings have been testified only in the English corpora and others only in the Bulgarian corpora, they all exist in English and Bulgarian, which perhaps evidence from larger corpora will prove.

In both English and Bulgarian corpora the AISs which convey related meanings usually consist of two or three NPs which usually coincide with the head nouns.

3. E&BAISs whose constituents stand in a relationship of synonymy or hyponymy are usually made up of two APs or NPs.

REFERENCES

- Aleksova:** Алексова, Кр. *Корпус от разговорен български език.* [Aleksova, Kr. Korpus ot razgovoren balgarski ezik.] <<http://folk.uio.no/kjetilrh/bulg/Aleksova/>> (30.04.2012).
- Boyadzhiev 2011:** Бояджиев, Т. *Българска лексикология.* [Boyadzhiev, T. Balgarska leksikologiya.] София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2011.
- Cruse 1986:** Cruse, D. A. *Lexical Semantics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Huddleston, Pullum 2002:** Huddleston, R., Pullum, G. K. *The Cambridge Grammar of the English Language.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Nikolova, Venkova:** Николова, Цв., Венкова, Цв. *Корпус от разговорен български език.* [Nikolova, Tsv., Venkova, Tsv. Korpus ot razgovoren balgarski ezik.] <<http://folk.uio.no/kjetilrh/bulg/Nikolova/>> (30.04. 2012).
- Nitsolova 2008:** Ницолова, Р. *Българска граматика. Морфология.* [Nitsolova, R. Balgarska gramatika. Morfologiya.] София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2008.
- Open American National Corpus:** <<http://www.anc.org/data/oanc>> (31.12. 2012).
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Seventh Edition 2006:** Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms, Third Edition 2014:** Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Oxford Learner's Thesaurus, A dictionary of synonyms 2008:** Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Palmer 1981:** Palmer, F. R. *Semantics*, Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Sinonimen rechnik s antonimi 2013:** *Синонимен речник с антоними.* [Sinonimen rechnik s antonimi.] София: АТЛАНТИС ♦ КЛ, 2013.
- Spasova 2020:** Spasova, V. Approximative Relations Between the Constituents of English and Bulgarian Alternative Interrogative Structures. // *Научни трудове на ПУ „Паисий Хилендарски“*, том 58, кн. 1, сб. А, 2020 – Филология. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2021, 369 – 380.
- Spasova 2019:** Spasova, V. Types of Approximation Expressed by English and Bulgarian Alternative Interrogative Structures. // *Научни трудове на ПУ „Паисий Хилендарски“*, том 57, кн. 1, сб. А, 2019 – Филология. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2020, 408 – 420.

Spasova 2018: Spasova, V. Semantic Relationships of Oppositeness Between the Constituents of English Alternative Interrogative Structures. // *Научни трудове на ПУ „Паисий Хилендарски“*, том 56, кн. 1, сб. А, 2018 – Филология. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2019, 578 – 589.

APPENDIX

List of the E&BAISs Discussed in the Article

N	AIS	Corpus
1.	<i>No mention of [(Burke) (or Shakespeare) (or the poet Burns)]?</i>	EFC
2.	<i>... whether they had been victims of crime, had relatives in prison or were related to any [(police officers) (or prosecutors)].</i>	EFC
3.	<i>... дали това дете им е [(син), (или племенник), (или братовчед)] ...</i>	BFC
4.	<i>... is it [(Labor Day) (or Memorial Day)], I'm not for sure.</i>	STCSE
5.	<i>... I don't even remember if it was in [(the Dallas Site) (or the Inside one)] ...</i>	STCSE
6.	<i>[(High school) (or college)]?</i>	CFCSE
7.	<i>... did she also activate in you a desire for [(any reading) (or other types of writing)] ... ?</i>	CFCSE
8.	<i>[(Фазомер) (или отверка)]?</i>	CSB–A
9.	<i>[(Жилетка) (или пуловер)]?</i>	CSB–A
10.	<i>He didn't mention again [(how much he missed her), (or how sorry he was), (or how unhappy with Luisa he was)].</i>	EFC
11.	<i>... [(is it a terror movie) (or is it just suspenseful)]?</i>	STCSE
12.	<i>... аз [(я подарих на един доктор) (или я загубих ли), (или я дадох там), (или изчезна)] ...</i>	CSB–A
13.	<i>Не знам [(в Бояна ли), (в Драгалевци)] на Ивана някаква приятелка във вилата ги прие.</i>	CSB–A
14.	<i>... и е завършил цариградския колеж, [(Цип ли), (Велес)], там, там, в тази Македония.</i>	CSB–A

15.	<i>[(От Велес) (или от Цун)]?</i>	CSB–A
16.	<i>[(До Мелбърн ли), (до Сидней ли)], некъде спира самолетът.</i>	CSB–A
17.	<i>... but we don't know if he went [(to Yedo) (or to Nagasaki, where the Black Ship is expected)].</i>	EFC
18.	<i>You mean like [(imaginary), (or fictional)] stories?</i>	CFCSE
19.	<i>Had this been [(a dream), (or a day-time vision)]?</i>	ECFM
20.	<i>Аз не знам детето му [(тъмно ли беше), (светло ли беше), (черно ли беше)].</i>	CSB–A
21.	<i>[(Още два часа ли) да върви до воденицата, (или двадесетина минути)]?</i>	BCFM
22.	<i>Знаеш ли, че ... аз защо не съм открит сега като [(музикален) (или артистичен)] талант?</i>	CSB–A
23.	<i>Did, um, was this at a particular time of the year, like did you say [(at Christmas) (or holidays)]?</i>	CFCSE

TEMPORAL CATEGORIES AS A MEANS OF DISTINGUISHING EVENTUALITY TYPES IN BULGARIAN AND ENGLISH

Svetla Koeva
Institute for Bulgarian Language – BAS

svetla@dcl.bas.bg

Iliyana Krapova
Ca'Foscari University of Venice

krapova@unive.it

Bulgarian imperfective verbs can express states and activities as defined in Zeno Vendler's classification. However, some imperfective verbs can also express accomplishments in certain contexts. This article examines the categories that can be used to distinguish the use of Bulgarian imperfective verbs as activities or accomplishments. It offers a comparison of the applicability of linguistic tests for distinguishing verbs in Bulgarian and English that belong to different eventuality types and provides an explanation for the different test results in the two languages.

Key words: eventuality types, activities, accomplishments, Bulgarian verbal aspect, linguistic tests

1. Introduction

The classification of situation types (called also eventuality types) into static and dynamic goes back to Aristotle (Kenny 1963: 173 – 183; Dowty 1979: 52 – 53, etc.), and more recently Zeno Vendler's classification (Vendler 1957) has emerged as the starting point for the division between **states**, **activities**, **accomplishments**, and **achievements**, based on the following properties: Change with the values dynamic and non-dynamic; temporal duration with the values durative and punctual; and a defined endpoint with the values telicity and atelicity.

States¹ are thus characterised by [– dynamic] [+ durative] [– telic]. States are homogeneous: States are the same in every temporal subinterval of their durative slice and are not characterised by termination: *зная* (know), *обичам* (to love), *гранича* (to border), *рус съм* (I am blonde), *висок съм* (I am tall).

Activities are [+ dynamic] [+ durative] [– telic]. Activities are also homogeneous: Activities are the same in each temporal subinterval of their durative slice, but are characterised by an action or a movement, i.e. each temporal subinterval is dynamic: *тичам* (to run), *плувам* (to swim), *играя* (to play), *карам кола* (drive a car).

Accomplishments are [+ dynamic] [+ durative] [+ telic]. Accomplishments are not homogeneous: they have a preliminary stage as an activity that ends with a change of state: *да построя къща* (to build a house), *да нарисувам картина* (to paint a picture), *да изям ябълка* (to eat an apple), *да начертая квадрат* (to draw a square).

Finally, **achievements** are [+ dynamic] [– durative] [+ telic]. Achievements are not homogeneous either: they express themselves in a momentary (punctual) change of state: *да мигна* (to blink), *да стигна* (to arrive), *да вляза* (to enter), *да умра* (to die).

Figure 1 below shows a simple schematic representation of the basic situation types.²

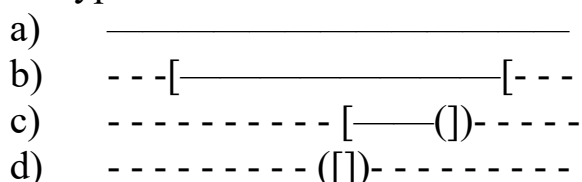

Figure 1. Schematic representation of states (a), activities (b), accomplishments (c), and achievements (d)

Classifying verbs into situation types seems simple at first sight, but when a larger number of verbs or, even more difficult, a larger number of situation types (eventualities) described by real examples have to be classified, the task turns out to be quite difficult. Such a task also requires an answer to the question of what is classified into situation types: the verbs themselves referring to the situation types, the verb phrases within which the verb-telicity is realised or not realised, or the whole sentence by which a

¹ This brief description summarises the theoretical statements of many scholars: Z. Vendler (1957), D. Dowty (1979), H. Filip (2002); S. Rothstein (2008), etc.

² Similar representations have already been presented, e.g. by C. Chauvin (2020).

certain situation type is represented. For this reason, our aim in this study is to establish (part of) the parameters that allow a correct classification of Bulgarian verbs into situation types (in comparison to English) and to determine the scope of the syntactic units that are the subject of this description: Verbs, verb phrases or clauses.

2. Linguistic tests for eventuality types

A common method of categorising English verbs into situation types is to use linguistic tests to distinguish verbs that belong to different aspectual classes. However, one of the differences between English and Bulgarian, as well as between English and other Slavic languages, is the verbal aspect category. The verbal aspect category in Bulgarian is a lexical-grammatical category that is a feature of every verb and refers not only to the expressed meaning but also to the morphological and syntactic properties of the verb (Kutsarov 2007: 551). Verbal aspect is one of the reasons why the linguistic tests developed for English cannot be easily transferred to Bulgarian in many cases. To illustrate this, the linguistic tests summarised by D. Dowty (1979: 55 – 56, 60) and also proposed by other authors (Kenny 1963, etc.) have been selected.

For example, the Imperative test for English states that:

Test 1. State predicates do not have imperative forms, but activities and accomplishments do.

No imperative test for achievements is formulated for English, but some achievement verbs have imperatives, e.g. *Умирай трудно! Уми трудно!* (Die hard!).

Table 1. contains some examples of states, activities and accomplishments in English and Bulgarian in the imperative. It should be noted that an English verb can be translated by a Bulgarian perfective or imperfective verb:

- 1.a. *Run away from the people!* (activity with an undefined endpoint)
- 1.b. *Тичай далеч от хората!*
- 2.a. *Run away from the people!* (accomplishment with a defined endpoint)
- 2.b. *Изтичай далеч от хората!*

The reason for this is that the Bulgarian verbal equivalents of English have several parameters that need to be taken into account: aspectual, grammatical or contextual (as in these examples).

- 1.c. *Run away from the people! Stop when you are alone!*
- 1.d. *Тичай далеч от хората! Спри, когато си сам!*

2.c. *Run away from the people! Hide quickly!*

2.d. *Изтичай далеч от хората! Бързо се скрий!*

Table 1: *Illustration of the Imperative test for English and Bulgarian*

<i>зная</i> <i>know</i>	state 'have knowledge in a particular field'	* <i>Знай отговора!</i> * <i>Know the answer!</i>
<i>тичам</i> <i>run</i>	activity 'move very fast'	<i>Бързо тичай към къщи!</i> <i>Run home quickly!</i>
<i>изтичам</i> <i>run</i>	accomplishment 'move quickly to a certain place'	<i>Бързо изтичай към къщи!</i> <i>Run home quickly!</i>
<i>строя</i> <i>build</i>	activity 'construct a building, bridge, etc.'	<i>Строй моста, не спирай!</i> <i>Build the bridge, do not stop!</i>
<i>построя</i> <i>build</i>	accomplishment 'build something to the end'	<i>Построй къщата!</i> <i>Build the house!</i>

The Bulgarian examples with the imperative appear parallel to their English correspondents:

States do not have imperative forms, but activities and accomplishments do.

However, there are a number of verbs such as *седя* (sit), *стоя* (stand), *лежа* (lie), which are not activities that form imperatives. The difference in behaviour is explained by a hidden event argument.

It is assumed that events (and activity verbs as events) have an additional hidden event argument by which the event can be characterised in terms of the manner, place and time in which it occurs (Davidson 1967: 92 – 93). A transitive activity verb thus introduces not a two-place but a three-place relation between a subject, an object and a hidden event argument (which can be realised in the form of adverbial modifiers that characterise the event).

The state predicates are categorised into two types: stative predicates, represented by verbs such as *sit, stand, lie*, which denote situations in the sense of Donald Davidson's theory (Davidsonian states), and state predicates, represented by verbs and adjectives such as *know, weigh, possess, resemble, be beautiful, be blonde*, which do not denote situations in the sense of Donald Davidson (Kimian states) (Maienborn, 2007: 2).

The following diagnostics are offered to determine hidden event arguments (Maienborn, 2019: 30) and thus to distinguish between Davidsonian and Kimian predicates:

Davidsonian predicates can be infinitive complements (in English) and *da* (da)-clauses (in Bulgarian) to perception verbs; they can be combined with locative adverbial expressions and manner modifiers.

Kimian predicates cannot occur in such a context.

The Imperative test can be added to this diagnostic procedure in both English and Bulgarian:

Davidsonian predicates can form imperatives. Kimian predicates cannot occur in such a context.

3. Temporal categories as part of linguistic tests for eventuality types

We will consider only a few cases, namely the continuous tenses in English and the imperfect tense in Bulgarian, without claiming to be exhaustive, but to show that various morphological categories associated with the notion of temporal categories, presuppose the adoption of different linguistic tests for the distinction of eventuality types (we use the term temporal categories as a unifying term for the categories traditionally associated with the term verbal tense in Bulgarian and English in order not to go into additional distinctions that are important in themselves but are not the focus of the study).

To distinguish state predicates from other eventuality types, a second test was proposed (Dowty 1979: 60).

Test 2. State predicates have no progressive forms in English, whereas activities and accomplishments do. In the case of achievements, the progressive forms can be used under certain conditions.

This linguistic test is specific to English, as the category of progressive tense does not exist in Bulgarian. Verbs that are used in the progressive tense in English are usually translated in Bulgarian with imperfective verbs in the present, imperfect and future tenses, which correspond to the English

present, past and future progressive (rarely otherwise) (Table 2 shows examples of past progressive).

The translation of English progressive tenses with Bulgarian imperfective verbs correlates with the observation that predicates of activities or indefinite processes (Paducheva 1996: 92) are imperfective verbs (Nitsolova 2008: 248; Koeva 2021: 141 – 142).

Table 2: Illustration of the Progressive test for English in Past Progressive

<i>зная</i> <i>know</i>	state 'have knowledge in a particular field'	<i>*He was knowing the truth.</i> <i>Той знаеше истината.</i>
<i>мичам</i> <i>run</i>	activity 'move very fast'	<i>He was running.</i> <i>Той мичае.</i>
<i>измичам</i> <i>run to</i>	accomplishment 'move quickly to a certain place'	<i>He was running home.</i> <i>*Той измичае към къщи.</i> (<i>He was running</i> cannot be translated with <i>измичам</i> .) <i>He ran to his mother.</i> <i>Той измича при майка си.</i>
<i>строя</i> <i>build</i>	activity 'construct a building, bridge, etc'	<i>He was building a house.</i> <i>Той строее къща.</i>
<i>построя</i> <i>build</i>	accomplishment 'build something to the end'	<i>He was building a house.</i> <i>*Той построее къща.</i> (<i>He was building</i> cannot be translated with <i>построя</i> .) <i>He built a house.</i> <i>Той построи къща.</i>

Although state verbs do not form progressives by default, it has been shown that when some English state verbs are used with progressives, a different interpretation is required, which can usually be explained as a transfer or reclassification of the verb as dynamic, e.g. as having a processual

or agentive meaning (Quirk et al. 2010: 202): in the next example, the stative meaning is transformed into a process meaning.

3. *Tina is resembling her sister more and more.*

As far as Bulgarian present and future tenses are concerned, it can be said that only the Bulgarian imperfective verbs correspond to the progressive present and future tenses in English; and the semantics of the Bulgarian imperfect can be correlated with the semantics of the progressive past tense in English only for the Bulgarian imperfective verbs.

4.a. *Вчера по това време **играехме** футбол в парка.* (activity that continues)

4.b. *This time yesterday we **were playing** football in the park.*

5.a. *Говорех с брат ми, когато започна да вали.* (background activity)

5.b. *I **was talking** to my brother when it started to rain.*

In some rare cases, perfective verbs in Bulgarian can be used in the imperfect; however, these are never translated with the English progressive, as they express conditional semantics, as the following examples show.

6.a. *Това щеше да му спечели време, дори да **изчакаше**.* (conditional)

6.b. *That would buy him time, even if he had to wait.*

7.a. *Всичко щеше да тръгне по-добре, само да **стигнаше** отново у дома.* (conditional)

7.b. *Everything would go better if he could just get back home.*

A third test has been formulated in connection with the use of continuous tenses in English (Dowty 1979: 60):

Test 3: The use of activity predicates in progressive forms in the past tense *He was running* implies *He ran*, whereas the use of **accomplishment predicates** – *John was building a house* – does not imply that *John built a house*.

This difference has been observed for English and is known as the imperfective paradox (Hamm and Bott 2018).

However, as we have seen, the English progressive tenses are translated into Bulgarian with imperfective verbs, which are characteristic of activities but not of accomplishments (Table 3).

The Bulgarian translations show that in both cases we are dealing with activities, which in Bulgarian are translated with *муча* and *српую* and not with *измуча* and *носпую*. In Bulgarian, therefore, a perfective or imperfective verb is sufficient in many contexts to distinguish a situation of activity or accomplishment, whereas in English grammatical categories such as progressive tenses and, in many cases, the context, always play a role.

The application of the test to Bulgarian shows that the Bulgarian imperfective translation equivalents can be defined as activity predicates.

Table 3. The Imperfective Paradox

<i>мичам</i> <i>run</i>	activity 'move very fast'	<i>He was running. implies</i> <i>He ran.</i> <i>Той мичаше. implies</i> <i>Той (вече) тича (е тичал).</i>
<i>измичам</i> <i>run to</i>	accomplishment 'move quickly to a certain place'	<i>*Той измичаше в парка.</i> <i>Ако измичаше ...</i> <i>(He was running cannot be translated with измичам.)</i>
<i>строя</i> <i>build</i>	activity 'construct a building, bridge, etc'	<i>He was building a house. implies</i> <i>He built a house.</i> <i>Той строеше къща. implies</i> <i>Той (вече) строи (е строил) къща.</i>
<i>построя</i> <i>build</i>	accomplishment 'build something to the end'	<i>*Той построеше къща.</i> <i>Ако построеше ...</i> <i>(He was building cannot be translated with построя.)</i>

According to the test for English, progressive tenses are also possible with verbs that are normally defined as accomplishments. In Bulgarian, perfective verbs can express accomplishments or achievements, but cannot be translated with progressive tenses in English.

As already mentioned (Hamm and Bott 2018), the verb *arrive* in 8.a.

8.a. *Chapman arrived.*

8.b. **Chapman arrived all night.*

is an achievement, as the ungrammaticality of 8.b. shows. However, when a bare plural is used as a subject it becomes an activity, and sentence 9. is grammatically correct.

9. *Visitors arrived all night.*

Similar contexts can be defined for English verbs of accomplishment.

4. Semantic and syntactic representation of Bulgarian imperfective and perfective verbs in comparison with English

The Progressive test is often used to illustrate the differences in behaviour between telic and atelic predicates. In many cases, telicity is defined on the basis of lexical aspect, distinguishing between predicates with a potential endpoint (accomplishments) and those referring to potentially unbounded events (activities) – events with no inherent temporal limit. It is generally agreed that telic predicates are characterised by two linguistic properties: co-occurrence with expressions that provide information about how long an event lasted before it ended, and progressive use, which gives rise to the so-called imperfective paradox. Atelicity, on the other hand, is characterised by co-occurrence with adverbials such as *for X time*, and the progressive use does not lead to the imperfective paradox (Rothstein 2008: 48). This is illustrated by the following contrast in terms of the logical inferences (entailments) that each type of predicate generates:

10.a. *When Mom called, Peter was looking for the book.* **implies** *Peter looked for the book.* (atelic)

10.b. *When Mom called, Peter was reading the book.* **does not imply** *Peter read the book.* (telic)

Applying the Progressive test to Bulgarian reveals that the most suitable equivalent for the English Past progressives is the imperfect tense of the imperfective aspect verbs in Bulgarian. Since the imperfect has other uses (iterative, habitual, or unbounded), the best way to verify its correlation with the English progressive is through a *когато* ‘when’-clause, which imposes a progressive interpretation, directly corresponding to the English progressive (Borik 2006: 18):

11.a. *Когато мама се обади, брат ми търсеше книгата.* **implies** *Брат ми вече търси (е търсил) книгата.* (atelic)

11.b. *Когато мама се обади, брат ми четеше книгата* **does not imply** *Брат ми вече чете (е чел) книгата.* (telic)

As O. Borik (2006: 26) argues, the notions of progress or development never exclude the possibility that there is a point at which the event ends; however, the perfective aspect in accomplishments (as in achievements) expresses not only the idea that the event has ceased to take place or has ended, but also (and this is crucial) that it cannot continue beyond the point

of completion (Depraetere 1995: 2 – 3)³. Bulgarian thus confirms that there is no direct correlation between grammatical aspect and telicity, which means that perfectivity can only mark telicity in certain verb classes. Since there is no perfective-imperfective distinction in English, there is a stronger correlation between lexical aspect/telicity and eventuality type: unmodified activities and states are atelic, while intransitive achievements are telic, as are the accomplishments with singular direct objects (*read a book*). However, as mentioned above, achievements sometimes also yield atelic readings, as in *Guests arrived all night*, provided the subject is a bare plural.

O. Borik (2006: 32 – 35), while arguing against the usefulness of the natural endpoint approach, emphasises the importance of the notion of homogeneity. In our opinion, the difference in telicity between activities and accomplishments in Bulgarian perfective contexts can be better addressed with the notion of homogeneity vs. heterogeneity. Z. Vendler defines homogeneity as “any part of the process is the same as the whole” (1957: 101) grouping activities and achievements as homogeneous in opposition to states and accomplishments. This again is relevant only for English, where the opposition of perfective and imperfective aspects is missing.

If a predicate applies to a certain time interval, it also applies to every subinterval of this interval, which leads to a homogeneous interpretation of the temporal properties of the predicate. If this is not the case, the predicate is heterogeneous. Following a definition of homogeneity based on the subinterval property (Borik 2006: 26), according to which “all parts and sums of the interpretation or denotation of the predicate can also be described as the same predicate”, we can conclude that imperfective intransitive activity predicates are homogeneous (and thus atelic) because they correspond to a single event (parts of the running event ‘бягам/run’ can also be described as running). Accomplishments are more complex because their semantic description includes different parts of interpretation (all parts and sums of ‘build a house/ да построя една къща’ cannot be described by the same predicate); accomplishments are therefore heterogeneous, and this is because they are marked as perfective (in Bulgarian). Heterogeneity always involves some kind of measuring-out of the referential properties of the object. And this is the reason why the object can never be omitted, cf.

³ It is well known that perfective verbs in Slavic refer to a boundary, while imperfective verbs represent a given situation without regard to boundaries: The latter can denote both bounded and unbounded situations (Mehlig 2008: 258). According to this author, activities are atterminative, i.e. they are homogeneous in that they conceptualise the event as arbitrarily divisible, while accomplishments are terminative.

**Петър пробяга от 5 до 8 ч.* In other words, transitive perfective verbs in Bulgarian are necessarily transitive change of state verbs.

Many researchers (Verkuyl 1972, 1993; Rothstein 2004; etc.) have argued that the classification of Z. Vendler is not relevant at the V-level, but at the VP-level, and discuss other properties of verbs that contribute to the determination of their lexical aspectual properties. Thus, according to Rothstein (2008: 51 – 63), while all VPs have their denotation in the domain of counting, the difference between telic and atelic VPs is that only the former contain an explicit measure of what counts as an event in the set. Telicity is determined at the VP level, and thus telicity vs. atelicity is a crucial property of VPs (verb phrases).

These distinctions are particularly important in the context of a group of verbs that have given rise to numerous descriptions and explanations. Verbs of consumption and creation (*eat, drink, build, read, write, paint*, etc.) are also referred to as verbs of the incremental theme (Verkuyl 1972, Tenny 1994, Krifka 1992, 1998, Dowty 1991). Such verbs are characterised by the fact that they are lexically ambiguous, i.e. they can be interpreted as both activity (atelic) and accomplishment (telic) verbs in a given context. Such verbs are a very strong argument in favour of a VP analysis of telicity. It has been argued that in English the aspectual value of these predicates depends on whether the Theme is cumulative or quantised: Predicates with cumulative Themes (bare plurals, mass nouns) yield an atelic interpretation, e.g. *Mary ate apples for five minutes*. Predicates with quantised Themes⁴ (singular, definite or quantificational NPs) lead to a telic interpretation: e.g. *Mary ate three apples in five minutes*.

For Bulgarian, given the above observations on verbal aspect, it is important to check the predictions regarding the input of the object Theme for the telicity of the VP. The following examples show that the incremental theme in such predicates can be definite or indefinite in the telic/ accomplishment/perfective reading, while the atelic/activity/imperfective reading requires only an indefinite theme. In the semantic literature (Jackendoff 1990, Filip 1993, etc.), bare plurals are often regarded as mass predicates (cumulative predicates) in the nominal domain that refer homogeneously, in the sense that the entities they refer to are not singled out

⁴ Quantised direct objects (Krifka 1989) lead to telic VPs since the event can be said to be over when the whole of the object (or sum of objects) specified by the nominal can be said to be ‘used up’ by the verb, and thus the endpoint of the event has been reached. If an apple is ‘used up’ gradually in an event of eating an apple, then the event cannot be over until the apple has been eaten, and it must be over when the apple has been eaten.

individually and are thus not measurable, but are represented as an indivisible sum. The same probably applies to indefinite singular objects, which are marked with zero in Bulgarian. In the telic/accomplishment reading, on the other hand, which can only be formed with the perfective verbs, the incremental theme is necessarily quantised. This is shown not only by the possibility of marking the object as definite, but also by the possibility of introducing a cardinality quantifier phrase as part of the DP. This possibility is concrete evidence that the object in the telic/accomplishment reading must be “atomic” (Chierchia 1998), otherwise it cannot be counted. Therefore, we propose whenever a zero-marked indefinite object shows up in the same telic reading, there is a hidden (null) quantifier referring to the numeral one (when it is in the singular, i.e., $\emptyset$ книга, where $\emptyset = 1$) or a hidden (null) quantifier when it is in the plural, i.e. $\emptyset$ книги, where $\emptyset = \text{много}$ or some other imprecise quantity expression). The presence of the quantifier is necessary to atomise the nominal predicate, in line with Krifka’s (1989) description of what a quantised DP predicate can be: singular, definite or universal DPs or expressions of the form (exactly) n(umber) N:

12.a. Той писа книга/книги цяла година. (activity)

12.b. Той написа (една) книга/(много) книги/книгата/книгите/5 книги за една година. (accomplishment)

The aspectual composition of the two types is shown in the following trees (Figure 2 and Figure 3).

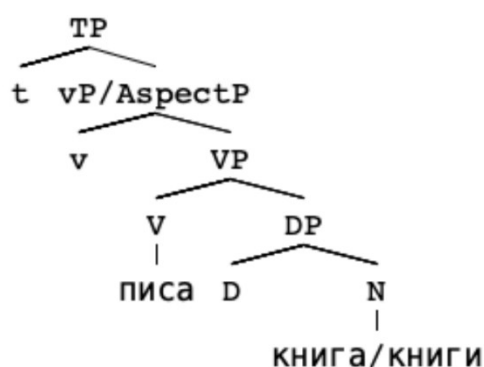
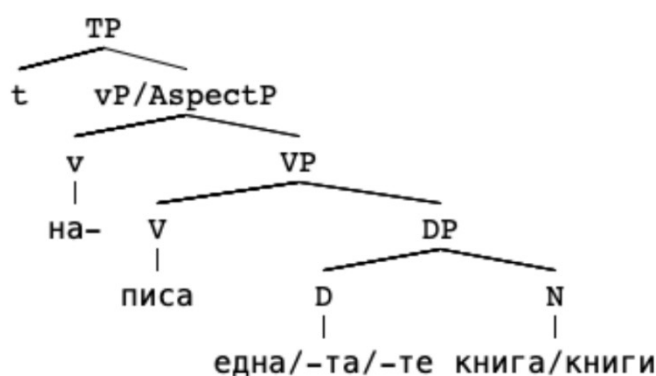

Figure 2. Imperfective Bulgarian verb **Figure 3.** Perfective Bulgarian verb

5. Conclusion

Bulgarian imperfective verbs can express states (Koeva 2021: 141 – 142) and activities according to Zeno Vendler’s classification.

Additional evidence was provided by applying two linguistic tests developed for English based on the use of progressive tenses and their translation equivalents with Bulgarian imperfective verbs.

The difference between lexical aspect, grammatical aspect and situational aspect has been commented on several times, but Vendler's classification refers to situational types, since each predicate expresses the meaning of the situation not independently but simultaneously with the participants characterising that situation. In real use, additional categories such as tense, grammatical aspect (or lexical-grammatical aspect) in Bulgarian as well as the specific realisation of the noun arguments (implicit/explicit for the object; the values of definiteness: definite, indefinite, existential, weak/strong distinction, specificity) are important for the overall expression of the situation type. Within this complex picture of lexical, morphological and syntactic interaction, one and the same verb, even with the same lexical meaning, can express a different situation type, and the possible shifts are widely described: Activities can express both accomplishments and states under certain conditions.

Acknowledgments

The present study is carried out within the project *Ontology of Activity Predicates – Linguistic Modelling with a Focus on Bulgarian* funded by the Bulgarian National Science Fund, Grant Agreement No KP–06–H80/9 from 8.12.2023.

REFERENCES

- Borik 2006:** Borik, O. Aspect and Reference Time. // *Oxford Studies in Theoretical Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Chauvin 2020:** Chauvin, C. Situation aspect combined with grammatical aspect: some examples, and a few questions. // *Journée Agrégation 'Aspect'*. Bordeaux, 2020. <<https://alaesfrance.wordpress.com/wp-content/uploads/2020/04/situation-aspect-combined-with-grammatical-aspect-chauvin-bordeaux.pdf>> (10.01.2025).
- Chierchia 1998:** Chierchia, G. Plurality of mass nouns and the notion of 'semantic parameter'. // S. Rothstein (ed.). *Events and Grammar*, Dordrecht: Kluwer, 1998, 53 – 104.
- Davidson 1967:** Davidson, D. The Logical Form of Action Sentences. // N. Rescher (ed.) *The Logic of Decision and Action*, Pittsburgh, 1967, 81 – 95.

- Depraetere 1995:** Depraetere, I. The effect of temporal adverbials on (a)telicity and (un)boundedness. // P. M. Bertinetto et al. (eds.). *Temporal Reference, Aspect and Actionality*. Vol. 1: *Semantic and Syntactic Perspectives*. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995, 43 – 53.
- Dowty 1979:** Dowty, David R. *Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Filip 1993:** Filip. H. *Aspect, Eventuality Types and Nominal Reference*. London: Routledge, 1993.
- Hamm and Bott 2018:** Hamm, F., Bott, O. Tense and Aspect. // Zalta, Edward N., Uri Nodelman. (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford, California: Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2018, <<https://plato.stanford.edu/entries/tense-aspect/>> (10.01.2025).
- Jackendoff 1990:** Jackendoff, R. *Semantic Structures*. Cambridge MA: The MIT Press, 1990.
- Kenny 1963:** Kenny, A. *Action, Emotion, and Will*. London: Routledge and Kegan Paul, 1963.
- Koeva 2021:** Коева, Светла. Предикати за състояние: свойства и лингвистични тестове. [Koeva, Svetla. Predikati za sastoyanie: svoystva i lingvistichni testove.] // Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie, No 10, 2021, 137 – 157.
- Krifka 1989:** Krifka, M. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. // R. Bartsch, J. van Benthem & P. von Emde Boas (eds.). *Semantics and Contextual Expression*. Walter de Gruyter GmbH, 1989.
- Krifka 1992:** Krifka, M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. // . Sag, I., Szabolsci, A. (eds). *Lexical Matters*. Stanford CA: CSLI, 1992, 29 – 53.
- Krifka 1998:** Krifka, M. The origins of telicity. // S. Rothstein (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1998, 197 – 235.
- Kutsarov 2007:** Куцаров, И. *Теоретична граматика на българския език. Морфология*. [Kutsarov, I. Teoretichna gramatika na balgarskiya ezik. Morfologiya.] Пловдив: Университетско издателство „Паисий Хилендарски“, 2007.
- Nitsolova 2008:** Ницолова, Р. *Българска граматика. Морфология*. [Nitsolova Ruselina. Balgarska gramatika. Morfologiya.] София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2008.
- Maienborn 2007:** Maienborn, C. On Davidsonian and Kimian States. // I. Comorovski, K. von Heusinger (eds.) *Existence: Semantics and*

- Syntax. Studies in Linguistics and Philosophy.* vol 84. Dordrecht: Springer, 2007, 107 – 130.
- Maienborn 2019:** Maienborn, C. Events and States. // R. Truswell (ed.) *The Oxford Handbook of Event Structure*, Oxford: Oxford University Press, 2019, 50 – 89.
- Mehlig 2008:** Mehlig, R. Aspect and bounded quantity complements. Russian. // Rothstein, S. (ed.), *Theoretical and crosslinguistic approaches to the semantics of aspect*. John Benjamins Publishing House, 2008, 257 – 290.
- Quirk et al. 2010:** Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman & London/Mumbai: Pearson, 2010.
- Paducheva 1996:** Падучева, Е. *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. [Paducheva, E. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa*.] Москва: Языки славянской культуры, 1996.
- Rothstein 2004:** Rothstein, S. *Structuring Events*: Oxford: Blackwell, 2004.
- Rothstein 2008:** Rothstein, S. Telicity, atomicity and the Vendler classification of verbs. // Rothstein, S. (ed.) *Theoretical and crosslinguistic approaches to the semantics of aspect*. John Benjamins Publishing House, 2008, 43 – 78.
- Tenny 1994:** Tenny, C. L. *Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface*. Dordrecht: Kluwer, 1994.
- Vendler 1957:** Vendler, Z. Verbs and Times. // *Philosophical Review* No 56, 1957, New York: Cornell University, 143 – 160.
- Verkuyl 1972:** Verkuyl, H. J. *On the Compositional Nature of the Aspects*. Dordrecht: Reidel, 1972.
- Verkuyl 1993:** Verkuyl, H. J. *A theory of aspectuality*. Cambridge: CUP, 1993.

PREFIJOS NEGATIVOS EN ESPAÑOL Y EN BÚLGARO

Rayna Tancheva
Universidad de Plovdiv “Paisii Hilendarski”

NEGATIVE PREFIXES IN SPANISH AND BULGARIAN

Rayna Tancheva
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

r_tancheva@uni-plovdiv.bg

The aim of this research is to synchronously analyze and compare the negative prefixes in the Spanish and Bulgarian languages and the prefixed structures to which they form. Negative prefixes are studied in four semantic groups: opposition, contradiction, contrariety and privation, paying attention also to the various additional nuances that each prefix usually brings. The analysis of the studied prefixes provides the possibility of establishing similarities and differences between the two languages compared, which, in turn, pretends to facilitate and optimize the teaching-learning process.

Key words: prefix, negative, negation, opposition, contradiction, contrariety, privation

1. Inventario y estatuto de los prefijos negativos

Generalmente, los prefijos negativos se definen como *morfemas facultativos antepuestos* (Álvarez García 1979: 19) que niegan algún rasgo semántico del contenido significativo de la base y, respectivamente, el prefijado obtenido llega a denotar el significado opuesto o contrario al del lexema con el que se combina. Pueden designar asimismo la ausencia de una acción, una entidad o una característica (RAE 2010: 186; Varela Ortega & Martín García 1999: 5019).

No existen controversias en cuanto a su estatuto independiente dentro del paradigma de la prefijación debido a sus características semánticas bien

delimitadas. Pero sí que se dan divergencias en cuanto a los inventarios de prefijos que conforman el grupo de los formantes antepuestos negativos. Así, por ejemplo, la RAE (RAE y ASALE 2010: 175) considera como negativos tan solo los morfemas *a-/an-*, *des-/dis-* e *in-* (*i-*, *im-*), aislando en otro grupo —el de los prefijos *de orientación o disposición*— los prefijos *anti-* y *contra-* (junto con *pro-*). Bajo Pérez (1997: 30 – 31) también define dos grupos: a) prefijos que niegan o invierten el significado del lexema base (*a-/an-*, *anti-*, *des-*, *dis-*, *in-* (*i-*, *im-*) y *no*) y b) prefijos que indican oposición, rectificación, respuesta a lo indicado por el lexema base (*anti-* y *contra-*). Alberto Miranda (1994: 80 – 84) añade al grupo de los *prefijos de negación* anteriormente enumerados también los morfemas: *de-*, *ex* y *extra-*. A su vez, Lang (1992: 223 – 227) amplía este inventario con los formantes *contra-* y *no*, mientras que Gonzáles Cruz (2018) incluye en su inventario también el prefijo *sin-*.

En búlgaro los prefijos negativos que se señalan son los patrimoniales *без-*, *из-*, *не-*, *от-*, *противо-*, *раз-*, los prefijos compuestos *недо-*, *обез-*, así como los prestados *a-*, *антис-*, *контра-*, *дис-* y los alomorfos *де-* (que se combina con bases que empiezan con consonante) y *дез-* (que se adjunta a las que empiezan con vocal) (Boyadzhiev, red. 1999: 238 – 240; Radeva 2007: 168, 169, 175; Vateva 2010: 28). Resulta asimismo que ciertos morfemas facultativos tienen un estatuto oscilante, puesto que algunos lingüistas los consideran prefijos, otros los analizan como prefijoides y terceros se inclinan por interpretarlos como elementos constitutivos de compuestos. Así, Georgieva (2006: 31; 2009: 291 – 293) define los componentes *антис-* y *контра-* como *prefijoides*, es decir, como morfemas prepositivos que ocupan una posición intermedia respecto a los morfemas prefijales y radicales, sin poseer los rasgos de componentes de pleno valor. Por otro lado, en el *Diccionario de la Lengua Búlgara* del año 2008 (Popov 2008) el morfema *антис-* está clasificado como *prefijo*, el formante *контра-* viene definido como *elemento compositivo*, *prefijo*, y *противо-* aparece descrito en la entrada como *elemento compositivo* (Popov 2008: 29, 380, 782).

A nuestro parecer, esta variedad de propuestas se debe, por una parte, a los diversos valores de los elementos derivativos en general —que suelen cambiar de significado con el paso del tiempo—, y también al propio desarrollo de toda lengua que, funcionando, se está transformando. Por otra parte, dicha disparidad de opiniones se puede atribuir también a los distintos criterios discriminadores que los autores toman en consideración a la hora de elaborar sus inventarios prefijales. Uno de estos criterios es el rango categorial del morfema, a saber, si el respectivo formante coincide con una preposición, sea en plano diacrónico o sincrónico (Moreno de Alba 1996: 23). Otro criterio esgrimido es la invariabilidad de la categoría del prefijado

respecto a la de la base léxica, partiendo del principio de que los prefijos no son transcategorizadores (Georgieva 2009a: 294).

Tanto en español como en búlgaro el prefijo negativo más cuestionable desde este punto de vista es *anti-/анту-*. Definiendo el prefijo *анту-* como prefijoide, Georgieva (ibidem) aduce los siguientes ejemplos: *анту-Буш* (anti-Bush), *анту-НАТО* (anti-OTAN), *анту-ЕС* (anti-UE), en donde el morfema prepositivo se adjunta a una base sustantiva y da lugar a un derivado con función de adjetivo. En nuestra opinión, aquí no se trata precisamente de transcategorización e intentaremos explicar por qué. En primer lugar, hay que tener en cuenta que en los ejemplos citados los sustantivos que se combinan con *анту-* son de hecho dos abreviaturas y un nombre propio extranjero, o sea, no se trata de sustantivos patrimoniales propiamente dichos. Ahora bien, consideramos que la acuñación de estas estructuras, llamadas por Georgieva “ocasionalismos” (2009b), sigue más bien el principio de la economía del lenguaje y se debe al afán de simplificar ciertas palabras que podrían resultar largas, difíciles o raras de pronunciar. Así, en el caso de *анту-Буш* sería posible formar el adjetivo **антибушовски* que, por lo visto, suena un poco raro; en cuanto a *анту-НАТО*, sí que contamos con un adjetivo *антинаатовски*, así que las dos formas pueden alternar; y en lo que respecta a *анту-ЕС*, lamentablemente, en búlgaro no se ha acuñado el adjetivo respectivo del que dispone la lengua española – *comunitario* ‘perteneciente o relativo a la Unión Europea’–, pero esto no significa que no pueda crearse. Ocurre lo mismo con el derivado español *antigás* (en el compuesto sintagmático *máscara antigás*), donde también tenemos un nombre que funciona como adjetivo, pero tampoco podemos atribuirle al prefijo la capacidad transcategorizadora, puesto que se trata de un sustantivo en aposición al núcleo del sintagma de donde precisamente deriva su función modificadora (Varela Ortega 2009: 64).

Cabe precisar, por tanto, que en este trabajo el enfoque será puramente sincrónico sin que se tome en cuenta el hecho de si un determinado prefijo coincida o no con una preposición de la lengua moderna o antigua. Este planteamiento permite incluir en el inventario prefijal todos los morfemas facultativos antepuestos que en sincronía se realizan con el significado de negación, así como los formantes directamente prestados que no tienen sus correlatos preposicionales en la lengua actual. Semánticamente y siguiendo la clasificación de Varela Ortega & Martín García (1999: 5019), analizaremos los prefijos negativos españoles y búlgaros en cuatro grupos, según el tipo de la relación negativa que se establece entre la base y el prefijo, a saber, *oposición*, *contradicción*, *contrariedad* y *privación*. Optamos por esta clasificación por considerarla bien detallada y exhaustiva

y, al mismo tiempo, delimitativa y puntualizante, puesto que profundiza en los variados matices del campo semántico de la negación. Tal y como afirma Montero Curiel (1999: 194):

[...] el adjetivo *negativo* que se ha aplicado a los prefijos debe ser entendido como una generalización, como término que engloba valores tan dispares (y en ocasiones tan próximos) como son la privación, la oposición, la contraposición o la separación, cuyas barreras son a veces difíciles de delimitar y, por ello, en un mismo prefijo se entrecruzan distintos matices, aunque alguno de ellos triunfe como el dominante.

Además, una clasificación tan detallista contribuirá aún más a la comparación ahondada de las dos lenguas aquí analizadas, permitiendo establecer con mayor precisión las correspondencias y las disparidades que se dan entre el español y el búlgaro. Esto, a su vez, podría encontrar su aplicación en el aula, facilitando y optimizando el proceso de enseñanza-aprendizaje.

2. Prefijos negativos con significado de oposición

En español el significado de oposición se ve representado por los prefijos *anti-* y *contra-*; en búlgaro los prefijos respectivos son también los morfemas prestados *анти-* y *контра-*, así como el formante patrimonial *противо-*.

En ambas lenguas el prefijo *anti-/анти-* suele adjuntarse a bases adjetivas y nominales. Las acuñaciones formadas con él pueden designar o bien las características opuestas o contrarias a las expresadas por la base (*antimateria*, *antipartícula*, *antipartido*; *антимела* (anticuerpos), *антициклон* (anticiclón), *античастица* (antipartícula), o bien la simple oposición, reacción o rechazo de lo denotado por el lexema con que se combinan (*antiaborto*, *antideportivo*, *antitabaco*; *антиправителствен* (antiparlamentario), *антирелигиозен* (antirreligioso), *антифашист* (antifascista). Adjuntado a otras bases nominales, el prefijo español *anti-* puede denotar asimismo la anulación o la prevención de lo designado por la base (*antiarrugas*, *anticaspa*, *antigripal*). No obstante, en búlgaro este contenido semántico se suele expresar a través del prefijo *противо-* (*противоалергичен* (antialérgico), *противогрипен* (antigripal), *противогъбичен* (antifúngico). De ahí que en este caso se pueda hablar de una distribución complementaria del prefijo prestado *анти-* y su sinónimo patrimonial *противо-*.

Otra característica importante del prefijo búlgaro *противо-* es que, aparte de las bases nominales y adjetivales (*противомярка* (contramedida), *противопоказание* (contraindicación); *противопожарен* (contraincendios), puede admitir también bases verbales (*противопоставям* (contraponer), *противореча* (contradecir). El significado que este morfema facultativo aporta a las bases se reparte en las siguientes interpretaciones semánticas: prevención de lo denotado por la base (*противогаз* (máscara antigás), *противоотрова* (contraveneno); contradicción con lo que designa la base (*противозаконен* (ilegal), *противоестествен* (antinatural); resistencia, reacción o actitud negativa u hostil contra algo o alguien (*противодействиям* (oponerse, contrarrestar), *противостоя* (resistir), *противодържавен* (contraestatal).

El prefijo *contra-/контра-* con sentido de oposición en ambas lenguas aquí contrastadas prefiere las bases nominales (*contraanálisis*, *contraguerrilla*, *contrarreforma*; *контрапазузнаване* (strainteligencia), *контрапреврат* (contragolpe), *контраизявление* (contradeciaración); son muy pocas las formaciones con bases verbales (*contraatacar*, *contradecir*, *contraindicar*; *контраатакувам* (contraatacar), *контрабандирам* (contrabandear). El significado que este prefijo aporta a los prefijados a los que da lugar generalmente es de anulación de lo indicado por la base léxica con la que se combina. Las formaciones con *contra-/контра-* son muy frecuentes en el léxico militar (*contraespionaje*, *contraofensiva*; *контранатадение* (contraataque), *контранастъпление* (contraofensiva) y en el campo semántico de la argumentación (*contraoferta*, *contraorden*; *контрааргумент* (contraargumento), *контрапункт* (contrapunto) (Varela Ortega & Martín García 1999: 5018).

3. Prefijos negativos con significado de contradicción

Entendemos que entre dos elementos se da una relación de contradicción cuando la negación del uno implica la afirmación del otro, resultando los dos mutuamente excluyentes.

Con el valor de contradicción existe en español tan solo el prefijo separable *no* cuando va unido a nombres deverbales de acción (*la no producción*, *la no reelección*, *la no renovación*) y a algunos sustantivos deadjetivales (*la no responsabilidad*). Sincrónicamente, estas construcciones son muy utilizadas en el lenguaje periodístico, cuyo objetivo es buscar determinados efectos estilísticos. Se documentan asimismo algunas expresiones con guion entre *no* y el sustantivo con que se combina (*la no-casa*, *la no-historia*, *la no-significación*), pero en la lengua actual este modelo ortográfico se suele evitar (RAE y ASALE: 2009 – 2011).

El prefijo búlgaro que comparte este valor de contradicción es respectivamente *не-* que, a diferencia del morfema español, en la mayoría de los casos aparece pegado a la base. Son escasos los ejemplos en los que está unido a la base mediante guion, por ejemplo, *не-арийци* (no arios), *не-благородник* (no hidalgo), *не-човек* (no hombre), expresando de este modo un significado distinto, estilísticamente marcado, que se ve subrayado también por el acento lógico (Buneva, red. 2012: 66). Se puede combinar con sustantivos, sean estos deverbales o no (*неизползване* (no utilización, inutilización), *необщуване* (no comunicación, incomunicación), *нереагиране* (no reacción); *неистина* (no verdad), *ненамеса* (no intervención), pero también con algunos adverbios (*неведнъж* (no una vez, más de una vez), *неняпразно* (no en vano), *неслучайно* (no por casualidad) y ciertos participios (*незнаещ* (que no sabe, ignorante), *неможещ* (que no puede, incapaz), *необут* (descalzo), *недобър* (no bueno).

4. Prefijos negativos con significado de contrariedad

La relación de contrariedad entre dos elementos se da cuando la negación de uno de ellos no implica la afirmación del otro. En español los prefijos negativos con significado de contrariedad son *a-*, *des-* e *in-*, mientras que en búlgaro tenemos los morfemas patrimoniales *без-*, *не-*, *недо-* y el formante prestado *а(н)-*.

El prefijo *a-* con valor de contrariedad, y su variante alomórfica *an-* (ante vocal), es poco productivo en el español actual y suele combinarse con ciertos adjetivos calificativos (*anormal*) y con una amplia gama de adjetivos relacionales (*acrítico*, *apolítico*, *aséptico*, *asintomático*, *atípico*). En búlgaro dicho prefijo también existe, pero se aísla tan solo en la estructura de las palabras prestadas, tales como *авитаминоза* (avitaminosis), *аморален* (amoral), *анемия* (anemia), *аполитически* (apolítico), *атипичен* (atípico).

El prefijo *des-* suele adjuntarse a bases verbales (*desaprovechar*, *desmerecer*, *desobedecer*, *desoír*) y bases adjetivas (*descortés*, *deshonesto*, *desigual*, *desleal*). Unido a bases verbales, implica su negación sin que sea necesario que se dé una acción previa (como es el caso del *des-* reversivo en *vestir* > *desvestir*), motivo por el cual selecciona predicados imperfectivos (*desagradar*, *desconfiar*, *descreer*) o procesos que no llegan a su final (*desaprovechar*, *desestimar*). Además, dichos verbos no siempre denotan la simple negación de una acción, sino que a menudo presentan un significado ampliado o coloreado de alguna manera. Así, *desobedecer* no significa meramente *no obedecer* porque expresa asimismo la idea de intencionalidad. De la misma manera,

desagradar y *no agradar* no son totalmente equivalentes, como lo muestra la secuencia *No me agrada. Más aún, me desagrada*. Esta oración es plenamente informativa porque el verbo formado con prefijo negativo ocupa una posición más alta (en alguna escala gradativa) que la que corresponde a la variante con el adverbio *no*. (RAE y ASALE 2009 – 2011)

En lo que respecta a los prefijados adjetivales, el prefijo *des-* también suele aportar matices significativos adicionales. Así, el prefijado *deshonesto* puede interpretarse como ‘no honesto’, pero asimismo como ‘impúdico, inmoral, reprochable’. Las formaciones adjetivales con *des-* pueden dividirse en dos grupos. El primer grupo lo constituyen las acuñaciones formadas sobre verbos prefijados con *des-*, tanto negativos (*desconocer* > *desconocido*, *desprevenir* > *desprevenido*) como reversivos (*desintegrar* > *desintegrable*, *descomponer* > *descomponible*). El segundo grupo está integrado por prefijados procedentes de adjetivos que no suponen ninguna acción previa (*desafecto*, *descortés*, *deshonesto*, *desparejo*) (Varela Ortega & Martín García 1999: 5021 – 5022).

Con el prefijo *des-* se crean asimismo numerosos sustantivos prefijados que denotan acciones, situaciones o propiedades contrarias a las expresadas por las bases nominales, tales como *desacuerdo*, *desamor*, *desdicha*, *deshonor*, *despropósito* o *desvergüenza*.

Cabe señalar que en búlgaro son muy pocos los ejemplos de prefijados verbales con significado de contrariedad formados con un prefijo simple. La lengua búlgara en este caso opta por las formas negativas analíticas con la partícula *не* (compárense *desestimar* = не уважава, не цени (no estimar, no apreciar); *desobedecer* = не се покорява, не слуша (no rendirse, no obedecer), aunque los participios negativos provenientes de estas formas verbales tienen una estructura sintética (*не привиква* > *непривикнал* (no acostumbrarse > desacostumbrado), *не употребява* > *неупотребен* (no usar > no usado, sin usar), *неузрял* (inmaduro), *необмислен* (impensado)). Constituyen una exclusión las acuñaciones con *без-*: *бездействия* (no actuar) y *безделници* (haraganear, ociosidad), así como los verbos formados con el prefijo compuesto *недо-* (*недочува* (no oír bien), *недовижда* (no ver bien), *недооценява* (subestimar) el cual, aparte del significado de contrariedad, aporta también un matiz de ‘insuficiencia o imposibilidad de realizar la acción por completo’ (*недовижда* = ‘no ver bien’, *недооценява* = ‘no apreciar correctamente, subestimar’).

El prefijo *in-* presenta las variantes *i-*, ante bases que comienzan por /l/ y /r/ (*ilícito*, *irreal*, *irresponsable*), e *im-*, delante de /b/ y /p/ (*imbatible*, *impensable*). Con valor de contrariedad, el prefijo resulta bastante

productivo uniéndose a bases adjetivas (*incapaz, incrédulo, indigno, inoportuno, inútil, inválido*), mostrando menor vitalidad al combinarse con bases verbales (*incomunicar, incumplir, insubordinar*). No obstante, los adjetivos prefijados con *in-* fácilmente dan lugar a verbos, como en *intranquilo > intranquilizar, impaciente > impacientar, incómodo > incomodar, inquieto > inquietar, inútil > inutilizar*, entre otros. A partir de los adjetivos prefijados también se pueden formar sustantivos, como, por ejemplo, *incapacidad (incapaz > incapacidad), indignidad, inquietud*.

Los adjetivos formados con *in-* se combinan con el verbo *ser* en las oraciones copulativas (*es inconveniente, es impreciso*), mientras que los que se combinan con *estar* tienden a rechazarlo (**imborracho, *incontento, *insudoroso*). Por otro lado, los prefijados con *in-* no siempre cuentan con sus correlatos antónimos, puesto que el formante aparece ya incorporado en algunos cultismos derivados del latín (*incógnito, incólume, impecable*) y en adjetivos derivados de participios latinos (*inconcluso, indefenso, inédito, ileso, intacto*). Son frecuentes asimismo las acuñaciones con *in-* obtenidas a partir de adjetivos acabados en el sufijo *-ble* (*incomunicable, insospechable, insustituible, intachable*).

Los adjetivos búlgaros con valor de contrariedad se suelen formar con el prefijo *не-* (*неверен* (incierto), *непочтен* (deshonesto), *неравен* (desigual), *неучтив* (descortés), *нечестен* (indecoroso) o bien con el formante *без-* (*безвизов* (libre de visado), *безводен* (árido, seco, sin agua), *безвреден* (inofensivo), *безгрешен* (impecable), *безотговорен* (irresponsable), *безупречен* (irreprochable). Los prefijados adjetivales así formados dan lugar, a su vez, a los respectivos sustantivos de cualidad (*непочтеност* (deshonestidad), *неравенство* (desigualdad), *неучтивост* (descortesía); *безчестие* (deshonra), *безупречност* (irreprochabilidad), *безводие* (aridez, sequedad). La pauta *in-V-ble* se traduce en búlgaro en *не-V-им* (*незаменим* (irreemplazable), *неизразим* (inefable), *непреводим* (intraducible), *неразрушим* (indestructible), *нечетим* (ilegible).

5. Prefijos negativos con significado de privación

La relación de privación consiste en la falta o carencia de lo indicado por el lexema base, o sea, la oposición que se establece aquí se da entre la situación en la que se encuentra lo denotado por la base y otra en la que carece de ello. Los prefijos españoles con valor de privación son *a-*, *des-*, *in-* y *sin-* (que aparece en muy pocas formaciones lexicalizadas) y las bases con las que se combinan son predominantemente nominales. En búlgaro el

inventario de los prefijos privativos está constituido por: *a(n)-*, *без-*, *дез-(de-)*, *дис-*, *из-*, *не-*, *от-*, *раз-*.

El prefijo *a(n)-* se adjunta a bases nominales que denotan estados o situaciones en las que se da la privación de lo designado por la base (*anovulación* = ‘falta de ovulación’, *asimetría* = ‘falta de simetría’), o bien a bases adjetivas (*aproblemático* = ‘que carece de problemas’, *asexual* = ‘que no tiene sexo’). Tal y como se ha señalado anteriormente, en búlgaro dicho prefijo se da tan solo en ciertas palabras prestadas (*асеизмичен* (asísmico), *асексуалност* (asexualidad), *асиметрия* (asimetría), *асимфоничен* (asinfónico).

El prefijo *des-* se suele unir a bases nominales para indicar la carencia de la entidad denotada por el nombre simple. Así, prefijados como *desaseo*, *desconfianza*, *desempleo*, *desmesura*, *desorden*, etc., se pueden parafrasear como ‘falta de aseo, confianza, empleo, medida, orden’, respectivamente. Los correlatos búlgaros de estas estructuras con *des-* con sentido de privación suelen formarse con los prefijos *не-* y *без-* (*недоверие* (desconfianza), *неумереност* (desmesura), *нечистотлътност* (impureza); *безработица* (desempleo), *безредие* (desorden).

En cuanto a los sustantivos deverbales con *des-* (*desactivación*, *desinformación*, *desorientación*), se pueden postular dos estructuras morfológicas: bien el formante se adjunta al nombre deverbal (*organizar* > *organización* > *desorganización*), bien el sustantivo prefijado se forma sobre el verbo prefijado (*organizar* > *desorganizar* > *desorganización*) (Varela Ortega & Martín García 1999: 5023). Cabe señalar que en búlgaro el prefijo *дез-* también se aísla en las estructuras complejas de este tipo (*дезактивация* (desactivación), *дезинформация* (desinformación), *дезорганизация* (desorganización), *дезориентация* (desorientación), alternando con *де-* en las formaciones obtenidas sobre bases iniciadas con consonante (compárense *дефлорация* = *desfloración*, *депатузация* = *desratización*, *депронация* = *destronamiento*); aunque en un número muy reducido, encontramos también el formante prestado *дис-* con el mismo valor de privación (*дисквалификация* = *descualificación*, *дискредитирам* = *desacreditar*, *дисхармонизирам* = *desarmonizar*).

El prefijo *des-* forma también verbos con significado privativo, adjuntándose a bases nominales y, en menor medida, a bases adjetivas en acuñaciones parasintéticas (*desacreditar*, *desangrar*, *desbravar*, *descamisar*, *descorazonar*, *deshabituvar*, *desilusionar*). Los prefijos expresan la pérdida de lo denotado por la base nominal (*descamisar* = ‘privar de camisa’), o bien la pérdida de la cualidad indicada por la base adjetiva (*desbravar* = ‘quitar la cualidad o condición de bravo’). Los esquemas

parasintéticos *des-N-ado* y *des-A-ado* dan lugar a muchos derivados adjetivales (*desalmado, desbravado, descarado, desganado, despiadado*).

Los verbos denominales búlgaros con valor de privación suelen formarse con el prefijo compuesto *обез-* (*обезмаслявам* (desmantecar, desengrasar), *обезнадеждавам* (desesperar), *обезсмыслям* (privar de sentido), *обезсолявам* (desalar), *обезцветявам* (descolorar, desteñir). Sin embargo, en lo que respecta a su estructura morfológica, estas acuñaciones parasintéticas suponen una interpretación bivalente. Lo más usual es pensar en una base nominal que recibe el prefijo compuesto *обез-* con significado de ‘quita o priva lo denotado por la base’ (Radeva 2007: 257). No obstante, se podría suponer también una base adjetiva obtenida mediante el formante *без-* con significado de ‘ausencia de algo, privación de algo’ (Popov 2008: 48) (*без-смыслен* (sin sentido), *без-солен* (soso, sin sal) que, a su vez, se vuelve a prefijar con el morfema *о-* con significado de ‘dirección de la acción sobre todos los objetos en el alcance determinado o bien sobre toda la superficie del objeto’ (Radeva 2007: 172) (*безсмыслен* > *обезсмыслям* (sin sentido > privar de sentido), *безцветен* > *обезцветявам* (incolore > descolorar). Esta segunda interpretación explica asimismo el gran número de adjetivos denominales con *без-* que no se pueden relacionar con respectivos verbos resultativos (*бездеен* (inactivo), *безжалостен* (despiadado, implacable), *безжизнен* (exánime), *безидеен* (sin ideas), *безизразен* (inexpresivo).

Otros prefijados verbales búlgaros con significado de privación están formados con el prefijo: *из-* (*издъни* (quitar el fondo, dejar sin fondo), *изкорени* (desarraigar), *изуми* (dejar pasmado) que no goza de gran productividad (Radeva 2007: 255); con reducida vitalidad se caracteriza asimismo el prefijo *раз-* que se adjunta a bases que denominan oficios (*non* > *разнону* (sacerdote > privar del sacerdocio, renunciar al sacerdocio), *калугер* > *разкалугери* (monje > privar del rango monástico, renunciar a la orden monástica); aporta el significado de ‘quitar una parte del todo’ el prefijo *от-* en los verbos prefijados *отскуби* (arrancar), *отлепи* (despegar), *отхване* (dar un mordisco).

El prefijo español *in-(im-)*, unido a ciertos nombres, también puede expresar la idea de privación (*impago, impiedad, incomunicación, indefinición, inexperiencia, irrespeto*).

Tiene valor privativo también el prefijo separable *sin-*, homófono de la preposición *sin*, que se combina con bases sustantivas para designar clases de personas (*los sin techo, los sin ley, los sin patria, un sinvergüenza*, el último con el prefijo integrado). En su variante de prefijo inseparable, *sin-*

forma un número restringido de sustantivos lexicalizados del tipo: *sinnúmero, sinsabor, sinsentido, sinrazón*.

6. Conclusiones

Tal y como se ha podido comprobar, entre las dos lenguas aquí contrastadas se han establecido bastantes coincidencias en lo que respecta a las características semánticas y funcionales de los prefijos búlgaros y españoles. Se han detectado incluso pautas idénticas que rigen la acuñación de los derivados prefijados analizados, sobre todo en lo que atañe a la formación de los adjetivos negativos.

Las diferencias se imponen a nivel de la categoría del verbo donde los modelos presentan ciertas disimilitudes. La lengua búlgara, en comparación con la española, cuenta con un número mucho más amplio de prefijos negativos –simples y compuestos– que además de expresar el significado de negación suelen aportar adicionales matices aspectuales.

El análisis efectuado apunta asimismo a la conclusión de que los prefijos negativos españoles que gozan de mayor productividad son *des-* e *in-*, mientras que en búlgaro el inventario se lidera por los formantes *не-* y *без-*.

REFERENCIAS

- Alberto Miranda 1994:** Alberto Miranda, J. *La formación de palabras en español*. Salamanca: Ediciones Colegio de España, 1994.
- Álvarez García 1979:** Álvarez García, M. *Léxico-génesis en español: los morfemas facultativos*. Sevilla: Universidad de Sevilla (Anales de la Universidad Hispalense. Filosofía y Letras: 47), 1979.
- Bajo Pérez 1997:** Bajo Pérez, E. *La derivación nominal en español*. Madrid: Arco Libros, S. L., 1997.
- Boyadzhiev, red. 1998:** Бояджиев, Т., Куцаров, И., Пенчев, Й. *Съвременен български език. Фонетика. Лексикология. Словообразуване. Морфология. Синтаксис*. [Boyadzhiev, T., Kutsarov, I., Penchev, Y. *Savremenen balgarski ezik. Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazuvane. Morfologiya. Sintaksis*.] София: Петър Берон, 1998.
- Buneva, red. 2012:** Бунева, М., Мурдаров, В., Александрова, Т. и др. *Официален правописен речник на българския език*. [Buneva, M., Murdarov, V., Aleksandrova, T. et al. *Ofitsialen pravopisen rechnik na balgarskiya ezik*.] София: Издателство „Просвета – София“ АД, 2012.

- Georgieva 2006:** Георгиева, Цв. За един нов модел деривати с формант *анти-* в българския книжовен език. [Georgieva, Tsv. Za edin nov model derivati s formant *anti-* v balgarskiya knizhoven ezik.] // *Българска реч*, кн. 2 – 3, 2006, 30 – 34.
- Georgieva 2009a:** Георгиева, Цв. За някои препозитивни именни форманти като лексикографски проблем. [Georgieva, Tsv. Za nyakoi prepozitivni imenni formanti kato leksikografski problem.] // *Словообразуване и лексикология*. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2009, 290 – 296.
- Georgieva 2009b:** Георгиева, Цв. Видове класификации на активните препозитивни форманти в българското именно словообразуване. [Georgieva, Tsv. Vidove klasifikatsii na aktivnite prepozitivni formanti v balgarskoto imenno slovoobrazuvane.] // *Творба речи и ъети ресурси у словенским језицима. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта*. Београд: Филолошки факултет, 545 – 553. <<https://ispan.waw.pl/ireteslaw/bitstream/handle/20.500.12528/332/Georgieva.pdf?sequence=1&isAllowed=y>> (16.12.2024).
- González Cruz 2018:** González Cruz, E. Los prefijos negativos en español. // *Castellano actual*. <<https://www.udep.edu.pe/castellanoactual/los-prefijos-negativos-en-espanol/>> (26.11.2024).
- Lang 1992:** Lang, M. F. *Formación de palabras en español. Morfología derivativa productiva en el léxico moderno* (Traducción de Alberto Miranda Poza). Fuenlabrada / Madrid: Cátedra, 1992.
- Montero Curiel 1999:** Montero Curiel, M.ª L. *La prefijación negativa en español*. Cáceres: Universidad de Extremadura, 1999.
- Moreno de Alba 1996:** Moreno de Alba, J. C. *La prefijación en el español mexicano*. México D. F.: Universidad Nacional Autónoma de México, 1996.
- Попов, ред. 2008:** Попов, Д., Андрейчин, Л., Георгиев, Л. и др. *Български тълковен речник*. [Popov, D., Andreychin, L., Georgieva, L. et al. Balgarski talkoven rechnik.] София: Наука и изкуство, 2008.
- RAE y ASALE 2010:** Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española. *Nueva gramática de la lengua española. Manual*. Madrid: Espasa Libros, 2010.
- RAE y ASALE 2009 – 2011:** Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española. *Nueva gramática de la lengua española* [en línea] <<https://www.rae.es/gramática/sintaxis/clases-de-negación>> (08.01.2025).

- Radeva 2007:** Радева, В. *В света на думите. Структура и значение на производните думи.* [Radeva, V. V sveta na dumite. Struktura i znachenie na proizvodnite dumi.] София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2007.
- Varela Ortega y Martín García 1999:** Varela Ortega, S. y J. Martín García. La prefijación. // Bosque, I. y Demonte, V. (dirs.) *Gramática descriptiva de la lengua española*. Madrid: Espasa Calpe, 1999, 4993 – 5038.
- Varela Ortega 2009:** Varela Ortega, S. *Morfología léxica: la formación de palabras*. Madrid: Gredos, 2009.
- Vateva 2010:** Ватева, В. Антонимите при прилагателните имена в българския език. [Vateva, V. Antonimite pri prilagatelните imena v balgarskiya ezik.] // *Научни трудове на Русенския университет*, том 49, серия 6.3, 2010, 27 – 30.

LOS MUDÉJARES DE HUESCA ENTRE EL ÁRABE Y EL ROMANCE ARAGONÉS-I

Yuliya Miteva

Universidad de Veliko Tarnovo “Santos Cirilo y Metodio”

THE MUDEJARS OF HUESCA BETWEEN ARABIC AND ARAGONESE ROMANCE-I

Yuliya Miteva

St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo

julia_miteva@abv.bg

The present study, which is divided into two parts, attempts to explore the linguistic situation of the small Mudejar community of Huesca in the late medieval centuries. In the first part, we address the use of Arabic, the cultural reference language for the group and its ethnic-religious emblem. In the second part of the study we analyze the use of Aragonese romance within a community that was immersed in a process of cultural change, which required it to relegate the use of Arabic to the religious sphere and adopt the new Aragonese romance in all areas of social life. Lastly, we consider the socio-economic conditions that favored the language change. These factors help with understanding the high level of integration that the Mudejars achieved in the new society of Huesca.

Key words: Mudejars, Aragon, Huesca, Arabic, Romance

1. Introducción

La situación lingüística en el reino de Aragón en los siglos XII al XV fue muy compleja. Ello se debe tanto a los condicionantes territoriales de un reino en expansión, como a factores demográficos que explican el complejo mosaico humano que representaba la nueva sociedad aragonesa. La cancillería regia empleó como lenguas oficiales el latín, el aragonés y el catalán. Cada una de las minorías étnicas y confesionales que integraban la sociedad aragonesa mantuvo su lengua comunitaria: los francos usaron el

occitano, los mudéjares, el árabe clásico, y los judíos, el árabe y el hebreo. En el ámbito de la oralidad, la situación fue más compleja aún, si cabe, pues alternaban todas las lenguas vernáculas: el aragonés, en sus múltiples variedades, el catalán y el occitano, el romance navarro, el eusquera y el árabe andalusí, que hablaban las comunidades autóctonas de mudéjares y judíos. A continuación, centraremos nuestra atención en la situación lingüística de la minoría musulmana que permaneció en la ciudad de Huesca después de la conquista aragonesa.

2. La comunidad mudéjar de Huesca

Es casi imposible reconstruir la vida de la comunidad mudéjar de Huesca en los dos primeros siglos de su existencia (Conte Cazcarro 1992: 11; Miteva 2025). Sabemos que en este espacio de tiempo los musulmanes pasaron de mayoría absoluta a una minoría residual. Consta también su traslado de la zona central de la medina a los arrabales periféricos, pero es imposible establecer cálculos aproximados sobre su número.

El monedaje de Huesca de 1284 censa a 1.341 contribuyentes cristianos. Se estima que en este momento la población mudéjar alcanzaba las 550 personas (Basáñez Villaluenga 1989: 39; Conte Cazcarro 1992: 149). Sin embargo, hay que tener en cuenta que las minorías religiosas no estaban representadas en este censo y, por tanto, las cifras propuestas por Utrilla Utrilla (2004: 333 – 338) son meramente orientativas. En cualquier caso, esos 550 mudéjares representarían entre el 7% y el 8% de la población total.

En el siglo XIV el reino de Aragón entró en un ciclo de crisis. Al empezar la centuria los síntomas de estancamiento demográfico ya eran evidentes (Laliena Corbera 2004: 333 – 338). A partir de los años treinta se sucedieron varios episodios de hambrunas y epidemias de peste que incidieron negativamente en el volumen de la población. Las guerras con Castilla a mediados de siglo causaron la despoblación de las comarcas fronterizas y causaron muchas pérdidas humanas (Sesma Muñoz 2003: 177). La crisis demográfica afectó a todo el reino. La población oscense fue disminuyendo paulatinamente. A mediados del siglo la ciudad contaba oficialmente con un censo fiscal de cuatrocientas treinta y cuatro casas de ciudadanos, ciento ocho de judíos y sesenta y nueve casas de mudéjares: un total de seiscientos once casas (Iranzo Muñío 2008: 51 – 52, *doc.* 25).

En la segunda mitad del siglo XIV se registró el nivel poblacional más bajo de todo el período bajomedieval. De 6.000 ó 7.000 habitantes en 1284, la población de Huesca se había reducido a la mitad (Sesma Muñoz 2004: 70 – 71; Utrilla Utrilla 2004: 297; Navarro Espinach 2009 – 2010: 198).

El descenso de la población oscense continuó a lo largo de la siguiente centuria. El fogaje de 1405 contabilizó 755 fuegos, moros y judíos incluidos (Sesma Muñoz y Abella Samitier 2004: 130). A finales del siglo, en 1495, la ciudad reconocía tan solo 616 fuegos fiscales, acusando una reducción poblacional que superaba el 18 % en el plazo de noventa años, un descenso significativo, según Iranzo Muñío (2023: 92 – 93). En siglo y medio, Huesca había perdido casi la mitad de sus vecinos por causa de la epidemia de peste, la carestía del cereal, las malas cosechas y las luchas de bandos que asolaban el norte de Aragón. A esto habría que sumar la expulsión de la comunidad judía en 1492.

Las minorías son especialmente vulnerables en los momentos de crisis y no es extraño que durante el siglo XIV la población mudéjar aragonesa haya disminuido notablemente a causa tanto de la peste y de la guerra como de la emigración. El descenso continuó en el siglo XV y fue especialmente notorio en las aljamas de realengo, como la oscense (Ferrer i Mallol 2002: 35). Conte Cazcarro (1992: 166 – 171) ha estudiado los movimientos migratorios de los mudéjares, llegando a la conclusión de que, más que un foco de atracción de inmigrantes, Huesca parece haber sido el punto de partida de un continuo proceso de emigración. Muchos mudéjares dejaron la aljama de la Alquibla en los siglos XIV y XV para fijar su residencia en ciudades como Barcelona, Tortosa, Tudela, Valencia o Zaragoza. La capital del reino de Aragón fue un foco de atracción constante para los oscenses a lo largo del tiempo. Además de la emigración interior, de corto radio, habría que considerar también la emigración al exterior, al norte de África y a Oriente.

Según el estudio de Ferrer i Mallol (2002: 43 – 44), basado en el fogaje general de 1495, los mudéjares representaban el 11% de la población total aragonesa (5.675 fuegos de un total de 51.056). La mayor concentración de fuegos mudéjares se localizaba en la circunscripción de Zaragoza (1.915 fuegos repartidos entre 35 localidades). En la circunscripción de Huesca, se contabilizaron 343 fuegos mudéjares en 22 localidades (Navarro Espinach y Villanueva Morte 2004: 171 – 172). La morería de la ciudad de Huesca contaba con 40 fuegos, que representaban el 6,4% de la población total (Ferrer i Mallol 2002: 44). En su entorno se ubicaban 21 núcleos de población de reducidas dimensiones, la mayoría de ellos constituidos por población mudéjar exclusivamente. Solo en las localidades de Huerto y Almuniente se constataba la presencia de población mixta (Ferrer i Mallol 2002: 63).

3. La pervivencia del árabe entre los mudéjares de Huesca

El mapa de distribución étnica que acabamos de describir favorecía el mantenimiento del árabe en las localidades de población íntegramente mudéjar y promovía la asimilación lingüística en la aljama urbana. Los mudéjares de Huesca mantuvieron la lengua árabe en sus dos modalidades: el árabe clásico, que usaban en la escritura, y el árabe andalusí aragonés, que era su vernáculo. Las fuentes escritas en árabe clásico llegan hasta el siglo XVI y tienen una tipología muy variada, desde documentación notarial hasta tratados de derecho islámico y de polémica religiosa. La existencia de fuentes en lengua árabe después de la Reconquista sugiere que la comunidad mudéjar de Huesca mantuvo un sistema de enseñanza autónomo y estrechos contactos con el mundo árabe-islámico exterior. Sin duda, la transmisión del árabe estuvo vinculada a las mezquitas, que, como en época andalusí, seguían funcionando no solo como espacios de culto, sino también como centros de enseñanza. No sabemos, sin embargo, cuántas mezquitas poseían los moros de Huesca y qué actividad cultural se desarrollaba en ellas (Ledesma Rubio 1996: 58). Según Conte Cazcarro (1992: 147), la aljama disponía de tres templos hasta el siglo XVI. A partir del año 1501 y hasta la conversión, tendría solo dos: la *de Rallas* o *mezquita Baja* y la de *Alquibla* o *Alcamedes*, que sería la mezquita mayor. Al frente de la mezquita estaba el *alfaquí*. Este cargo estaba retribuido, recibía una asignación anual de la aljama, que hacia 1349 alcanzaba los 300 sueldos jaqueses (Basáñez Villaluenga 1989: 31). De momento, es imposible reconstruir la lista completa de alfaquíes oscenses. Sin embargo, los datos con los que contamos permiten afirmar que la aljama de Huesca nunca se vio privada de los servicios de un alfaquí (Conte Cazcarro 1992: 240 – 241; Blasco Martínez 1993: 114 – 117).

A continuación, dedicaremos unas líneas a lo que Viguera Molins (1987 – 1988: 787) define como “la documentación interna” de la comunidad. Se trata de documentos escritos por los mudéjares de Huesca y que demuestran la prolongada vigencia del árabe clásico en el seno de la comunidad.

Entre los documentos del Archivo de la Catedral de Huesca se encuentra un pequeño fondo de escrituras en árabe. Este conjunto fue editado y traducido por Bosch Vilá (1957: 1 – 48). La colección está integrada por doce escrituras de derecho privado: siete compraventas, tres préstamos y dos permutas. Este tipo de documentos tienen la ventaja de estar fechados: cinco son del siglo XII y siete del siglo XIII (Bosch Vilá 1957: 3). Las escrituras recogen transacciones entre mudéjares y eclesiásticos de Huesca, lo que

justifica su conservación en este archivo (Viguera Molins 1987 – 1988: 787). Todos los documentos están escritos en árabe y están fechados según el cómputo musulmán. Sin embargo, los nombres de los cristianos que intervienen en los contratos, los nuevos topónimos de origen romance y los préstamos léxicos del aragonés, que empiezan a aflorar en las escrituras, advierten de que los tiempos habían cambiado. En una de las escrituras se fija como plazo para el pago de un censo el día de Santa María. Los mudéjares tuvieron que aprender a medir el tiempo según el calendario de sus vecinos cristianos. Era uno de los muchos cambios que tuvieron que asumir.

No consta expresamente el lugar donde fueron redactadas las escrituras, pero Bosch Vilá (1957: 5) cree que hay suficientes indicios para creer que fueron otorgadas en Huesca. Casi todas las personas que intervinieron como testigos en estos contratos eran mudéjares y firmaron por su propia mano. Cuando firmaba otra persona a ruego, porque el testigo no sabía firmar, se hacía constar con la fórmula “se firmó por él, a instancias suyas y en su presencia”. La misma fórmula se encuentra en las escrituras mozárabes de Toledo, lo que confirma las similitudes en la práctica notarial de las comunidades musulmana y cristiana andalusí (Miteva 2018: 388 – 393). El único cristiano que intervino como testigo fue el justicia García Iohanes. Él no firmó personalmente y en la escritura consta que “se firmó por él, a instancias suyas y en su presencia” (Bosch Vilá 1957: 29).

El documento más antiguo de la colección data de 1154 y es un contrato de compraventa de dos campos situados a 15 km al sur de Huesca, en la vega de Callén. Las dos partes que intervinieron en el contrato eran musulmanes: Ismail, hijo de Abd Allah ibn Masud ibn *Zarzal* al-Ansarí, y su hermano, Masud. En la escritura consta expresamente que el contrato se hizo “siguiendo la ley de los musulmanes”. Firmaron el acta siete testigos mudéjares y en ningún caso consta que haya firmado otra persona por ellos, es decir, sabían firmar en árabe (Bosch Vilá 1957: 19 – 21).

El segundo documento está fechado en 1155 y es otro contrato de compraventa. Las contratantes eran mujeres mudéjares: Amli, hija de Salih ibn Muhammad, y su hija Jamali, hija de Masud ibn Abd Allah al-Ansarí. El contrato se hizo “de acuerdo con las ventas del Islam, sus cláusulas y la devolución de daño o evicción entre musulmanes”. Firmaron cinco testigos (Bosch Vilá 1957: 22 – 23).

El tercer documento es un préstamo de 1177. Abd al-Aziz ibn Yahya al-Magribí y Muhammad ibn Masud *Carcanales* declararon deber al sacristán Galindo Bellido 115 sueldos jaqueses. Firmaron tres testigos musulmanes (Bosch Vilá 1957: 24 – 25).

El cuarto documento consiste en una permuta realizada el año 1183. El obispo de Huesca, don Esteban, entregó al carpintero Muhammad ibn Yusuf una viña, situada en el barrio de *al-Ma'ida*, en Huesca, a cambio de otra viña en el término de *al-Askar*. En el acto comparecieron, además, cuatro fiadores, dos cristianos y dos mudéjares. Firmaron como testigos Yusuf ibn Muhammad ibn Ab al-Malik al-Umawí y García Iohanes, justicia (Bosch Vilá 1957: 26 – 29). El contrato se firmó en dos versiones, en latín y en árabe. Es el único documento bilingüe de la colección. No sabemos si este tipo de escrituras eran frecuentes en la Huesca postandalusí, como lo fueron en Toledo. En cualquier caso, su presencia en los archivos eclesiásticos demuestra el reconocimiento, por parte de las autoridades cristianas, del árabe como lengua oficial de la comunidad mudéjar.

La práctica de la escritura en árabe continuó en el siglo XIII. Lo demuestra un contrato de compraventa de 1202. El arcediano don Iohan de Saras (Joan de Seres) compró a Zuhri, hija del alcaide de Alberio, un campo en el término de Almeriz. Consta, por primera vez en este fondo documental, la incapacidad de uno de los testigos de firmar en árabe. Después del nombre de Jalaf ibn Ibrahim ibn Jalaf al-Tuyibí, leemos la fórmula “se firmó por él, a instancias suyas y en su presencia”. Los otros dos testigos, Ali ibn Ahmad ibn Ayas al-Ansarí y Yahya ibn Abd al-Malik ibn Muhammad al-Tuyibí, sí firmaron por su propia mano (Bosch Vilá 1957: 30 – 31).

Un año después, en 1203, Yusuf y Galati, hijos de Muhammad ibn Ayas, permutaron dos campos con don Martín y con su hermano don Iohan, hijos de don García Sanz. En el texto árabe se hace referencia a un documento anterior, probablemente en latín, –“una escritura en caracteres cristianos”, donde se fijaron los límites de uno de los campos objeto de la permuta. Firmaron tres testigos musulmanes (Bosch Vilá 1957: 32 – 34).

El archivo de la Catedral custodia dos escrituras de compraventa, fechadas en el mes de septiembre de 1215. En la primera, los judíos Abu-l-Hasan Salomón ibn Ardut y Abu Ishaq ibn Latrunir, y el amín Muhammad ibn Jalaf al-Qalahurrí compraron a Naimati, hija de Muhammad ibn Jalaf ibn Mallun, una casa en el arrabal del poniente, en Huesca. Firmaron dos testigos musulmanes (Bosch Vilá 1957: 35 – 37). En la segunda, Doña Iohana, hija de Petro Torres, de Zaragoza, compró a Abu-l-Hasan Salomón ibn Ardut, a Abu Ishaq ibn Latrunir, y al amín Muhammad ibn Jalaf al-Qalahurrí, la misma casa objeto del contrato anterior. En esta compraventa, redactada en lengua árabe, intervinieron miembros de las tres comunidades religiosas de Huesca. En uno de sus márgenes hay una línea en judeoárabe, es decir, en lengua árabe con caracteres hebreos (Bosch Vilá 1957: 38 – 40).

En julio de 1230, Don Guillem Martín compró a Abd Allah ibn Muhammad al-Zawi una viña en el barrio de Morillón, en Huesca. Firmaron dos testigos musulmanes: Abd Allah ibn Muhammad ibn Abd al-Malik al-Tuyibí y Ubayd Allah ibn Ahmad ibn Muhammad al-Ansarí (Bosch Vilá 1957: 41 – 43).

En febrero de 1269, Don Per Arnald de Laporta y su esposa Martina compraron a Nuzhati, hija de Abu Muhammad ibn Safwan, un huerto en el arrabal de *al-Muqaybara*, en Huesca. El notario mudéjar que redactó el acta todavía insistía en que “todo se ha hecho según se preceptúa en la venta del Islam”. Firmaron dos testigos mudéjares. En el margen derecho del pergamino hay una nota en romance aragonés en letra de fines del siglo XIII (Bosch Vilá 1957: 46 – 48).

Podemos concluir con Bosch Vilá (1957: 5) que “durante los siglos XII y XIII es manifiesto el predominio de la lengua árabe escrita entre las minorías étnicas y sociales que convivían con los cristianos de Huesca”. Esta afirmación lleva implícita una constatación evidente, y es que el árabe se siguió enseñando y transmitiendo en el seno de la comunidad mudéjar oscense. De momento no se ha localizado en Huesca un fondo documental en árabe de similares características referente a los siglos XIV y XV. Pero esto no quiere decir que los mudéjares oscenses hubiesen abandonado la práctica notarial en lengua árabe. Las fuentes en latín o en romance aragonés contienen, a veces, referencias indirectas a documentos escritos en lengua árabe, como la “carta arábica” que envió el alcaide de la aljama de Huesca, Faraix de Belvís, en el año 1363, y que contenía la sentencia de los adelantados Mahoma Abenjamiel y Abderrahman de Parriel (Conte Cazcarro 1992: 354). En las causas de apelación, vistas por el Concejo Real, a menudo se hacía referencia a papeles escritos en lengua árabe y, a veces, se exigía su traducción al romance. En el año 1478, en el pleito por separación entre Mahoma Albatiel, de Zaragoza, y Marién Taher, de Huesca, se presentó, como prueba, una carta de “quitamiento” llamada “almobara”, que estaba en “arábigo” y tuvo que ser traducida al “cristiánego”. El documento en árabe fue expedido en Zaragoza el 6 de noviembre de 1478. En el legajo del proceso se insertó el original árabe y su traducción al romance (Conte Cazcarro 1992: 406).

4. Los notarios mudéjares de Huesca

Detrás de estas escrituras en lengua árabe se oculta la mano de un alfaquí o de un escribano. Es muy poco, sin embargo, lo que sabemos de los escribanos mudéjares. Eran los notarios de la comunidad y, en teoría, las únicas personas autorizadas para expedir documentos oficiales en lengua

árabe (Basáñez Villaluenga 1989: 27 – 29; Conte Cazcarro 1992: 31 – 32; Blasco Martínez 1993: 109 – 133). Competían con los escribanos cristianos y judíos, sobre todo, cuando se trataba de asuntos que involucraban a miembros de las distintas comunidades religiosas. En el año 1301, la Curia de Zaragoza dictó una ordenanza, según la cual los contratos entre musulmanes y cristianos pasaban a ser competencia exclusiva de los notarios cristianos. La orden causó la protesta de los escribanos mudéjares, que veían una amenaza para sus ingresos. Pero ellos no competían solo con sus colegas cristianos y judíos, sino también con otros miembros de su comunidad, que también dominaban el oficio. Basáñez Villaluenga (1989: 27) afirmaba que “muy pocos sarracenos estuvieron capacitados para ejercer el cargo”, pero en las fuentes hay referencias a una competencia interna en el seno de la propia comunidad, entre familias que rivalizaban por el monopolio de la profesión.

En las cortes celebradas en Zaragoza en 1360, se concedió a los judíos y musulmanes de Aragón el privilegio de poder extender documentos públicos con el notario que quisieran: “omnes et singuli judei et sarraceni civitatum, villarum et aliorum locorum regni Aragonum possum licite contractus suos, instrumenta et alias scriptura publicas et auctenticas facere cum quibuscumque notariis, prout eorum placuerit voluntati et de foro dicti regni eis est licitum et indultum [...] sive habeant recipi et fieri inter se sive inter eos et christianos” (Blasco Martínez 1993: 124 – 125). Según esta disposición, los mudéjares podían contratar los servicios de cualquier notario cristiano. Aunque la medida causó la reacción de los escribanos musulmanes, que disfrutaban, hasta entonces, el monopolio de esta actividad, la práctica de acudir a los escribanos públicos de la ciudad se impuso finalmente entre los moros. Poco después las autoridades dieron marcha atrás y en 1371, atendiendo la petición de Faraix de Belvís, *zabalaquén* (‘juez de segunda instancia’) de la aljama de Huesca, Pedro el Ceremonioso prohibió que nadie certificara contratos o litigios entre moros, excepto el notario de la aljama (Conte Cazcarro 1992: 355). Aunque no se especificaba qué lengua debería usar el notario de la aljama de Huesca, sabemos que se trataba del árabe, lengua oficial de la comunidad, reconocida como tal por las autoridades cristianas. Además, ya vimos que en 1363, el propio Faraix de Belvís había dictado sentencia en árabe contra dos adelantados de la comunidad. En 1375, el rey volvió a recordar que todos los contratos en la aljama debían ser firmados por su escribano, quedando terminantemente prohibido que ningún otro sarraceno usara del oficio.

¿Cada aljama mudéjar tenía su propio notario? Un documento de 1387 menciona la presencia de un escribano mudéjar en Sangarrén, una pequeña localidad al sur de Huesca, donde se constata la presencia de mudéjares

desde los siglos XII y XIII (Blasco Martínez 1993: 120 – 121). En 1388 – 1389 había un alfaquí en el lugar: Çalema Aliafar (Blasco Martínez 1993: 130). En Sangarrén había 20 fuegos mudéjares en el siglo XV (Utrilla Utrilla y Esco Samperiz 1986: 206 – 207). En 1495, el pueblo contaba con 17 fuegos mudéjares de un total de 19, es decir, casi el 90% de su población estaba integrada por musulmanes (Ferrer i Mallol 2002: 63). Es interesante constatar la presencia de un notario en una pequeña comunidad, como era Sangarrén, porque esto significa que el servicio de la notaría no siempre estuvo centralizado en Huesca. A pesar de que el cargo de *alamín*, *zabalaquén* y escribano de la ciudad tenía jurisdicción en un amplio espacio, desde el río Gállego hasta el Alcanadre, a veces sus competencias quedaban limitadas por la presencia de otros notarios locales.

¿Dónde adquirirían su formación en lengua árabe los notarios mudéjares? Al parecer, el oficio se transmitía dentro de la familia, de padres a hijos y de tíos a sobrinos, exactamente como sucedía en época andalusí (Molina Martínez y Ávila Navarro 1985: 83 – 108). En 1259, Jaime I concedió a Abraham, hijo de Abdulla Avicencol, el desempeño vitalicio de los cargos de *alamín*, escribano y *zabalaquén* de la aljama de Huesca. Su padre y un hermano suyo también tuvieron a cargo la escribanía en distintos momentos del siglo XIII (Basáñez Villaluenga 1989: 16; Conte Cazcarro 1992: 343). En 1297, Jaime II concedió a Alyaffar, hijo de Mahomet Albahar, los oficios de *alamín*, escribano y *zabalaquén* de la aljama de moros de Huesca, con autoridad para ejercerlos desde el río Gállego hasta el Alcanadre (Basáñez Villaluenga 1989: 133 – 134, 1999: 166; Conte Cazcarro 1992: 347). Los de Albaho / Albahar fueron una de las importantes familias mudéjares de Huesca. En 1314, ocupaba el cargo de *alamín* otro miembro del clan, Muça Dalbaho, y en 1319 al frente de la aljama estaba Abraham Dalbaho. En 1387 vuelve a aparecer una referencia a un tal Muça Dalbaho, *zabalaquén* y posiblemente también escribano (Basáñez Villaluenga 1989: 21 – 22; Conte Cazcarro 1992: 49 – 52). Çuleymán de Albaho fue notario antes de emigrar a Valencia en 1470. Su padre, el alfaquí Moçot, también había desempeñado el oficio de notario (Conte Cazcarro 1992: 190). Es muy interesante también la transmisión de diversos oficios públicos en el seno de la familia Bellvís. En 1391, Juan I concedió los oficios de *alamín*, *zabalaquén* y escribano de la aljama de Huesca a Alí de Bellvís. Su padre, Ubécar de Bellvís, y su abuelo, Faraig de Bellvís, también habían desempeñado esos cargos al frente de la aljama. Tras la muerte de Alí de Bellvís en 1447, su hijo Mahoma heredó todos los títulos y cargos de sus antepasados, incluidos los de *alcadí* general y de escribano. Según Blasco Martínez (1993: 120), el monopolio de los Bellvís sobre algunos cargos

públicos, no solo de la aljama de Huesca, sino de toda la Corona de Aragón, llega hasta la expulsión (Basáñez Villaluenga 1989: 21 – 22; Conte Cazcarro 1992: 49 – 52; Blasco Martínez 1993: 118 – 120).

A menudo, estas personas no desempeñaban el cargo de escribano personalmente, sino que delegaban o arrendaban el oficio a otras personas (Blasco Martínez 1993: 118). Lo hizo Faraig de Bellvís en 1361, cuando arrendó el oficio de escribano a Aroz Alfaquí, o Ubécar de Bellvís, en 1381, cuando delegó sus funciones en Alí de Nateig. En cualquier caso, es evidente que los conocimientos legales y lingüísticos que requería el oficio se transmitían dentro de un reducido número de familias mudéjares que pertenecían a la élite política y económica de la comunidad.

El conocimiento del árabe permitía a algunos mudéjares oscenses participar en misiones diplomáticas a tierra del Islam. Abraham Abenaudes, por ejemplo, fue enviado en 1290 como embajador a Granada con un salario de 3.000 sueldos. En misión diplomática participó también el oscense Juce de Albaho, en el consulado de los catalanes en Damasco, donde ocupó el cargo de intérprete y traductor en el año 1390. En 1477, otro mudéjar oscense, Çuleymán Marguán, fue enviado a Berbería como procurador de la aljama de Huesca en una misión real (Conte Cazcarro 1992: 152; Salicrú i Lluç 2008: 474 – 475). Tanto los de Albaho como los Marguán pertenecían a la élite de la comunidad y podían permitirse una buena formación en árabe, cuyo manejo era imprescindible en la diplomacia y en el desempeño de los cargos públicos que ostentaban.

Los notarios mudéjares se servían de formularios de actas notariales, de donde copiaban los modelos de documentos que se les encargaban en cada caso. La presencia de formularios de actas notariales entre los libros de los mudéjares de Aragón, como demuestran los manuscritos *Junta 5* y *Junta 11* del hallazgo de Almonacid, está directamente relacionada con la práctica notarial en lengua árabe. El *Junta 5* es un manuscrito árabe del siglo XIII que contiene el formulario de actas notariales de al-Gaziri / al-Yaziri. Procede del depósito de Almonacid de la Sierra y es uno de los manuscritos más antiguos de la colección. El formulario de al-Gaziri fue un libro imprescindible en las bibliotecas de los alfaquíes y notarios mudéjares (Ribera y Asín 1912: 17 – 33). El otro manuscrito, el *Junta 11*, es más antiguo aún, pues la copia que se encontró en Almonacid estaba fechada en 1140. Contiene el formulario notarial de Abu Muhammad Abd Allah b. Abd al-Wahid al-Fihri. Conocemos también el nombre del copista, Ahmad, aunque desconocemos su origen (Ribera y Asín 1912: 57 – 69). No sabemos dónde se realizaron esas copias, y es imposible adscribirlas a la comunidad mudéjar de Huesca, pero no cabe duda de que los alfaquíes y notarios

oscenses disponían de sus propios compendios de fórmulas notariales y de que se servían de ellos en su quehacer diario.

No todos los documentos en lengua árabe que han llegado a nosotros son actas notariales. Aunque las noticias son escasas, consta que en la ciudad de Huesca se mantuvo, en época mudéjar, la tradición de la copia de manuscritos árabes. En el año 1360, un mudéjar de la aljama de Huesca ponía fin a una copia de un tratado árabe de polémica antijudía, titulado *Ta'yid al-milla*, ‘Defensa de la Religión’ (Cervera Fras 2010: 39). No se conoce el nombre del autor de la obra ni del copista, pero, según Terés Sádaba (1975: 21), “su grafía refleja dialectalismos del lenguaje árabe hispánico”, que podrían delatar un uso aún activo del árabe andalusí entre los mudéjares oscenses, avanzado ya el siglo XIV.

Conocemos, además, la existencia de un tratado de derecho islámico en árabe, de principios del siglo XV. El 19 de febrero de 1418, en la ciudad de Huesca, un mudéjar llamado Ben Sadad ben di Janbir terminó una copia en lengua árabe del *Comentario* de Ibn al-Fajjar al-Yudami sobre el *Muhtasar* de at-Tulaytuli. Este manuscrito, el *Junta 31*, también forma parte del hallazgo de Almonacid (Ribera y Asín 1912: 124 – 128; Cervera Fras 2010: 39; Carmona González 1992: 22, 2012: 197).

El manuscrito árabe de la Biblioteca de Gayangos, titulado *Libro de los sedientos*, también data del siglo XV. Fue copiado en Huesca en 1480 por el alfaquí Ibrahim ibn Ahmad (Saavedra y Moragas 1889: 318; Cervera Fras 2010: 39). Se conoce otro manuscrito árabe oscense del siglo XV que, con el título de *El Istisqa’: la petición de lluvia*, fue objeto de estudio en la tesis doctoral de García Algarra (1995). La lista no es exhaustiva, pero sí representativa de la actividad literaria de los mudéjares de Huesca en los siglos bajomedievales. La práctica de copiar y estudiar manuscritos en lengua árabe continuó en el siglo XVI. El manuscrito árabe *BNM Gg.95* contiene una copia del *Libro de las cuarenta cuestiones* de Algazali. La copia fue acabada en Huesca, en el año 1518, por Abu Abdallah Muhammad ben Isa ben Ibrahim Serrano, un mudéjar de la aldea de Almonastir (Saavedra y Moragas 1889: 318; Cervera Fras 2010: 38).

Es mucho más difícil demostrar la vigencia del árabe andalusí como lengua de comunicación oral entre los mudéjares de Huesca. El uso, por parte de los escribanos mudéjares, de los viejos formularios notariales de época andalusí y la copia de manuscritos en árabe clásico hasta el siglo XVI no demuestran el uso cotidiano del árabe. Y, sin embargo, el árabe no fue solo un instrumento erudito, reservado a la escritura de documentos de carácter oficial y privado. Los frecuentes “vulgarismos” que presentan las escrituras del Archivo de la Catedral, por ejemplo, son en realidad

interferencias del árabe dialectal aragonés, la lengua que esas comunidades aún hablaban en los siglos XII y XIII, tal vez, junto con el romance aragonés, en una situación incipiente de bilingüismo (Bosch Vilá 1957: 6). Pero, aparte de las interferencias dialectales en los documentos escritos en árabe clásico, apenas tenemos testimonios del empleo coloquial del árabe, lo que nos impide saber hasta cuándo se mantuvo en uso entre los mudéjares de Huesca.

Las Ordenanzas de la cofradía de San Francisco, de los mercaderes de la ciudad de Huesca, de 1416 (Falcón Pérez 1991: 252), nos proporcionan la referencia más antigua a la prohibición del uso del árabe en el Aragón mudéjar: “ordenamos que corredor alguno fendo o tractando mercado alguno no favle en ebrayco ni en alfaravia i en bescunz ni en otro lenguatge escuro sino su lenguatge en manera que entramas las partes lo intendan”. Se imponía una pena de treinta sueldos a las personas que osaran hablar en árabe o en eusquera en el mercado de Huesca. No queda muy clara la referencia al hebreo, ya que esta lengua nunca fue usada como idioma vernáculo por las comunidades judías de la Península (otra cosa es su empleo en la escritura) y es probable que se tratara del árabe andalusí hablado por los judíos oscenses. De lo que no cabe duda es de que el árabe y el eusquera eran percibidos como “lenguatges oscuros” en la Huesca de principios del siglo XV. Aunque las relaciones entre las comunidades cristiana y mudéjar habían transcurrido con relativa normalidad a lo largo del tiempo, llegó un momento en el que la diversidad lingüística y cultural empezó a ser percibida como un problema por parte de los concejos urbanos. Pero ¿quiénes eran los hombres que negociaban en árabe en el mercado de Huesca a principios del siglo XV? No lo sabemos. Podría tratarse de moros de Valencia que tenían negocios en Aragón, o de mudéjares de alguna aljama rural que aún se resistían a abandonar el árabe.

El mantenimiento del árabe no impidió que los mudéjares adoptaran el romance aragonés como lengua de uso cotidiano. Lo más probable es que, en un principio, tan solo lo usaran para comunicarse con sus vecinos cristianos y con las autoridades concejiles. Pero más tarde, el romance se impondría también como lengua de uso habitual en el seno de la propia comunidad. En la segunda parte de este estudio analizaremos el empleo de la lengua romance por parte de la comunidad mudéjar de Huesca y reflexionaremos sobre los factores que condicionaron el proceso de cambio de lengua.

REFERENCIAS

- Basáñez Villaluenga 1989:** Basáñez Villaluenga, M. B. *La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV*. Barcelona: CSIC, 1989.
- Basáñez Villaluenga 1999:** Basáñez Villaluenga, M. B. *Las morerías aragonesas durante el reinado de Jaime II. Catálogo de la documentación de la Cancillería Real. Volumen I (1291 – 1310)*. Teruel: Centro de Estudios Mudéjares, 1999.
- Blasco Martínez 1993:** Blasco Martínez, A. Notarios mudéjares de Aragón (siglos XIV – XV). // *Aragón en la Edad Media*. Universidad de Zaragoza, Nº 10 – 11. Zaragoza: Departamento de Historia Medieval, Ciencias y Técnicas Historiográficas y Estudios Árabes e Islámicos, 1993, 109 – 133.
- Bosch Vilá 1957:** Bosch Vilá, J. Los documentos árabes del Archivo Catedral de Huesca. // *Revista del Instituto de Estudios Islámicos en Madrid*. Nº 5 (1 – 2), 1957. Madrid: Instituto Egipcio de Estudios Islámicos, 1 – 48.
- Carmona González 1992:** Carmona González, A. Textos jurídico-religiosos islámicos de las épocas mudéjar y morisca. // *Áreas. Revista internacional de ciencias sociales*. Murcia: Universidad de Murcia, Nº 14, 1992, 15 – 26.
- Carmona González 2012:** Carmona González, A. La traducción de textos jurídicos islámicos al español en los siglos XIV – XVI. // *Séptimo centenario de los estudios orientales en Salamanca*. A. Agud, et al., eds. Salamanca: Universidad de Salamanca, 2012, 193 – 199.
- Cervera Fras 2010:** Cervera Fras, M. J. Literatura aljamiada en la geografía aragonesa. // *Bibliografía y fuentes para el estudio de los moriscos aragoneses*. J. M. Latorre Ciria, et al. Teruel: Centro de Estudios Mudéjares, 2010, 25 – 63.
- Conte Cazcarro 1992:** Conte Cazcarro, A. *La aljama de moros de Huesca*. Huesca: Instituto de Estudios Altoaragoneses, 1992.
- Falcón Pérez 1991:** Falcón Pérez, M. I. Comercio y comerciantes en Huesca a principios del siglo XV. // *Aragón en la Edad Media*. Universidad de Zaragoza, Nº 9, Zaragoza: Departamento de Historia Medieval, Ciencias y Técnicas Historiográficas y Estudios Árabes e Islámicos, 1991, 243 – 268.
- Ferrer i Mallol 2002:** Ferrer i Mallol, M. T. Las comunidades mudéjares de la Corona de Aragón en el siglo XV: la población. // *VIII Simposio Internacional de Mudejarismo. De mudéjares a moriscos: una*

- conversión forzada*. Teruel: Instituto de Estudios Turolenses, Centro de Estudios Mudéjares, 2002, vol. 1, 27 – 153.
- García Algarra 1995:** García Algarra, A. *El Istisqa': la petición de lluvia. Un manuscrito mudéjar de la Huesca del siglo XV*. Tesis doctoral inédita. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 1995.
- Iranzo Muñío 2008:** Iranzo Muñío, M. T. *Política municipal y vida pública en Huesca. Documentos (1260 – 1527)*. Zaragoza: Universidad de Zaragoza, Instituto de Estudios Altoaragoneses, Diputación de Huesca, 2008.
- Iranzo Muñío 2023:** Iranzo Muñío, M. T. Huesca en el siglo XV: historia social y política de la ciudad al filo del Renacimiento. // *Huesca en la Edad Media, una ciudad de la Corona de Aragón: arte, sociedad, instituciones*. C. Laliena Corbera, M. J. García Arnal, coords. Huesca: Instituto de Estudios Altoaragoneses, Diputación Provincial de Huesca, 2023, 91 – 119.
- Laliena Corbera 2004:** Laliena Corbera, C. Navarra y la Corona de Aragón. // *Economía y sociedad en la España medieval*. C. Ayala Martínez, et al. Madrid: Istmo, 2004, 249 – 379.
- Ledesma Rubio 1996:** Ledesma Rubio, M. L. El urbanismo en las morerías. // *Estudios sobre los mudéjares en Aragón*. Teruel: Instituto de Estudios Turolenses, Centro de Estudios Mudéjares, 1996, 55 – 73.
- Miteva 2018:** Miteva, Y. Árabe vs. romance: la situación lingüística en la Toledo postandalusí (ss. XI – XV). I. La comunidad mozárabe. // *Научни трудове на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“*, том 56, кн. 1, сб. А. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2018, 385 – 410.
- Miteva 2025:** Miteva, Y. De la *Wasqa* andalusí a la Huesca cristiana: la conquista de la ciudad y el destino de la población autóctona. // *Литературни и езикови простори. Юбилеен сборник, посветен на доц. д-р Златороса Неделчева-Белафанте*. Р. Танчева и В. Ненкова, съст. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2025, en prensa.
- Molina Martínez, Ávila Navarro 1985:** Molina Martínez, L., M. L. Ávila Navarro. Sociedad y cultura en la Marca Superior. // *Historia de Aragón*. A. Beltrán, dir., tomo III. Zaragoza: Guara, 1985, 83 – 108.
- Navarro Espinach, Villanueva Morte 2004:** Navarro Espinach, G., C. Villanueva Morte. La población mudéjar de Aragón en el siglo XV. // *La población de Aragón en la Edad Media (siglos XIII-XV): estudios de demografía histórica*. J. A. Sesma Muñoz, C. Laliena Corbera, coords. Zaragoza: Leyere, 2004, 165 – 192.

- Navarro Espinach 2009-2010:** Navarro Espinach, G. Ciudades y villas del Reino de Aragón en el siglo XV. Proyección institucional e ideología burguesa. // *Anales de la Universidad de Alicante. Historia Medieval*, Nº 16, 2009 – 2010, 195 – 221.
- Ribera, Asín 1912:** Ribera, J., M. Asín. *Manuscritos árabes y aljamiados de la Biblioteca de la Junta. Noticia y extractos por los alumnos de la Sección Árabe, bajo la dirección de J. Ribera y M. Asín*. Madrid: Imprenta Ibérica, 1912.
- Saavedra y Moragas 1889:** Saavedra y Moragas, E. Índice general de la literatura aljamiada. // *Memorias de la Real Academia Española*. Madrid: Imprenta de Manuel Tello, tomo VI, 1889, 140 – 328.
- Salicrú i Lluch 2008:** Salicrú i Lluch, R. Mudéjares diplomáticos, mediadores y representantes de los poderes cristianos en tierras islámicas. // *Biografías mudéjares o la experiencia de ser minoría: biografías islámicas en la España cristiana*. A. Echevarría Arsuaga, coord. España: CSIC, 2008, 471 – 495.
- Sesma Muñoz, Abella Samitier 2004:** Sesma Muñoz, J. A., J. Abella Samitier. La población del Reino de Aragón según el fogaje de 1405. // *La población de Aragón en la Edad Media (siglos XIII-XV): estudios de demografía histórica*. J. A. Sesma Muñoz, C. Laliena Corbera, coords. Zaragoza: Leyere, 2004, 115 – 164.
- Sesma Muñoz 2003:** Sesma Muñoz, J. A. La población urbana en la Corona de Aragón (siglos XIV – XV). // *Las sociedades urbanas en la España Medieval. XXIX Semana de Estudios Medievales*. Pamplona: Gobierno de Navarra, 2003, 151 – 193.
- Sesma Muñoz 2004:** Sesma Muñoz, J. A. Las ciudades en Aragón y la Cataluña interior: población y flujos económicos (1150 – 1350). // *La población de Aragón en la Edad Media (siglos XIII – XV): estudios de demografía histórica*. J. A. Sesma Muñoz, C. Laliena Corbera, coords. Zaragoza: Leyere, 2004, 55 – 90.
- Terés Sádaba 1975:** Terés Sádaba, E. *Los manuscritos árabes de la Real Academia de la Historia: la “Colección Gayangos”*. Madrid: RAH, 1975.
- Utrilla Utrilla, Esco Sampériz 1986:** Utrilla Utrilla, J. F., J. C. Esco Sampériz. La población mudéjar en la Hoya de Huesca (siglos XII y XIII). // *III Simposio Internacional de Mudejarismo*. Teruel: Instituto de Estudios Turolenses, 1986, 187 – 208.
- Utrilla Utrilla 2004:** Utrilla Utrilla, J. F. El monedaje de Huesca de 1284 (contribución al estudio de la ciudad y de sus habitantes). // *La población de Aragón en la Edad Media (siglos XIII-XV): estudios de*

demografía histórica. J. A. Sesma Muñoz, C. Laliena Corbera, coords. Zaragoza: Leyere, 2004, 281 – 348.

Viguera Molins 1987-1988: Viguera Molins, M. J. Documentos mudéjares aragoneses. // *Quaderni di Studi Arabi*. Venecia: Venecia: Istituto per l'Oriente C. A. Nallino, № 5 – 6, 1987 – 1988, 786 – 790.

**ФУТБОЛКА С ХАРАКТЕРОМ:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
НЕМЕЦКИХ НАДПИСЕЙ НА ОДЕЖДЕ¹**

Боряна Тенчева
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

**A T-SHIRT WITH CHARACTER: COMMUNICATIVE
AND PRAGMATIC ASPECTS OF GERMAN INSCRIPTIONS
ON CLOTHING**

Boryana Tencheva
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

btencheva@uni-plovdiv.bg

The article is dedicated to the communicative and pragmatic aspects of selected ironic German inscriptions on T-shirts. Since the perception of reality and the sense of humor are subjective, an attempt is made to clearly distinguish the different forms of ironic statements based on a set of differential features, according to which the examples are classified using a three-level scale. In the analyzed cases, irony most often serves attractive, axiological, and manipulative functions. The analysis of the illustrative material confirms the scientific assumption that German inscriptions on T-shirts can structure cultural patterns of thinking and formulate recurring behavioral models.

Key words: irony, sarcasm, Theory of Humor, behavioral patterns, communicative and pragmatic aspects, dark humor, German inscriptions, expressiveness

¹ Это исследование профинансировано Европейским союзом – NextGenerationEU, через Национальный план восстановления и устойчивого развития Республики Болгария, проект ДУЕКОС BG-RRP-2.004-0001-C01 (ДУЕКОС D24-FIF-005).

Нынешние поколения жаждут популярности, достижение которой приравнивается продвижению в социальной иерархии. Среди наиболее успешных способов вербализации жизненного кредо личности и функциональных инструментов косвенного воздействия можно выделить иронию. Материалом для исследования послужили более 200 немецких надписей на футболках². Рабочая гипотеза основывается на утверждении, что ироничный, в частности, саркастический характер немецких принтов на футболках используется как вербальный инструмент для социального и когнитивного моделирования определённых культурных стереотипов с конкретной коммуникативно-прагматической целью (напр. привлечения внимания, самоутверждения, эмоционального воздействия, выражения оценки, мнения и/или субъективного отношения и др.). Вербальная ирония реализуется через обыгрывание³ разных языковых средств в рамках одного высказывания. Результаты анализа выявляют основные тенденции в использовании иронии в немецких надписях на одежде. Поскольку восприятие действительности и чувство юмора субъективны, предпринята попытка чётко разграничить различные формы иронии на основе дифференциальных признаков.

Прежде чем обозначить теоретические рамки исследования, необходимо подчеркнуть, что в последние годы всё больший интерес вызывают футболки с юмористическими надписями. Пользователи не только не стесняются заявлять о своей жизненной позиции, но современные технологии предоставляют им тоже возможность самостоятельно создавать смысловое содержание. Многие сайты, предлагающие одежду с принтом, позволяют клиентам выбрать не только фасон, цвет и графическое оформление надписи, но также сочинить сам текст. Если в конце прошлого века разнообразие надписей ограничивалось брендами и слоганами с рекламной целью или с целью продвижения продукта/услуги на рынке, и принты на футболках являлись частью имиджевой кампании, то в настоящее время наблюдается чётко выраженное расширение коммуникативно-прагматического потенциала «лозунгов» на повседневной одежде. Среди множества возможных

² Перевод всех надписей и цитат на русский язык наш, если не указано иное (Б.Т.).

³ Структурно-семантический анализ иронии через призму языковой игры, где «игра – это сочетание определённого количества элементов по определённым правилам» (Димитрова 2010: 18), является предметом исследования в наших будущих разработках.

функций любого текста перечислим здесь некоторые из основных⁴: *аттрактивной, манипулятивной и аксиологической*.

Как многогранное и широкоохватное языковое явление, ирония предполагает различные исследовательские подходы, включая философский, литературоведческий, лингвистический, лингвокультурологический, когнитивный, коммуникативно-прагматический и т.д. В русле философии, литературоведения и стилистики ирония тщательно изучена (сравн. взгляды Сократа, Аристотеля, И. Канта, А. Шопенгауэра, Э. Роттердамского, М. Бахтина, Фр. Шлегеля, Г. Гегеля, Э. Г. Ризеля, Е. И. Шендельса, В. М. Пивоева и др.). Именно её сложная суть является предпосылкой для нечётко очерченных границ при дефиниции понятия. Настоящее исследование не ставит своей целью описание терминологических противоречий и окончательное разрешение спорных положений.

В Словаре лингвистических терминов ирония описывается следующим образом: «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» (Ахманова 2004: 185). В современной стилистике рассматривается коррелятивная связь между иронией и сарказмом, при этом под сарказмом понимается «очень резкая и язвительная насмешка, высшая степень иронии» (ЛЯСИЭ 2006: URL). В научных исследованиях широко распространена точка зрения, согласно которой сарказм рассматривается как подвид иронии (Костыгова 2013: 102), наряду с парадоксом, гротеском, пародией и т.д. Согласно В. М. Ломоносову, ирония является риторическим тропом, а к её подвидам относятся сарказм⁵, хариентизм⁶ и астеизм⁷ (Ломоносов 1952: 256 – 257). С другой стороны, «[и]рония и сарказм традиционно рассматриваются как особого рода стилистический троп, именуемый антифразисом» (Билецька 2016: 29). Интересна констатация германистов Э. Г. Ризеля и Е. И. Шендельса, которые связывают негативную сему высказывания с иронией и презрением: «Вследствие негативной оценочной семы возникают различные нюансы стилистической экспрессивности, такие как ирония, насмешка, презрение, пренебрежение, снисходительность,

⁴ См. виды функции текста согласно М. Н. Никоновой (Никонова 2008).

⁵ «Сарказм, то есть ирония в повелительном наклонении» (Ломоносов 1952: 257).

⁶ «Хариентизм есть когда указывают на что-нибудь странное, смешное или непристойное» (там же).

⁷ «Астеизмом называют некоторую учтивую насмешку» (там же).

грубость; положительная оценочная сема пробуждает такие эмоциональные оттенки, как нежность, доверительность, сочувствие, торжественность и тому подобные» (Ризель, Шендельс 1975: 110). Вслед за учёными М. В. Ломоносовым и А. Ф. Лосевым, мы рассматриваем сарказм как специфическую разновидность иронии, т.е. «иронизирование с некоторым издевательством» (Лосев 1966: 73).

Ирония традиционно воспринимается как часть парадигмы *комического*, одно из важных стилистических средств юмора и сатиры. Согласно *Теории смешного* немецкого философа А. Шопенгауэра, «[с]мех всегда возникает из неожиданного осознания несовпадения между известным понятием и реальными объектами, которые в каком-либо отношении мыслились в этом понятии, и сам представляет собой лишь выражение этого несовпадения» (Шопенгауэр 2020: 124 – 125). Смех возникает из-за парадоксального несоответствия между мыслью и образом. Согласно А. Шопенгауэру, источник смешного – это неожиданное подведение предмета под гетерогенное понятие. В зависимости от отсутствия/наличия преднамеренности смех делится на остроту или глупость (там же: 125 – 129). Принимая во внимание специфику объекта исследования, а именно тот факт, что люди тщательно и осознанно подбирают свою повседневную одежду, особенно футболки с надписями, можно утверждать, что шуточные надписи на них являются проявлением иронии (Рис. 1: нем. *Ich spreche fließend ironisch, und das sogar mit sarkastischem Akzent*/рус. *Я свободно говорю на языке иронии – и даже с саркастическим акцентом*), которая зачастую может быть охарактеризована как открытый сарказм (Рис. 2: нем. *Einer von uns ist klüger als du*/рус. *Один из нас умнее тебя*).

Рис. 1

Рис. 2

Мы полностью согласны с утверждением Е. Милановой и М. Макевича, что «[в]ыбор одежды является способом самовыражения и указывает на личностные характеристики человека, на его мировоззрение и принадлежность к определенному социокультурному кругу» (Миланова, Макевич 2024: 213).

Поскольку восприятие действительности имеет субъективный характер (Рис. 3: нем. *Ich bin nett. Du empfindest das nur anders*/рус. *Я милый. Просто ты воспринимаешь это по-другому*), иногда нелегко определить границу между иронией и сарказмом. Прежде чем перейти к рассмотрению коммуникативно-прагматических аспектов немецких надписей на одежде, нужно разграничить данные феномены следующим образом: это субъективно-оценочные суждения антропоцентрического характера, отражающие морально-этические ценности данного общества и требующие высокой степени интеллекта и сильно развитого чувства юмора как от отправителя сообщения, так и от получателя. Разница между иронией/самоиронией и сарказмом выражается в степени резкости, направленности негативной оценки и в коммуникативно-прагматической цели. Если в принципе ирония может быть направлена на жизненную ситуацию или на адресата сообщения, а также на адресанта (самоирония) и служит для смягчения критики, то сарказм всегда связан с ярко выраженной язвительностью и представляет собой неприкрытое, жесткое и агрессивное осуждение с целью дискредитации адресата. В настоящем исследовании понятие **иронии** рассматривается как родовое, а отобранный материал можно разделить на три основные группы: 1) сдержанная ирония, 2) утончённая самоирония и 3) разрушительный сарказм.

Рис. 3

1. Сдержанная ирония

В парадигме комического результаты исследования позволяют с уверенностью утверждать, что в функциональном аспекте ироничных высказываний, размещённых на футболках, доминирует функция привлечения внимания (**аттрактивная функция**). Совершенно очевидно, что в рассмотренных ниже примерах сдержанной иронии эту роль выполняют позитивные утверждения в первой части фраз, например: *Ich bin der Chef* <...>; *Perfekt vorbereitet für die Mathe-Klausur* <...>, или

сама формулировка имеет утвердительный характер, но экстралингвистические факторы в виде графических элементов или предварительных знаний о языковых и культурных установках языковой личности⁸ помогают расшифровать послание как насмешливое и двусмысленное, сравн. *Arbeit ist der schönste Ort der Welt; Ich liebe Montagmorgen*.

- a) нем. *Ich bin der Chef. Zumindest solange meine Frau nicht hier ist* (рус. *Я шеф. По крайней мере, пока моей жены нет*);
- b) нем. *Ich liebe Montagmorgen* (рус. *Я обожаю утро понедельника.*);
- c) нем. *Perfekt vorbereitet für die Mathe-Klausur – nicht* (рус. *Отлично подготовился к экзамену по математике... нет!*);
- d) нем. *Sport ist Mord. Deshalb bleib ich am Leben* (рус. *Спорт – это убийство. Поэтому я остаюсь в живых*);
- e) нем. *Arbeit ist der schönste Ort der Welt!* (рус. *Работа – самое прекрасное место в мире!*) и др.

Особый интерес вызывает пример *Ich bin nicht Ed Sheeran*, который предоставляет реципиенту возможность свободной интерпретации: *<К сожалению/счастью,> я не Эд Ширан*. Это высказывание иллюстрирует механизм того, как использование иронии ведёт к сокращению коммуникативной дистанции. Коллективный смех укрепляет связи между людьми и способствует фиксации групповой принадлежности.

2. Утончённая самоирония

По сравнению со сдержанной иронией, проявление утончённой самоиронии служит средством самоутверждения. Высмеиваются основные личностные характеристики, такие как лень, неухоженный внешний вид, отсутствие отличного самочувствия, поведенческий стереотип и т.д. Несмотря на то, что в вербальной мозаике негативная часть должна бы «очернить» адресанта за счёт абсурдного сочетания двух по своей сути несовместимых вербальных или невербальных понятий (например, лень – энергосбережение, фитнес – спящее животное (визуализация), кошка – хозяйка и др.), высказывание оказывает эмоциональное воздействие и усиливает положительную коннотацию утверждения (**манипулятивная функция**).

- f) нем. *Ich schlafe nicht, ich spare Energie* (рус. *Я не сплю, я экономлю энергию, см. Рис. 4*);

⁸ Понятие *языковая личность* толкуется согласно Ю. Н. Караулову (Караулов 2010).

- g) нем. *Ich bin nicht faul, sondern im Energiesparmodus* (рус. Я не ленивый, я просто в режиме энергосбережения, см. Рис. 5);

Рис. 4

Рис. 5

- h) нем. *Vorsicht vor dem Frauchen. Die Katze ist harmlos* (рус. Осторожно с хозяйкой. Кошка безобидна, см. Рис. 6);
i) нем. *Ich bin nicht alt, ich bin fortgeschritten attraktiv* (рус. Я не старый, я продвинутый в привлекательности, см. Рис. 7);

Рис. 6

Рис. 7

- j) нем. *Fitness-Profi. Bitte nicht stören!* (рус. Профессионал по фитнесу. Пожалуйста, не беспокоить!);
k) нем. *Morgens bin ich motiviert. Nur halt nicht direkt nach dem Aufstehen* (рус. По утрам я мотивирован. Ну, кроме сразу после пробуждения);
l) нем. *Besser fett als hässlich* (рус. Лучше быть полным, чем некрасивым);
m) нем. *Ich atme. Produktiver wird es heute nicht mehr* (рус. Я дышу. Сегодня продуктивнее уже не будет) и др.

3. Разрушительный сарказм

В приведённых примерах сарказм связан с выражением оценки, мнения и/или субъективного отношения (**аксиологическая функция**). Как было упомянуто в начале настоящего исследования, его цель – подчеркнуть превосходство говорящего, поставив под сомнение авторитет и значимость отдельной личности. Бросается в глаза тот факт, что нередко адресант воспринимает сам себя как высшую силу, что даёт ему право распоряжаться жизнью окружающих (см. примеры n – r).

- n) нем. *Ich mag Menschen (unter Vollnarkose)* (рус. *Я люблю людей (под полной анестезией)*);
- o) нем. *Du denkst, ich bin lieb und nett? Böser Fehler!* (рус. *Ты думаешь, я милый и добрый? Большая ошибка!*);
- p) нем. *So viele Idioten und nur eine Sense* (рус. *Столько идиотов и всего одна коса*, Рис. 8);
- q) нем. *Du bist lustig. Dich töte ich zuletzt* (рус. *Ты смешной. Тебя я убью последним*, Рис. 9);
- r) нем. *Elektriker. Sei lieber nett zu mir, ich könnte es wie einen Unfall aussehen lassen* (рус. *Электрик. Лучше будь ко мне добр, я могу сделать так, чтобы это выглядело как несчастный случай*).

Рис. 8

Рис. 9

Подрыв авторитета и обесценивание оппонента представлены в следующих двух примерах (см. s – t). В дополнение можно предположить, что подобные высказывания характеризуют личностей с приоритетом на собственное эго, не проявляющих эмпатию. В «живом общении» такие фразы сигнализировали бы о пассивной агрессии (см. t – u). Однако, будучи напечатанными на футболке, они воспринимаются как

проявление комичного и классифицируются как безобидные шутки из разряда чёрного юмора.

- s) нем. *Ich diskutiere nicht. Ich erkläre, warum ich Recht habe* (рус. *Я не спорю. Я просто объясняю, почему я прав*);
- t) нем. *Ich beobachte euch alle und mache mir Notizen...* (рус. *Я за вами наблюдаю и делаю заметки...*);
- u) нем. *Guck mich an. Guck dich an. Ganz anderes Level* (рус. *Посмотри на меня. Посмотри на себя. Совсем другой уровень*);
- v) нем. *Ich möchte heute was mit Menschen machen! Schubsen wäre toll!* (рус. *Сегодня мне хочется чем-то заняться с людьми! Толкать было бы отлично!*).

Таблица 1. Обобщение типов ИРОНИИ
на основе лингвистических и экстралингвистических критериев

Критерий	Сдержанная ирония	Утончённая самоирония	Разрушительный сарказм
Направленность негативной оценки	на жизненную ситуацию	на адресанта	на адресата
Степень резкости	умеренная	умеренная	агрессивная
Коммуникативно-прагматическая цель высказываний	аттрактивная функция → привлечение внимания	манипулятивная функция → самоутверждение	аксиологическая функция → превосходство
Языковые средства	прежде всего нейтральная лексика	чаще всего негация, антонимы, эвфемизмы	чаще всего негативная семантика (семантическое поле: опасность, негативность, смерть и т.д.), оценочная, грубая или табуированная лексика

Определив на основе проанализированных примеров дифференциальные признаки трёх разновидностей ироничных высказываний (см. Табл. 1), можно сделать несколько обобщенных выводов о коммуникативно-прагматических аспектах немецких надписей на одежде:

- Коммуникативно-прагматический потенциал ироничного принта на повседневной одежде можно представить в виде трёхмерной шкалы: 1) сдержанная ирония, 2) утончённая самоирония, 3) разрушительный сарказм. Вербально-визуальный синкретизм является предпосылкой для реализации аттрактивной, аксиологической и манипулятивной функций.
- Собранный корпус подтвердил научное предположение о том, что немецкие надписи на футболках могут структурировать культурные шаблоны мышления и сформулировать повторяющиеся поведенческие паттерны.
- Лингвокогнитивные связи между преднамеренной провокацией и возможными реакциями адресатов, которые в определённой степени являются произвольными, позволяют отследить оседающие в сознании предрассудки, стереотипы и ценностные установки, касающиеся основных личностных характеристик и социальной иерархии.
- Повседневная жизнь и социальные взаимодействия немыслимы без иронии во всех её проявлениях. Нет сомнений, что она – приправа любого юмора, помогающая разрядить напряжённость в общении, является идеальным лекарством от негативного настроения в соответствии с Теорией смешного, предоставляя альтернативную точку зрения на вербализованную ситуацию через критику или выражение позиции и усиливая экспрессивность высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова 2004:** Ахманова, О. С. *Словарь лингвистических терминов*. [Ahmanova, O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov.] Москва: Едиториал УРСС, 2004.
- Билецька 2016:** Білецька, О. О. Іронія як феномен культури (на прикладі британської літератури). [Bilets'ka, O. O. Ironiya yak fenomen kul'turi (na prikladi britans'koj literaturi).] // *Культура і мистецтво у сучасному світі*, Вип. 17, 2016, 25 – 34. <https://www.researchgate.net/publication/331503794_IRONIA_AK_

FENOMEN_KULTURI_na_prikлади_britanskoi_literaturi/fulltext/5c7de786a6fdcc4715af7fe5/IRONIA-AK-FENOMEN-KULTURI-na-prikлади-britanskoi-literaturi.pdf> (2.03.2025).

Димитрова 2010: Димитрова, Ст. Езиковата демагогия и езиковата лъжа като разновидности на езиковите игри. [Dimitrova, St. Ezikovata demagogiya i ezikovata lazha kato raznovidnosti na ezikovite igri.] // *Проблеми на устната комуникация*. Книга осма. Велико Търново: Университетско издателство „Св. Св. Кирил и Методий“, 2010, 15 – 21. <<http://journals.uni-vt.bg/poc/eng/vol8/iss1/art5>> (2.03.2025).

Караулов 2010: Караулов, Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. [Karaulov, Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'.] Москва: Издательство ЛКИ, 2010.

Костыгова 2013: Костыгова, А. С. Лингвопрагматические и стилистические особенности высказываний с саркастическим смыслом. [Kostygova, A. S. Lingvopragsmaticheskie i stilisticheskie osobennosti vyskazyvanij s sarkasticheskim smyslom.] // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. Выпуск 160, 2013, 101 – 107, <<https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragsmaticheskie-i-stilisticheskie-osobennosti-vyskazyvaniy-s-sarkasticheskim-smyslom>> (8.03.2025).

Ломоносов 1952: Ломоносов, М. В. *Полн. собр. соч.*, т. 7. [Lomonosov, M. V. Poln. sobr. soch., t. 7.] М.; Л., 1952. Т. 7.

Лосев 1966: Лосев, А. Ф. Ирония античная и романтическая. [Losev, A. F. Ironiya antichnaya i romanticheskaya.] // *Эстетика и искусство*. М., 1966, 54 – 84.

ЛЯСИЭ 2006: *Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия*. [Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrirovannaya ehntsiklopediya.] М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина, А. П. 2006. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4167/%D0%A1%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BC> (8.03.2025).

Миланова, Макевич 2024: Миланова, Е., Макевич, М. Прецедентные феномены на одежде как способ саморепрезентации в обществе. [Milanova, E., Makevich, M. Pretsedentnye fenomeny na odezhde kak sposob samoreprezentatsii v obshhestve.] // *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации (сборник научни статии)*, Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2024, 213 – 233.

Никонова 2008: Никонова, М. Н. *Теория текста: учеб. пособие*. [Nikonova, M. N. Teoriya teksta: ucheb. posobie.] Омск: Изд-во ОмГТУ, 2008.

Пивоев 2000: Пивоев, В. М. Ирония как феномен культуры. [Pivoev, V. M. Ironiya kak fenomen kul'tury.] Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000.

Ризель, Шендельс 1975: Riesel, E., Schendels, E. Deutsche Stilistik. Москва: Высшая школа, 1975.

Шопенгауэр 2020: Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. [Schopenhauer, A. Mir kak volya i predstavlenie.] Перевод с немецкого Ю. Айхенвальда. Москва: Издательство АСТ, 2020.

ЗА СИТУАТИВНИТЕ ИЗРАЗИ В ТУРСКИЯ ЕЗИК И ТЕХНИЯ ПРЕВОД НА БЪЛГАРСКИ¹

Харун Бекир
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

ON SITUATIONAL EXPRESSIONS IN TURKISH AND THEIR TRANSLATION INTO BULGARIAN

Harun Bekir
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

h_bekir@uni-plovdiv.bg

The study examines the role of situational expressions in Turkish, focusing on their linguistic and cultural characteristics and the challenges of translating them into Bulgarian. These expressions, deeply rooted in social norms and traditions, reflect politeness, cultural practices, and emotional contexts. The research highlights the significance of context in accurately conveying meaning and cultural nuances during translation. By analyzing examples and translation strategies, the study emphasizes the importance of balancing literal and adaptive approaches to preserve cultural authenticity and ensure effective intercultural communication. This work contributes to understanding the complexities of language and culture in translation.

Key words: Situational expressions, Cultural adaptation, Translation strategies

1. Увод

Всяко общество използва в определени моменти и ситуации характерни за своята култура изрази, тясно свързани с конкретните условия, контекста и комуникативните обстоятелства, в които са приложими. Тези езикови единици се разглеждат като част от теорията на

¹ Това изследване е финансирано от Европейския съюз – NextGenerationEU, чрез Националния план за възстановяване и устойчиво развитие на Република България, проект ДУЕКОС BG-RRP-2.004-0001-C01 (ДУЕКОС D24-FIF-005).

речевите актове, развита през 50-те години на миналия век от философи като Остин и Сърл. Според тази теория всяка езикова комуникация представлява не само изразяване на думи, но и извършване на действия чрез езика. Например, когато човек казва „здравей“ на друг човек, освен че осъществява комуникация, той извършва и социален акт на поздрав (Остин 1970, 2007: 15). Тази концепция подчертава, че езикът не е само средство за предаване на информация, а инструмент за социално взаимодействие и създаване на взаимоотношения. В езикознанието за обозначаването на тези изрази често се използват термини като „клише“ или „шаблон“.

Клишетата и шаблоните представляват езикови феномени, които играят важна роля в комуникацията, въпреки че често се възприемат като признак на баналност или липса на оригиналност. Клишетото се определя като „израз, който е загубил своята свежест и сила поради прекомерната си употреба“ (Кристъл 2008). В езиково отношение клишетата изпълняват важна функция, като предлагат лесен и предсказуем начин за изразяване на идеи, който е разбираем и приемлив за широк кръг от хора. В същото време прекомерната употреба на клишета може да доведе до отслабване на комуникативната стойност на езика, тъй като тези изрази губят своята способност да предават нови или оригинални значения (Барт 1977).

Шаблоните в езика, от друга страна, представляват повтарящи се структури, които улесняват генерирането на текстове и улесняват разбирането им. Според Дж. Кац (1995) шаблоните могат да бъдат разглеждани като „структурни форми, които поддържат комуникацията стабилна и ефективна, но също така могат да водят до стереотипизация“ (Кац 1995: 63). В научните изследвания на езика шаблоните се разглеждат като неизменна част от речевите практики, които осигуряват когнитивна икономия и подпомагат бързото възприемане на информацията (Лейкоф 1987). Въпреки тези положителни аспекти шаблоните могат да ограничат креативността и да стеснят спектъра на възможните интерпретации.

В статията си, базирана на изследвания от руската лингвистика и други международни източници, Б. Дикова разглежда дефинициите и различията между шаблоните и клишетата в езиковата и речевата практика. Основната цел на изследването е да се направи ясно разграничение между двата термина и да се подчертае необходимостта от точното им разделение (Дикова 2020). Клишетата се разглеждат като готови, устойчиви езикови единици, които улесняват комуникацията, като спестяват когнитивни и речеви усилия. Шаблоните, от друга страна, са

изрази с избледняла семантика и експресивност, чиято прекомерна употреба води до негативен стилистичен и смислов ефект. Б. Дикова акцентира върху значението на разграничаването на тези термини, тъй като те имат различна роля в езика – клишетата често са неутрални и полезни, докато шаблоните се свързват с излишък и неефективност в комуникацията.

В настоящата статия под „ситуативен израз“ ние разбираме дума, устойчиво словосъчетание или кратко изказване, което се използва в конкретен контекст или ситуация, за да изрази социално прието отношение, емоция или реакция. Тези изрази често са културно обусловени и носят значението, което е разпознаваемо и разбираемо за носителите на даден език. Ситуативните изрази могат да бъдат поздравии, пожелания, изрази на съболезнование, благодарност или други социално регулирани комуникационни формули. Ситуативните изрази често са стереотипизирани и имат фиксиран характер, но могат да се адаптират в зависимост от контекста и културните норми.

Предпочитанието по отношение на термина „ситуативен израз“ пред „клише“, „шаблон“ или „клиширана фраза“ в настоящата статия може да бъде обосновано от няколко важни аспекта. Първо, терминът „ситуативен израз“ е по-обширен и обхваща разнообразие от фрази, които са специфични за определени контексти, без да ограничава анализа до изрази, които вече са загубили своята свежест. Това дава възможност да се включат не само клишета, но и оригинални конструкции, които играят важна роля в ежедневната комуникация.

Освен това употребата на термина „клише“ в повечето случаи носи негативна конотация, свързана с изтърканост и липса на креативност, което може да доведе до предразсъдъци в оценката на комуникацията. В контекста на „ситуативен израз“ обаче можем да говорим по-обективно за употребата на фрази, без да натоварваме анализа с отрицателни нагласи. Ситуативните изрази често улесняват комуникацията, позволявайки на говорещите да предадат бързо и ефективно своите идеи и чувства.

Важно е да се отбележи, че тези изрази могат да отразяват специфични културни или социални контексти, което добавя дълбочина и нюансираност в комуникацията. Използването на термин, който включва този аспект, е особено важно за адекватното разбиране на езиковото явление и неговата роля в различни ситуации. Освен това терминът „ситуативен израз“ ни позволява да избегнем стереотипизацията на изразите, признавайки, че много от тях могат да бъдат ефективни и значими дори ако не са нови или оригинални. Смятаме, че терминът

„ситуативен израз“ предоставя по-добра основа за анализ и разбиране на езиковите явления, като същевременно подчертава тяхната роля и значимост в комуникацията.

Тази статия изследва значението на ситуативните изрази в турския език, като акцентира върху техните лингвистични и културни особености. Чрез анализ на конкретни примери и проучване на преводаческите методи тя цели да подчертае важноста на тези изрази в интеркултурната комуникация и да предложи ефективни решения за тяхното предаване на български език.

Основните задачи включват изследване на лингвистичните и културните характеристики на ситуативните изрази и тяхната роля в различни контексти, идентифициране на културно специфични елементи и изследване на социалните роли, свързани с тяхната употреба. Освен това статията анализира предизвикателствата при превод, включително трудностите, възникващи при липса на точни еквиваленти в българския език, предлага преводачески стратегии за запазване на културния контекст и адаптиране на преводите и оценява ролята на тези изрази в интеркултурната комуникация и тяхното въздействие върху отношенията между носителите на двата езика. Целта е да се задълбочи разбирането на тези изрази и тяхното предаване, като се преодоляват културните и езиковите бариери.

2. Ситуативни изрази в турския език – дефиниция и характеристики

Ситуативните изрази, известни като „kalıp sözler“ или „ilişki sözler“ в турския език, са установени езикови конструкции, използвани в определени комуникационни ситуации за изразяване на социални и културни значения. Те имат фиксирана форма и функция, служейки като връзка между езиковите структури и социалното поведение. Тези изрази са с решаващо значение за поддържането на учтивостта, междуличностната динамика и културните норми.

Проблемът за дефинирането на ситуативните изрази в турския език е свързан с тяхната функция и роля в комуникацията, както и с ограничената им употреба в специфични социални контексти. Според Гьокдайъ тези изрази представляват готови езикови структури, които се запаметяват и възпроизвеждат без промени, като улесняват комуникацията в точно определени ситуации (Гьокдайъ 2008: 106). Други изследователи, като Д. Аксан и К. Имер, А. Коджаман и А. Йозсой, подчертават, че ситуативните изрази не само изпълняват лингвистична

функция, но са и културни феномени, които отразяват социалните норми, традиции и ритуали. Според тях ситуативните изрази са важен инструмент за поддържане на социалните отношения и културните взаимодействия (Аксан 2006: 34, Имер, Коджаман и Йозсой 2011: 165). Освен това тяхната формализация и предсказуемост ги правят ключов компонент на традиционната комуникация, но същевременно ограничават тяхната иновативност. Изрази като тези предават не само информация, но и социални и културни стойности, които често са свързани с религиозни и емоционални аспекти на турската култура. Изследванията показват, че ситуативните изрази играят важна роля в социалната комуникация, като същевременно поддържат културните норми и допринасят за успешната интеркултурна комуникация.

3. Класификация и функция на ситуативните изрази в турския език

Класификацията на ситуативните изрази в турския език може да се извърши въз основа на различни критерии, като социални функции, контекст на употреба и степен на формалност. Поздравителните изрази като „*Merhaba*“ (Здравей), „*İyi akşamlar*“ (Добър вечер) и „*Güle güle*“ (Довиждане) служат за установяване на контакт или при раздяла на събеседниците. Изразите на благодарност като „*Teşekkür ederim*“ (Благодаря), „*Sağ ol*“ (Благодаря, неформално), „*Çok zahmet oldu*“ (Благодаря за усилията), „*Çok zahmet ettiniz*“ (Благодаря ви за усилията), „*Eksik olmayın*“ (Да сте живи и здрави), „*Allah senden (sizden) razı olsun*“ (Бог да те/ви благослови), „*Allah ne muradın varsa versin*“ (Нека Бог ти даде каквото желаеш) са често срещани в ежедневни ситуации за изразяване на признателност. Извинителните изрази като „*Özür dilerim*“ (Извинявам се) и „*Kusura bakma*“ (Прости ми) служат за изразяване на съжаление или извинение в различни ситуации. В отговор на тях изразът „*Estağfurullah*“ подчертава, че не е необходимо да се преувеличава нещо. Изразите за поздравяване при специални случаи като „*Tebrik ederim*“ (Поздравявам) и „*İyi bayramlar*“ (Весели празници), „*Bayramınız mübarek olsun*“ (Честит празник) са използвани при успехи, празници или важни събития. Съболезнователните изрази като „*Başınız sağ olsun*“ (Моите съболезнования) изразяват уважение и съчувствие към скръбта на другите.

Класификацията според контекста на употреба включва формални и неформални изрази. Формалните изрази като „*Efendim*“ (Господине/Госпожо) и „*Saygılar*“ (С уважение), „*Buyurun*“ (Заповядайте)

подчертават уважението и социалната дистанция, докато неформалните изрази като „*Nasılsın?*“ (Как си?) и „*Sağ ol*“ (Благодаря) се използват в по-близки или приятелски отношения. Разделението според степенята на формалност допълнително включва изрази на уважение като „*Hoş geldiniz*“ (Добре дошли, формално), използвани при по-официални събития, както и неформални и приятелски изрази като „*Hoş geldin*“ (Добре дошъл, неформално) и „*Ne haber?*“ (Какво става?), „*Ne var ne yok*“ (Какви са новините, как са нещата?) при комуникация с близки и приятели.

Ситуативните изрази в турския език могат да се разграничат и по емоционално съдържание. Изрази на радост и щастие като „*Harika!*“ (Чудесно!) и „*Çok sevindim!*“ (Много се радвам!), „*Ne mutlu sana*“ (в значение на „колко си щастлив“ за изразяване на радост и възхищение от успеха или щастieto на друг човек) са често срещани в позитивни ситуации, докато изрази на съжаление и тъга като „*Üzgünüm*“ (Съжалявам), „*Maalesef*“ (За съжаление) и „*Başınız sağ olsun*“ (Моите съболезнования) се използват при негативни емоционални преживявания. Изразите на изненада или удивление като „*Vay!*“ (Еле!) и „*Gerçekten mi?*“ (Нима?), „*Hayret!*“ (Не е за вярване!), „*İnanmıyorum!*“ (Не мога да повярвам!), „*Nasıl yani?*“ (Как така?), „*Vay canına!*“ (Направо невероятно!) също предават емоционална реакция на неочаквани събития.

По честота на употреба ситуативните изрази могат да бъдат разделени на често използвани, като „*Teşekkür ederim*“ (Благодаря) и „*Merhaba*“ (Здравей), които са част от ежедневната комуникация, и редки или специфични изрази, като „*Allah analı babalı büyütsün*“ (Да расте здраво и под грижите на родителите си), използван при по-специални случаи като раждане на дете.

Анализът на тези езикови единици показва, че ситуативните изрази в турския език са тясно свързани с културния и социалния контекст на комуникацията и отразяват различни аспекти на социалните роли, формалността на ситуациите и междуличностните отношения. Преводът на тези изрази на български език изисква разбиране както на езиковите, така и на културните норми, които те предават.

Функцията на ситуативните изрази в ежедневната комуникация на турски е многостранна и те играят ключова роля в поддържането на социалната хармония, междуличностната динамика и културното взаимодействие. Основните функции на ситуативните изрази включват изразяване на учтивост и уважение, като учтивостта е основен аспект на турската култура. Често те служат за поддържане на добрия тон и социалната хармония, например изрази като „*Efendim*“ (Госпо-

дине/Госпожо), „*Teşekkür ederim*“ (Благодаря) и „*Buyurun*“ (Заповядайте) отразяват дълбокото уважение към събеседника, а изразите в различни социални ситуации, формални и неформални, са начин да се покаже почит към възрастта, социалния статус или професионалната роля на другите.

Ситуативните изрази улесняват социалното взаимодействие и служат като социални инструменти за инициране, поддържане или завършване на комуникацията, правейки я по-гладка и ефективна. Например изразите, които обикновено се използват при раздяла или при оттегляне от разговор или място, включват „*Allaha ısmarladık*“ (Бог да те/ви пази). Този израз се използва, когато някой се сбогува с друг човек, пожелавайки му закрила и безопасност под Божието покровителство, и е традиционен начин за раздяла в турската култура. Други изрази, които също се използват, са „*Hoşça kalın*“ (Довиждане; Оставете със здраве), „*İzninizle*“ (С ваше позволение), „*Bana müsaade*“ (Моля за разрешение; Извинете ме), „*Sağlıcakla kalın*“ (Останете със здраве), а през последните години под влияние на английския език и „*Görüşürüz*“ (Ще се видим; До скоро).

На човека, който си тръгва, обикновено се казва „*Güle güle*“ (Довиждане), „*Allah selamet versin*“ (Бог да те пази), „*Uğurlar olsun*“ (На добър път Успех!), „*Hayırlı yolculuklar*“/, „*İyi yolculuklar*“ (Приятно пътуване; леко и безопасно пътуване), „*Selametle*“ (Бъди/върви в мир) и „*Yolunuz açık olsun*“ (На добър час!).

Чрез ситуативни изрази хората могат да изразяват емоции като благодарност, съжаление, радост или съчувствие, например „*Çok teşekkür ederim*“ (Много благодаря), „*Üzgünüm*“ (Съжалявам) и „*Geçmiş olsun*“ (Бързо оздравяване), като тези изрази помагат за предаване на емоционалното послание на взаимодействието, укрепвайки връзките между участниците в разговора. Освен това много от ситуативните изрази в турския език са свързани с културни и религиозни традиции, като поздравленията „*İyi bayramlar*“ (Весели празници) и съболезнаванията „*Başınız sağ olsun*“ (Моите съболезнавания) не само изразяват социална връзка, но и отразяват дълбоки културни ценности, докато вежливите изрази, например „*Allah razı olsun*“ (Бог да ви благослови), подчертават значимостта на религията и морала в ежедневната комуникация.

Ситуативните изрази играят роля и в определянето и поддържането на социалните йерархии, показвайки уважение и дистанция или близост в зависимост от ролята и статуса на събеседниците, като формалните изрази се използват при общуване с възрастни и началници, а

неформалните – между близки приятели и роднини. Важно е, че в турската култура се дава висока стойност на хармонията и избягването на конфликти, което прави ситуативните изрази като „*Kusura bakmayın*“ (Извинете ме) и „*Özür dilerim*“ (Извинявам се) често използвани за избягване или сваляне на напрежение в комуникацията. Същевременно в турската култура често се прибегва до непряко общуване, където ситуативните изрази могат да предават значения, които не са изрично казани, например изразът „*Bakarız*“ (Ще видим) може да служи като непряк отказ или начин да се избегне категоричен отговор.

4. Предизвикателства при превод на ситуативните изрази на български

Предизвикателствата при превода на ситуативните изрази от турски на български език са сложни и многопластови, свързани със специфични културни, социални и езикови особености. Ключовият подход е да се балансира между точността на превода и културната адаптация, така че изразите да бъдат разбираеми и подходящи за целевата аудитория. Осъзнаването на тези предизвикателства и прилагането на стратегически подходи може да подобри качеството на превода и да улесни межкултурната комуникация.

4.1. Преводачески проблеми при предаване на културните елементи

Преводът на ситуативни изрази от турски на български език представлява комплексно предизвикателство особено когато става въпрос за предаване на културни елементи. Ситуативните изрази често съдържат специфични културни и социални норми, което може да създаде проблеми поради разликите между двете култури в контекста и конвенциите. Тези предизвикателства могат да бъдат разгледани в няколко ключови области.

Първо, културните различия и социалните норми играят важна роля. Ситуативните изрази са тясно свързани с културния контекст, в който са създадени. В турския език много от тези изрази отразяват социални и религиозни норми, които може да не са присъщи за българската култура. Например, изразът „*Allah'a şükürler olsun!*“ (Да благодарим на Аллах!) носи специфична религиозна значимост и контекст, който е труден за пренос в българския език, където подобни изрази могат да се интерпретират различно или да не съществуват в същата форма. Преводачите трябва да намерят баланс между буквалния пре-

вод и адаптацията към българската културна реалност. В случая на „Allah’a şükürler olsun!“ може да се използва формата „Благодарим на Бога!“, която предава основното значение без специфичния религиозен контекст. Изрази като „Ayıptır söylemesi“ (букв. *Срамно е да се каже*) и „Sözüm meclisten dışarı“ (букв. *Думата ми е извън събралите се и присъстващите*) подчертават важноста на социалната учтивост и избягването на конфликта като ценности в турската култура. Първият израз се използва в ситуации, в които говорещият се извинява за нещо, което може да бъде възприето като неуважително, докато вторият служи да изключи присъстващите като обект на критика, за да не се обиди някой. При превод е нужно не само да се предаде буквалният смисъл, но и да се вземе предвид контекстът на употребата. Например българският еквивалент на „Ayıptır söylemesi“ може да бъде „Не искам да се хваля, но...“, което запазва нюанса на скромност, а на „Sözüm meclisten dışarı“ – „Без да обиждам присъстващите“.

Второ, приспособяването на стила и тоналността също може да предизвика трудности. Разликите в стила и тоналността на ситуативните изрази в турския език може да не съответстват напълно на българските норми за социална дистанция и уважение. Например изразът „Günaaydın!“ (*Добро утро!*) е неутрален и приятелски, но в българския може да се използва както в неформални, така и в по-формални ситуации. Преводачът трябва да съобрази контекста и целевата аудитория, адаптирайки изразите така, че да отговарят на социалния и културния контекст в българския език. Например за по-формален контекст може да се избере „Добро утро на всички!“. При превода на изрази като „Size layık değil ama“ (букв. *Не е достойно за вас, но...*) и „Çat sakızı çoban armağanı“ (букв. *Подаръкът на овчаря е дъвка от борова смола*) е важно да се вземе предвид стилът на изразяване. Първият израз, който се използва, когато даваме подарък, изразява скромност и учтивост, което в български контекст може да се предаде с фраза като „Малко, но от сърце!“. Вторият, обясняващ, че подаръкът няма кой знае каква стойност, изисква адаптация, която да отрази недоразумението или съчувствието, и се използва, за да се опише нещо, което е символично или евтино, но все пак е поднесено с добри намерения. В българския език аналогичен израз може да бъде „Подарък от сърце“, който също подчертава жеста, а не толкова стойността на подаръка.

Трето, различията в социалните ритуали и обичаи са още едно предизвикателство. Много ситуативни изрази са свързани с конкретни социални ритуали или обичаи, които може да не съществуват или да се различават значително в българската култура. Например турският из-

раз „*Başınız sağ olsun!*“ (букв. *Да е здрава/жива главата ви!*) е израз на съболезнаване със специфичен ритуален контекст в Турция. В такъв случай преводачите трябва да предоставят еквивалент, който предава същото емоционално и социално значение в българския контекст като „*Mouite съболезнавания!*“ или „*Приемете моето съчувствие!*“. Изрази като „*Canın(ız) sağ olsun*“ или „*Dert etme*“ и „*Analı babalı büyüün*“ отразяват специфични социални ритуали и обичаи. Първият и вторият израз са форма на утешение и говорят за съчувствие и загриженост, съответно могат да бъдат преведени като „*Не се притеснявай, всичко ще бъде наред*“. Третият, свързан с благопожелания при раждане, носи дълбоко значение в контекста на семейните ценности. В българския контекст подобно пожелание може да се преведе с фрази като „*Да расте в любов и подкрепа*“, което подчертава същността на семейството.

Накрая – избягването на буквализма е също важно. Буквалният превод на ситуативните изрази може да доведе до неразбиране или неадекватност в контекста на целевия език. Ситуации, в които конструкциите са силно свързани с конкретен културен контекст, изискват креативност в превода. Например турският израз „*Şeytan kulağına kurşun!*“ (букв. *Да сложиш олово на ухото на дявола!*) е образен и има културен контекст на магическа защита. Преводачът може да се опита да предаде смисъла на израза чрез адаптиран израз, който отразява същото усещане и намерение, но без да използва буквалната форма, която може да бъде неразбираема за българските читатели. Например може да се каже „*Да не чуе дяволът!*“.

Буквалният превод може да доведе до загуба на смисъла и контекста на изразите. Например изразът „*Bir yastıkta kocaşın*“, който буквално означава „*Да остареее на една възглавница*“, е пожелание за дълъг и щастлив брачен живот. При превод е необходимо той да бъде адаптиран като „*Да остареее заедно*“, което предава по-точно идеята за дълъг и хармоничен съвместен живот.

Преводът на турския израз „*Kolay gelsin*“ може да стане предизвикателство за преводачите поради неговата специфична употреба и културна натовареност. Това е типичен ситуативен израз, използван в турската култура за пожелаване на лекота и успех при извършване на работа, дейност или задача. Въпреки че изглежда обикновен, този израз няма пряк еквивалент в много езици, включително в българския, и затова предаването на неговото значение може да бъде проблематично. Буквалният превод на „*Kolay gelsin*“ като „*Да ти дойде лесно*“ не само че не предава същността на пожеланието, но може и да звучи странно

и нелогично в българския контекст. Затова преводачите трябва да избягват буквалния превод и да търсят по-смислени и културно адекватни еквиваленти. На български може да бъде адаптиран като „*Лека работа*“, „*Успех с работата*“ или дори „*Да работиш и да пееш*“ в зависимост от контекста. Тези изрази улавят същността на пожеланието за лекота и успех в трудова ситуация, макар че може да не са толкова универсални или широко използвани, както в турския език.

Също така изразът „*Güle güle*“ има различни приложения в зависимост от контекста: „*Güle güle giy(in)!*“ – за нови дрехи, „*Güle güle harca*“ – за пари, и „*Güle güle oturun*“ – за нов дом. При превода е важно да се адаптира всяко пожелание, за да запази емоционалния контекст и културния смисъл.

4.2. Директен и контекстуален превод: кога и как се използва

Преводът на ситуативни изрази от турски на български език представлява значително предизвикателство, което изисква внимателен избор между директен и контекстуален превод. Този избор е от ключово значение за точното предаване на смисъла и културния контекст на изразите, като всеки от тези методи има своите предимства и недостатъци в зависимост от конкретната ситуация.

Директният превод се основава на буквалното пренасяне на изрази от един език в друг, като се запазва неговата оригинална форма. Този подход е успешен, когато културните и езиковите особености на изрази в двата езика съвпадат. Предимствата на този метод са, че той съхранява структурата и стилистичния характер на изрази, което може да бъде важно за запазване на езиковия нюанс. Той е подходящ за изрази, които имат пряк еквивалент в целевия език. Въпреки това директният превод може да доведе до неразбираемост или да се изгуби културната и емоционалната стойност на изрази, ако аудиторията не е запозната с културния контекст. Например турският израз „*Gözün çıksın!/gözü çıkasın*“ (буквално „*Очите ти да излязат!*“) може да бъде преведен буквално, но този превод би бил неразбираем за българския читател, тъй като не е част от местната култура. Смисълът му е по-скоро насмешлив упрек („*Оставил си си ръцете!*“), когато някой е направил нещо нежелано или досадно. За да се предаде същото значение на български, вместо буквален превод може да се използва аналогичен израз с подобна емоционална тежест. Пример за такъв превод би бил „*Свършил си я като кучето на нивата!*“. Това би запазило както емоцията, така и въздействието на изрази в контекста на българската култура.

От друга страна, контекстуалният превод се стреми да предаде смисъла и културното значение на изрази, вместо да запази буквалната му форма. Този метод е полезен, когато директният превод не може да изрази пълнотата на значението или емоционалния контекст на оригиналния израз. Предимствата на контекстуалния превод включват способността му да предаде смисъла по начин, който е разбираем и културно адекватен за целевата аудитория. Обаче този метод може да изисква повече креативност и адаптация от страна на преводача и съществува риск от загуба на оригиналната форма и стил.

Изборът между двата подхода зависи от няколко фактора. На първо място, преводачът трябва да анализира контекста на употреба на изрази както в оригиналния, така и в целевия език. Разбирането на социалния и културния контекст е от съществено значение за вземане на правилното решение. На второ място, целевата аудитория играе важна роля. Директният превод може да бъде подходящ за читатели, които са запознати с оригиналния културен контекст, докато контекстуалният превод е по-уместен за по-широка и неподготвена аудитория. И накрая – целта на превода също трябва да се вземе предвид. Ако преводът цели да съхрани оригиналната форма и стил, директният подход е по-подходящ, докато при стремеж към културна и емоционална адекватност контекстуалният превод е за предпочитане.

При превода на ситуативни изрази от турски на български изборът между директен и контекстуален превод е от решаващо значение за точното предаване на смисъла и културния контекст. Преводачите трябва внимателно да балансират между точността на превода и необходимостта от културна адаптация, за да осигурят качествен и разбираем превод, който да отговори на очакванията на целевата аудитория.

Разликите между двата подхода стават особено очевидни при изрази, за които в българския език липсват точни съответствия. Въпреки че е невъзможно да се обхванат всички подобни изрази в рамките на тази статия, ще илюстрираме това с няколко примера.

„*Hayırlı işler!*“ представлява пожелание за успешен работен ден или работа, което в себе си съчетава елементи на успех, благополучие и добри намерения. Буквалният превод на изрази е „*Благодатни дела!*“, но този вариант не е естествен в българския език и не предава пълното значение на фразата. Подходящ превод на български би бил „*Да ти върви по вода!*“, който отразява основното послание на пожеланието. В българския език огледален еквивалент липсва (което е характерно за фразеологизмите и устойчивите словосъчетания), но в някои случаи и част от турцизмите служат за целта, идентична с тази на оригиналния турски израз.

„*Ellerine sağlık!*“ се използва като израз на благодарност или похвала за добре свършена работа, като най-често се отнася до приготвена храна. Буквалният му превод е „Здраве на ръцете ти!“, което в българския език не носи същия смисъл. Подходящият превод, който отразява духа на този израз, би могъл да бъде „Браво, добре си се справил!“, а в контекста на храна – „Да си оближеш пръстите!“. Въпреки това в българския език липсва точен еквивалент, който да съчетава благодарността и личната похвала по начина, по който го прави оригиналният турски израз.

„*Güle güle kullan!*“ е пожелание за радостно и дълготрайно използване на нова придобивка. Буквалният превод на израза е „Използвай го с усмивка!“, но тази формулировка не предава естествено значението му в българския език. Подходящият превод би могъл да бъде „Да го ползваш с кеф!“, който отразява пожеланието за ползотворна употреба. Въпреки това на български е по-често срещано да се казва „Честито!“, но този израз не включва същата идея за радост и дълготрайна употреба, заложенa в оригиналния турски израз.

„*Allah analı babalı büyütsün!*“ е пожелание за новородено дете, което изразява надеждата то да расте здраво и щастливо под закрилата на родителите си. Буквалният превод е „Бог/Аллах да го отгледа с майка и баща!“, но този вариант звучи неестествено в българския език. Подходящ превод би могъл да бъде „Да е радост за мама и тате!“, който предава основния смисъл и доброжелателността на израза. Въпреки това в българската култура липсва аналогична закриляща фраза, която така ясно и конкретно да подчертава желанието за благополучие както за детето, така и за семейството като цяло.

„*Allah razı olsun!*“ е дълбоко емоционално послание на благодарност, което носи и религиозен оттенък. Буквалният му превод е „Бог/Аллах да бъде доволен от теб!“, но този израз не се използва в българския език. Подходящият превод би могъл да бъде просто „Благодаря ти!“, но този вариант не успява да предаде специфичната комбинация от благодарност и благослов, заложенa в оригиналния израз. В българската култура липсва еквивалентен израз, който да съчетава толкова ясно религиозния аспект с израза на признателност.

„*İnşallah*“ изразява надежда или желание за бъдещо събитие, като същевременно отразява вярата, че то ще се случи, ако е Божията воля. Буквалният превод на израза е „Ако е Божията воля“, но в този си вид той не звучи неестествено на български. Подходящи преводи биха могли да бъдат „Дай Боже!“ или „Ако е рекъл Господ!“, които отразяват основното значение. Въпреки това българските изрази не носят същата ре-

лигиозна тежест, която „*İnşallah*“ има в ежедневните разговори на турски език, където религиозният аспект е интегрална част от употребата му.

„*Allah sabır versin!*“ е пожелание за търпение и сила в труден момент, често използвано при загуба или изпитания. Буквалният превод е „*Бог да ти даде търпение!*“, но в българския език този израз звучи неестествено. Подходящ превод би могъл да бъде „*Бог да ти даде сили!*“, който предава основната идея. Въпреки това ни се струва, че българският израз не успява да обхване напълно емоционалния заряд и религиозния аспект, характерни за оригиналния турски израз, който съдържа дълбоко съчувствие и надежда за духовна подкрепа.

„*Gözün aydın!*“ е поздрав, който се използва за изразяване на радост по повод на добра новина, често дългоочаквана, като например раждане на дете. Буквалният му превод е „*Очите ти да светнат!*“, което е красиво, но неестествено в българския език. Подходящият превод би бил „*Честито!*“, който предава основното значение на поздравлението. Въпреки това българският израз не успява да улови напълно емоцията на радост и облекчение, заложена в оригиналния турски израз, който носи и пожелание за щастие и спокойствие.

„*Hayırlı cumalar!*“ е пожелание за благословен петъчен ден, което е свързано с религиозното значение на петъка в ислямската традиция. Буквалният превод на израза е „*Благословен петък!*“, но в българския език няма аналогичен израз, тъй като петъкът не притежава същото религиозно значение. Поради това подходящ превод може да бъде „*Приятен петък!*“, но този вариант не успява да предаде културния и религиозния контекст на оригиналния турски израз.

Както личи от посочените примери, ако липсват точни съответствия при превод на турски ситуативни изрази, съществуват няколко стратегии, които могат да ни помогнат да предадем правилно смисъла и културния контекст на израза. Първо – когато липсва точен превод, е важно да адаптираме смисъла на израза така, че да бъде разбран от целевата публика, като в същото време се запази емоционалната и културната стойност на оригинала, а това изисква внимание към контекста и специфичните културни и социални характеристики на двата езика. Второ – ако превежданият текст позволява, можем да добавим пояснителен превод или бележка, която да обясни по-пълното значение на турския израз, което ще позволи на читателя да разбере и същността на израза, дори и ако не е напълно идентичен в българския език. Трето – когато няма пряк еквивалент, можем да заменим турския израз с друг, предаващ подобно значение в българската култура, което може да не е идентично по форма, но ще запази смисъла и емоцията, а това е основ-

ната цел на превода. И накрая – понякога е по-добре да използваме по-обобщен или разговорен израз, за да уловим същността на турския израз, който, макар и да не е толкова цветист като оригинала, помага да се предаде основната идея по начин, който е лесно разбираем за целевата аудитория. Турските ситуативни изрази често носят културен и религиозен подтекст, който трудно се предава буквално, но чрез тези адаптивни стратегии можем да запазим основната идея и емоция на изрази и да ги направим разпознаваеми и приемливи за българската аудитория.

5. Заключение

Ситуативните изрази са езикови единици, тясно свързани с културните и социалните норми на дадено общество. Те отразяват етикет, традиции и ритуали, характерни за турската култура, и често съдържат религиозни или емоционални компоненти. Тези изрази играят важна роля в ежедневната комуникация, но тяхното превеждане на български език ни изправя пред редица предизвикателства. Основният проблем при превода произтича от културните различия, липсата на точни еквиваленти и специфичните социални ритуали, които често са трудно разбираеми извън културния контекст, в който са възникнали. За да се предаде адекватно смисълът на тези изрази, е необходим баланс между буквалния превод и културната адаптация.

Преводачите използват различни стратегии, за да осигурят адекватно възприемане на изразите от целевата аудитория. Един от основните подходи е изборът между директен и контекстуален превод. Контекстуалният превод често е предпочитан, тъй като позволява да се предаде не само буквалното значение, но и емоционалният и културният заряд на изрази. Това е особено важно за ситуативните изрази, които носят дълбок подтекст и отразяват културно обусловени социални норми.

Ситуативните изрази играят ключова роля в межкултурната комуникация, тъй като подпомагат изграждането на уважителни и ефективни взаимоотношения между носителите на различни езици. Те улесняват социалното взаимодействие, като предават емоции, изразяват съчувствие и благодарност или отправят поздрав в съответствие с културните норми на дадено общество. Правилното им разбиране и превод допринасят значително за преодоляването на културните и езиковите бариери.

Анализът на ситуативните изрази и тяхното превеждане на български език е от голямо значение за развитието на преводаческата тео-

рия и практика. Той предлага нови подходи за справяне с културно обусловени езикови конструкции и допринася за успешното предаване на културни и социални значения в преводната практика.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксан 2006:** Aksan, D. *Linguistic Structures in Turkish*. Ankara: ABC Press, 2006
- Барт 1977:** Barthes, R. *Image, Music, Text*. London: Fontana Press, 1977.
- Гьокдайъ 2008:** Gökdayı, H. *Pragmatics and Discourse Analysis in Turkish*. Istanbul: XYZ Publications, 2008.
- Дикова 2020:** Дикова, Б. Клишета и шаблони. [Dikova, B. Klisheta i shabloni.] // *Научни трудове на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“*, Том 58, Книга 1, Сб. А. Филология, Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2020, 262 – 272.
- Имер, Коджаман и Йозсой 2011:** İmer, K., Kocaman, A. & Özsoy, A. *Turkish Linguistics Today*. Istanbul: LMN Publications, 2011.
- Кац 1995:** Katz, J. *Patterned Communication: Understanding Linguistic Templates*. New York: Academic Press, 1955.
- Кристъл 2008:** Crystal, D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics* (6th ed.). Oxford: Blackwell Publishing, 2008.
- Лейкоф 1987:** Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Остин 2007:** Austin, J. L. *How to Do Things with Words*. Harvard University Press, 1970, 2007.

Докторанти

THE ADVERB *STILL* AS A ‘LOW’ ADVERB IN ENGLISH AND BULGARIAN

Simona Mateva
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

simona.mateva@uni-plovdiv.bg

The paper focuses on the adverb *still* as a *low* adverb in English and Bulgarian, referencing Cinque's (1999) proposal of a fixed universal inventory of adverbs. By analysing sentence examples from different corpora, the current work investigates whether the position of *still/все още* in English and Bulgarian corresponds to the position proposed by Cinque. Additionally, the paper explores the semantic complexity of *still* and whether its three senses—aspectual, adversative, and marginal—correspond to separate maximal projections. The results suggest that *still* is a low adverb in both languages. However, despite its complex semantics, it is not a specifier of three separate functional heads.

Key words: low adverbs, functional head, adverb hierarchy, aspectual *still*, adversative *still*, marginality *still*

1. Introduction

Adverbs pose a formidable challenge in linguistic analysis due to their complexity and ability to occupy diverse syntactic positions across languages. Extensive research has been devoted to this part of speech, with scholars endeavouring to classify them and ascertain their positions within sentences.

Nowadays, there are two main theories regarding adverb order: one supporting the traditional adjunction approach (Haider 2000, Ernst 2002) and another advocating for a more 'restrictive' interpretation (Rizzi 1997, Cinque 1999). The latter theory places adverbs in the position of specifiers of distinct functional heads and advocates the idea that there is a universal hierarchy of functional projections. In his work *Adverbs and Functional Heads*, Guglielmo Cinque suggests that the order of adverbial phrases remains fixed across languages, an assertion underpinned by empirical evidence gathered from a wide array of languages. The present work adopts Cinque's suggestions and

explores how his hierarchy aligns with the word order in Bulgarian and English, two Indo-European languages, which, however, fall into two different language families. The second section delineates Cinque's division of adverbs into low and high. The third section analyses the position of *still/ (bce) ouye* in English and Bulgarian with respect to other adverbs, examining examples taken from different corpora. The fourth section deals with the semantic complexity of the adverb *still* and its three distinct meanings: aspectual, adversative, and marginality sense.

This research has two specific goals – see whether the adverb *still/ (bce) ouye* is indeed a low adverb in Bulgarian, as Cinque argues for English, and analyse the different senses of *still*, theorising on whether multiple instances of this adverb should exist within the hierarchical framework.

2. Cinque's Adverb Hierarchy

Cinque's adverb classification challenges traditional adverb distinctions, proposing a more syntactic approach. He believes that adverbs carry grammatical features within themselves and claims that they should not be regarded as adjuncts but rather as specifiers of functional heads. His restrictive theory refers to the principle that adverbs are positioned in a fixed hierarchical order within the sentence structure rather than being randomly placed adjuncts. According to Cinque, adverbs 'enter into a transparent Spec/head relation with the different functional heads of the clause' (1999: 5). This cartographic approach, adopted by other scholars such as Laenzlinger (1996) and Alexiadou (1997) for example, posits the existence of numerous functional heads in all languages. Cinque's research culminated in his book *Adverbs and Functional Heads* (1999), where he proposes that functional structure is inherent to the human mind and that adverbs adhere to a strict hierarchical structure in all human languages. However, each language encodes this functional content into its own unique morphological forms. Cinque provides a comparative analysis of adverb relations in numerous languages, and his proposals have paved the way for subsequent crosslinguistic research. The current paper aims to evaluate how well Cinque's hierarchy applies to English and Bulgarian word order, focusing on the adverb *still* and its semantic and syntactic properties.

Cinque categorises *still* as part of the group of low adverbs. These are positioned within the syntactic space bordered on the left by the leftmost position an active past participle can occupy and on the right by a complement or the subject of the past participle (1999: 6). On the other hand, high adverbs express modality, tense, and mood. Fig. 1 and Fig. 2 illustrate all low adverbs

in the form of a syntactic tree, with the tree in Fig. 2 being the continuation of the tree in Fig. 1:

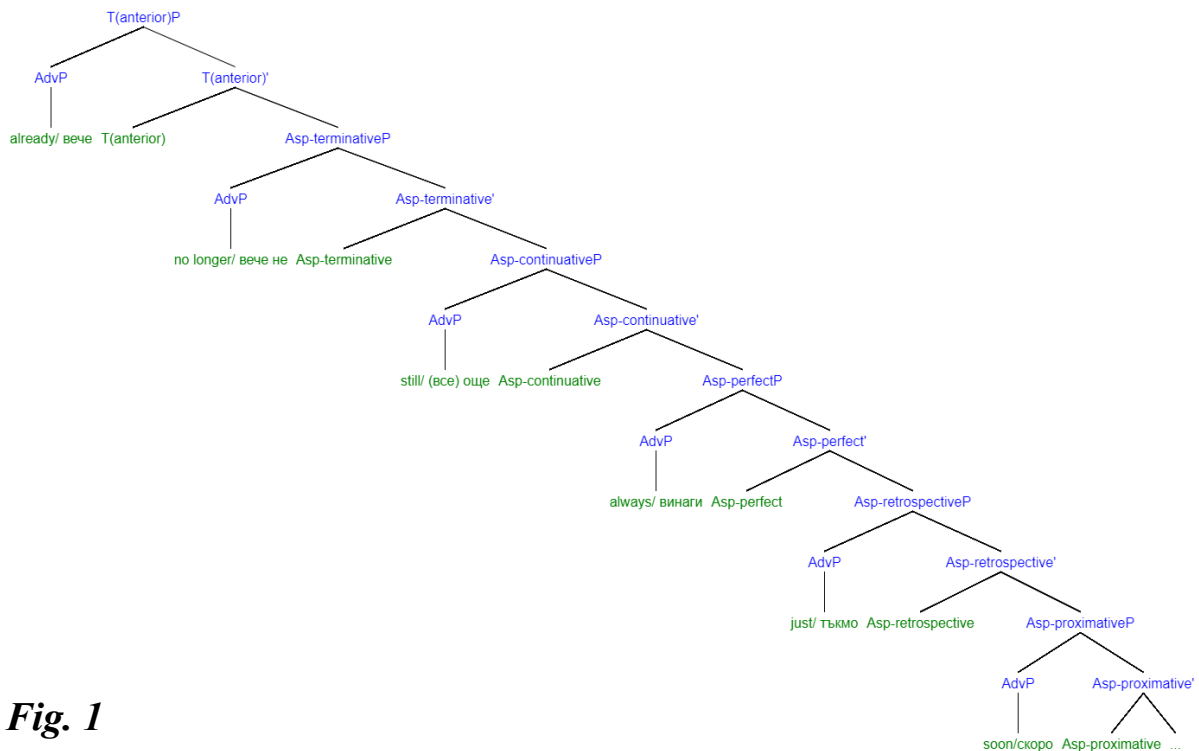

Fig. 1

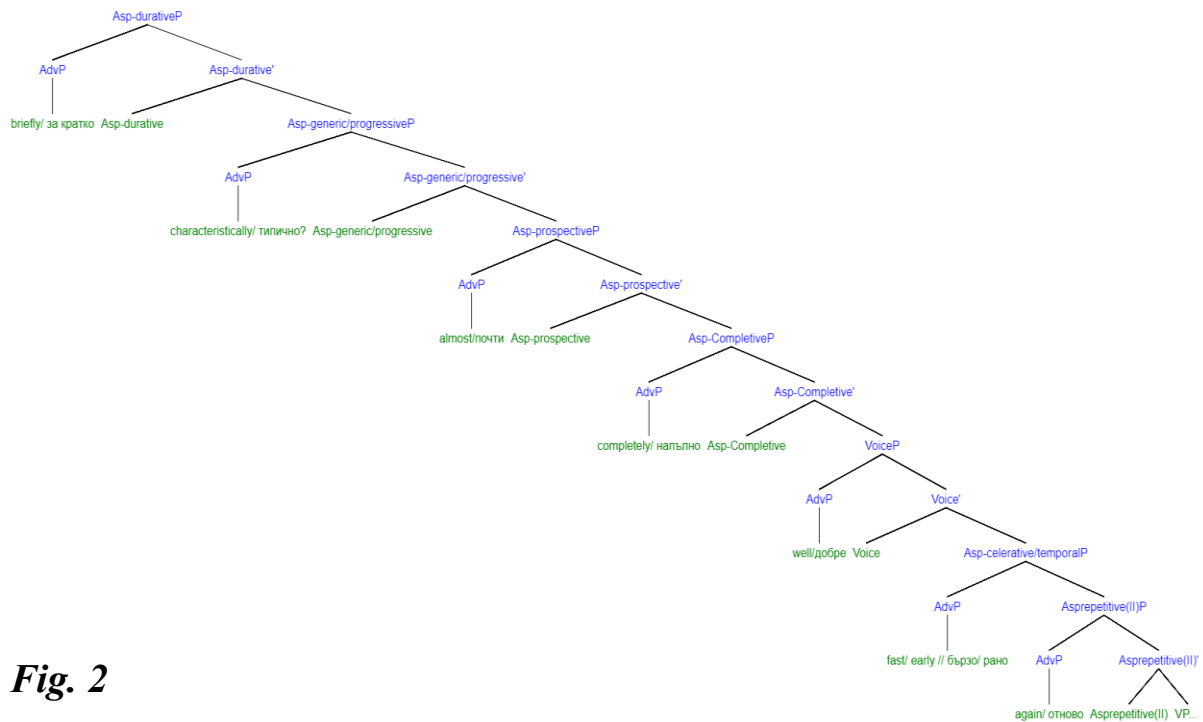

Fig. 2

Cinque posits that languages can morphologically realise either the head or the specifier of a functional projection. He argues that adverbs

originate in the specifier positions of maximal projections, with verbs ascending through functional positions according to the clause's functional structure, in accord with the Head Movement Constraint originally formulated by Travis, who states that 'An X^0 may only move into the Y^0 which properly governs it' (1984: 131). Hence, it is verbs that shift their initial positions, and each language demonstrates distinct patterns of obligatory and optional verb raising between lower and higher adverbs.

The following section explores whether the position of the adverb *still* in Bulgarian and English corresponds to the position suggested by Cinque in his adverb hierarchy. The choice of *still* is deliberate due to its semantic complexity, which might challenge the current theory. Nonetheless, the current paper aims to reaffirm the hierarchy's validity cross-linguistically and to address the challenges posed by the adverb's nuanced meaning.

3. The Position of *Still* (Continuative Aspect) in English and Bulgarian

Cinque (1999) locates *still* in the lower adverb space and considers it to be the specifier of a functional head called $Asp_{\text{continuative}}$. This aspect shows that the action is still being performed. Haspelmath explains that 'the Continuative, combined either with the Imperfective or with the Perfect, adds the semantic element 'still' (negative 'anymore')' (1993: 145). Continuation in English is not explicitly marked by prefixes, affixes, etc.; rather, adverbs like *still* are employed for this purpose. In Cinque's hierarchy, *still* is located right below *already* and *no longer*. Examples 1) and 2), sourced from the British National Corpus (BNC) and the Corpus of Contemporary American English (COCA) respectively, demonstrate that Cinque's hierarchy indeed applies to English word order, by comparing adverbial pairs in terms of relative height:

- 1) a) But he was *still always* telling me how good my singing was.
- b) But while he *no longer always* looks, he still sees.
- c) Now spectators will *no longer still* be allowed to drink in their seats.
- d) But oh, Bobecito, we are *already no longer* young.

From the examples in 1a) and 1b) we can conclude that *still* and *no longer* are both located above *always*. 1c) shows us that *no longer* is located to the left of *still*, which, by transitivity, gives the order *no longer* > *still* > *always*. Nevertheless, *no longer* is located to the right of *already* in 1d), meaning that it is lower than *already* in the hierarchy.

At first glance *no longer* and *still* seem to belong to the same aspectual head, showing only two different values – terminative and continuative. However, the two adverbs are members of two separate adverb classes¹, and, therefore, terminative aspect should be kept separate from continuative aspect – a suggestion supported by the example given in 1c), which illustrates that the two adverbs can be used together. What 1) shows is that *still* is indeed located under *already* and *no longer* and above *always*. On the other hand, the examples in 2) verify that all of the other low adverbs are indeed located under *still* in the hierarchy like Fig. 1 and Fig. 2 suggest:

- 2) a) He hadn't thought so, but his insides *still* ached *briefly*.
- b) But courts *still typically* insist on at least some factual basis to support the need for challenged restrictions.
- c) My mother was beside herself, and after that, although she *still almost* worshipped her, she was afraid even to hold her up or lift her, so I had all the care of her.
- d) I *still completely* believe in Montessori's philosophy.
- e) Those old vacuum tube receivers *still* work *well*.
- f) Will my phone *still* run *fast* after two years worth of usage, tweaks, and software upgrades?
- g) She will try her best and *still* try *again* and *again* when she thinks she still can handle it.

As is to be expected, no examples were found in the corpora containing the combinations *still* and *just* or *still* and *soon* due to their incompatibility in meaning.

It is intriguing to explore the application of a unified theory concerning the positions of adverbs to Bulgarian, a language marked by substantial divergence from English – one might anticipate that the adverb order in Bulgarian would differ entirely from English. The examples in 3) below show my Bulgarian translations of 1):

- 3) a) But he was *still always* telling me how good my singing was.
Но той *все още винаги* ми казваше колко добре пея.
- b) But while he *no longer always* looks, he still sees.
Но макар той *вече не винаги* да гледа, той все още вижда.
- c) Now spectators will *no longer still* be allowed to drink in their seats.

¹ For more information, see (Cinque 1999: 95).

?Сегга на зрителите *повече* няма да им бъде *все още* разрешено да пият, докато са седнали на местата си.?

d) But oh, Bobecito, we are *already no longer* young.

Ах, Бобесито, ние *вече повече* **не** сме млади.

An interesting observation is that in English, the adverb *no longer* contains the negative particle *no* within itself, and when it is used in a sentence, the verb must always be in a positive form due to the impossibility of standard English to have two negatives in the same clause. On the other hand, Bulgarian does not have such a rule. Since Bulgarian is a negative concord language and requires a negative adverb to be used with a negative verb form, as opposed to English, where negation is expressed just once, in Bulgarian we can easily form clauses containing combinations such as *никога не съм* / **(I) never haven't*. What's more, a thorough analysis shows that there are no Bulgarian adverbs containing a negative particle within their structure. Therefore, as I suggested in a previous work (see Mateva 2024), the adverb *no longer* does not have a Bulgarian equivalent. In 3b), the negative particle **не** is not part of *вече не*, but instead modifies the adverb *always*, rendering the sense of *not always*. The situation in 3c) is similar – the negation we see is not part of the intrinsic structure of the adverb but rather of the verb. That is why we have the negative *няма*, which is equivalent to *will not* in English. This leaves us with the adverb *вече*, which is ambiguous in meaning. It can be speculated that *вече* in Bulgarian serves both *Asp Anterior* and *Asp Terminative* functions. In the case of *Asp Terminative*, the adverb must always be used in conjunction with verb negation (3c) or negation of the following adverb (3b). In terms of 3d), the situation gets even more interesting. The original sentence contains the adverb *already* (*Asp Anterior*), which translates into *вече* in Bulgarian. But then how could we render the sense of *no longer* if, as we saw from 3b) and 3c), Bulgarian does not have an equivalent of *no longer* but rather uses *вече* + *negation*? All that, in theory, would mean that the Bulgarian translation of 3d) would have to be *вече вече не*. However, maybe due to reasons of repetition, that is not the case, and the language resorts to another adverb, namely *повече* + *verb negation*. In terms of meaning, there is a slight difference between *повече* + *не* and *вече* + *не*. *Вече* + *не* serves to directly show that an action or a state has come to an end. In other words, *вече* + *не* directly negates the continuation of an action or state. On the other hand, the

focus of *повече* + *не* is on the cancellation of a previous state or activity². In this sense, *повече* + *не* is closer to meaning to the English *anymore*.

In summary, the Bulgarian *вече* is a specifier of *Asp Anterior* and has the same meaning as *already* in English. However, its meaning changes when used with negation, serving as a specifier of *Asp Terminative*. When a Bulgarian clause contains both *Asp Anterior* and *Asp Terminative*, in theory, it should contain two *вече*, with the second *вече* scoping over the negated verb:

4) Ах, Бобесито, ние *вече вече* не сме млади.

Perhaps due to redundancy, such sentences are not natural for Bulgarian speakers. While *вече* + *не* and *повече* + *не* both indicate that a previous state or action has ceased, as already mentioned above, they differ in their semantic focus. This is not an unexpected phenomenon since Cinque's theory of adverbial hierarchies posits that while the positions of adverbs relative to each other are universally fixed, the specific adverbs and their semantic nuances can vary across languages. In other words, there is a universal order in which adverbial meanings are expressed, but the particular adverbs that languages use to convey these meanings are not necessarily the same. This distinction allows for crosslinguistic variation in the inventory of adverbs, even though the structural positions they occupy in sentences are consistent (Cinque 1999: 71). What we can conclude from 3) is that the functional heads proposed by Cinque follow the same order in Bulgarian:

5) T(Anterior) > Asp-terminative > Asp-continuative > Asp-perfect
вече > вече / повече + отрицание > (все) още > винаги

Nevertheless, more examples are needed to see whether the adverb *still* holds the same position in Bulgarian as it does in English regarding other low adverbs.

- 6) a) След шест години те **все още** живеели дълго и щастливо.
b) **Все още** почти го усецам.
c) Летните военни занятия през 1912 г. не са **все още** напълно приключили, когато се получава едно особено разпореждане,

² The difference between *вече* + *не* and *повече* + *не* is closely connected to the type of verb we have, namely perfective or imperfective and more thorough research must be done on this topic.

конните полкове да преминат Балкана и да се отправят към южната граница.

d) Беше малко глух, но **все още** изглеждаше *добре* на седлото за своите седемдесет и четири години.

e) По този начин течението ни носеше по диагонал, но **все още** *бързо* слизахме надолу по реката.

f) Някои хора **все още** *отново и отново* си задаваха вечния въпрос, на който нямаше отговор: А ПО-НАТАТЪК?

The word order illustrated in all of the examples in 6), taken from the Bulgarian National Corpus, follows the order suggested in Fig. 1 and Fig. 2. What we can conclude from examples 3) and 6) is that *Asp-continuative* in Bulgarian is indeed lower than *T(Anterior)* and *Asp-terminative*, and, by all accounts, higher than *Asp-perfect* and all the adverbs that follow *Asp-perfect* in the hierarchy.

This section aimed to demonstrate that the adverb *still* is positioned in the lower adverb space, as proposed by Cinque, and that its placement relative to other adverbs is consistent in both English and Bulgarian. Examples from the British National Corpus (BNC), the Corpus of Contemporary American English (COCA), and the Bulgarian National Corpus support Cinque's notion of restrictiveness, reinforcing his argument that languages adhere to specific, narrowly defined rules. These regulations restrict how much languages can vary, suggesting that specific syntactic arrangements are universally organised and mirroring fundamental principles of Universal Grammar (UG).

4. *Asp_{continuative}* and its Semantic Complexity

Cinque's Feature theory has the recognisable characteristic that adverbs are licensed by a featural relationship to heads. The order of adverbs is directly connected to the UG order of functional heads and adverbs form groups on the basis of common features. As Ernst explains, 'This link is justified by a transparent semantic relationship between the head and the adjunct it licenses; for example, Modal heads license *probably*, *maybe*, and other modal adverbs, Aspect heads license *for an hour* or *frequently*, Tense licenses *yesterday*, and so on' (2002: 113). One problem, however, are adverbs that can occupy multiple positions relative to the predicate, as illustrated by the following examples sourced from COCA:

- 7) a) The images are vivid and *quickly* **will catch** the eyes of young children.
 b) Current **will** *quickly catch* your line and begin to belly it.
 c) He *still* **will be** around.
 d) He **will** *still be* the son you love.

The two occurrences of *quickly* in 7a) and 7b) and the two occurrences of *still* in 7c) and 7d) can indeed be explained in one of two ways: movement or licensing by non-identical heads. The latter option supports the idea that each adverb can occupy different positions, provided it demonstrates a meaningful difference in each one. However, in the examples given in 7), this assertion does not hold. According to Cinque's restrictive Functional theory, there is a 'one-to-one relation between position and interpretation (i.e., one specific, and distinct, interpretation for each position of 'base generation')' (Cinque 1999: 20). However, there are no interpretational differences between the two positions of *quickly* and *still*. In terms of movement, in theory, both adverb movement and verb movement are possible. Nevertheless, Cinque argues that adverbs have a rigid position and that it is verbs that move around them. Therefore, one possible explanation for the word order in 7) is that the auxiliary *will* has moved from its canonical base position just above VP and has subsequently moved to a higher (Tense-related) position. Since there is no difference between the meaning of 7a) and 7b), as well as between 7c) and 7d), it is evident that what we are witnessing there is Aux movement. The situation is different, though, when we analyse examples such as those in 8) taken from COCA. The adverb *still* can be a bit problematic in terms of semantics as its meaning can be interpreted in a few different ways:

- 8) a) 'You don't need to count it.'
 'I *still* will, if you don't mind.'
 b) Government is also what will *still* be making the rules for you after you get back on your feet.

In the case of 8), the adverb *still* exhibits two very different senses – *concession* in 8a) and *continuation* in 8b). What this shows us is that the adverb *still* has both aspectual and nonaspectual senses. As Michaelis explains in her paper "‘Continuity’ within Three Scalar Models: The Polysemy of Adverbial Still", '*still* serves as a marker of a state's continuation to a temporal reference point, as a concessive particle, and as an indicator of marginal membership within a graded category' (1993: 193). In other words, the adverb *still* in

English has at least three different senses that have been analysed throughout the years: aspectual, adversative, and marginality sense. The examples in 9) below, taken from the BNC, illustrate each sense:

- 9) a) I am **still** paying off the sofa, which came from a catalogue. – *aspectual sense*
- b) Her face had lost its usual bloom, but she **still** gave a bright smile as she saw her. – *adversative (concessive) sense*
- c) An omission of truth is **still** a lie. – *marginality sense*

In the case of 9a), *still* ‘refers to the extension of a state of affairs through to a given reference time’ (Michaelis 1993: 193). On the other hand, the concessive sense in 9b) can be paraphrased as *nevertheless*, indicating that something happened even though certain conditions made it difficult. The adverb *still* in 9c) has an even more complex sense. Marginality *still* marks something as a borderline example of a given category; that is to say ‘such sentences presuppose that the subject-denotation of the still-bearing sentence represents a “borderline case” of the category defined by the descriptor’ (Michaelis 1993: 224). The three distinct senses of *still* have been analysed thoroughly by many scholars, including but not limited to Horn (1970), Hirtle (1977), and König (1977). Horn’s analysis, for example, delves into the nuanced ways in which *still* operates within the English language, particularly in relation to negation and temporal expressions, and how it serves to convey expectations and persistence. He and Hirtle both note that *still* can be used for emphasis, particularly to underscore the persistence of a state or action despite potential reasons for it to change. For space reasons, we cannot go into further detail about each one of these senses.³ Nonetheless, what this paper seeks to analyse is whether all of these senses are specifiers of different functional heads, as is to be expected since they all hold different meanings.

As already mentioned, Cinque believes that position and interpretation have a one-to-one relation. Therefore, one might easily imagine the existence of three different positions in the adverb hierarchy for each distinct meaning of *still*. Evidence for this supposition would be a sentence containing the adverb *still* used more than once but with a different meaning.

³ For an in-depth analysis of the semantics of *still*, see Laura A. Michaelis and her “‘Continuity’ within Three Scalar Models: The Polysemy of Adverbial Still’.

- 10) a) He *still still* waits for her to call. = And *yet*, he *still (aspectual)* waits for her to call.⁴
 b) He *still still* feels unsure about his decision to move. = *Nevertheless*, he *still (aspectual)* feels unsure about his decision to move.
 c) *Still*, the car is *still* parked in the driveway. = *However*, the car is *still (aspectual)* parked in the driveway.
 d) *Still*, an omission of truth is *still* a lie. = *Nevertheless*, an omission of truth is *still (marginality)* a lie.

Cinque calls the phenomenon illustrated in 10) a *deceptive co-occurrence* and describes it as the instance when a word is 'base-generated' in two separate locations but with different semantics and scope properties (1999: 4). According to Cinque, the two instances of *still* in the examples in 10) will have to be of different adverb classes and belong to separate functional projections. One immediate observation that can be discerned is that the first occurrence of *still*, corresponding to its adversative (concessive) usage, is necessarily focussed. More specifically, just like *nevertheless*, *yet*, and *however*, *still* is used to show contrastive focus, also labelled identificational focus by Kiss (1998: 245). According to Kiss, the 'apparent asymmetry between topicalization and focusing has been generally derived from the assumptions that topic movement is adjunction, hence iterable; focus movement, on the other hand, is substitution into a specifier' (1998b: 4). This statement aligns with Cinque's theory that adverbs serve as specifiers. In syntax, contrastive or identificational focus refers to the use of specific syntactic structures or intonational patterns to highlight or emphasise a particular element of a sentence, contrasting it with other potential alternatives or previously mentioned information. This type of focus helps to convey distinctions, corrections, or clarifications in discourse. Contrastive focus 'takes a case marker in case-marking languages and a focus stress in other languages' (Lee 2006: 6). Since the only words that are formally case-marked in English are pronouns, intonation is normally what shows that a word or a phrase is focused. Lee further clarifies this by adding that the 'rising or high tone (L+) H* both in Korean and English signals that something unresolved (i.e., a contrastively negated proposition) is to follow. In this sense, intonation is compositional and correlated with information structure' (Lee 2006: 6). Cinque's hierarchy deals only with unfocused adverbs, and perhaps that is the reason why *still* is included only in its aspectual sense. Since adversative *still* licences separate focus phrases,

⁴ These judgements have been discussed with native speakers.

called FocP in the generative framework, it is expectedly not included in the hierarchy. Identificational/contrastive focus takes scope and, unlike typical information focus, is moved to the specifier of a functional projection (Kiss 1998a: 248). This functional projection is outside the clause, in its left periphery, and is therefore excluded from the hierarchy.

Another interesting observation, though, is made by König (1977: 184), who remarks that marginality *still* does not ‘establish a relation between various points in time... but between various entities comparable’ to one another. He notes that when used in this sense, *still* cannot function as a sentence adverb and cannot be placed at the beginning or at the end of the sentence:

11) a) * *Still*, an omission of truth is a lie.

The example in 11) is ungrammatical if it contains marginality *still*, just like König states, but what is interesting is that it becomes grammatical under the adversative *still*. The sentence can be interpreted in only one way, which features an adversative (concessive) sense. What this could mean is that while adversative *still* is indeed the specifier of FocP, marginality *still* is not. Looking at the examples in 10) once more, one can notice that the only two combinations that we have are *adversative* + *aspectual* and *adversative* + *marginality*. What did not render any results in the corpora, however, was the *aspectual* + *marginality* combination (or vice-versa). This raises the question whether marginality *still* is actually an adverb different from aspectual *still*. At first glance, aspectual *still* and marginality *still* fall under the same lexical item but offer a slightly different interpretation in meaning depending on the meaning of the verb they are used with. This is further supported by the fact that aspectual *still* and marginality *still* cannot co-occur in a sentence, unlike aspectual *still* and adversative *still* or marginality *still* and adversative *still*. What’s more, a look into the Oxford Advanced Learner’s Dictionary shows us that only two of these three senses, namely aspectual and adversative *still*, are included as a separate meaning of the adverb:

still /stil/ *adv., adj., noun, verb*

adv. **1** continuing until a particular point in time and not finishing:
I wrote to them last month, and I'm still waiting for a reply. ♦ *Mum, I'm still hungry* ♦ *Do you still live at the same address?* ♦ *There's still time to change your mind.* ♦ *It was, and still is, my favourite movie.*
2 in spite of what has just been said: *Although he promised faithfully to*

come, I still didn't think he would. ♦ We searched everywhere but we still couldn't find it. ♦ The weather was cold and wet. Still, we had a great time.

(Hornby 2000: 1275)

The suggestions above can be reaffirmed if we take a closer look at the situation in Bulgarian. A reference to the online PONS dictionary shows that the adverb *still* is equivalent to two separate adverbs in Bulgarian - *(все) още* and *(все) пак*. What is interesting is the fact that Bulgarian *(все) още* can be used in both aspectual and marginality sense, just like in English, but not in the adversative sense, as the translations of 9) shown here in 12) illustrate:

- 12) а) Аз *(все) още* изплащам дивана, който дойде от каталог. – aspectual sense
б) *Лицето ѝ беше изгубило типичната си свежест, но тя *(все) още* се усмихна ведро, когато я видя. – adversative (concessive) sense
в) Премълчаването на истината *(все) още* е лъжа. – marginality sense

To render the adversative (concessive) sense, Bulgarian makes use of another adverb (oftentimes used in a complex form consisting of two adverbs), namely *(все) пак*:

- 13) Лицето ѝ беше изгубило типичната си свежест, но тя *(все) пак* се усмихна ведро, когато я видя.

König's remark that marginality *still* cannot function as a sentence adverb (1977: 184) turns out to be true for Bulgarian sentences as well, as the ungrammatical examples in 14) show:

- 14) а) * *Still*, an omission of truth is a lie.
б) **(Все) още*, премълчаването на истината е лъжа.

This can be taken as evidence that aspectual *still* and marginality *still* are not two adverbs offering different meanings and that marginality *still* is not a focused adverb. When interpreted as containing marginality *still*, 14a) is ungrammatical in English, as marginality *still* cannot be focused. However, when interpreted as containing concessive *still*, 14a) is grammatical in English since it is used in FocP, and it should be considered an entirely different adverb from aspectual *still* and marginality *still*. This

suggestion is supported by the fact that, in Bulgarian, 14b) is always ungrammatical as (*bce*) *ouje* does not have an adversative sense, and the adverb that is used instead in Bulgarian is (*bce*) *nak*.

The results obtained in this section allow us to conclude that while *still* can indeed be interpreted in three different ways (aspectual *still*, adversative *still*, and marginality *still*), only aspectual and adversative *still* are, in reality, two homonymous adverbs. Adversative *still* is always used in FocP in English, and that is why it is not included in Cinque's hierarchy, which deals only with unfocused positions. On the other hand, both aspectual and marginality *still* are specifiers of the *Asp-continuative* functional projection, each one offering a slight difference in interpretation.⁵

5. Implications and Conclusions

Scholars have grappled with adverbs for years, primarily because of the absence of precise structural and semantic criteria for identifying adverbial categories and syntactic constraints on their usage. Therefore, comprehending the positions and functions of adverbs in different languages, in particular Bulgarian and English, is vital to a clearer understanding of the structural disparities between languages.

The first section of this work was an introduction to the topic. The second section discussed Cinque's adverb hierarchy, which differentiates between higher and lower adverbs. The third section of the paper dealt with adverb positions, focusing on the adverb *still* and analysing whether its position in English and Bulgarian regarding other adverbs is the same as the one proposed in Cinque's adverb hierarchy (Cinque 1997). The excerpted examples, taken from the British National Corpus, the Corpus of Contemporary American English, and the Bulgarian National Corpus, show that the hierarchy can be applied to both English and Bulgarian. The results obtained prove that *still* is a low adverb in Bulgarian, just like it is in English.

The fourth section had to do with the semantic perplexity of the adverb *still* and its three different senses: aspectual, adversative, and marginality sense (Michaelis 1993), trying to answer the question of whether each one of these senses is the specifier of a separate functional head. The results suggest that adversative *still* is actually part of a FocP, exhibiting signs of contrastive focus, which aligns with the fact that the adverb is not included in Cinque's hierarchy which consists of unfocused adverbs only. On the

⁵ This difference is closely connected to the form of the verb used. Marginality *still* normally requires a perfective aspect, while aspectual *still* requires an imperfective aspect. This difference deserves further research.

other hand, aspectual *still* and marginality *still* are one and the same. However, they offer a slightly different interpretation in meaning depending on the verb they are used with – with aspectual *still* person/object A **continues** to do something, while with marginality *still* person/ object A **continues** to be a part of something. This theory is bolstered by the Bulgarian examples taken from the Bulgarian National Corpus. In Bulgarian, the adverb *still* can be translated as (*bce*) *ouye* only in aspectual and marginality sense. When interpreted as adversative, *still* corresponds to the Bulgarian (*bce*) *nak*. What's more, just like in English, in Bulgarian, marginality *still* cannot function as a sentence adverb. Overall, this current paper elucidates the similarities between the position of *Asp continuative* and the usage of *still* in English and Bulgarian.

Crosslinguistic analysis of adverbs assists in specifying clear-cut structural and semantic criteria for discerning adverbial categories and understanding their syntactic constraints. The suggestions in the present research undoubtedly deserve a more thorough analysis, which I am not able to provide due to space limitations. Further research could include a broader range of examples and an experimental study with native speakers.

REFERENCES

- Alexiadou 1997:** Alexiadou, A. *Adverb Placement*. Amsterdam: John Benjamins, 1997.
- BNC:** British National Corpus.
<<https://www.english-corpora.org/bnc/>> (5.07.2024).
- BNC:** Bulgarian National Corpus.
<<https://dcl.bas.bg/bulnc/en/>> (3.07.2024).
- Cinque 1999:** Cinque, G. *Adverbs and Functional Heads: A Crosslinguistic Perspective*. New York: Oxford University Press, 1999.
- COCA:** Corpus of Contemporary American English.
< <https://www.english-corpora.org/coca/>> (27.08.2024).
- Ernst 2002:** Ernst, T. B. *The Syntax of Adjuncts*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2002.
- Haider 2000:** Haider, H. Adverb placement – convergence of structure and licensing. // *Theoretical Linguistics*, vol. 26, 2000, 95 – 134.
<www.academia.edu/25769195/Adverb_placement_convergence_of_structure_and_licensing> (05.09.2024).
- Haspelmath 1993:** Haspelmath, M. *A Grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.

- Hirtle 1997:** Hirtle, W. H. Already, still, and yet. // *Archivum Linguisticum* 8. Michigan: Mansell, 1977, 28 – 45.
- Horn 1970:** Horn, L. R. Ain't it hard (anymore). // *Papers from the 6th Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1970, 318 – 327.
- Hornby et al. 2000:** Hornby A. S., Sydney, A., Ashby, M., Wehmeier, S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Kiss 1998a:** Kiss, K. É. Identificational Focus and Information Focus. // *Language*, vol. 74, no. 2, 1998a, 245 – 273. <https://www.researchgate.net/publication/238245218_Identification_al_Focus_and_Information_Focus> (27.08.2024).
- Kiss 1998b:** Kiss, K. É. Multiple Topic, One Focus? // *Acta Linguistica Hungarica*, vol. 45, no. 1/2, 1998b, 3 – 29. <<http://www.jstor.org/stable/44656166>> (20.06.2024).
- König 1997:** König, E. Temporal and nontemporal uses of noch and schon in German. // *Linguistics and Philosophy*, vol. 1, Germany: Springer Nature, 1977, 173 – 198.
- Laenzlinger 1996:** Laenzlinger, C. Adverb Syntax and Phrase Structure. // *Configurations: Essays on Structure and Interpretation*. Ed. by A. - M. d. Sciullo. Somerville, MA: Cascadilla Press, 1996, 99 – 127.
- Lee 2006:** Lee, C. *Contrastive Topic and/or Contrastive Focus*. <<https://semanticsarchive.net/Archive/mQ5MWMMyY/jk12Lee.pdf>> (28.04. 2024).
- Mateva 2024:** Mateva, S. *Low Adverbs in English and Bulgarian, A Crosslinguistic Analysis of Cinque's Adverb Hierarchy*. Paper submitted for publication, 2024.
- Michaelis 1993:** Michaelis, L. A. 'Continuity' within three scalar models: The polysemy of adverbial still. // *Journal of Semantics*. Oxford: Oxford University Press, vol. 10, no. 3, 1993, 193 – 237.
- PONS 2024:** PONS, *Translations for Still in the English-Bulgarian Dictionary*. <en.pons.com/translate/english-bulgarian/still> (06.06.2024).
- Rizzi 1997:** Rizzi, L. The Fine Structure of the Left Periphery. // In Haegeman, L. (eds) *Elements of Grammar. Kluwer International Handbooks of Linguistics*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997, 281 – 337.
- Travis 1984:** Travis, L. *Parameters and Effects of Word Order Variation*. Massachusetts: MIT, 1984. <<https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/15211>> (15.08.2024).

WHERE STRUCTURE AND MEANING CLASH: THE PROBLEMS OF CATEGORIZING DETACHED -ING CLAUSES¹

Nikoleta Georgieva
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

nicolettag@uni-plovdiv.bg

This paper examines detached subjectless *-ING* clauses without a subordinator and the challenges of their syntactic analysis. A detached *-ING* clause may combine characteristics of an attribute, a predicative, and an adverbial modifier, and, oftentimes, structural analysis points to one function while semantic analysis suggests another. The difficulties for analysis largely stem from the participle's indeterminate nature between a verb and an adjective. In this paper, I argue that an *-ING* clause, depending on the degree of adjectivization of the participle, can be treated as both a non-finite verbal clause and an adjective clause, each fulfilling distinct syntactic functions.

Key words: detached clauses, loose parts of the sentence, *-ing* participial clauses, attribute, predicative, adverbial clauses, adjectivization

This paper examines subjectless *-ing* clauses without a subordinator, in comparison with verbless clauses realized by AdjPs, also referred to as *adjective clauses* here. The two structural types often occur as *loose* (extrapositional) *secondary parts*, i.e. placed outside the main framework of the sentence and marked off by punctuation in writing and intonation in speech. Although peripheral, they are still parts of the sentence and perform specific syntactic functions within it. However, their precise syntactic classification proves highly problematic, being complicated by a number of factors.

¹ This study is financed by the European Union - NextGenerationEU, through the National Recovery and Resilience Plan of the Republic of Bulgaria, project DUECOS BG-RRP-2.004-0001-C01 (DUECOS D24-FIF-005).

First, detached parts of the sentence gain a certain level of independence, and, consequently, the distinctive features they exhibit when fully integrated become more obscure. A detached construction may simultaneously exhibit characteristics of an attribute, a predicative, and an adverbial modifier, and, oftentimes, structural analysis will point to one function while semantic analysis may suggest another:

(i). *Lee watched him, **smiling**. (East of Eden)*

The detached participle exhibits both predicative and adverbial characteristics. On the one hand, similar to a predicative, it refers to a nominal—the subject of the sentence—and is linked to it through the predicate verb. On the other, just like an AM, it conveys circumstantial information, describing the manner in which the action in the matrix clause is carried out, resulting in a clash between the structural and semantic features. Furthermore, if the participle were immediately appended to its nominal antecedent (*Lee, smiling, watched him.*), it would approximate a post-head attribute in a NP.

Determining the syntactic function of detached subjectless *-ing* clauses is particularly problematic due to the following factors:

- (1) lack of explicit subject;
- (2) lack of subordinator, and
- (3) the presence of a participle

Non-finite and verbless clauses attribute a quality, action, or state to some entity. Therefore, they may form either an intensive (copular) relationship to the entity, expressing its quality or property, or an extensive one, denoting an action or state. To achieve precise syntactic analysis of detached clauses, we must first identify their antecedent. By antecedent here we mean the entity in the matrix clause that is identical with the implied subject of the detached *-ing* or verbless clause (Quirk et al. 1985: 1125). Identifying the antecedent is crucial to the syntactic analysis, as attributes, predicatives, and AMs generally modify different word classes and parts of the sentence.

In *Absolute clauses* (AC), which contain a subject, this entity is explicit:

1. Non-finite AC: *We piled them up like they were logs, over two hundred, **arms and legs sticking out**.*

1.1. Verbless AC: *Liza Hamilton, **her apple cheeks flaming red**, moved like a caged leopard in front of the stove when Samuel came into the kitchen in the morning.*

(East of Eden)

Subjectless constructions, however, refer to an entity within the matrix clause, which may vary. This entity is typically assumed to be the subject of the superordinate clause (Quirk et al. 1985: 1121), though it can also be another nominal, as well as the entire matrix clause (the antecedent is given in bold):

(1a) **Samuel** knelt in the sandy soil, looking at the torn and broken edges of his bit.

(1b) In the Chop House he ran into young **Will Hamilton**, looking pretty prosperous in a salt-and-pepper business suit.

(East of Eden)

(1c) **Shoes cost from two hundred to eight hundred dollars a pair**, depending on whether they were made of “cardboard” or real leather.

(Gone with the Wind)

The absence of a subordinator adds to the complexity of the problem as a subordinator elucidates the meaning and, consequently, the function of the detached construction: e.g. *while* (temporal), *due to* (reason), *despite* (concession) are strong indications of an adverbial function. The formal inexplicitness of a construction without a subordinator invites multiple interpretations.

Finally, the participle’s indeterminate nature between a verb and an adjective raises another question: *Does the -ing construction function as a non-finite (verbal) clause or a verbless (adjectival) one?*

This question is critical for determining whether the *-ing* clause expresses a quality, in the broadest sense, or refers to an action or state, and consequently, whether it establishes an extensive or intensive relationship to its antecedent. These insights will support the accurate categorization of the *-ing* clause as part of the sentence, as they cover the principal differences between attributes, predicateds, and adverbial modifiers.

1. Scope and objectives

The aim of this paper is to propose a framework for the syntactic classification of subjectless *-ing* clauses without a subordinator centered on the degree of adjectivization of the participle. While the existing views on their syntactic status vary, they are habitually treated as adverbial clauses. In my view, this classification is inconclusive, as it fails to account for the adjectival properties of the participle and the relationship it forms with the main clause. In this paper, I put forth the claim that a detached *-ing* clause may have all of the following functions:

- (1). Detached predicative
- (2). Detached attribute
- (3). Adverbial modifier

The criteria for classification largely depend on the adjectival properties exhibited by the participle and are based on the following questions:

- *Does the -ing participle have a verbal or adjectival reading?*
- *Which is the antecedent of the -ing participle?*
- *What kind of relationship—extensive or intensive—does it form with its antecedent?*
- *Where is the -ing participle positioned relative to its antecedent?*

As already demonstrated, these constructions are often characterized by ‘clashes’ between their semantic and syntactic features. Although the premise and objectives of this investigation are chiefly syntactic, meaning will be highlighted as a strong determining factor in the analysis.

2. Existing views on the syntactic classification of detached clauses

The syntactic status of detached verbless and non-finite clauses remains debated, with three primary functions identified: attribute, predicative, or adverbial modifier. Scholars differ on whether non-finite and adjective clauses share the same functions or should be treated separately, with emphasis on features like connection to the subject, mobility, omissibility, and semantic content.

Biber et al. (1999: 136, 201) distinguish non-finite and verbless adjectival clauses, classifying the former as supplementive adverbial clauses and the latter as detached predicatives. Similarly, Huddleston and Pullum (2005: 119, 134) assign distinct functions to AdjPs and *-ing* clauses, with AdjPs as “predicative adjuncts” and *-ing* clauses as “adjuncts in clause”, suggesting an adverbial function due to their circumstantial meanings.

In contrast, Grancharov (2009), Pavlov (2010), and Quirk et al. (1985) argue that formal differences do not entail distinct syntactic functions. Quirk et al. (1985: 1124) classify both types as “subjectless supplementive clauses” with an adverbial function, regardless of form. They focus on structural features like omissibility and mobility, typical of adverbials, and argue that *-ing* clauses convey circumstantial information while adjective clauses modify both the nominal antecedent and predicate, reinforcing their adverbial function. In this view, the quality expressed by the AdjP is perceived as transient or arising from the event in the matrix clause—for example, “*Nervous, the man opened the letter*” implies the man was nervous because he had to open the letter (Quirk et al. 1985: 425).

Grancharov and Pavlov, similar to Quirk et al., see non-finite and verbless clauses as fulfilling the same role, but they assign them attributive or predicative functions, not adverbial. Grancharov (2009: 44) argues that the historical connection to the subject of the matrix clause refutes an adverbial function, and that position relative to the antecedent and predicate verb determines whether the clause is an attribute or predicative. When placed immediately before or after the antecedent, it is an attribute; when separated by the predicate verb, it is a predicative.

(2a). ***Reading the paper***, John was smoking a cigar. – Extrapositional Attribute

(2b). John was smoking a cigar, ***reading the paper***.² – Extrapositional Predicative

In summary, existing classifications include adverbial clauses, detached attributes, and detached predicatives (or predicative adjuncts). Some analyses emphasize semantic value, while others focus on structural features.

I argue that *-ing* clauses remain underexplored, with limited analysis of the distinctions between their verbal and adjectival uses. The potential for participles to function fully as adjectives has important implications for the syntactic roles of detached *-ing* clauses, an aspect that has yet to be thoroughly addressed.

3. Characteristics of Attributes, Predicatives, and Adverbial Modifiers

In this paper, I argue that formal differences between non-finite and adjective clauses signal functional distinctions and thus merit separate analysis. This argument is grounded in the specific syntactic and semantic characteristics of adjectives. Below, I briefly outline the features of attributes, predicatives, and adverbial modifiers.

Attributes, predicatives, and adverbial modifiers share some traits but differ morphologically, functionally, and semantically. Predicatives and adverbial modifiers are clause elements, while attributes are constituents of NPs, typically modifying the head noun in terms of quality, state, or property. Attributes are often adjectives (e.g., *intelligent students*, *people responsible*) or *-ing* participles (e.g., *amazing people*) and may also be realized as finite relative clauses (e.g., *The people who are responsible for the accident*). Being phrase constituents, attributes are omissible without affecting the grammaticality or meaning of the sentence.

² The example is borrowed from Grancharov, *English Syntax Practice Book*, 2009.

Predicatives also describe or identify a nominal antecedent but differ from attributes in that they must be adjectivized, excluding verbal participles:

(Att) *dazzling sun* -> (Pred) *The sun is dazzling*.

(Att) *setting sun* -> (VP) *The sun is setting*.

The relationship between the predicative and its antecedent is realized by a copular verb, which typically has little to no lexical content. A true³ predicative is not omissible as it completes the structure and meaning of the clause (e.g., **My mother is*. vs. *My mother is very caring*). Other copulas preserve their “ordinary full force” (Jespersen 1933: 90)⁴, making the predicative non-essential and omissible (e.g., *They married young*).

Adverbial modifiers, as defined by Biber et al. (1999: 762), serve three main functions: adding circumstantial information, expressing the speaker's stance, or linking the clause to another discourse unit. Unlike attributes and predicatives, adverbials modify the predicate or the entire matrix clause, but not NPs. They are typically omissible and mobile, often realized by a variety of constructions, excluding adjectives:

(3a) [*Unfortunately*], *he is not coming [today]*.

(3b) *He, [unfortunately], is not coming [today]*.

(3c) *He is not coming [today] [unfortunately]*.

Table 1 provides a summary of the relevant characteristics of attributes, predicatives, and adverbial modifiers discussed above:

Table 1. *Characteristic Features of Attributes, Predicatives, and Adverbials*

	<i>Attribute</i>	<i>Predicative</i>	<i>Adverbial</i>
Modifies a nominal	√	√	X
Can be realized by an AdjP	√	√	X
Follows a copular verb	X	√	~ ⁵
Freely omissible	√	~ ⁶	√
Freely mobile	X	X	√ ⁷

³ According to their degree of connection to the copula, predicatives are classified into *true*, *supplementary*, and *extrapositional* (see Grancharov 2009: 32).

⁴ Jespersen (1933: 91) refers to such predicatives as *quasi-predicatives*.

⁵ The symbol “~” indicates non-typical yet possible properties, *i.e.* adverbials can follow a copula, but this is not their most typical position.

⁶ As previously mentioned, when the copula is a verb with retained lexical content, the predicative can be omitted.

⁷ Naturally, this will not apply to all adverbials, but the table strives to present the most typical characteristics.

4. Characteristics of the *-ING* Participle

The *-ing* participle shares properties of both verbs and adjectives, so it is commonly labelled ‘verbal adjective’ (Huddleston 1984: 318). Consequently, it can appear in both verbal positions—as part of a finite VP—and adjectival ones, such as an attribute or a predicative:

- [a]. The hosts *were entertaining* the guests. (VP)
- [b]. The *entertaining* couple hosted a lovely party. (Pre-Attr.)
- [c]. The artist *entertaining* the guests was a famous comedian. (Post-Attr.)
- [d]. The magazine *is entertaining* in style and content. (SubjPred)
- [e]. I found the film *quite entertaining*. (ObjPred)

Two central factors for distinguishing between the verbal and adjectival use of the *-ing* participle are the syntactic slot it occupies and its dependents (if any). A participle is treated as an adjective when it modifies a noun as part of a noun phrase (sent. [b] and [c]) or follows a copulative verb (sent. [d] and [e])⁸. Alternatively, in constructions with an auxiliary (sent. [a]) it represents the progressive-aspect form of a lexical verb.

In terms of argument structure, the presence of a direct object (see [a] and [c]) indicates a verbal function, and pre-modification by ‘very’, ‘more’, or ‘most’ warrants an adjectival reading. The possibility for an *-ing* participle to be graded and intensified is commonly employed as a central criterion for determining its adjectival status (see Downing, Locke 2000: 478; Huddleston 1984: 320, Wasow 1977: 343, Nichols 1965: 42). It should be noted that this possibility is directly related to the semantic content of the participle rather than its syntactic function:

(4a) *very entertaining hosts, more entertaining hosts*

(4b) **very returning hosts, *most returning hosts*

The observations made so far illustrate the indeterminate nature of the participle, as they reveal a certain contradiction between the two listed factors: in sentence [c] the participle occupies a typical adjectival position, while simultaneously taking a Od, which suggests a verbal status. Furthermore, a clash occurs between the syntactic and semantic levels in *returning hosts*—while the syntactic position of a preposed attribute is a

⁸ Sent. [e] contains an *Co*, as ‘entertaining’ stands in a copular relationship with ‘the film’; object predicatives typically occur immediately after the Od. The link verb is not explicit but perceived as ellipted (‘I found the film [to be] entertaining.’).

strong indication of an adjectival status, the semantic value of the participle disallows its grading and intensification, thus suggesting otherwise.

The syntactic slot most reflective of the degree of adjectivization of the participle is that after the verb “be”. The *adjectiveness* of the *-ing* participle is crucial in the pattern <BE + *-ING* participle>, as the dual nature of both constituents permits two possible interpretations:

1. *Auxiliary verb + a content verb: The children are playing.*
2. *Copular verb + an adjective: The children are annoying.*

While both examples feature an *-ing* participle, its status as a verb or adjective determines whether it forms an intensive (copular) or extensive relationship to the Subject, and consequently, whether the entire construction represents an analytical verb form or a syntactic unit. In sentence (2), the participle is derived from the transitive verb ‘annoy’, so the lack of a Od is strong enough evidence of its non-verbal use. However, when a participle is derived from an intransitive verb (*playing*), it is its semantic value that serves as a determining factor, as illustrated in the following:

The children are running/jumping/singing/dancing, etc.

Despite the lack of verbal arguments, neither of the participles can be perceived as adjectives, which can be explained by their reference to activities and lack of descriptive value. The relationship with the antecedent (‘the children’) is undoubtedly extensive.

4.1. Criteria for Adjectivization of *-ING* Participles

The adjectival status of *-ing* participles can be assessed based on four criteria outlined by Quirk et al. (1985: 402–3):

1. *They can freely premodify a nominal head in a NP;*
2. *They can freely occur in a predicative function;*
3. *They can be premodified by the intensifier ‘very’;*
4. *They can take comparative and superlative forms.*

Adjectivization should be viewed as a gradient rather than an absolute category. The application of the four criteria can be illustrated by comparing two participles occupying opposite ends of the scale of adjectivization: *playing* (verbal) and *annoying* (adjectival):

Table 2. *Criteria for Adjectivized Participles*

	Playing	Annoying
Premodifier of a noun	√ <i>playing children</i>	√ <i>annoying sound</i>
Predicative function	X <i>*The children are playing.⁹</i> <i>*I consider the children playing.</i>	√ <i>This sound is annoying. (Cs)</i> <i>I find this sound annoying. (Co)</i>
Premodification by 'very'	X <i>*very playing children</i>	√ <i>very annoying sound</i>
Comparative and superlative forms	X <i>*more/most playing</i>	√ <i>more/most annoying</i>

The *-ing* participle, however, is not restricted to single words but also covers phrases containing an auxiliary, which make distinctions of aspect and voice:

- *Indefinite (Non-perfect) Active: writing*
- *Perfect Active: having written*
- *Non-Perfect Passive: being written*
- *Perfect Passive: having been written*

Only the indefinite form meets adjectival criteria, though marked forms can still be analyzed in terms of their extensive or intensive relationship to the antecedent. Marked forms mostly occur as detached constructions, making their analysis essential to the present study.

The auxiliary 'having' always indicates an action, implying an extensive relationship. 'Being', on the other hand, can be both an auxiliary and a copula:

- 'being' + AdjP: 'Adam crawled quietly into the water, **being very careful to make no splash.**' (East of Eden)*
- 'being' + -ED Participle: '**Being welcomed and wanted**, Scarlett felt a glow of warmth.' (Gone with the Wind)*

In sentence (a), 'being' is a copula connecting the implied subject and the subject predicative. However, in (b) its function is indeterminate,

⁹ The sentence is grammatical, but it contains an analytical form of the verb 'play' and not a combination of a link verb and Cs.

oscillating between an auxiliary and a copula, depending on whether the combination is interpreted as a passive voice construction or as a linking verb and an adjective. The same dependencies apply to the perfect passive participle form ‘having been + *-ed* participle.’

In conclusion, while only the indefinite *-ing* participle shows clear adjectival characteristics, forms involving the verb *be* can establish an intensive relationship between clause elements and potentially fulfil a predicative function.

5. Characteristics and Syntactic Functions of Detached *-ING* and Adjective Clauses

The two structural types share fundamental characteristics. First, both are mobile, occurring in initial, medial, and final positions, i.e. they can be directly appended to their antecedent, placed before or after it, or separated from it by the predicate verb. While mobility and omissibility are often seen as signs of an adverbial status, I argue that these traits result from the loose attachment to the main sentence structure. Additionally, omissibility is not unique to AMs; both attributes and predicatives can also be omitted, though predicatives are subject to some restrictions.

Table 3. *Positions of -ING Clauses and Adjective Clauses Within the Sentence*

<i>-ING Clauses</i>	<i>Adjective Clauses</i>
<i>Having made up his mind</i> , Samuel set about doing it well.	<i>Full of apologies</i> , the manager approached us.
Samuel, <i>having made up his mind</i> , set about doing it well.	The manager, <i>full of apologies</i> , approached us.
Samuel set about doing it well, <i>having made up his mind</i> .	The manager approached us, <i>full of apologies</i> .

Secondly, both structural types display ambiguous semantic values. Adjective clauses are inherently descriptive, but when detached, they often take on additional adverbial nuances. In contrast, *-ing* clauses with non-adjectival participles lack descriptive content and convey purely circumstantial information, the exact nature of which remains indeterminate:

(i) ***Having eaten their fill**, the children were allowed to leave the table.*¹⁰
[= after they had eaten their fill] [= because they had eaten their fill]

Meaning alone does not suffice to classify the clause as an adverbial. As mentioned earlier, the connection of the detached element to the subject of the main clause is used as evidence against its potential adverbial function, as AMs do not modify nominals.

In my view, what is relevant is not only the presence of a connection to a nominal but also the nature of this connection. There is an obvious and significant difference between:

(ii) *And then a new voice came into it, **saying coolly and with contempt** [...].*

(iii) *This was new to them, **exciting and frightening**.*

(East of Eden)

While both participial clauses refer to the subject of the main clause, they differ significantly in function and meaning. In (ii), the detached element is a non-finite verbal clause that attributes an action to the antecedent, forming an extensive relationship. In contrast, (iii) consists of two strongly adjectivized *-ing* participles. This construction is analyzed as a verbless clause realized by an AdjP, which forms a copular relationship with its antecedent.

Paraphrasing can further support this analysis. Grancharov (2009: 44) and Biber et al. (1999: 137) suggest that detached clauses result from condensation, where the verb “be” is ellipped and the subject is recoverable from the main clause. Thus, these clauses can be seen as “nested structures”, with the *-ing* participle first analyzed as a clause element, and the entire *-ing* clause then examined as part of the sentence.

Paraphrasing the detached constructions into finite clauses yields two distinct clause structures:

(ii) *And then a new voice came into it and [the new voice **said coolly and with contempt**] – SVA*

(iii) *This was new to them and [**this was exciting and frightening**]. – SVP*

In (ii) the participle functions as predicate verb, indicating a sequence of actions performed by the same agent. Given the lack of descriptive force, the absence of a copular relationship to the nominal part, and the circumstantial meaning, the detached element does not qualify as a predicative, and is, therefore, classified as an adverbial clause. This applies

¹⁰ Quirk et al. *Comprehensive Grammar of the English Language* (1985: 1124)

to all *perfect active participles* as well, as they consistently maintain a verbal reading (e.g., *having left*).

In contrast, in (iii), the two adjectivized participles exhibit descriptive content and establish an intensive relationship with the subject of the sentence. Their predicative function within the clause is preserved after condensation, making the entire construction a detached subject predicative.

In sentence (iii), the sentence-final position of the detached clause aligns with the typical ordering of clause elements. However, as noted earlier, detached elements can also occur in sentence-initial position, which raises questions about the applicability of the predicative role. The positional aspect was also highlighted as a criterion for distinguishing between *loose attributes* and *loose predicatives*.

In my view, the predicative classification applies to adjective clauses that modify the subject in both an initial and a final position. The movement operation does not affect the internal structure of the condensed clause, nor the position of the adjective or adjectivized participle within it. Therefore, the shift in position does not translate to a shift in syntactic status, and the detached clause should be treated as a fronted predicative.

A predicative function is also exhibited by clauses featuring the form *being* in which it functions as a copula:

(5a) *Adam crawled quietly into the water, **being very careful to make no splash**.*

[Adam was very careful to make no splash] – *SVP*

In the pattern <BE + -ED Participle>, *be* is indeterminate between an auxiliary and a copula, causing ambiguity in syntactic analysis between adverbial and predicative roles. The classification ultimately depends on contextual cues.

Additionally, an adverbial function can generally be inferred when the antecedent of the detached element is the entire matrix clause. Such instances approximate style or content disjuncts:

(5b) *I'd have to charge you fifty cents or more a foot, **depending on what we find down there**. [‘whether I charge you fifty cents or more depends on what we find down there’]*

(*East of Eden*)

Although rare, the same position can also be occupied by an adjective or an adjectivized *-ing* participle, functioning as a condensed comment clause:

(5c) **Surprising**, it was she who initiated the divorce proceedings.¹¹

Certain unattached participles can also serve a true adverbial function. Set expressions like *strictly speaking*, *continuing our story*, *judging by appearances*, etc., are common and acceptable, mainly in colloquial style (Grancharov 2009: 47). They cannot qualify as predicatives since their implied subject is entirely absent from the main clause:

(5d) And **strictly speaking**, you do not believe anything nearly as strong as that content.¹²

Thus far, we have examined detached *-ing* clauses in sentence-initial and sentence-final positions, where the subject of the main clause serves as their antecedent. This analysis does not address the position immediately following the antecedent, which poses the most difficulties for syntactic analysis. In such cases, these clauses may occur medially or finally, appended either to the subject or to another nominal entity (the antecedent is in bold):

(5e) *Rarely did two men meet, or three stand in a bar, or a dozen gnaw tough venison in camp, that **the valley's future**, paralyzing in its grandeur, did not come up, not as conjecture but as a certainty. (East of Eden)*

(5e.1) *Most likely all dreams, when being retold, should begin with **the opening statement**, revealing and startling in its simplicity, which I heard from Aya, who was then four. (Physics of Sorrow)*

In this position, detached elements can be paraphrased as non-restrictive relative clauses rather than independent finite clauses. Such paraphrasing is impossible when the detached clause either precedes the antecedent or is separated from it by the predicate verb:

(5f) [*Reaching behind the garments*], Cyrus brought out his shotgun. (*East of Eden*)

**Who was reaching behind the garments*, Cyrus brought out his shotgun.

*Cyrus brought out his shotgun, *who was reaching behind the garments*.

¹¹ The sentence is adapted from Quirk et al. (1985: 426).

¹² Moss, S. *Probabilistic Knowledge* (2018)

Assigning a predicative function to such constructions does not seem viable. The two options for analysis are a post-head attribute or an adverbial clause. Distinguishing between the two is particularly challenging because neither adjectivization nor the presence of a copular relationship are reliable criteria. Unlike the predicative, an attribute can be realized by both adjectival and non-adjectival participles. Furthermore, an intensive relationship is not an obligatory requirement, as relative clauses can attribute qualities, states, and actions to their antecedent:

working people
people working abroad
people who work abroad

One reliable marker of an adverbial function is the presence of an auxiliary or the verb *be* in the *-ing* clause because these forms typically cannot function as post-modifiers in NPs (Quirk et al. 1985: 1125):

(5g) *And Cal, having gone this far, proceeded with his self-punishment.*

(5g.1) *The coyote, being wild, lives close to man and his chickenyards.*

(*East of Eden*)

In the absence of those markers, the *-ing* forms generally remain ambiguous between attributes and adverbials. Such cases, however, appear to be influenced to some extent by the degree of adjectivization of the *-ing* forms. Both adjective clauses and adjectivized participles in a post-nominal position, whether detached or not, bear little, if any, adverbial meaning:

(5h) *Her eyes traveled to his hair, **dark and thick and vibrant**, styled in a casual perfection* (COCA, 2009/FIC)

(5h.1) *If you could invite three famous **people, living or dead**, to dinner, who would they be?* (COCA, 2017/NEWS)

Both examples above qualify as attributes. In contrast, detaching a postnominal verbal *-ing* clause tends to enhance its adverbial meaning:

(5i) *She felt that people **having a good time** were wide open to the devil.*

(5i.1) *She felt that people, **having a good time**, were wide open to the devil.*

(*East of Eden*)

In [5i], the *-ing* clause is functionally equivalent to a restrictive relative clause, implying “people who have a good time”, while in [5i.1], it has

prominent circumstantial nuances of meaning, implying “people, while having a good time”. Other examples exhibiting the same dependency are:

[5i.2] *Tier eyes, **looking at me**, were never brighter.* (COCA, 2015/FIC)

(= *as they were looking at me*)

[5i.3] *These people, **living in a state of constant anxiety**, usually have the ability to say 'no' to anything that will affect their promised path to the good life of Reilly.* (COCA, 2012/BLOG)

(= *since they live in a state of constant anxiety*)

However, the acquisition of adverbial nuances by detached verbal *-ing* clauses is not universal or consistent, and some instances still lean towards an attributive analysis:

[5j.4] *The majority of Elliot's photographs portrayed smiling people, **living in community** and content with their way of life.* (COCA, 2003/ACAD)

6. Conclusions

Detached subjectless *-ing* clauses without a subordinator can perform three syntactic functions: subject predicative, adverbial, and attributive. Their classification primarily depends on the degree of adjectivization of the participle. Additional factors influencing their categorization include: 1) the antecedent of the *-ing* clause, 2) the type of relationship—intensive or extensive—between the *-ing* clause and its antecedent, and 3) the position of the *-ing* clause relative to the antecedent and the predicate verb.

According to the formulated criteria, *-ing* clauses exhibiting a predicative function are either realized by adjectivized participles or include the copula *be*. These clauses may occur in either an initial or final position but must refer to the subject of the main clause as their antecedent. While such clauses often acquire adverbial nuances of meaning, these nuances are insufficient to classify them as adverbial clauses.

Non-adjectivized *-ing* participles occupying the same syntactic position do not meet the criteria for predicatives, as they establish an extensive relationship with their antecedent. This characteristic, combined with their pronounced circumstantial meaning, suggests an adverbial function. An adverbial function is also attributed to *-ing* clauses whose antecedent is the entire matrix clause, including certain unattached participles, also referred to as dangling modifiers. Another reliable indicator

of an adverbial function is the auxiliary *having*, which consistently signals a verbal interpretation of the *-ing* form.

Finally, a detached *-ing* clause can be analyzed as an attribute when it has a nominal antecedent and occurs immediately after it, either medially or finally. The adjectivization of the participle supports this analysis, while the absence of adjectival properties renders the construction ambiguous between an attributive and an adverbial interpretation. Detaching a non-adjectival *-ing* clause often enhances its adverbial characteristics, though this correlation remains inconsistent and unreliable.

The present study offers a systematic framework for analyzing the syntactic functions of detached subjectless *-ing* clauses without a subordinator, highlighting the significance of adjectivization and other contextual factors in their classification. These findings hold potential relevance for theoretical linguistics, particularly in understanding the interplay between syntax and semantics. Future research, incorporating a broader corpus of authentic examples, could further refine this framework and explore its applicability to other detached constructions as well.

REFERENCES

- Biber et al. 1999:** Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., Finegan, E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow: Pearson Education Limited, 1999.
- Downing, Locke 2000:** Downing, A., Locke, Ph. *A University Course in English Grammar*. London: Routledge, 2000.
- Grancharov 2009:** Grancharov, M., *English Syntax Practice Book*. Plovdiv: Paisii Hilendarski University Press, 2009.
- Huddleston 1984:** Huddleston, R. *Introduction to the Grammar of English*. New York: Cambridge University Press, 1984.
- Huddleston, Pullum 2005:** Huddleston, R., Pullum, G. K. *A Student's Introduction to English Grammar*. New York: Cambridge University Press, 2005.
- Jespersen 1933:** Jespersen, O. *Essentials of English Grammar*. London: Routledge, 1933.
- Nichols 1965:** Nichols, A. E. *English Syntax. Advanced Composition for Non-Native Speakers*. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1965.
- Pavlov et al. 2010:** Pavlov, V. V., Kovalenko A. M., Golubkova N. L. *The Basics of English Syntax*. Sumy: Publishing House of Sumy State Pedagogical University, 2010.

Quirk et al. 1985: Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. New York: Longman Inc., 1985.

Wasow 1977: Wasow, T. Transformations and the Lexicon. // *Formal Syntax*. Stanford, California: Academic Press, Inc., 1977, 327 – 360.

SOURCES FOR THE EXAMPLES

Gospodinov 2024: Gospodinov, G. *Physics of Sorrow*, First edition OPEN LETTER, 2016, Second edition: Weidenfeld & Nicolson, 2024.

Mitchell 2023: Mitchell, M. *Gone with the Wind*, First published by Macmillan, 1936, Reprinted by Project Gutenberg, 2023.

Moss 2018: Moss, S. *Probabilistic Knowledge*, First published by Oxford University Press, 2018.

Steinbeck 1979: Steinbeck, J. *East of Eden*, First published by The Viking Press, 1952, Reprinted by Penguin Books, 1979

COCA: Corpus of Contemporary American English. <<https://www.english-corpora.org/coca/>> (10 January 2025).

LIST OF ABBREVIATIONS

AdjP	<i>adjective phrase</i>
Attr	<i>attribute</i>
AM	<i>adverbial modifier</i>
Co	<i>object complement</i>
Cs	<i>subject complement</i>
NP	<i>noun phrase</i>
ObjPred	<i>object predicative</i>
Od	<i>direct object</i>
Post-attr	<i>postposed attribute</i>
Pre-attr	<i>preposed attribute</i>
Pred	<i>predicative</i>
SubjPred	<i>subject predicative</i>
VP	<i>verb phrase</i>

RENDERING EMOTIONS: BULGARIAN WELL-WISHING INTO ENGLISH

Debora Nikolova

St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo

d.dimova@ts.uni-vt.bg

Central to this paper is the rendition of Bulgarian cultural scripts of well-wishing into English, particularly as used by Bulgarians writing in English. The paper investigates birthday and New Year wishes written by Bulgarians and collected from personal Facebook pages of native and non-native English speakers, analyzing the formulaic and personalized nature of these messages. By examining these well-wishing practices, the present paper not only considers how emotions and cultural values are expressed in cross-linguistic contexts but also emphasizes the role of English as the communicative medium for conveying culture-specific practices.

Key words: emotions, culture, cultural script, speech act theory, field method

Introduction

In the 21st century, communicative rituals of exchanging wishes on occasions such as birthdays, New Year's, and other important life events are often mediated by Social Networking Service (SNS) such as Facebook, where people of diverse cultural backgrounds share the use of English as a common language of communication. The present paper aims to explore how well-wishing practices are rendered into English by Bulgarians posting on Facebook. It examines birthday and New Year wishes, as the most common wishes on social media, collected from the personal pages of Facebook users, focusing on how these messages blend formulaic expressions with personal touches. The present paper analyzes how Bulgarian cultural values and emotions are rendered into English, highlighting the role of English as a means of cross-cultural communication. The present paper examines the field of wish (Kotorova 2014) through the lens of native English speakers as a unified cultural group, and does not

focus on specific cultural subsets such as British, American, or Australian English. This decision stems from two factors. First, the fact that the English language serves as a unifying medium of communication among these cultures, endorsing shared cultural norms and conventions in practices such as well-wishing. Second, to ensure a relevant comparison of cultural norms and to highlight cultural transfer. In the context of World Englishes (Kachru 1985: 178 – 205) and the global usage of the English language this approach aims to outline the linguistic profile of Bulgarian speakers of English, specifically in the field of wish. The concept of cultural scripts (Goddard, Wierzbicka 2004) provides a framework to articulate cultural norms in a way that is clear and accessible to both insiders and outsiders of a culture. The paper particularly examines the speech act of well-wishing, classified as Behabitives (Austin 1962) or Expressives (Searle 1979) and favours Kotorova's classification of this speech act as field of wish. Data collecting for this analysis was conducted in three stages, including methods such as: corpus gathering, native speakers' consideration, and informants. The corpus includes 85 birthday wishes and 23 New Year wishes posted on Facebook by Bulgarians in English. The posts were collected in the arbitrarily chosen period between January 1, 2017, and January 1, 2024.

Notably, in the process of compiling and analyzing the corpus, it became obvious that the majority of collected examples of wishes were predominantly written by women addressing other women. Another observation that deserves attention is that approximately three quarters of the respondents who took part in both surveys are women, too. Although the primary aim of the present paper is to explore cultural transfer, gender appears as a major factor in shaping expressions of emotion in the context of wishes. Women in general tend to be more expressive of emotions, specifically positive ones, and tend to suppress negative emotions, as pointed out by Chaplin (2015: 1). Such behaviour is the norm in some cultures, as observed by Bratanova (2023), who concludes that longer intentional silence in communication implicitly designates negative emotions and feelings. Yet another noteworthy finding is that, while women are more emotionally expressive in general, their ways of expressing their emotions appear to vary significantly across cultures. This assumption stems from the appraisals made by female respondents, who assessed expressions of well-wishing written by other women on the occasions of birthday and New Year's Eve. Respondents specify that wishes are too wordy and too sentimental; although rendered in their mother tongue, they do not align with what native speakers of English would typically write on such occasions. To shape out the gender cultural perspective in the context of wishes, the role

of men is to be mentioned, too. While men are typically less expressive of positive emotions (Chaplin 2015: 1), being part of the cultural framework suggests their anticipation of specific prototypical form of wishes, which suggests a shared cultural standard.

Although the corpus size does not allow for broad conclusions, it reveals the rendition of Bulgarian cultural norms into English as the global language in online communication. To accomplish the objectives of the study, the following questions are explored:

- 1) How do Bulgarian well-wishers render traditional wishes into English, and to what extent do these adaptations retain Bulgarian cultural elements?
- 2) What cultural values and emotions are evident in Bulgarian cultural scripts of well-wishing and how do they manifest in the English language? What cultural values and emotions are evident in English cultural scripts for the same speech acts?
- 3) Are Bulgarian cultural scripts well-received by native English speakers when such scripts appear in messages expressing wishes in English?

Literature Review

The present paper builds on previous research, such as: Fong (2000), Kramalak (2016), Dabrowska (2020), Alemi, Moakhar, and Rezanejad (2021), Can and Hatipoglu (2023) who outline cultural differences in the speech act of well-wishing using different methodologies, some of which focus on computer-mediated communication. The present paper also explores cultural differences in the speech act of well-wishing, and particularly the rendition of Bulgarian cultural scripts into English through the lens of cultural scripts and the Natural Semantic Metalanguage (Goddard, Wierzbicka 2004). The NSM in particular allows for a clear explication and comparison of cultural concepts and expressions in the field of wish.

Theoretical Background

The present paper employs the communicative-pragmatic field approach (Kotorova 2014). This new research paradigm classifies speech acts (such as wish, apology, warning, etc.) as fields¹, providing the opportunity to unite “all possible speech act realizations in a language” by

¹ The term *field* stands for the intention behind the speech act. It “regards the aim of a communicative act or its illocutionary force as a field dominant” (Kotorova 2014: 187).

following several key steps: 1) using the Natural Semantic Metalanguage (NSM), put forward by Wierzbicka (1985) to create “uniform” (Kotorova 2014: 189), clear descriptions of “illocutionary force” (ibid.: 187: 2) identifying the core constituents (widely used phrases expressing the illocutionary force) and periphery constituents (less common phrases) in a field (ibid.: 188); 3) analyzing performative verbs (ibid.:190: 4) considering variations in language and culture (ibid.: 190: 5) carrying out a questionnaire survey to elicit the existing best practices (ibid.: 2014: 190). The NSM approach uses semantic primes to explain complex ideas through simple concepts. Semantic primes (Wierzbicka 1972) are basic concepts that, as observed by Bratanova, “are familiar to all people but cannot be explained or paraphrased in simpler terms. A key feature of primes is that they can hardly be defined concretely since they function as the smallest components of meaning and are used to explicate lexical meaning”. The present paper suggests the implementation of the principle of cultural script (Goddard, Wierzbicka 2004) in addition to the use of the NSM. The term *cultural script* stands for an effective approach based on linguistic evidence which helps present cultural standards by means of semantic primes. This approach makes cultural norms easy to understand both for people who are foreign to the culture in question and its members. The present paper employs the stated approach first, in an attempt to outline the differences in cultural norms in the context of exchanging wishes in Bulgarian and English, and second, as evidence for cultural transfer in the speech act of wishes.

Method

In order to achieve the objective of the study, data was gathered in three stages. In stage one a corpus comprising 108 examples of wishes written by Bulgarians in English has been compiled by collecting posts from the personal pages of Facebook users. All identifying elements, such as names, have been removed from the analyzed data. In stage two the corpus has been used in a survey conducted among native speakers of English whose answers have served as catalyst for the corpus analysis. One hundred native speakers of English, 78 women and 22 men, have participated. They have been invited to complete several tasks, namely to select examples from the corpus, which in their opinion do not align with expressions typical of their culture for the given occasions, to justify their choices and to share what they consider the most typical examples of birthday and New Year wishes. In stage three wishes proposed by native speakers of English from stage two have been further used for another survey, where both the original

wishes and their literal translation² in Bulgarian have been provided, and in which 100 Bulgarians have been asked to select birthday and New Year wishes that are not recognized as typical of their culture. Bulgarian participants have been as well asked to write what they consider the most typical examples of New Year and birthday wishes, thus providing basis for shaping the cultural script in this context and for comparison with the corpus gathered from Facebook posts. To ensure authenticity, all examples in the following sections are presented in their original form without any adjustments or modifications.

Cultural Scripts Exemplified by Birthday Wishes

Since all examples of birthday wishes in Bulgarian begin with the formulaic expression *Честит рожден ден* and in English with the formulaic expression *Happy birthday*, only the personalized form of these wishes will be presented here organized in terms of main concepts expressed in them in the following order: emotionality, warmth and affection in forms of address and cultural values. Formulaic expressions will be discussed in the result section.

Emotionality

Emotionality in wishes typical of Bulgarian culture is expressed by means of elaborate phrasing. This is often achieved by stacking adjectives in optative structures such as: *Да си жив и здрав, много щастлив и обичан*, or by stacking nouns in declarative sentences such as: *Желая ти много здраве, щастие, късмет и любов*. This pattern is preserved in cases of rendering birthday wishes in English, e.g.: *We wish you happiness, many, many smiles and a lot of success. Be lucky in your love and life!/I wish you health, luck and all happiness in the world.*

In examples of birthday wishes suggested by native speakers of English, such stacking of adjectives or nouns is not present. Wishes are often casual, limited to the formulaic phrases: *Happy birthday* and *Many happy returns* and rarely extend to examples expressing emotions such as: *Happy birthday! Hope you have a great day.*

² Literal translation of birthday and New Year wishes has been provided in order to outline differences in illocutionary force by means of language and culture variations.

Warmth and Affection in Forms of Address

In the corpus warmth and affection in forms of address are expressed by means of adding typical Bulgarian diminutive endings to names of foreigners. For the purposes of maintaining anonymity, the examples presented here will be made up by analogy by using diminutives at the end of common and proper nouns, which is a common practice in Bulgarian culture, e.g.: *Happy birthday, dear chefy! Happy birthday, Davidcho!*

In examples suggested by native speakers of English such expressions are not present, yet in the English language it is common practice to use the adjective *dear* in front of proper nouns to express warmth and affection.

Cultural Values

In examples typical of Bulgarian culture, cultural values such as happiness, health and well-being, success and prosperity are expressed by emphasizing one's well-being in all possible aspects. This is evident in examples such as: *Да си жив и здрав, много щастие и пари/Честит рожден ден! С пожелание за здраве, късмет, обич, радост и безброй сбъднати желания/Честит рожден ден! Желя ти всичко най-хубаво!/Честит рожден ден, много здраве, любов, щастие и весели моменти/Happy Birthday! Wishing you the best of luck and loads of love and happiness! Enjoy a great day!/Happy birthday! May all your wishes come true! Be healthy, be happy and be always satisfied by your family and all beloved ones! Be the happiest ever today! Lots of our love is sent to you right now.*

In examples of birthday wishes suggested by native speakers of English, the cultural values expressed are good fortune and well-being specifically oriented towards that special day. This is evident in examples such as: *May all your wishes come true/Hope you have a great day/I hope you have a wonderful day celebrating.*

The Bulgarian cultural script behind the field of wish on the occasion of birthdays based on the examples discussed above and using the NSM framework, can be articulated as follows:

[people think like this]:

It is good to say many many things that are good for the other person at one moment. This can make the other person feel good.

It is good to say things about before and after now.

It is good to say you want big good things to happen to the other person now and after now, after that moment.

The script mentions temporal focus towards the past, which is rare but present in the corpus and stems from examples such as: *May the joy that you have spread in the past come back to you on this day/Thank you for being the best teacher.*

The cultural script behind the field of wish on the occasion of birthdays based on responses of native speakers of English as mentioned above can be articulated as follows:

[people think like this]:

It is good to say one or two things that are good for the other person. This can make the other person feel good.

It is not good to say many things at one moment.

It is good if someone says to someone else they want good things to happen to them now, at the moment.

There are significant differences in the cultural norms articulated in these two cultural scripts in the field of wishes on the occasion of birthdays regarding length, temporal focus and scope of the wish, as exemplified in Table 1:

Table 1. *Differences in the Bulgarian and English cultural scripts in the field of wish on the occasion of birthdays*

	Length	Temporal focus	Scope
Bulgarian script	long/verbose	past, present	broad
English script	short/succinct	present	narrow, specific

Cultural Scripts Exemplified by New Year Wishes

Correspondingly, all examples of New Year wishes in Bulgarian and English begin with the formulaic expressions *Честита Нова година* and *Happy New Year* respectively. Consequently, only the personalized forms of these wishes will be presented here, organized in terms of main concepts expressed in them in the following order: emotionality and cultural values. Formulaic expressions will be discussed in the result section.

Emotionality

Emotionality in examples typical of Bulgarian culture is expressed yet again by means of lexical stacking exemplified in the following forms of wishes: *I hope 2021 has good health, joy, and luck in store for you and your family!* // *С пожелание за много здраве, радост и красиви моменти с любимите ти хора.* In examples of New Year wishes suggested by native speakers of English such stacking is not present. In most cases, New Year wishes are limited to the formulaic expression *Happy New Year* and in rare cases include general positive wishes, e.g.: *May it be prosperous and full of joy/wishing you all the best for 20...!*

Cultural values

Cultural values typical of Bulgarian culture expressed in New Year wishes are health (e.g. *За много години! Живи и здрави! Нека донесе много здраве, щастие, любов и успехи. Да сме живи и здрави! Наздраве и за много години!* // *May health be the thing you never worry about!*), happiness and joy (e.g.: *Нека бъде успешна и изпълнена с радост! Да бъде здрава и щастлива!* // *May it be full of joyful moments with family and friends, loads of adventures and love*), success and prosperity (e.g.: *Да е мирна и плодородна!* // *С пожелания за много здраве, късмет, изобилие и белегет!* // *Wish you to fulfill all your wishes and desires*), and family and togetherness (e.g.: *Честита Нова година! Живи и здрави да сте цялото семейство!* // *С пожелание за много здраве, радост и красиви моменти с любимите ти хора!* // *I wish you all the best in 2018! May it be full of joyful moments with family and friends, loads of adventures and love*).

Cultural values expressed in New Year wishes suggested by native speakers of English are: health (e.g.: *Safe and healthy New Year*), prosperity, success (e.g.: *May it be prosperous and full of joy*) and optimism e.g.: *Cheers to another great year.*)

There is a significant similarity between the scripts behind the field of wish on the occasion of one's birthday and on the event of New Year's Eve in Bulgarian culture. The Bulgarian cultural script behind the field of wish on the event of New Year's Eve based on the aforementioned examples and using the NSM framework, can be formulated as follows:

[people think like this]:

It is good to say many many things that are good for the other person at one moment. This can make the other person feel good.

It is good to say things about before and after now.

It is good to say you want big good things to happen to the other person after now, after that moment.

The scripts differ to some extent in the temporal focus towards which the wish is oriented. In the case of birthdays, it is anticipated to wish a good celebration which focuses on the current moment, while New Year's wishes are focused mainly on the future.

The instances mentioned above, provided by respondents who are native speakers of English clarify that there is a close parallel between the scripts behind the field of wish on the occasion of one's birthday and on the event of New Year's Eve in English. The script behind the field of wish on the event of New Year's Eve can be formulated as follows:

[people think like this]:

It is good to say one or two things that are good for the other person. This can make the other person feel good.

It is not good to say many things at one moment.

It is good if someone says to someone else they want good things to happen to them after now, after that moment.

Similarly, the scripts slightly diverge in the temporal focus towards which the wish is oriented. Again, in the case of birthdays it is anticipated to wish a good celebration which puts emphasis on the current moment, while New Year's wishes are focused on the future.

Results

To outline cultural differences exemplified by language variation, core (formulaic form) and peripheral (personalized form) constituents, as well as performative verbs, need to be identified and analyzed. There is a significant distinction in the formulaic form of wishes in Bulgarian and English. The fixed expressions *Честит рожден ден* in Bulgarian and *Happy birthday* in English differ on lexical, grammatical, and cultural pragmatic level. The phrase in Bulgarian is expressed by means of three lexemes (adjective + adjective + noun), in contrast the English phrase is comprised by only two (adjective + compound noun). The meaning of *Честит рожден ден* rendered in English is *I congratulate you on your birthday*. On the one hand, such an expression can be considered as a transition from one speech act or

one field (i.e. wish) to another (i.e. congratulation), which, as pointed out by Dąbrowska, is not unusual as they are often analyzed together. On the other hand, it reveals implicit cultural significance presenting this event as an achievement that one deserves congratulations upon. This belief, as pointed out by Dąbrowska, is not shared by native speakers of English, “unless someone has reached an advanced age of 80 or 90 or more”. What can be highlighted as similarity between the formulaic forms in both cultures is the lack of performative verb in their original form as both exemplify noun phrases. The Bulgarian formulaic phrase translated into English, however, exemplifies the verb *congratulate*, whereas the English fixed phrase translated into Bulgarian *Щастлив рожден ден* does not. It functions as an exclamation which explicitly conveys the emotional state of happiness related to that occasion by means of a noun phrase.

Personalized or peripheral forms, which appear in addition to the formulaic ones, are where the Bulgarian and the English norms in the field of wish immensely diverge. First, there are not many examples of English personalized forms in the corpus. Second, they are short, and specifically oriented towards the happy occasion, i.e. the birthday itself. For instance: *Hope you have a great day/have a wonderful day. Hope you have fun celebrating and hope you're spoilt rotten on your special day/Wishing you a very happy birthday/Have a good one/I hope you have a wonderful day celebrating*. The illocutionary force is expressed by means of imperatives in instances such as *have a wonderful day* and *have fun celebrating* and by means of performative verbs such as *hope* and *wish* which signal the act of well-wishing.

Bulgarian respondents presented with these examples and their literal translation in Bulgarian point out that these wishes are too short, they use *щастлив* instead of *честит* which is unusual and awkward and they lack wishes such as health, luck, love, etc. which are anticipated in Bulgarian culture. Personalized forms in the examples written in English by Bulgarians are large in number and length, exhibiting a broad scope of wishes and including long-term aspirations. For instance: *May you be blessed with time, health and a sufficient dose of luck to enjoy life, to travel or settle; to be happy. May your dreams come true one by one/May you be given more birthdays to fulfill all of your dreams/I wish you happy life and everything perfect/May your wishes come true! And when life gives you lemons make a chocolate cake because you're extraordinary/I wish you health, luck and all happiness in the world!!!/I wish you luck, happiness and health for you and your family!!!/Hope you enjoy your day. All the best!/May you enjoy health, joy and success to the fullest!/May the joy that you have spread in the past*

come back to you on this day/I wish you precious moments with your family and happy hours with your children. The illocutionary force is expressed in some cases by means of optative expressions starting with *may* and occasionally by means of the performative verbs *wish* and *hope*. Native speakers of English presented with these examples point out that these wishes are too wordy, too sentimental, too emotional, misspelled, unusual, and that the focus extends beyond that one special day, as well as beyond the person who celebrates, with references to their family.

Distinctions in the formulaic and personalized messages in the field of wish on the event of New Year's Eve between Bulgarian and English are very similar to the ones in the same field on the occasion of birthdays. Instances in English are again short in length, narrow in scope and do not exemplify diverse language variation. Illocutionary force in formulaic expressions, which very often exemplify the wish as a whole, is expressed by means of the noun phrase *Happy New Year*, and in personalized forms it is expressed by means of optative wishes in phrases such as *may it be prosperous and full of joy*, phrases missing performative verbs such as *all the best for the new year/Safe and healthy New Year/a wonderful 2024* and expressions such as *Cheers to another great year*. Examples of the same field rendered by Bulgarians in English are again long and exhibit a higher degree of emotionality and a broad scope of wishes. There is no difference in the form between traditional formulaic expressions in English and formulaic expressions rendered in English by Bulgarians.

However, there are actually two formulaic expressions in Bulgarian, one being *Честита Нова година*, which, when rendered literally in English, is *Congratulations on the New Year*. The case is the same as with *Честит рожден ден* rendered in English which, as mentioned above, is not unusual and can be considered as transition from one speech act (i.e. wish) to another (i.e. congratulation). The case with the other formulaic expression used in Bulgarian is noteworthy for it designates yet another cultural difference. The expression in question is *За много години*, which literally translates as *For many years* but actually functions as the counterpart of *Many happy returns of the day*, which is a formulaic expression in English used on the occasion of birthdays, and not New Year's Eve. Divergence is also present in personalized expressions such as: *I wish you all the best in 2018!/I hope it will be better than 2020/Wish you to fulfill all your wishes and desires, to have the strongest health and widest smiles through the whole year/Wish you all the best/May health be the thing you never worry about! May 2018 be full of joyful moments with family and friends, many breathtaking adventures and love to stay. Thank you for being part of my 2017/May it be a happy and healthy one!* The

illocutionary force is expressed by means of optative phrases, and by means of the performative verb *wish*. English native speaker respondents point out that these wishes are too wordy, too sentimental, misspelled, and highly unusual.

Conclusion

The present paper reveals how Bulgarian speakers of English contribute to the evolving landscape of World Englishes and the global use of the English language by transferring Bulgarian cultural values and emotions in the field of wish into English. The present analysis answers the research questions addressed at the beginning through the communicative-pragmatic field approach and the cultural script approach which employs the NSM.

Some major findings can be outlined from the analysis conducted in the study. First, the transfer of cultural script is present in personalized messages reflecting the rich emotional and social values of the Bulgarian culture. Second, while women tend to be more expressive of emotions in general, there are significant cultural differences in how they express these emotions. It is evident in the appraisals of female respondents who find examples of well-wishing written by other women on occasions such as birthdays and New Year's Eve to be too wordy and overly sentimental. Third, there is a significant difference in emotional expression between the two cultures. In Bulgarian culture, wishes typically follow a three-step pattern: a formulaic expression (step 1), followed by a personalized form of the wish in which stacking of adjectives or nouns is present (step 2) and a wish oriented towards the special occasion such as *весел празник* (step 3), which is optional. In contrast, the cultural script of well-wishing for English native speakers completely omits step two. The pattern of well-wishing in English is a formulaic expression (step 1) followed by a wish oriented towards the special occasion such as *have a great day* (step 2).

The specific methodology elaborated in pursuit of the goals of the present paper can be further used in other contrastive cross-cultural studies, expand the scope of analysis and include other languages and other social media platforms.

REFERENCES

Alemi 2021: Alemi, M. & Moakhar, N. & Rezanejad, A. Realization of English and Persian Congratulation Strategies in a Computer-mediated Social Network. // *MEXTESOL Journal*, Vol.45, № 3, 2021, 1 – 14.

- Austin 1962:** Austin, J. L. *How to do things with words*. Oxford University Press, 1962.
- Can & Hatipoglu 2023:** Can, H. & Hatipoglu, C. Cultural Conceptualization of Congratulatory Happy Events in British English and Turkish: A Cross-Cultural Perspective. // *Journal of Cognition and Culture*. 2023, (3 – 4), 289 – 309.
- Chaplin 2015:** Chaplin, T. Gender and Emotion Expression: A Developmental Contextual Perspective. // *Emotion Review: Journal of the International Society for Research on Emotion*, Vol. 7, № 1, 2015, 14 – 21.
- Dąbrowska 2020:** Dąbrowska, M. Birthday, Culture, and Social Media. // *Armenian Folia Anglistika* 20 (2). 2020, 86 – 122.
- Fong 2000:** Fong, M. 'Luck Talk' in Celebrating the Chinese New Year. // *Journal of Pragmatics*, Vol. 31, № 2, 2000, 219 – 237.
- Goddard & Wierzbicka 2004:** Goddard, C. & Wierzbicka, A. Cultural Scripts: What Are They and What Are They Good For? // *Intercultural Pragmatics*, № 1 – 2, 2004, 153–166.
- Kachru 1985:** Kachru, B. Standards, Codification and Sociolinguistic Realism: The English Language in the Outer Circle. // *English in the World*. 1985, 11 – 30.
- Karamalak 2016:** Karamalak, O. Facebook Birthday Postings from a Language Ecology Perspective in Russian, German, American English, and French. // *Journal of Language and Education*. Vol. 2, № 3, 2016, 71 – 81.
- Kotorova 2014:** Kotorova, E. Describing Cross-cultural Speech Behavior: A Communicative-pragmatic Field Approach. // *Procedia – Social and Behavioral Sciences* № 154, 2014, 184 – 192. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.10.133
- Searle 1979:** Searle, J. R. *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. Cambridge University Press, 1979.
- Wierzbicka 1972:** Wierzbicka, A. *Semantic Primitives*. Frankfurt: Athenäum, 1972.
- Wierzbicka 1985:** Wierzbicka, A. A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres. // *Language and Society*, Vol. 14, 1985, 491 – 513.
- Bratanova 2023:** Братанова, Б. The Linguistic Power of Connotations: The Case of Silence in English and its Bulgarian Counterparts. // Lopičić, V., Ilić, B. M., Mitić, I. and Ignjatović, S. (eds.), *Jezik, književnost, moć (Language, literature, power)*. Tematski zbornik radova. Niš: Издавачки центар Университет у Нишу., 2023, 95 – 118.

**КЪМ ВЪПРОСА ЗА Т. НАР. УСИЛЕНО
ПРЕИЗКАЗНИ/ДУБИТАТИВНИ ФОРМИ
В СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРСКИ ЕЗИК
И ФУНКЦИОНАЛНО-СЕМАНТИЧНИТЕ ИМ
ЕКВИВАЛЕНТИ В ИТАЛИАНСКИЯ ЕЗИК**

*Божидар Бояджиев
Медицински университет, Пловдив*

**ON THE QUESTION OF THE SO-CALLED EMPHATIC
RENARRATIVE/DUBITATIVE FORMS IN THE MODERN
BULGARIAN AND THEIR FUNCTIONAL SEMANTIC
EQUIVALENTS IN ITALIAN**

*Bozhidar Boyadzhiev
Medical University, Plovdiv*

Bozhidar.Boyadzhiev@mu-plovdiv.bg

The object of the present study is the linguistic means by which it is expressed dubitative meaning in the modern Bulgarian language, as well as functional their semantic equivalents in Italian. Our motive for exploring this one problematic, and in a comparative plan, is related to the fact that for semantics and the status of the so-called emphatic renarrative, or dubitative, forms of the type *bil pisal*, *bila chela* that different points of view are shared in the Bulgarian linguistic literature. Our first goal is to briefly present the main opinions of Bulgarian linguists on the research question, then to trace and analyze the functional semantic equivalents of linguistic markers of dubitativity in the Italian language. Last but not least, we aim to pay attention to the cases of symmetry and asymmetry in the translation of the core and peripheral operators from Bulgarian in Italian.

Key words: emphatic renarrative, dubitative forms, evidentiality, Modern Bulgarian, Italian, functional semantic equivalents

Обект на настоящото изследване са езиковите средства, с които се изразява дубитативно значение в съвременния български език, както и функционално-семантичните им еквиваленти в италианския език. Мотивът ни да изследваме тази проблематика, при това в съпоставителен план, е свързан с факта, че за семантиката и статута на т.нар. усилено преизказни, или дубитативни, форми от типа *бил писал*, *била чела* се споделят различни гледни точки в българистичната литература.

Нашата първа цел е да представим накратко основните становища на българските езиковеди по изследвания въпрос, след което да проследим и анализираме функционално-семантичните еквиваленти на българските езикови средства за изразяване на дубитативност в италианския език. Последната, но не по-малко важна цел е да обърнем внимание на случаите на симетрия и асиметрия при превода на ядрените и периферийните оператори от български на италиански език.

Обзор на гледните точки по въпроса за т.нар. усилено преизказни/дубитативни форми от типа *бил писал*, *била чела*

Като разглеждаме проблематиката на настоящото изследване, повече от необходимо е да споменем, че още в началото на XX век Ю. Трифонов прави забележителен пробив по темата за т.нар. усилено преизказни форми. Лингвистът изследва подробно отделните прояви на еловите причастия, като прави важния извод, че „в езика ни се забелязва стремеж по-ясно да отбележим случаите на обезсилване и съмнение. За тая цел той си служи със същото средство, с което си служи и когато иска да изтъкне косвеността на изказването, именно притуря в съединението за невъзприетост причастието *бил*, ако би да го няма. Така вместо *съм -л* се употребява *бил съм -л*, вместо *щял съм да чета* – *щял съм бил да чета* и пр.“ (Трифонов 1905: 192).

Л. Андрейчин доразвива концепцията на Ю. Трифонов за формите от типа *бил писал*, но все пак заключава, че „[с]равнително повече се доближават по служба към наклоненията формите за по-силно преизказване, обаче те не са меродавни в тоя случай, тъй като не могат да се смятат за някаква самостоятелна или основна категория“ (Андрейчин 1944: 300).

Българистът Ю. С. Маслов твърди, че „[н]еутралният“ преизказ се отличава от емфатичния, „недоверчиво-неодобрителния“ не само интонационно, но и морфологически по избора на едни или други форми“ (Маслов 1982: 275), докато в Академичната граматика на БАН въпросът за т.нар. дубитативни форми не се разисква подробно (ГСБКЕ 1983).

И. Куцаров също приема по-особената им семантика (вж. Куцаров 1984, 1985, 1994, 1996, 2007, 2013 и 2017), но застъпва становището, че „дубитативният нюанс при т.нар. усилено преизказни форми се дължи на факта, че те са преизказни форми на субективно-модално наклонение, т. е. при тях се натрупват значенията субективност и преизказност“ (Куцаров 1984: 71, вж. и Куцаров 1994: 181), а „този вид употреба, дори и да обхваща значителна част от случаите, е вторична, употреба в несъщинска функция“ (Куцаров 1996: 13). Солидаризираме се напълно с изследователя и за това, че „преизказните форми от категорията вид на изказването функционират в периферията на функционално-семантичното поле на модалността и в съчетание с друг перифериен модификатор – специфичната интонация – изразяват дубитативно значение. При това определяща роля има интонацията“ (Куцаров 2007: 325 или Куцаров 2013: 38). И. Куцаров допълва, че периферийните лексикални средства за преизказност се използват често, и подчертава, че „когато са употребени с преизказни форми, или хиперхарактеризират преизказното значение, или сигнализират емфатична преизказност, която, съчетана с интонацията, често има дубитативно значение“ (Куцаров 1985: 125).

Г. Герджиков системно изследва въпроса за т.нар. дубитативни форми (вж. Герджиков 1977, 1981, 1982 и 1984) и отбелязва основателно, че „винаги изразяват дистанцираност на говорещия към чуждото съобщение, те показват, че според говорещия чуждата информация е субективна, показват, че според говорещия вероятността чуждата информация да отговаря на реалността е малка или нулева“ (Герджиков 1977: 24). Изследователят твърди, че „категорията „ангажираност на говорещия с изказването на глаголното действие“ се основава върху два признака и съответно върху две опозиции: „непреизказност – преизказност“ и „несубективност – субективност“ (пак там: 24), и стига до извода, че „зад привидно противоречивите факти, зад преплитащите се модални функции на различни глаголни форми всъщност стои стройна, йерархична система“ (пак там: 67). Г. Герджиков разглежда въпроса за т.нар. хиперкатегория и в диахронен план, като твърди, че тя има два стадия. Изследователят обобщава, че „максимално маркираният недоверчив модус се създава във втората половина на втория стадий“ (Герджиков 1981: 135). Езиковедът поддържа становището, че „само формите от типа *четял бил* могат да изразяват експлицитно, без помощта на контекста и интонацията значението „дистанцираност, недоверие спрямо препредаваната информация“ (Герджиков 1984: 13). Направено е заключението, че формите са част от т.нар. хиперкатегория „модус на

изказването“ (**modus dicendi**), като „в съвременния български език съществуват четири модуса на изказване на действието:

а) Удостоверителен (тестимониален) модус, (**modus dicendi, testimonialis**, или накратко **modus testimonialis**).

б) Умозаключителен (конклузивен) модус, (**modus dicendi, conclusivus**, или накратко **modus conclusivus**).

в) Преизказан (ренаративен) модус, (**modus dicendi, renarrativus**, или накратко **modus renarrativus**).

г) Недоверчив (инверитативен) модус, (**modus dicendi, inveritativus**, или накратко **modus inveritativus**)“ (пак там: 85 – 86).

А. Александров обръща внимание на преизказността и твърди, че „тя също трябва да се включи в съгласуването на времената и да наложи някакви ограничения, невалидни за останалите езици“ (Александров 1984: 49). Авторът също поддържа становището, че „втората морфема -л- добавя и субективната оценка на говорещото лице на действието“ (Александров 1987: 495), обаче съвсем ясно илюстрира, че „[п]ри по-красноречив контекст и с помощта на интонацията универсалният презенс може да изрази и субективна оценка за действието, т.е. да замести недоверчивия модус: Много бил знаел по предмета си. – Ами, знае, вятър!“, като „[п]одобни примери могат да бъдат намерени и за останалите времена“ (пак там: 496).

В подкрепа на гледната точка на И. Куцаров К. Чакърва изследва особеностите на конклузива и взаимоотношението му с ренаратива, като достига до основателния извод, че „на практика ядреният модификатор на една грамема (преизказност) от категория (коментативност), **йерархически надредна** спрямо друга категория (наклонение), установява „морфологическа експанзия“ по отношение на формалния показател на грамема (конклузив) от втората категория, изолирайки го от състава на преизказните форми“ (Чакърва 1990: 183).

С. Георгиев не разглежда интересувашата ни проблематика (Георгиев 1991), докато П. Пашов единствено твърди, че преизказните и засилените преизказни форми притежават „голяма сложност“, като същевременно илюстрира и че „простият механизъм, по който се получават“, е виден (Пашов 1999: 187).

Р. Ницолова заема различна позиция – „пълно основание имаме да отнесем към достоверностната модалност изказвания с глаголни форми за силно (емфатично) преизказване, тъй като за разлика от обикновените преизказни форми формите за силно преизказване задължително изразяват преценка на говорещия относно достоверността на

предаването съобщение“ (Ницолова 1984: 167). Изследователката назовава т.нар. хиперкатегория „евиденциалност“, а нейните членове – „евиденциали“ (индикатив, конклузив, ренаратив, дубитатив). Срв.: „Евиденциалността граматикализира когнитивни състояния на говорещия, свързани с получаване на предаваната информация от определен източник и с нейното класифициране“ (Ницолова 2008: 332). Подчертава се, че „в значението на дубитатива се преплитат евиденциални признаци с модални“ (пак там: 370), но все пак достига до извода, че „в българския език евиденциалността е текстова категория, в която централно място заемат евиденциалните форми на глагола“ (пак там: 395).

В днешно време основен привърженик на дубитатива като част от хиперкатегорията евиденциалност е К. Алексова (вж. напр. Алексова 2016, 2019, 2022 и 2023). Изследователката защитава последователно концепцията за самостоятелен статут на формите от типа *бил писал* в своята монография „Дубитативът в съвременния български език“, като илюстрира широкия семантичен диапазон на формите, схематизира парадигмата им и обобщава, „че в континуума от емоционално-експресивни употреби на дубитатива в единия край се позиционира слабото колебание, подозрението, неекспресивното съмнение, а в другия край – възмущението, гневното изобличение, ироничното или саркастичното отхвърляне на достоверността“, като „[о]бедняващото между изброените употреби е видът епистемична оценка на говорещия за достоверността/надеждността на опосредстваната информация“ (пак там: 65). К. Алексова все пак отбелязва в заключение, че „[д]оказаната вариантност в парадигмата на дубитатива в съвременния български език поставя въпроса за степента на граматикализираност на тази категория“, което пък „говори“ за „недовършена докрай граматикализация“ (пак там: 306).

Друг съвременен изследовател, който поддържа гледната точка на К. Алексова, е Е. Търпоманова (вж. Търпоманова 2015).

В. Маровска също обръща внимание на *бил-формите*, като твърди, че „те остават „свободни функционално“ и развиват и допълнителна модално-оценъчна функция на *дубитативност*“ (Маровска 2013: 321).

Канадският лингвист от руски произход И. Мелчук основателно стига до извода, че „достатъчно често цитативът получава значение на дубитатив, тъй като по принцип на слухове хората чак толкова не се доверяват. Така например в българския език цитативът често се употребява за изразяване на недоверност“ (Мелчук 2015: 192), като *цитатив* е синоним на *преизказност*.

С оглед на извършения преглед на становищата по въпроса за т.нар. дубитативни форми се потвърждава и дискусийната им природа

в съвременния български език, като проблемът продължава да генерира силен интерес в езиковедското ни общество.

В следващата част от изложението си ще представим гамата от езикови средства, посредством които се реализира дубитативна семантика в българския език, както и функционално-семантичните им еквиваленти в съвременния италиански език:

Субективномодални преизказни форми

Всички ми се смееха. Не съм бил можел да свържа Черкювското поле със селото (А. Константинов). // *Mi canzonavano tutti. Quando mai, dicevano, avrei potuto collegare (1) la campagna di Cerkjovo col villaggio* (L. Borriero); *Tutti si beffavano di me. Pensavano che non sarei mai riuscito a congiungere (1) la piana di Cerkjuvo col villaggio* (L. Pampuri); *Такива студове не било имало дори по времето на Библията* (Й. Радичков). // *Freddi simili non c'erano stati (2) neanche ai tempi della Bibbia* (D. Manera); *Да не си се борил пак с мечката, със стръвницата? Пак се била явила в Липов дял* (Й. Йовков). // *Non hai mica lottato di nuovo con l'orsa? L'hanno vista (3) di nuovo a Lipov-djal* (L. Salvini); *Hai lottato con un'orsa affamata? Pare si sia rifatta vedere (4) alla Cima del Tiglio* (L. Pampuri); *Подир малко друго му мина през ума и се разсърди: – Щял съм бил да го убивам! Какво ще го убивам* (Й. Йовков). // *Poco dopo altre idee gli passarono per la mente e si arrabbiò: – Ero (5) lì per ammazzarlo. Come non dovrei ammazzarti* (L. Borriero);

Коментар: В първия и втория преводен еквивалент употребените глаголни форми са в **condizionale composto (1)** (сложен/аналитичен минал кондиционал) в комбинации с верба диценди – *dicevano* (= казват) и каузативния глагол *pensavano* (= мислят), в третия – **trappassato prossimo (2)** (минало предварително време), в четвъртия – **passato prossimo (3)** (минало свършено време), а в петия – **congiuntivo presente (4)** (сегашен конюнктив) + каузативния глагол *parere* (= изглежда), а в последния – **imperfetto (5)**.

Може би е нямал идея какво точно яде? Нямал бил... – сви юмруци парковият служител (А. Попов). // *Magari non aveva idea di cosa stesse mangiando. – Sì, non ne aveva (1) idea... – fece il funzionario del parco stringendo i pugni* (R. Adinolfi); *Знаел бил да кове хубаво камъка и ситно брашно правел* (Й. Йовков). // *Chissà, ha saputo (2) aggiustar bene la mola, e macina fino* (L. Salvini); *Sarebbe (3) bravo nell' martellare bene la mola e ad ottenere una farina fina* (L. Pampuri); *Бил съм се влюбвал. Кой не се е влюбвал... Филодем, I в. пр. Хр.* (Г. Господинов). // *Mi*

sarei innamorato (4) Chi non è mai stato innamorato... FILODEMO, I sec. a.C. (D. Di Sora, I. Stoilova); Хайдуци! Всички са хайдуци! – избухна Манолаки. – Щели били да орат нивата, коя нива ще орат (Й. Йовков). // Briganti! Sono tutti briganti! – esplose Manolaki. – Tutti ad arare (5) i campi. Quale campo vogliono (L. Borriero);

Коментар: В първия превод е използвана индикативна форма – **imperfetto (1)**, но наличието на утвърдителната частица *si* (= *да*) по-скоро маркира ирония в изказването. Във втория – **passato prossimo (2)** (минало свършено време) в комбинация с предположителната лексема *chissà* (= *може би*), в третия и четвъртия е налице субективномодалната грамема условно наклонение – **condizionale presente (3)** (прост/синтетичен сегашен кондиционал) и **condizionale composto (4)** (сложен/аналитичен минал кондиционал), но в тези случаи тя не е „подкрепена“ с периферийни модификатори, които да подсилят дубитативната семантика. Тук по-скоро съществена роля би имала интонацията. В последния пример пък любопитното е, че преводът на ядрената субективномодална преизказна форма е осъществен чрез **infinito (5)** (инфинитив) на глагола *arare* и частицата *ad* (= *да ора*). И тази специфична глаголна форма се използва най-вече в главни „въпросителни или възклицателни изречения, за да изрази съмнение (*che fare?*)“ (Трифоне, Палермо 2005: 207, подч. е мое – Б. Б.).

Уж + изявителни преизказни форми

Уж се попременил, постегнал, но все пак изглежда смешен с вехтите си чишири (Е. Пелин). // Vero è che si era cambiato (2) l'abito e che s'era un po' ripulito, ma pure era ridicolo con quelle sue brache (L. Rampuri); Si è messo (1) gli abiti migliori, eppure è ridicolo nei suoi vecchi panni (B. Del Re); Ето на и с него – уж не искал, а детето мъртво (Г. Караславов). // Ecco quello che era capitato a lui, senza volerlo, aveva ammazzato un bambino (L. Salvini); Да не пишем Бокл, а да сме пишели Бокъл, защото това било уж по-свойствено на българския език, като че ли свойството на нашия език е да се приближава непременно към афганистанския (А. Константинов). // Non Bokl, ma Bokal poichè così pare più appropriato alla lingua bulgara come se la proprietà della nostra lingua fosse quella di accostarsi all'afgano (L. Borriero).

Коментар: Любопитното е, че в първия преводен еквивалент е използвана утвърдителна, а не дубитативна конструкция – *vero è* (= *вярно е*), навярно с иронична отсянка. Във втория и третия пък липсват маркери за дубитативност – това ни кара да заключим, че преводачите

не са установили дубитативна семантика. В четвъртия пример е използван само каузативен глагол – *parere* (= *изглежда*). Глаголните форми са в **passato prossimo (1)** (минало свършено време) и **trappassato prossimo (2)** (минало предварително време).

*Сетне животът уж се **закрепил**, казал си, че няма да мисли за затвора, за ченгетата, които продължили да го следят* (Г. Господинов). // *In seguito la vita **si era in apparenza regolarizzata (1)**, si disse che avrebbe smesso di pensare alla prigione, agli agenti che continuavano a pedinarlo* (G. Dell'Agata); *Старите забраниха на децата да се качват по покривите, уж че **можело** някое дете да падне и да се **пребие*** (Й. Радичков). // *I vecchi vietarono ai bambini di salire sui tetti con la scusa che qualcuno di loro **poteva cadere e farsi (2) male*** (D. Manera).

Коментар: В тези примери преводачите са използвали синтактични модификатори, за да придадат дубитативна семантика: *in apparenza* (= *на външен вид, привидно*) и *con la scusa* (= *с извинението*), а глаголните форми са в **trappassato prossimo (1)** (минало предварително време) и **imperfetto (2)**.

Уж + субективномодални преизказни форми

*В последно време излезе една нова мода, чуждите думи и имена да сме ги пишели тъй, както **се били уж изговаряли*** (А. Константинов). // *Ultimamente è invalsa una nuova moda che le parole e i nomi stranieri si debbano scrivere nello stesso modo come li **pronunciamo (1)*** (L. Borriero); *Бе двама сърби излязоха насреща ни там, при пирамидата. Искат да ни земат пушките. „Бацай пушку“ – каже... Уж сме били ходили навътре у тях* (Й. Йовков). // *Beh, due serbi ci sono usciti incontro, vicino al cippo di frontiera, volevano prenderci i fucili. “Consegna il fucile”, dice. Come se fossimo andati (2) dentro, da loro* (L. Salvini).

Коментар: Натрупването на дубитативна частица и субективномодална преизказна форма в оригиналния български текст кара преводачите да използват конюнктив – глаголът *pronunciare* (= *изговарям*) е в **congiuntivo presente (1)** (сегашен конюнктив). Във втория вариант е употребено наречието *come se* (= *сякаш*), а глаголът *andare* (= *ходя*) е в **congiuntivo imperfetto (2)** (имперфектен конюнктив).

Уж + НЕпреизказни форми

Уж търсят комити, пък то – колят невинните хора (И. Вазов). // *Fanno finta di cercare i comiti e invece massacrano gli innocenti* (O. Miletic-Balabanova); *Dicono di cercare i comiti e intanto sgozzano gli*

innocenti (L. Borriero); *Те бяха християни. Уж вардеха първенците, а всъщност някои от тези първенци им бяха бащи и братя* (А. Дончев). // *Costoro erano cristiani. Avrebbero dovuto fare la guardia ai notabili, ma in realtà alcuni di questi notabili erano loro padri e fratelli* (C. Saccà); *С удоволствие четях Шюти, който уж изследваше света на непосредствения социален опит (sociale Umwelt)* (Г. Господинов). // *Leggevo con piacere Schutz che pareva studiare il mondo dell'esperienza sociale immediata (sociale Umwelt)* (D. Di Sora, I. Stoilova); *После уж нещо с Милко се сдружи, но оня си беше ханльо* (Б. Райнов). // *Sembrava poi che avesse fatto (1) una specie di amicizia con Milko, ma lui era un uomo un po' insipido* (D. Lilov).

Коментар: Семантиката на дубитативната частица *уж* е предадена на италиански във всички преводни варианти чрез разнообразни езикови средства: *fanno finta* (= *преструват се*), верба диценди *dicono* (= *казват*), кондиционалната предположителна форма *avrebbero dovuto fare* (= *би трябвало да*), както и каузативните глаголи *parere* и *sembrare* (= *изглежда*) в имперфект. В последния преводен еквивалент е използван и **congiuntivo passato (1)** (минал конюнктив).

Май + изявителни преизказни форми

Май че бил от румънското посолство (А. Попов). // *Probabilmente era (1) dell'imbasciata rumena* (R. Adinolfi); *Ти май си надебеляла – нежно рече той* (Е. Пелин). // *Sembra che tu sia ingrassata (2) — disse con tenerezza* (I. Barba); *Ти май пак си цъфнал...* – забелязва безучастно Милко (Б. Райнов). // *Mi sembra che tu sia (3) già bell'a posto... dice con tono indifferente Milko* (D. Lilov); *Ти, Паскале, май не си видял добре* (Й. Йовков). // *Che tu non abbia visto (2) bene, a volte, Paskal?* (L. Borriero); *A-a, май и ти си пийнал, приятелю* (Е. Пелин). // *Ehi, non è che hai bevuto un goccio pure tu prima di partire?* (V. Nikolova); *Ah, ah! Forse anche tu sei un po' brillo, amico* (I. Barba); *Aah, ma anche tu, pare, te la inumidisci la gola, eh amico* (L. Pampuri); *Ehi, per caso non ti sei fatto anche tu una bevutina, amico?* (L. Borriero);

Коментар: Италианските преводачи са изразили значението на частицата *май* благодарение на широка гама от езикови маркери: наречието *probabilmente* (= *вероятно*) + *essere* (= *съм*) в **imperfetto (1)**, каузативния глагол *sembrare* (= *изглежда, струва*) + **congiuntivo passato (2)** (минал конюнктив) на глагола *ingrassare* (= *надебелявам*), *sembrare* и **congiuntivo presente (3)** (сегашен конюнктив) на *sia* (= *съм*), **congiuntivo passato (2)** + въпросителен знак, дубитативна интонация

non e che? (= не си, нали?), наречието *forse* (= може би), глагола *parere* (= изглежда) и синтактичната конструкция *per caso* (= случайно) + интонация – *non ti sei fatto?* (= не си..., нали?).

Май + НЕпреизказни форми

Това май не е футболен мач – произнася Младенов с тон на познавач (Б. Райнов). // “*Non mi sembra che questa sia (1) una partita di calcio*”, osserva Mladenov con tono da intenditore (D. Lilov); Българин? Че българи май не страдат от кара сева (И. Вазов). // *Bulgaro? Mi pare che i bulgari non soffrano (1) di amore disperato* (O. Miletic-Balabanova); *Bulgaro? Ma i bulgari quasi non soffrono (2) di “carasevda”*... (L. Borriero); Такава голяма църква май няма друга в цялата Радомурска околия (Д. Енев). // *Un'altra Chiesa così grande probabilmente non esiste (2) in tutta l'area di Radomir* (G. Spadoni); По това време май имаше такива братя мотористи. (Г. Господинов) // *Se non ricordo male a quei tempi c'erano (3) due fratelli motociclisti* (D. Di Sora, I. Stoilova); И не дай боже да закъснее — и от тези грижи май че време за друго не ѝ остава (Й. Радичков). // *E Dio guardi che non ritardi, e con tutte queste cure forse non le resta (2) tempo per nient'altro* (D. Manera).

Коментар: използвани са лексикални и синтактични средства за изразяване на съмнение – *non sembra* (= не се струва), *mi pare* (= струва ми се), *probabilmente* (= вероятно), *se non ricordo male* (= ако не помня зле, ако не греша), както и *forse* (= може би/май). Глаголните форми са в **congiuntivo presente (1)** (сегашен конюнктив), **presente (2)** (сегашно време) и **imperfetto (3)**.

В хода на своето изложение успяхме да стигнем до следните изводи:

1. Съвременният български език може да изразява дубитативна семантика на различни равнища – чрез специфична интонация, лексикални, синтактични и морфологични (в несобствена функция) маркери (вкл. в тясно „сътрудничество“ помежду им), като всички те са изключително зависими и от контекстуалната рамка.

2. С оглед на теоретичната база, върху която стъпихме, както и на изследвания корпус от ексцерпирани примери основателно можем да заключим, че „[п]реизказността категорично не може да бъде грамема от многочленна категория evidential“ (Куцаров 2017: 48), респ. и субективномодалната преизказност. С други думи – приемаме основателно

становището, че т.нар. усилено преизказни/дубитативни форми са също толкова преизказни, колкото и неутрално преизказните, като и едните, и другите не могат да бъдат част от т.нар. хиперкатегория „евиденциалност“.

3. В италианския език оперират аналогични периферийни езикови средства, чрез които се реализира отсянка на съмнение, недоверие и ирония, но междуезиковата симетрия тук не е пълна – за разлика от тази при преизказните периферийни модификатори (вж. Бояджиев 2024: 201). Важно е да допълним, че лексикалните маркери се използват също и за изразяване на ренаративно и конклузивно значение. Дубитативна семантика обаче нерядко може да се изрази и с помощта на граматични (морфологични) средства, които в такива случаи са употребени също в несъщинска функция – индикатив, инфинитив, синтетичен или аналитичен кондиционал, както и конюнктивните глаголни форми (сегашни и минали).

4. В преобладаващата част от ексцерпираните примери преводите на ядрени субективномодални преизказни форми са осъществени с помощта на глаголни форми на индикатива, което ясно показва, че носителите на италианския език не усещат дубитативна семантика, а също така не е присъщо да се маркира източникът на предаваната информация. В случаите, в които са използвани субективномодални наклонения – условно и подчинително, се наблюдава и употреба на периферийни езикови модификатори, които „активират“ нуждата от маркирана модална грамема. Това важи особено за конюнктива, тъй като „[у]потребата му се измества повече към подчинените изречения“, а в италианския „вече е със стеснена функционална сфера на употреба за сметка на новото модално граматично значение „кондиционал“, което е поело част от неговите предишни функции – да означава действие, което не е в обективната действителност, а в мисълта на комуникатора, но реализацията на което зависи от известно условие“ (Данчева 2002: 19, вж. също и Петканов 1982, Кирякова 2004, Трифоне, Дардано 1995 и Трифоне, Палермо 2005). Конюнктивът бива заменян нерядко и от индикатива – „изявителното измества подчинителното наклонение, по-специално в подчинените подложни и допълнителни изречения, въведени от глаголи, изразяващи мнение (*pensare, credere* и т.н.)“ (Трифоне, Палермо 2005: 204).

5. Българските изречения, съдържащи периферийни дубитативни маркери и субективномодални или изявителни преизказни форми, са преведени на италиански посредством периферийни езикови средства, които в голямата си част всъщност не са дубитативни, а конклузивни.

Що се отнася до примерите, в които нюансът на съмнение се носи единствено от перифериен модификатор, италианските преводачи също са изразили значението по разнообразни начини.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрейчин 1944:** Андрейчин, Л. *Основна българска граматика*. [Andreychin, L. Osnovna balgarska gramatika.] София: Хемусъ, 1944.
- Александров 1984:** Александров, А. Влияние на преизказността при съгласуването на българските глаголни времена. [Aleksandrov, A. Vliyanie na preizkaznostta pri saglasuvaneto na balgarskite glagolni vremena.] // *Лингвистика, поетика, литературна история*, София, 1984.
- Александров 1987:** Александров, А. Универсален модус на изказване в българската темпорална система. [Aleksandrov, A. Universalen modus na izkazvane v balgarskata temporalna sistema.] // *Доклади от втория международен конгрес по българистика*. София: БАН, 1986, 491 – 498.
- Алексова 2016:** Алексова, К. Дубитативът в съвременния български език, лексикалните модификатори за достоверност и маркерите за емотивност. [Aleksova, K. Dubitativat v savremenniya balgarski ezik, leksikalnite modifikatori za dostovernost i markerite za emotivnost.] // *Отговорността пред езика. Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Добрина Даскалова*, бр. 4, Шумен: УИ „Епископ Константин Преславски“, 2016, 23 – 41.
- Алексова 2019:** Алексова, К. Дубитативът в съвременния български език в типологически аспект. [Aleksova, K. Dubitativat v savremenniya balgarski ezik v tipologicheski aspekt.] // *Рада и приятели. Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Радка Влахова*, София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2019, 119 – 136.
- Алексова 2022:** Алексова, К. Някои типологически индекси на дубитативните предикати в съвременния български език. [Aleksova, K. Nyakoi tipologicheski indeksi na dubitativnite predikati v savremenniya balgarski ezik.] // *Български език*, год. 69. София: Емас, 2022, 67 – 95.
- Алексова 2023:** Алексова, К. *Дубитативът в съвременния български език*. [Aleksova, K. Dubitativat v savremenniya balgarski ezik.] София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2023.

- Бояджиев 2024:** Бояджиев, Б. Езикови средства за изразяване на вторично изказване в съвременния български и италиански език [Boyadzhiev, B. Ezikovi sredstva za izrazyavane na vtorichno izkazvane v savremenniya balgarski i italianski ezik.] // *Verba iuvenium* (Словото на младите). Годишник на Националната научна конференция за студенти и докторанти. Пловдив, 2023. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, бр. 6, 2024, 190 – 207.
- Георгиев 1991:** Георгиев, С. *Българска морфология*. [Georgiev, S. Balgarska morfologiya.] Велико Търново: Абагар, 1991.
- Герджиков 1977:** Герджиков, Г. Една специфична глаголна категория в съвременния български книжовен език (категорията „ангажираност на говорещия с изказването за действието“). [Gerdzhikov, G. Edna spetsifichna glagolna kategoriya v savremenniya balgarski knizhoven ezik (kategoriyata „angazhiranost na govoreshtiya s izkazvaneto za deystviето“).] // *Годишник на Софийския университет, Факултет по славянски филологии, Българско езикознание*, Т. 2, 1977, 9 – 68.
- Герджиков 1981:** Герджиков, Г. Хронология на преизказването на глаголно действие в българския език. [Gerdzhikov, G. Hronologiya na preizkazvaneto na glagolno deystvie v balgarskiya ezik.] // *Доклади от първия международен конгрес по българистика*. София: БАН, 1983, 127 – 136.
- Герджиков 1982:** Герджиков, Г. Тъй нареченото преизказване и въпросът за модалните категории, които глаголът може да притежава. [Gerdzhikov, G. Tay narechenoto preizkazvane i vaprosat za modalnite kategorii, koito glagolat mozhe da pritezha.] // *Съпоставително езикознание*, 1982, Г. VII, кн. 4, 21 – 38.
- Герджиков 1984:** Герджиков, Г. *Преизказването на глаголното действие в българския език*. [Gerdzhikov, G. Preizkazvaneto na glagolното deystvie v balgarskiya ezik.] София: Наука и изкуство, 1984.
- ГСБКЕ 1983:** *Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология*. Стоянов, С., и кол. [Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik. Т. 2. Morfologiya. Stoyanov, S., i kol.] София: Издателство на БАН, 1983.
- Данчева 2002:** Данчева, М. Наклонението като граматична категория в древните и в някои съвременни индоевропейски езици. [Dancheva, M. Naklonenieto като gramatichna kategoriya v drevnite i

- v nyakoi savremenni indoevropski ezitsi.] // *Съпоставително езикознание*, 2002, г. XLVIII, кн. 1, 5 – 31.
- Кирякова 2004:** Кирякова, И. *Италианска граматика с упражнения*. [Kiryakova, I. Italianska gramatika s uprazhneniya.] София: Наука и изкуство, 2004.
- Куцаров 1984:** Куцаров, И. *Преизказването в българския език*. [Kutsarov, I. Preizkazvaneto v balgarskiya ezik.] София: Народна просвета, 1984.
- Куцаров 1985:** Куцаров, И. *Очерк по функционално-семантична граматика на българския език*. [Kutsarov, I. Ocherk po funktsionalno-semanticzna gramatika na balgarskiya ezik.] Пловдив: Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, 1985.
- Куцаров 1994:** Куцаров, И. *Едно екзотично наклонение на българския глагол*. [Kutsarov, I. Edno ekzotichno naklonenie na balgarskiya glagol.] София: УИ „Св. Климент Охридски“, 1994.
- Куцаров 1996:** Куцаров, И. За тъй наречените форми за „по-силно преизказване“ в съвременния български език. [Kutsarov, I. Za tay narechenite formi za „po-silno preizkazvane v savremenniya balgarski ezik“.] // *Научни трудове на Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“*, Т. 34, кн. 1 – Филология, 1996, 11 – 16.
- Куцаров 2007:** Куцаров, И. *Теоретична граматика на българския език. Морфология*. [Kutsarov, I. Teoretichna gramatika na balgarskiya ezik. Morfologiya.] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2007.
- Куцаров 2013:** Куцаров, И. Преизказването [Kutsarov, I. Preizkazvaneto.] // *Съпоставително езикознание*, Г. XXXVIII, кн. 2 – 3, София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2013, 17 – 49.
- Куцаров 2017:** Куцаров, И. Evidential не е преизказност [Kutsarov, I. Evidential ne e preizkaznost.] // *Доклади от Юбилейната научна сесия „Съвременни тенденции в езиковедските изследвания“*, посветена на 85 години от рождението на проф. д. ф. н. Йордан Пенчев, Пловдив. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2017, 41 – 53.
- Маслов 1982:** Маслов, Ю. *Грамматика на българския език*. [Maslov, Yu. Gramatika na balgarskiya ezik.] София: Наука и изкуство, 1982.
- Маровска 2013:** Маровска, В. *Референция и рефериране в света на езика*. [Marovska, V. Referentsiya i referirane v sveta na ezika.] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2013.
- Мелчук 2015:** Мелчук, И. *Курс по обща морфология. Том II*, преведено от Блажо Блажев. [Melchuk, I. Kurs po obshta morfologiya. Tom II,

- prevedeno ot Blazho Blazhev.] София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2015.
- Ницолова 1984:** Ницолова, Р. *Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език*. [Nitsolova, R. Pragmatichen aspekt na izrechenieto v balgarskiya knizhoven ezik.] София: Народна просвета, 1984.
- Ницолова 2008:** Ницолова, Р. *Българска граматика. Морфология*. [Nitsolova, R. Balgarska gramatika. Morfologiya.] София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2008.
- Пашов 1999:** Пашов, П. *Българска граматика*. [Pashov, P. Balgarska gramatika.] Пловдив: Хермес, 1999.
- Петканов 1982:** Петканов, И. *Италианска граматика*. [Petkanov, I. Italianska gramatika.] София: Наука и изкуство, 1982.
- Трифоне, Палермо 2005:** Трифоне, П., Палермо, М. *Италианска граматика*, преведено от Иван Тонкин и Дария Карапеткова. [Trifone, P., Palermo, M. Italianska gramatika, prevedeno ot Ivan Tonkin i Dariya Karapetkova.] София: Емас, 2005.
- Trifone, Dardano 1995:** Trifone, P./Dardano, M. *Grammatica italiana – con nozioni di linguistica*. Bologna: Zanichelli, 1995.
- Трифонов 1905:** Трифонов, Ю. Синтактични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола съм в новобългарския език. [Trifonov, Yu. Sintaktichni belezhki za saedinenieto na minalo deystvitelno prichastie s glagola sam v novobalgarskiya ezik.] // *Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София*, Год. 17, кн. 66, св. 3/4. София: Държавна печатница, 1905, 155 – 192.
- Търпоманова 2015:** Търпоманова, Е. Дубитатив в балканските езици. [Tarpomanova, E. Dubitativ v balkanskite ezitsi.] // *Научни трудове на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“*, Т. 53, кн. 1, сб. А – Филология. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2015, 198 – 209.
- Чакърова 1990:** Чакърова, К. Към морфологичната характеристика на умозаключителните форми. [Chakarova, K. Kam morfologichnata harakteristika na umozaklyuchitelnite formi.] // *Научни трудове на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“*, Т. 28, кн. 1 – Филологии. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 1990, 183 – 188.

ЕКСЦЕРПИРАНИ ИЗТОЧНИЦИ

- А. Дончев.** *Време разделно*. София: Български писател, 1961. // А. Doncev. *Manol e i suoi cento fratelli*, traduzione di Cicita Saccà. Milano: Longanesi, 1964.
- А. Каралийчев.** *От ралото до хляба*. София: БЗНС, 1980.
- А. Константинов.** *Бай Ганьо*. София: Български писател, 1895. // А. Konstantinov. *Baj Ganjo, racconti inverosimili di un bulgaro contemporaneo*, traduzione di Lavinia Borriero. Roma: Bulzoni, 1978.
- А. Попов.** *Мусия Лондон*. София: Звездан, 2001. // А. Popov. *Missione Londra*, traduzione di Roberto Adinolfi. Roma: Voland, 2008.
- Б. Райнов.** *Господин Никой*. София: Народна младеж, 1967. // В. Rajnov. *Il signor nessuno*, traduzione di Dimitar Lilov. Milano: Longanesi, 1970.
- G. Dell'Agata.** *Antologia del racconto bulgaro*: a cura di Giuseppe Dell'Agata; traduzioni di Leonardo Pampuri...[et al.]. Padova: Associazione Bulgaria – Italia, 2006.
- Г. Господинов.** *Времеубежище*. Пловдив: Жанет 45, 2020. // G. Gospodinov. *Cronorifugio*, traduzione di Giuseppe Del Agata. Roma: Voland, 2021.
- Г. Господинов.** *Естествен роман*. Пловдив: Жанет 45, 2013. // G. Gospodinov. *Romanzo naturale*, traduzione di Daniela Di Sora e Irina Stoilova. Roma: Voland, 2007.
- Г. Господинов.** *Физика на тъгата*. Пловдив: Жанет 45, 2011. // G. Gospodinov. *Fisica della malinconia*, traduzione di Giuseppe Del Agata. Roma: Voland, 2013.
- Г. Караславов.** *Снаха*. София: Български писател, 1964. // G. Karaslavov. *La nuora di Jurtalan*, traduzione di Luigi Salvini. Roma: Carruci, 1959.
- Д. Енев.** *Господи, помилуй*. Пловдив: Жанет 45, 2004. // D. Enev. *Circo Bulgaria*, traduzione di Giorgia Spadoni. Udine: Bottega Errante, 2023.
- Е. Пелин.** *Събрани съчинения в десет тома. Том 1 – 10*. София: Български писател, 1958 – 1959. // Е. Pelin. *Racconti*, traduzione di Ivana Barba. Roma: Bulzoni, 1985; Е. Pelin: *La felicità di poveri diavoli*, traduzione di Leonardo Pampuri. Vicenza: Paoline, 1966.
- Е. Pelin.** *Andrescko*, traduzione di Vesselina Nikolova. // <https://www.bulgaria-italia.com/bg/info/letteratura/elin_pelin/andrescko.asp> (посетено на 30.08.2024)
- И. Вазов.** *Под игото*. София: Т. Ф. Чипевъ, 1920. // I. Vazov. *Il giogo*, traduzione di Olga Miletic–Balabanova. Roma: De Carlo, 1946; I.

Vazov: *Sotto il giogo*, traduzione di Lavinia Borriero. Roma: Riuniti, 1960.

И. Вазов. *Събрани съчинения. Том 9.* София: Български писател, 1976.

// I. Vazov. *Cuore bulgaro—novelle scelte*, traduzione di Enrico Damiani. Roma: Anonima Romana Editoriale, 1925.

Й. Йовков. *Събрани съчинения в шест тома. Том 1 – 6.* София: Български писател, 1982 – 1983 // J. Jovkov. *Scibil, Antologia*, traduzione di Luigi Salvini. Napoli: R. Istituto Superiore Orientale, 1937; J. Jovkov. *Balkan, racconti*, traduzione di Luigi Salvini. Roma: Carruci, 1961; J. Jovkov. *Il podere alla frontiera*, traduzione di Lavinia Borriero. Roma: Carruci, 1961.

Й. Радичков. *Свърено настроение.* София: Български писател, 1965. // J. Radickov. *L'uovo di gennaio*, traduzione di Danilo Manera. Genova: Marietti, 1990.

L. Borriero. *Racconti bulgari*, a cura di Lavinia Borriero, traduzione di Lavinia Borriero. Roma: Vincenzo Lo Faro, 1982.

**Пловдивски университет
„Паисий Хилендарски“**

**НАУЧНИ ТРУДОВЕ
том 62, кн. 1, сб. Б, 2024**

Филология

Коректор: Гергана Иванова

Предпечатна подготовка: Гергана Георгиева

Печат и подвързия: Пловдивско университетско издателство

Пловдив, 2025

ISSN 0861-0029